СОБОРНЫЕ ЧИНОВНИКИ́

и

ОСОБЕННОСТИ СЛУЖБЫ ПО НИМЪ.

А. Голубцова,

Экстраординарнаго профессора Московской Духовной Академіи.

Первая половина изслѣдованія.

ИЗДАНІЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
Типографія Штаба Московскаго военнаго Округа.
Остоженка, Всеволожскій пер., д. военнаго вѣдомства.
1907.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Богослужебныя книги, какъ извѣстно, не были нашимъ *національнымъ* произведеніемъ; онѣ суть памятники *переводные*. Текстъ ихъ стоитъ въ полнѣйшей зависимости отъ греческаго оригинала, съ которымъ не разъ былъ сличаемъ и по которому неоднократно онъ былъ исправляемъ. Переведенныя съ греческихъ съ *буквальною* точностію, наши церковныя книги и по составу своему весьма часто являются совершенно сходными съ ними и, такимъ образомъ, всецѣло повторяютъ ихъ. Но древне-русская жизнь вообще и церковно-религіозная въ частности, представляя множество аналогій въ себѣ съ жизнію міра греческаго или византійскаго, не была и по существу не могла быть ея дословнымъ повтореніемъ. Безспорно, что наши предки во многомъ подражали Грекамъ и прилагали не мало усилій къ рабскому копированію чужой дѣйствительности. Связанныя съ Византіей разнообразными отношеніями и главнымъ образомъ единствомъ вѣры, князья наши, какъ увидитъ читатель, *ставили* свои *каменныя сборныя* церкви св. Софіи и пресв. Богородицы, скажемъ словами извѣстнаго свящ. Сильвестра, *по Цареградскому обычаю, по мастеровъ посылали по греческихъ*, росписывали и вообще украшали ихъ *по греческимъ переводамъ*. Первые іерархи наши, нерѣдко родомъ Греки, посвящавшіеся въ Великой Константинопольской церкви, приходили, понятно, на Русь съ своими порядками, съ своимъ Церковнымъ Уставомъ. Разумѣется, тѣ и другіе въ подражательной дѣятельности своей неизбѣжно должны были считаться съ различными и трудно одолимыми порой препятствіями, начиная съ физическихъ условій нашей страны и кончая духовнымъ складомъ русскаго народа. *Каменныя* церковныя сооруженія, требовавшія отъ строителей техническихъ познаній, оказывались *необычными* для страны, изобиловавшей лѣсомъ. Не случайностію, конечно, была у насъ замѣна страдавшихъ отъ холода и сырости фресокъ иконнымъ письмомъ. Восточная манера праздничнаго убранства храмовъ *и улицъ* цвѣтами, растеніями и дорогими тканями, удобныя для Грековъ времена службъ и привычные для нихъ способы созыва къ богослуженію не отвѣ-

чали вполнѣ мѣстнымъ условіямъ и порой оказывались у насъ мало приложимыми. Въ области богослуженія не могло быть и не было непреодолимыхъ преградъ; но и въ ней не все сполна приходилось пересаживать, но кое что, такъ сказать, прививать и видоизмѣнять, а иное и совсѣмъ вновь заводить. Въ жизни русскаго народа и даже отдѣльныхъ его членовъ, а тѣмъ болѣе представителей, время отъ времени, происходили событія, нуждавшіяся въ церковномъ, такъ сказать, освященіи. Въ одномъ городѣ нужно было отмѣтить установленіемъ празднества или учрежденіемъ такого или иного чина, напримѣръ, крестнаго хожденія знаменіе милости Господней или праведнаго гнѣва Его; въ другомъ мѣстѣ надлежало почтить болѣе или менѣе торжественною службой *новоявленнаго* угодника Божія и т. п. Полученный нами изъ Греціи вмѣстѣ съ вѣрою богослужебный обрядъ, оставаясь всегда вѣрнымъ своей первоосновѣ, долженъ былъ такъ или иначе перерабатываться и измѣняться, какъ и все, что живетъ историческою жизнію, принимать въ себя новыя формы и осложненія, оставлять подробности, не отвѣчавшія мѣстнымъ и новымъ церковно-религіознымъ потребностямъ. Занимающіеся изученіемъ первоначальной исторіи нашего богослуженія хорошо знаютъ, какъ слаба была въ первыя столѣтія христіанской жизни нашихъ предковъ эта творческая работа русскаго духа въ области послѣдняго, какими незначительными измѣненіями и дополненіями сопровождалась она на страницахъ богослужебныхъ книгъ, насколько ничтожна была, напримѣръ, въ нихъ замѣна греческихъ техническихъ словъ подходящими славянскими, какъ медленно проникали сюда памяти отечественныхъ святыхъ и мѣстно-русскій элементъ вообще, Вниманіе нашихъ оффиціальныхъ и частныхъ дѣятелей того времени устремлено было на возможно-полное усвоеніе Русью византійской обрядности и проведеніе въ нашу церковно-богослужебную практику цѣликомъ греческихъ чиновъ и Устава. О переработкѣ и примѣненіи послѣднихъ къ условіямъ народнаго быта, повидимому, тогда мало заботились. Къ тому же и историческія обстоятельства порабощеннаго татарами и внутренно обезсиленнаго междуусобицами князей народа не благопріятствовали упомянутой созидательной литургической дѣятельности. Послѣдняя становится наиболѣе замѣтною уже послѣ того, какъ освободившаяся отъ монгольскаго ига, княжескихъ раздоровъ и долговременной зависимости отъ Византіи Русь начала объединяться подлѣ Московскихъ князя и первосвятителя, озираться во всѣхъ сторонахъ своей жизни, подводить въ нихъ итоги вѣками нажитому и усиленно преобразовывать то, что само собой напрашивалось на обновленіе. Къ этому

самому времени приведенія въ наличность и порядокъ пережитаго народомъ относятся, какъ извѣстно, усиленныя хлопоты русскаго митрополита съ царемъ о пересмотрѣ и исправленіи „*многоразличныхъ чиновъ церковныхъ*“ и восходятъ своимъ началомъ *Соборные Чиновники*, насъ занимающіе.

Будучи произведеніями *самобытно-русскими*, составленными отчасти по иниціативѣ частныхъ лицъ, отчасти „повелѣніемъ и благословеніемъ“ нашихъ владыкъ, руками въ большинствѣ случаевъ неизвѣстныхъ по именамъ тружениковъ, Чиновники соборные составляютъ столько же любопытное въ области старо-русской письменности явленіе, сколько и весьма важные памятники литургико-археологическіе. Источникомъ для авторовъ ихъ служилъ не какой-либо уже *совсѣмъ готовый письменный* оригиналъ, а по большей части мѣстная церковно-богослужебная практика. „Извѣстно, что наши книжники“, писалъ по этому поводу покойный проф. Н. Ѳ. Красносельцевъ, „весьма мало проявляли себя въ самостоятельномъ творчествѣ даже тамъ, гдѣ это нужно. При составленіи, напримѣръ, службъ въ честь новыхъ святыхъ они часто заимствовали изъ старыхъ слишкомъ много и буквально; иногда переписывали ихъ даже почти цѣликомъ, перемѣняя только имена“. Тѣмъ примѣчательнѣе обнаруженіе оригинальности въ такой области, гдѣ всего менѣе можно было ожидать встрѣтить ее. Содержащіяся въ Чиновникахъ описанія, нерѣдко очень сходныя между собой по содержанію, разнятся по изложенію и языку. Языкъ Чиновниковъ и вообще весьма значительно отличается отъ обыкновеннаго языка богослужебныхъ книгъ. Литургическіе термины, разумѣется, и здѣсь имѣютъ мѣсто, но строй рѣчи совершенно русскій, особенно въ изложеніи мѣстныхъ празднествъ и событій. Тѣ и другія описаны безъ риторики, слогомъ простымъ и непринужденнымъ. Изрѣдка въ этихъ описаніяхъ довольно замѣтно пробивается живая струя народной рѣчи, давая себя знать въ употребленіи безыскусственныхъ оборотовъ и мѣстно-областныхъ словъ. Заслуживая съ этой внѣшне-литературной своей стороны серьезнаго вниманія лицъ, интересующихся оригинальными произведеніями нашей старой письменности, Соборные Чиновники прежде и больше всего суть документы историко-литургико-археологическіе, въ которыхъ изложена по преимуществу богослужебная практика нашихъ соборовъ за XVI—XVII вѣка и отчасти заключено то, чѣмъ жили наши предки въ предыдущія столѣтія въ церковно-религіозномъ отношеніи. По обилію, разнообразію и цѣнности вообще содержащихся въ нашихъ памятникахъ свѣдѣній въ глазахъ изслѣдователя судебъ христіанскаго богослуженія и вообще обрядности

на русской почвѣ могутъ идти въ сравненіе развѣ лишь во множествѣ дошедшіе до насъ *Обиходники* древне-русскихъ монастырей. Покойный профессоръ нашъ И. Д. Мансветовъ, объясняя въ предисловіи къ извѣстному своему труду: *Церковный уставъ*, почему онъ „изъ области старо-русскихъ уставовъ оставилъ нетронутыми мѣстно-русскіе церковные чины, *представителями которыхъ служатъ* монастырскіе обиходники и *уставы соборной службы*", отстраняя отъ себя упрекъ въ неполнотѣ изслѣдованія предмета, замѣтилъ: этотъ отдѣлъ нашей литургической письменности *настолько богатъ по содержанію и важенъ по своимъ выводамъ, что мы не рѣшились касаться его въ бѣгломъ очеркѣ*. Въ виду уже изданныхъ матеріаловъ этого рода и начавшейся ихъ разработки, изслѣдованіе мѣстно-русскихъ уставовъ ожидаетъ спеціальной монографіи. Желательно было бы изданіе большаго числа матеріаловъ для исторіи греческаго и славянскаго устава"... Въ виду этого *высокоавторитетнаго* въ нашей отечественной литургической наукѣ заявленія, не видимъ надобности распространяться о мотивахъ, побудившихъ насъ взяться за предлагаемый трудъ.

Принявшись за изученіе Чиновниковъ, мы довольно скоро увидали, что одна часть изъ *изданныхъ уже матеріаловъ этого рода*, какъ появившаяся на свѣтъ около *ста двадцати лѣтъ* тому назадъ, ненадежна и малопригодна для научнаго пользованія, а другая напечатана въ видѣ болѣе или менѣе отрывочныхъ и безсвязныхъ excerpta по неисправнымъ копіямъ и иногда очень небрежно. Убѣдившись въ сказанномъ, мы задались двоякою цѣлію въ отношеніи къ заинтересовавшимъ насъ памятникамъ: сначала привести ихъ по возможности всѣ въ извѣстность, предварительно обслѣдовать ихъ и полностію по лучшимъ спискамъ одни напечатать вновь, другіе и наиболѣе важные переиздать и потомъ уже приступить къ историко-литургическому разсмотрѣнію особенностей нашей древней соборной службы по нимъ. Первую изъ поставленныхъ себѣ цѣлей мы старались осуществить въ своихъ изданіяхъ Чиновниковъ, предваряя текстъ каждаго въ отдѣльности изъ нихъ предисловіемъ и сопровождая указателемъ; къ достиженію второй предназначено настоящее изслѣдованіе. Въ предлагаемой ниже *первой половинѣ* его, сказавъ о названіи Чиновниковъ и давъ общее представленіе о нихъ, мы подробно говоримъ о св. Софіи Константинопольской, какъ идеалѣ храмовыхъ и церковно-богослужебныхъ порядковъ для древне-русскихъ соборовъ, важномъ значеніи, внѣшнемъ благолѣпіи и богатомъ внутреннемъ убранствѣ ихъ. Рѣчи о численности священнослужащихъ и вообще соборнаго клира служатъ у насъ переходомъ къ разсмотрѣнію *важнѣйшихъ*

особенностей нашихъ старыхъ каѳедрально-епископскихъ церквей и преимущественно *входовъ* и *выходовъ* на праздничныхъ вечернѣ, утренѣ и литургіи. Въ этихъ обрядахъ и соединенныхъ съ ними священнодѣйствіяхъ, мало разъясненныхъ и даже совсѣмъ не затронутыхъ въ нашей литургической наукѣ, особеннно, намъ кажется, рельефно отразилась практика Великой церкви и особенно глубоко сказалось вліяніе ея Устава. Другія не менѣе характерныя и уже значительно изученныя литургистами особенности нашей старинной соборной службы: разныя дѣйства, празднества въ честь *мѣстныхъ* святыхъ, церковно-бытовые обряды, ихъ сопровождавшіе, и т. д., въ обстановкѣ, въ частностяхъ и всемъ исполненіи которыхъ уже весьма замѣтно даютъ себя знать несомнѣнная работа русскаго духа, характеръ и вкусы народа, предположено нами сдѣлать, со временемъ, предметомъ *второй половины* изслѣдованія.

А. Голубцовъ.

Глава I.

Неодинаковость названій Чиновниковъ въ нашей ученой литературѣ и у древне-русскихъ книжниковъ. Случаи употребленія послѣдними наименованій: *Чиновникъ* и *Книга чиновная*; примѣненіе того и другого къ записямъ нашей соборной службы. Предпочтеніе перваго названія второму и отношеніе его къ греческимъ терминамъ: *Τακτικόν* и *Συναξάριον*.

Историко-литургическіе памятники, изданные нами подъ именемъ *Чиновниковъ* Московскаго Успенскаго, Новгородскаго Софійскаго, Холмогорскаго Преображенскаго и Нижегородскаго Преображенскаго соборовъ [1]), лицами, прежде насъ такъ или иначе ихъ касавшимися, назывались различно: то *Уставами соборовъ* и *соборной службы*, то *Чинами* или *Чиновниками*, то *Обиходниками* ихъ [2]). Проф. Н. Ѳ. Красносельцевъ находилъ „болѣе правильнымъ, хотя и мало употребительнымъ“ для занимающихъ насъ произведеній древне-русской богослужебной письменности послѣднее названіе [3]). Къ сожалѣнію, покойный изслѣдователь подробно не раскрылъ своей мысли и не привелъ основаній въ подтвержденіе ея, да едва ли бы и могъ онъ оправдать вполнѣ это замѣчаніе свое. Наши памятники сравнительно немного содержатъ въ себѣ данныхъ для характеристики того, что обыкновенно принято разумѣть подъ *обиходомъ*. Иного рода литературное явленіе представляютъ уставы нѣкоторыхъ древне-русскихъ обителей,

---

[1]) Чиновники Московскаго Успенскаго собора. М. 1907 г. Чиновникъ Новгородскаго Софійскаго собора. М. 1899. Чиновники Холмогорскаго Преображенскаго собора. М. 1903. Чиновникъ Нижегородскаго Преображенскаго собора. М. 1905. [2]) *Архим. Макарій* во многихъ своихъ изслѣдованіяхъ и статьяхъ, относящихся къ Новгороду и его древностямъ; см. Предисл. къ Чиновнику Новгор. Софійскаго собора, стр. I прим. 2; *Горскій А. В. и Невоструевъ* К. И., Описаніе славв. рукописс. Моск. Син. библ., отд. III ч. I, стр. 355, 366, 370; *проф. Мансветовъ* И. Д., Церковный уставъ, Предисл. стр. IV; *Тимоѳеевъ* А. И., Русск. Истор. Библ. т. III, стр. V; *Викторовъ* А. Е., Описи рукописн. собран. въ книгохранилищахъ сѣверн. Россіи, стр. 16; *Дмитріевскій* А. А., Богослуж. въ Русской Церкви въ XVI в., Введен. стр. IV. [3]) См. его небольшой рефератъ: „Объ Обиходникѣ Архангелогородскаго собора“ въ Трудахъ VII-го Археологическаго съѣзда въ г. Ярославлѣ, т. III стр. 1.

съ давняго времени *извѣстные* подъ именемъ монастырскихъ *Обиходовъ* или *Обиходниковъ*. Рядомъ съ богатыми литургическими свѣдѣніями въ нихъ дѣйствительно данъ обильный матеріалъ для знакомства со старинным бытомъ нашихъ монастырей: съ ихъ разнообразными послушаніями и службами, съ разработанными до мелочей дисциплинарными и трапезными порядками, съ внѣшнею обстановкою вседневной жизни древне-русскихъ иноковъ. И самъ проф. Красносельцевъ, признававшій болѣе правильнымъ называть интересующіе насъ памятники Обиходниками, называлъ ихъ чаще Чиновниками. Наименованіе: *Уставы соборовъ, соборной службы* также можетъ быть принято въ отношеніи къ послѣднимъ лишь въ особомъ смыслѣ и съ извѣстнымъ ограниченіемъ. Сами памятники нигдѣ не называютъ себя этимъ именемъ и всюду, на всемъ своемъ протяженіи, рѣзко отличаютъ себя отъ Устава. Чуть ли не подъ каждымъ числомъ послѣ той или другой литургической записи въ нихъ обычно читаемъ: „Вечерню, утреню и литоргію поютъ *по уставу*, служба *по уставу*, якоже указуетъ *во уставѣ*“... Въ этихъ и подобныхъ имъ выраженіяхъ давая ясно понять о дѣйствованіи въ соборныхъ храмахъ общецерковнаго Устава, составители Чиновниковъ далеки были отъ мысли считать свои произведенія уставами, представляли ихъ себѣ записями особенностей соборной службы, пополнявшими Уставъ, и самое большее—могли думать о нихъ, какъ о дополнительныхъ своего рода уставахъ. Въ этомъ именно условномъ значеніи названіе: Уставы соборовъ, соборной службы и было, вѣроятно, употребляемо многими учеными и можетъ впредь быть допущено.

Обращаясь къ самымъ памятникамъ за разрѣшеніемъ вопроса: какъ ихъ должно называть, слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что древнѣйшіе изъ нихъ имѣютъ надъ собою въ рукописныхъ оригиналахъ неодинаковыя надписанія, и въ этой неустойчивости заглавій въ самыхъ подлинникахъ кроется, на нашъ взглядъ, причина, почему и ученые, затрогивавшіе Чиновники, стали называть ихъ различно. Самый древній изъ извѣстныхъ намъ памятниковъ этого рода надписанъ: *Чінъ церковьный архіепископа Великого Новагорода и Пскова* [1]). Выраженіе: Чинъ церковный составляло, какъ кажется, дословный переводъ соотвѣтствующаго греческаго: Ἐκκλησιαστικὴ τάξις и употреблено было здѣсь въ общемъ, собирательномъ смыслѣ [2])—для обозначенія всѣхъ тѣхъ послѣдованій: пещного дѣйства, страшнаго суда, шествія на осляти и т. д., которыя вошли въ нашъ памятникъ, а не одного только обряда кресто-

[1]) Чиновникъ Новгородск. Софійск. соб., стр. 239. [2]) То есть, въ *позднѣйшемъ* значеніи Чиновника, сборника чиновъ.

воздвиженія, изложенію котораго предшествуетъ въ рукописи выше приведенное заглавіе.—Болѣе яснымъ и опредѣленнымъ представляется надписаніе второго по времени и едва ли не перваго по значенію и довольно извѣстнаго въ нашей ученой литературѣ памятника, такъ называемаго *„Сказанія дѣйственыхъ чиновъ святыя соборныя и апостолскія великія церкве Оуспенія пресвятыя Владычицы нашея Богородици и приснодѣвы Марія, матере церквамъ царьствующаго града Москвы і всея великія Русия“*. „Сказаніе“—одинъ изъ нерѣдко встрѣчающихся въ древне-русской письменности терминовъ, которымъ наши старинные книжники, хотя бы, напримѣръ, нѣкоторые паломники во Святую землю [1]), пользовались въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было употребить слова: описаніе, разсказъ и т. п. Въ нашемъ сочетаніи онъ просто означаетъ описаніе обрядовъ или *дѣйствъ*, какъ любили выражаться о послѣднихъ наши предки XVII вѣка, имѣвшихъ мѣсто въ Большомъ Успенскомъ соборѣ и вообще въ Москвѣ. Такому пониманію выраженія „Сказаніе“, какъ нельзя болѣе, отвѣчаетъ и содержаніе памятника, въ которомъ не только подробно описано совершеніе многихъ церковныхъ чиновъ, но и разсказаны довольно обстоятельно поводы къ установленію нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ крестныхъ ходовъ.

Въ Чиновникахъ, появившихся за вторую половину управленія русскою церковію патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ и при его преемникѣ, Іоасафѣ 1-мъ, и служившихъ прямымъ дополненіемъ къ выше названному „Сказанію дѣйственныхъ чиновъ“, заглавія хотя нѣсколько и разнятся со стороны слововыраженія, но въ существенномъ сходны между собой, а именно: *„Указ о звону и о чину в постъ великій* [2])“, *„Указъ трезвономъ во весь годъ* [3])“. Въ приведенныхъ надписаніяхъ хотя и упоминается о чинѣ, но въ нихъ еще нѣтъ имени „Чиновникъ“. Неупотребительное или, по крайней мѣрѣ, мало употребительное въ произведеніяхъ древнѣйшей нашей письменности, оно становится извѣстнымъ со второй четверти XVII в., говоря приблизительно. Книжные

---

[1]) *Сказаніе* Епифанія мниха о пути къ Іерусалиму (1415—1417 г.); Повѣсть и *сказаніе* о похожденіи въ Іерусалимъ и во Царьградъ чернаго діакона Іоны Маленькаго (1649—1652 г.); *Сказаніе* о созданіи великыя Божія церкве св. Софея, яже есть въ Констянтинѣ-градѣ и т. д. Терминъ „Сказаніе“, по крайней мѣрѣ, въ послѣднемъ случаѣ не былъ ли переводомъ греческаго: *Ἔκφρασις?* Описаніе св. Софіи, сдѣланное извѣстнымъ Павломъ Силенціаріемъ, озаглавлено въ оригиналѣ *Ἔκφρασις τοῦ ναοῦ τῆς ἁγίας Σοφίας*. См. въ Corpus scriptorum historiae Byzantinae, edit. Niebuhrii, Bonnae MDCCCXXXVII. [2]) Рукоп. С.-Петерб. Духовн. Акад. № 127, л. 4; сн. Чиновн. Моск. Успенск. соб. стр. 81, прим. 1. Заглавіе, помѣщенное нами въ текстѣ ихъ (стр. 81), сдѣлано позднѣйшей рукой на лицевой сторонѣ перваго бѣлаго листа рукописи. [3]) Русск. Истор. Библ. т. III, столб. 1—2.

люди названнаго времени постепенно вводили этотъ терминъ въ литературный оборотъ и впервые, сколько извѣстно намъ по памятникамъ, стали примѣнять его въ *качествѣ названія* или, точнѣе сказать, *заглавія* къ произведеніямъ богослужебной письменности во второй половинѣ XVII стол. Но *литературному* употребленію термина, въ значеніи заголовка въ книгѣ, несомнѣнно предшествовало обиходное пользованіе имъ, тоже какъ наименованіемъ. Церковнымъ людямъ тридцатыхъ годовъ XVII в., напримѣръ ключарямъ соборнымъ, слово „Чиновникъ“ хорошо было извѣстно и въ повседневныхъ рѣчахъ ихъ, надо полагать, было довольно обычно.

Составитель второго по времени Чиновника Московскаго Успенскаго собора, отмѣтивъ подъ 21 февраля празднованіе преп. Тимоѳею ради „государева нареченія“, пишетъ: „Отселева смотри в *постномъ Чиновнике*, какъ указуетъ тамъ о *всѣхъ празникахъ* пѣти [1])“. Подъ 25 марта, сказавъ о времени звона, замѣчаетъ онъ же: „... а обо всемъ чину указ в постномъ Чиновникѣ [2])“. Отсылая читателя за подробнѣйшими указаніями на счетъ празднованія Благовѣщенія пресв. Богородицы и другихъ праздниковъ, случающихся въ великій постъ, къ *Чиновнику постному*, авторъ *безъ сомнѣнія разумѣлъ* подъ нимъ изложеніе или *послѣдованіе* службъ *четыредесятницы*—ту часть своего Чиновника, которая соотвѣтствуетъ второй половинѣ нынѣ дѣйствующаго у насъ Типикона.—Лицо, ведшее въ 1655—1657 годахъ „Книгу записную облачением і дѣйству великаго государя святѣйшаго Никона“ патріарха, не разъ также употребляло названіе „Чиновникъ“ и въ значеніяхъ различныхъ. Описывая совершеніе богоявленскаго водоосвященія въ 1656 году, оно замѣтило: „А дѣйство было *по Чиновнику по новому печатному*, а свѣщи государевы (патріархъ) погружалъ после креста, а въ *Чиновникѣ* о томъ не написано, въ кое время свѣщи погружать“. Говоря о дѣйствѣ страшнаго суда 1657 года, тоже лицо отмѣтило, что послѣднее было „противъ 164-го (т. е. 1656 года) и противо *соборнаго печатнаго Чиновника* [3])“, т. е. согласно съ уставнымъ предписаніемъ и раннѣйшею литургическою практикою. Затрудняемся съ рѣшительностію сказать, какую собственно книгу разумѣлъ нашъ авторъ подъ *новымъ печатнымъ Чиновникомъ* въ своей первой записи [4]); но относительно

[1]) Чиновн. Моск. Усп. соб. стр. 178. [2]) Тамъ-же стрр. 179—180, 195. Въ послѣднемъ мѣстѣ, описывая крестный ходъ къ Ржевской Богоматери, составитель ссылается на раннѣйшій Макарьевъ (по Русск. Ист. Библ. III, 89: Марковъ) Чиновникъ, остающійся, къ сожалѣнію, доселѣ намъ неизвѣстнымъ. [3]) Ркп. Моск. Синод. библ. № 93, л. 12, 17 об.; сн. Чиновн. Моск. соб. стр. 239, 242. [4]) Вѣроятно, онъ назвалъ Чиновникомъ изданный въ Москвѣ въ 1655 г. „Чинъ освященія воды въ навечеріе Богоявленія“. *Сахарова* Обозрѣніе славяно-русской библіографіи, № 575, стр. 184.

упомянутаго во второй—*соборнаго Чиновника* положительно думаемъ, что, цитуя его, онъ имѣлъ въ виду напечатанный въ Москвѣ въ концѣ патріаршества Іосифа, но безъ обозначенія года, небольшой сборничекъ съ чинами лѣтопроводства, страшнаго суда и „Чина исповѣданію святѣйшимъ патріархомъ Московскимъ“ [1]). Называя Чиновникомъ совокупность трехъ чиновъ, составитель „Книги записной“, какъ вѣроятно и другіе, его современники, руководствовались тѣми же основаніями, по которымъ до и послѣ нихъ собраніе, напримѣръ, службъ или литургій называли Служебникомъ и Литургіаріемъ, собраніе требъ—Требникомъ, каноновъ—Канонникомъ, молитвъ—Молитвенникомъ и т. д. Разсказывая объ отправленіи изъ Москвы царя Алексѣя Михайловича въ походъ на Шведскаго короля, тоже лицо отмѣтило, что патр. Никонъ „говорилъ (въ Успенскомъ соборѣ) надъ главою ево государевою молитвы отпускные в *Чиновнике по выписаной тетрати*“, а патріархъ Антіохійскій Макарій читалъ ихъ же на Лобномъ мѣстѣ „по своему *Чиновнику*“ [2]). По видимому въ данномъ разѣ именемъ Чиновника обозначены нашъ Требникъ и греческій Евхологій.

Введенное въ литургическій обиходъ частными лицами и употреблявшееся сначала, какъ показываютъ выше приведенные примѣры, въ разныхъ смыслахъ, интересующее насъ названіе довольно скоро пріобрѣло у насъ широкую извѣстность и получило въ концѣ XVII и началѣ XVIII стол. болѣе или менѣе опредѣленное значеніе. На соборѣ русскихъ архіереевъ, происходившемъ въ 1675 году въ Москвѣ, подъ предсѣдательствомъ патр. Іоакима, между прочимъ была „изслѣдована и свидѣтельствована“ приготовленная къ изданію книга, „*зовемая Чиновникъ* архіерейскаго священнослуженія“. Не видно, чтобы кто-либо изъ іерарховъ обращалъ вниманіе членовъ собора на ничѣмъ не вызывавшееся переименованіе нашего стараго *святительскаго Служебника* въ Чиновникъ: онъ изданъ былъ въ 1677 году съ новымъ названіемъ, даннымъ ему составителемъ [3]). Появленіе въ печати да еще съ соборнаго одобренія надъ церковно-богослужебною книгой имени „Чиновникъ“, разумѣется, могло содѣйствовать и на самомъ дѣлѣ содѣйствовало его распространенію. Въ

---

[1]) Тамъ же подъ № 549, стр. 176; сн. *прот. Никольскаго*: О службахъ русской церкви, бывшихъ въ прежнихъ печатн. богослужебн. книгахъ, стрр. 113, 177—178, 220, 222. Здѣсь о времени напечатанія сборника даются противорѣчивыя указанія, а о составѣ говорится, что на третьемъ мѣстѣ въ немъ находится чинъ пещного дѣйства. [2]). Рукоп. Москов. Син. библ. № 93, л. 64; сн. Чиновн. Моск. Успенск. соб. стр. 259 [3]) Въ 1668 году въ Москвѣ впервые напечатанъ былъ „*Чинъ* архіерейскаго дѣйства божественныхъ літургій и освященія антиминсовъ и церквей“.

послѣдней четверти XVII вѣка, сколько намъ извѣстно, памятники соборной службы, насъ занимающіе, довольно часто стали *озаглавливаться* [1]) терминомъ „Чиновникъ“, который уже много ранѣе встрѣчался изрѣдка, какъ мы видѣли, въ самомъ текстѣ и на поляхъ этихъ записей. Лица, ведшія послѣднія, именемъ Чиновника начали называть и даже надписывать и прежніе памятники того же рода, напримѣръ: „Сказаніе дѣйственныхъ чиновъ“ патр. Филарета [2]), „Указъ о чину и о звону“ [3]) и друг., которые имѣли у себя подъ руками въ качествѣ руководственныхъ образцовъ.

Одновременно съ названіемъ „Чиновникъ“ къ нашимъ памятникамъ, повидимому, впервые стали прилагать теперь и другое, съ нимъ аналогичное: „Книга чиновная записная“. Съ такимъ надписаніемъ дошли до насъ нѣкоторыя изъ записей соборной службы и священнослуженій патріарховъ Іосафа II и Іоакима [4]). Появленіе новаго имени или, точнѣе сказать, возобновленіе довольно стараго термина [5]), но съ новымъ значеніемъ не было, намъ представляется, простою случайностію въ данное время. Послѣ того, какъ архіерейскому Служебнику усвоено было наименованіе *Чиновника*, примѣнявшееся ранѣе между прочимъ и къ записямъ соборной службы, настояла нужда назвать эти послѣднія своимъ особымъ именемъ, а таковымъ и явилось: „Книга чиновная записная“. Это названіе было особенно извѣстно за время управленія русскою церковію патріархомъ Іоакимомъ. Еще въ бытность его митрополитомъ въ

[1]) Рукоп. Моск. Син. библ. №№ 423 и 428, первые бѣлые листы; сн. *архим. Саввы* Указатель патр. ризницы стр. 219. М. 1858. Рукоп. Новгор. Софійск. соб., нынѣ С.-Петер. Д. А. № 1154; сн. Временникъ Общ. Ист. и Древн. Россійск., кн. XXII смѣсь, стр. 20. [2]) Въ оригиналѣ его (Рукоп. Моск. Синод. библ. № 910 л. 5 об.; сн. Ч. М. У. С., стр. 2), въ чинѣ лѣтопроводства, противъ словъ: „Посемъ (по окончаніи антифоновъ) патриархъ глаголет октенію“, на полѣ сначала было пояснено: „еже есть писано въ Потребникех“, и потомъ инымъ почеркомъ въ позднѣйшее время приписано: „октенію писати подлино въ *Чиновникъ*“, конечно, въ цѣляхъ практическаго удобства. [3]) Въ рукописи С.-Петерб. Дух. Акад. № 127 на первомъ бѣломъ листѣ позднѣйшимъ почеркомъ сдѣлано такое надписаніе. „*Чиновникъ*. Указ о звону і о чину в постъ великій і в пятдесятницу до недѣли всѣхъ святыхъ“. Въ рукописи Моск. Синод. библ. № 696 тоже на первомъ бѣломъ листѣ, къ ней позднѣе приклеенномъ, и повидимому тѣмъ же почеркомъ надписано: *Чиновникъ* церковной о благовестѣ и о звону“. См. Чиновн. Моск. Усп. соб. стрр. 81, 147. [4]) *Никольскаго* А. Описаніе рукописей, хранящихся въ архивѣ св. Синода, т. I, стр. 547, № 1031; Рукоп. Моск. Син. библ. № 425 л. 1 и 3; Временника кн. XV, стр. 22—23, смѣсь. [5]) Извѣстный Тактиконъ Никона Черногорца въ нашихъ славянскихъ рукописяхъ обычно надписывался такъ: „Сиа настоящая *книга* есть преп. отца нашего Никона твореніе, яже наречено бысть Тактиконъ, еже есть *Чиновная*“. Названіе „Чиновная книга“ въ смыслѣ „Чиновника“ и даже просто „Чина“ было извѣстно и въ литургическомъ языкѣ XVII в. до приложенія этого названія къ интересующимъ насъ памятникамъ. Древн. Россійск. Вивл. ч. VI, стр. 252; сн. Дополн. Акт. Истор. т. V, стр. 150, 154.

Новгородѣ при архіерейскомъ домѣ его существовала „Чиновная книга“, въ которую заносились касавшіяся церковнаго благочинія епископскія распоряженія. Въ 1673 году игумены нѣкоторыхъ Новгородскихъ монастырей обратились съ челобитной къ своему новопоставленному владыкѣ, въ которой просили разрѣшить животрепещущій для правящаго духовенства вопросъ—указать имъ *степень* при совмѣстныхъ соборныхъ служеніяхъ: стоять ли и засѣдать имъ по-прежнему „подъ новгородскими протопопы“: Софійскимъ, Знаменскимъ и Николаевскимъ, или же занимать мѣста выше ихъ? „Увѣряся отъ божественнаго писанія, что іермонахъ мірскаго чину іерея честію превосходитъ, наипаче же игуменская честь надъ мірскими больши есть“, митроп. Іоакимъ указалъ челобитчикамъ „во священномъ служеніи и молебномъ пѣніи“ становиться и сидѣть выше протопоповъ и при этомъ еще распорядился: „И сіе благословеніе и повелѣніе да напишется *въ Чиновную книгу* и впредь во утвержденіе и церковного чину во украшеніе безмятежно да будетъ [1])“. Намъ неизвѣстно: была ли въ Новгородѣ книга съ отмѣченнымъ названіемъ до митроп. Іоакима; весьма возможно, что только при немъ и именно по его указанію она впервые была заведена тамъ и названа именно такъ.

На Москвѣ все время при патріархѣ Іоакимѣ велись записи соборной службы съ ея обстановкой и назывались то Чиновными книгами, то Чиновниками. Хотя оба названія одинаково хорошо выражали одну и туже мысль [2]), однако первое изъ нихъ не имѣло будущности въ нашей послѣдующей богослужебной письменности. Съ терминомъ: „Книга чиновная“ въ Москвѣ, въ приказахъ и велико-княжескомъ дворцѣ, во второй половинѣ XVII ст. соединяли совсѣмъ иной смыслъ: имъ обозначали старыя *разрядныя* книги [3]), списки придворныхъ слугъ и „всякихъ чиновъ людей мастерскихъ полатъ“ государя, государыни [4]) и т. д. Заимствованное по всей вѣроятности изъ приказно-дворцоваго обихода, съ которымъ патр. Іоакимъ по своему раннѣйшему положенію былъ прекрасно знакомъ, и бывъ два-три раза примѣнено къ нашимъ памят-

[1]) Полное Собраніе Русск. Лѣтописей т. III стр. 197, Прибавл. къ Новгород. 2-й лѣтоп. [2]) Мысль о томъ, что памятники, ими озаглавливаемые, суть *сборники* чиновъ. „Книгѣ чиновной“ можно противопоставить „Чиновное писаніе, столпцы“—терминъ, употреблявшійся тоже во времена патр. Іоакима и означавшій запись одного только чина. Дополн. Акт. Истор. т. V, стр. 147. [3]) *Строевъ*, Рукописи слав. и россійск. Царскаго, стр. 337—338, №№ 359—360. [4]) Вѣстникъ Европы 1827 г., май—іюнь, стрр. 248—256. Существовали подобные документы и въ другихъ мѣстахъ. Въ 40-хъ годахъ XVIII ст. въ Троицкой лаврѣ имѣлся „Чиновный списокъ“, въ который заносились мастеровые, состоявшіе на штатныхъ мѣстахъ. Проток. Учрежд. соб. лавры за 1749 г., кн. № 724 л. 148 об.

никамъ, названіе «Книга чиновная» потомъ уже не прилагалось къ нимъ. Записи выходовъ и служеній патр. Адріана назывались или просто «записками» или Чиновниками. Послѣднее наименованіе въ концѣ XVII и первой половинѣ XVIII стол. чаще прилагалось впрочемъ не къ отрывочнымъ записямъ нашей соборной службы, а къ болѣе или менѣе систематическимъ изложеніямъ и своего рода уставамъ ея. Одно изъ такихъ упорядоченныхъ изложеній начинается буквально словами: „Книга *глаголемая Чиновникъ* соборные великіе церкве боголѣпнаго Преображенія Христова града Холмогоръ..., собранный отъ перваго *Чиновника* и записокъ и отъ обычаевъ тоя церкве положенный“ [1]). . . Отличая свой литургическій сводъ отъ обычныхъ записокъ и усвояя ему названіе Чиновника, систематизаторъ считалъ, очевидно, послѣднее наиболѣе подходящимъ и, можетъ быть, руководился при этомъ, какъ и его предшественники по работѣ, хотя и не вполнѣ ясно сознаваемою особаго рода церковно-богослужебною традиціей.

Дѣло въ томъ, что терминъ „Чиновникъ“, находившій нѣкоторое время въ нашей богослужебной письменности довольно разнообразное примѣненіе, вытѣснившій въ отношеніи къ памятникамъ, насъ занимающимъ, всѣ другія наименованія и доселѣ остающійся въ оглавленіи нашего архіерейскаго Служебника, не былъ однакоже нашимъ русскимъ изобрѣтеніемъ. Какъ и всѣ почти другія выраженія нашего литургическаго языка, онъ тѣсно связанъ съ византійскою церковною терминологіей и составляетъ точный переводъ не малоизвѣстнаго тамъ названія: Τακτικόν. Послѣднее вспомнили и даже, можно сказать, выдвинули на Москвѣ во время наибольшей заинтересованности русскихъ людей литургическою практикою греческой церкви и повѣрки ею своей церковно-богослужебной обрядности. Старецъ Арсеній Суховъ, ѣздившій на востокъ, по порученію царя и патріарха, для изученія особенностей тамошняго богослуженія и обстоятельно изложившій свои наблюденія надъ послѣднимъ въ особой и обширной главѣ своего извѣстнаго Проскинитарія, надписалъ ее буквально такъ: *Тактиконъ, еже есть Чиновникъ*, како греки церковный чинъ и пѣніе содержатъ [2])“. Этотъ терминъ, которымъ у насъ вслѣдъ за старцемъ Арсеніемъ лица, трудившіяся надъ справою книгъ, переводами съ греческаго и записями соборной службы съ ея обстановкою, воспользовались въ цѣляхъ литургическихъ, въ Византіи имѣлъ довольно широкій смыслъ и употреблялся какъ въ

---

[1]) Чиновники Холмогорск. Преображ. собора, стр. 185. [2]) Въ изданіи Правосл. Палест. Общ. стр. 390.

сферѣ церковной, такъ въ особенности военно-гражданской [1]). Въ первой имъ пользовались нѣкоторое время и какъ терминомъ богослужебнымъ. Въ XIII—XIV столѣтіяхъ, съ тѣхъ поръ какъ текстъ молитвъ въ Евхологіяхъ начали сопровождать обрядовыми рубриками или указаніемъ промежуточныхъ дѣйствій между ними, помянутыя книги изрѣдка называли кой-гдѣ Тактиконами. Въ доказательство сошлемся на извѣстный въ наукѣ Τακτικόν императора Іоанна Кантакузена (1341—1355), привезенный въ свое время съ Аѳона въ Москву Арсеніемъ Сухановымъ и представляющій изъ себя неполный по составу нашъ Требникъ съ Служебникомъ [2]). Присвоенное Евхологію, вѣроятно, подъ вліяніемъ распространявшагося тогда съ именемъ Константинопольскаго патріарха Филоѳея *διαταξικα*, названіе Тактикона не осталось за нимъ, какъ не удержалось оно у Грековъ и ни за какою другою богослужебной книгой.

Дюканжъ—этотъ превосходный знатокъ и комментаторъ византійскихъ авторовъ, объясняя терминъ: Τακτικά, замѣтилъ между прочимъ, что онъ прилагался и къ тѣмъ церковнымъ книгамъ, которыя назывались обычно словомъ Τυπικά. Къ сожалѣнію, знаменитымъ византинистомъ не указано прямыхъ основаній для такого утвержденія, а въ приведенной у него изъ отвѣта Григорія протосинкелла Марку Ефесскому выдержкѣ (καὶ γὰρ ἡ καθολικὴ ἐκκλησία ἐν ταῖς ψαλμῳδίαις ἄλλην τάξιν ἔχει, καὶ ἄλλην αἱ μεγάλαι μοναί) [3]) рѣчь идетъ собственно о τάξις, употребленномъ, какъ намъ кажется, здѣсь въ смыслѣ чина, порядка отдѣльныхъ службъ [4]). А между тѣмъ доказать, что церковный Уставъ или Типикъ въ Византіи назывался иногда Тактикономъ, тѣмъ

---

[1]) Между прочимъ терминъ: *Τακτικά* употреблялся иногда тамъ и здѣсь въ значеніи сборника церковныхъ постановленій и правительственныхъ предписаній (Acta publica), въ которомъ находили мѣсто, напримѣръ, соборныя опредѣленія касательно правъ патріаршихъ престоловъ, количества и порядка подчиненныхъ имъ епископій, полномочій отдѣльныхъ епископовъ, и царскія распоряженія по разнаго рода вопросамъ до обрядовъ придворныхъ включительно. Взятый въ этомъ значеніи терминъ *Τακτικά* сходенъ нѣсколько съ нашими „Чиновными книгами“ и, пожалуй, можетъ быть считаемъ ихъ отдаленнымъ прототипомъ. *Дюканжа* Glossar. graecit. s. v. *Τακτικά*; сн. *Воронова*: Синайское дѣло, въ Тр. К. Д. А. 1871 г., т. II, стр. 345, 392. [2]) *Архим. Владиміра* Систем. описан. рукоп. Моск. Син. Библ., ч. 1 стр. 361, № 261 л. 3. [3]) *Дюканжа* Glossar. graecit. s. v. *Τυπικά*. [4]) Возможно, впрочемъ, что выраженія: *τάξις, διατάξις, τακτικόν*—всѣ въ сущности синонимическія—при случаѣ, какъ напримѣръ въ данномъ мѣстѣ, употреблялись въ значеніи Устава или Типика. И нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что Никонъ Черногорецъ, назвавшій свой трудъ *Тактикономъ*, въ который, наряду съ разсказами и разсужденіями о церковно-богословскихъ, монашескихъ и иныхъ предметахъ, вошло такъ много уставнаго матеріала и подробныхъ указаній на богослужебную практику востока X—XI вѣка, имѣлъ у себя подъ руками записи церковнаго Устава съ таковымъ же наименованіемъ.

болѣе констатировать хотя бы одинъ списокъ его съ этимъ надписаніемъ было бы весьма любопытно. Наши соборные Чиновники по самому названію своему тогда стали бы въ прямую, генетическую, такъ сказать, зависимость отъ однородныхъ съ ними по характеру, содержанію и отчасти по составу произведеній древне-греческой богослужебной письменности. Такими родственными съ ними памятниками и, по нашимъ наблюденіямъ, *первообразами* ихъ являются Уставы древне-греческихъ патріаршихъ храмовъ и ближе всего Великой Константинопольской церкви. За утратою *начальныхъ* листовъ въ рукописныхъ подлинникахъ немногихъ сохранившихся до настоящаго времени и извѣстныхъ въ литургической наукѣ Уставовъ этого рода, никто собственно не знаетъ ихъ названій, и это обстоятельство послужило уже поводомъ для ученыхъ вступить въ нѣкоторыя пререканія между собою [1]). Одни изъ нихъ древнѣйшимъ записямъ службы св. Софіи Царьградской даютъ наименованіе Типика, другіе наиболѣе подходящимъ названіемъ считаютъ имя: Συναξάριον καὶ τυπικόν... Послѣдніе, намъ представляется, ближе къ истинѣ, и въ утраченныхъ съ начальными листами оглавленіяхъ, вѣроятно, находился терминъ: Συναξάριον. Никонъ Черногорецъ многократно упоминаемый имъ Уставъ Великой церкви называетъ *Соборникомъ*, *Синаксаремъ*. Тотъ же Уставъ, переведенный съ греческаго на грузинскій языкъ извѣстнымъ въ свое время игуменомъ Иверской лавры на Аѳонѣ, св. Георгіемъ II Мтацминдели († 1066 г.), озаглавленъ въ рукописяхъ: „*Синаксарь, т. е. собраніе чиновъ и послѣдованій*“, при чемъ въ припискѣ къ нему отъ лица переводчика сказано: „Такой книги до сихъ поръ не слыхало не только наше ухо, но и большинство Грековъ, ибо такой *Синаксарь* имѣется только въ патріаршей церкви во св. Софіи и на св. горѣ [2])“. Оба лица, много потрудившіеся надъ изученіемъ Устава Великой церкви, имѣвшіе послѣдній своею настольною книгою, называли его, думаемъ, настоящимъ именемъ [3]). „Синаксарь т. е. собраніе

[1]) *Дмитріевскій А. А.*, Новыя данныя для исторіи Типикона Великой Константинопольской церкви, въ Тр. К. Д. А. 1902 г., т. III, стр. 510 прим. [2]) *Его-же*: Древнѣйшій Хиландарскій Синаксарь по уставу Іерусалимскому, въ Тр. К. Д. А. 1905 г., т. II, стр. 480—2 прим. [3]) Συναξάριον (*-σύναξις τῶν συνάξεων*) собственно значитъ: *Сборникъ, Соборникъ соборовъ, собраній*. Въ нынѣ дѣйствующемъ Уставѣ помѣчены *соборы* архистратига Михаила и Іоанна Предтечи; въ болѣе древнихъ запискахъ его и богослужебныхъ книгахъ вообще упоминаній о такихъ соборахъ можно встрѣтить больше (*Дмитріевскаго А. А.* Описаніе литургическ. рукописей, хранящ. въ библ. прав. востока, т. I *Τυπικά*, ч. 1 стр. 25, 30—31, 106, 384, 444, 652, 788, 888 и др.). Нѣкоторыя выраженія нашего устава проливаютъ свѣтъ и на значеніе самаго термина. Въ немъ нерѣдко читается сдѣлавшаяся стереотипною фраза: *Совершается соборъ его* (т. е. святаго), *идѣже лежатъ мощи его* или *идѣже храмъ его*. Въ греческихъ уставахъ выраженія: *Συναγόμεθα ἐν τῷ ἁγίῳ*

чиновъ и послѣдованій", вѣдь, это въ сущности тоже, что нашъ *соборный Чиновникъ*. Мало разнясь въ словахъ, оба названія одинаково хорошо, на нашъ взглядъ, говорятъ о сущности памятниковъ.

οἴκῳ, ἀποστολίῳ, μαρτυρίῳ, или *σύναξιν ἐπιτελοῦμεν* такихъ-то святыхъ попадаются также довольно часто (Тамъ-же, стр. 6—7, 9, 15—17, 150 и др. мн.). Смыслъ всѣхъ этихъ выраженій въ сущности простой: *праздникъ такой-то совершается тамъ-то*. И чѣмъ больше углубляешься въ христіанскую древность, тѣмъ яснѣе и, такъ сказать, нагляднѣе себѣ представляешь значеніе словъ: *συνάγειν, σύναξις*. Первые вѣрующіе имѣли обычай и большую возможность, чѣмъ христіане послѣдующаго времени, сходиться для празднованія какого-либо евангельскаго и церковно-историческаго событія на то мѣсто, гдѣ оно совершилось; нерѣдко молитвенно вспоминали святаго на мѣстѣ его подвижнической жизни и такой или иной кончины. Жители Палестины, напримѣръ, праздновали Рождество Христово въ Виѳлеемѣ, Крещеніе Господне съ обстоятельствами, его предварявшими и сопровождавшими, на берегу Іордана; римскіе христіане сходились въ дни кончины мучениковъ и исповѣдниковъ при останкахъ ихъ въ усыпальницахъ и т. д. Въ памятникахъ древней христіанской письменности довольно часто говорится о *собраніяхъ* вѣрующихъ для богослуженія въ разнаго рода мѣстахъ; нерѣдко довольно подробно разсказывается, какъ усердно тотъ или другой епископъ *собиралъ* во времена гоненій и внутренняго раздора въ христіанской церкви своихъ пасомыхъ на молитву (*архіеп. Сергія* Полный Мѣсяцесловъ востока, т. I стр. 8—9, изд. 2. Творенія св. Діонисія Александр. въ русск. пер., стр. 55, 67—70; сн. *Евсевія* Церк. Ист. кн. VII, гл. 11, по изд. Швеглера. р. 255—257; *Сократа* Церк. Истор. русск. перев. стр. 394, 411, 420, 438-440, 469, 491, 510, 518, 544, 564; *Дюканжа* Glossar. graecit. s. vocc. *συνάγειν, σύναξις*). Дни кончины святыхъ и мѣста погребенія ихъ уже во второмъ вѣкѣ для памяти записывались. Въ сравнительно позднѣйшее время на востокѣ эти записи велись между прочимъ въ такой формѣ: 25 декабря *великій соборъ въ Виѳлеемѣ*; 5, 6 и 9 января *соборъ на Іорданѣ, въ церкви Іоанна Крестителя*, и т. п. Отъ этого рода записей и ведетъ начало интересующій насъ терминъ: *Соборникъ, Συναξάριον*. Къ памятямъ святыхъ присоединялись, съ одной стороны, краткія сказанія о нихъ: ихъ происхожденіи, времени жизни, родѣ кончины; съ другой—указанія евангельскихъ и апостольскихъ чтеній и пѣснопѣній въ честь святыхъ. Отсюда произошли двоякаго рода *Синаксари*: въ однихъ содержались болѣе или менѣе краткія, расположенныя по днямъ года, повѣствованія о святыхъ; въ другихъ—съ памятями святыхъ совмѣщались самыя общія литургическія свѣдѣнія. Представителями первыхъ явились потомъ наши Прологи, у Грековъ до сихъ поръ называемые Синаксарями; представленіе о вторыхъ даютъ находящіеся въ древнѣйшихъ Евангеліяхъ, Апостолахъ и другихъ богослужебныхъ книгахъ Мѣсяцесловы или *Соборники двунадесяти мѣсяцей*. Съ памятниковъ того и другого рода названіе: *Синаксарь* легко могло быть перенесено на полныя записи порядка службы или на такъ называемые Типики. До насъ дошло нѣсколько Уставовъ: императрицы Ирины, Криптоферратскій, Евергетидскій съ надписаніемъ: *Συναξάριον σὺν Θεῷ ἤτοι (—ἤγουν) Τυπικόν* (*Дмитріевскаго Τυπικά*, стр. 256, 899; *Котельера* Monumenta. t. IV, p. 220). Такого рода надписаніе какъ нельзя больше соотвѣтствуетъ содержанію Устава Великой Константинопольской церкви. Во всѣхъ трехъ приведенныхъ въ извѣстность спискахъ его: Патмосскомъ, Іерусалимскомъ и Дрезденскомъ мы находимъ именно *Синаксарь*, въ которомъ по мѣсяцамъ и днямъ расположены записи, замѣтно распадающіяся на двѣ половины: въ первой изъ нихъ—болѣе или менѣе краткое сказаніе о святомъ, во второй—болѣе или менѣе обстоятельное изложеніе службы ему. Къ этимъ *житійно-уставнымъ* записямъ особенно хорошо подходитъ названіе Синаксаря въ выясненномъ нами выше смыслѣ этого слова.

Глава II.

Общее понятіе о Чиновникахъ соборныхъ въ связи съ главною особенностью нашей старинной каѳедрально-епископской службы. Что служило образцомъ для послѣдней? Св. Софія Константинопольская, какъ духовная матерь наша и источникъ церковно-іерархическаго освященія. Заинтересованность въ судьбѣ ея нашихъ предковъ.—Взглядъ Грековъ на свою Великую церковь; значеніе ея въ церковно-гражданской жизни ихъ.—Впечатлѣнія Русскихъ отъ св. Софіи и стремленія нашихъ князей подражать ей въ построеніи своихъ Софійскихъ церквей. Связь съ послѣдними нашихъ Успенскихъ соборовъ. Идея посвященія храма св. Софіи Константинопольской; почитаніе Богоматери въ Византіи. Неясное представленіе Софіи Греками и древне-русскими людьми.

При значительномъ количествѣ дошедшихъ до насъ соборныхъ Чиновниковъ и несходствѣ ихъ во многихъ частностяхъ, нелегко, понятно, въ нѣсколькихъ фразахъ охарактеризовать ихъ или дать хотя бы общее понятіе о нихъ. Въ расположеніи своего богатаго и разнообразнаго литургическаго матеріала всѣ они слѣдуютъ общедѣйствующему церковному Уставу, распредѣляютъ его въ обычномъ мѣсяцесловно-тріодномъ порядкѣ, а одинъ изъ Чиновниковъ, именно Холмогорскій, имѣетъ даже у себя и общую въ нѣкоторомъ родѣ часть нашего Типика. Но, излагая службы изо дня въ день, они описываютъ ихъ не такъ, какъ онѣ представлены въ церковномъ Уставѣ. Не повторяя подъ соотвѣтствующими числами уставныхъ предписаній касательно отправленія службы святому или празднуемому событію, Чиновники всюду предполагаютъ ихъ, какъ данныя и уже извѣстныя, и съ своей стороны только дополняютъ ихъ. Эти дополненія въ большинствѣ случаевъ, именно въ будничныхъ дняхъ, очень кратки и состоятъ обычно изъ замѣтки, что „благовѣстъ бываетъ тогда то въ такой то колоколъ, звонъ во столько то колоколовъ, а службу, то есть: вечерню, утреню и литургію, поютъ по уставу“. Но весьма нерѣдко, обыкновенно въ дняхъ парочитыхъ и праздничныхъ, въ памятяхъ великихъ и отечественныхъ святыхъ, эти добавленія къ уставу бываютъ нетолько значительны, но и прямо обширны. Въ нихъ рисуется иногда полная картина литургической практики соборнаго храма и приходскихъ церквей, поскольку послѣднія были связаны съ первымъ въ церковно-богослужебной жизни. Службы рядовыя и внѣ-рядовыя съ ихъ необычною и сложною обстановкою, степень участія въ нихъ святителя со

властьми, соборными и городскими священниками—съ одной стороны, государя со свитой въ Москвѣ и его бояръ съ воеводами и дьяками на городахъ—съ другой, многочисленные крестные ходы, всевозможные чины и среди нихъ въ особенности наши старинныя, такъ называемыя, дѣйства изображены здѣсь съ желаемою полнотой. Являясь съ этой своей стороны дополненіемъ къ общецерковному Уставу и архіерейскому Служебнику, наши соборные Чиновники предлагаютъ на своихъ страницахъ тотъ именно богослужебнообрядовой излишекъ, который составлялъ въ свое время особенность въ литургической практикѣ древне-русскихъ соборовъ и, какъ характерная принадлежность главнымъ образомъ каѳедрально-епископскихъ церквей, не могъ, понятно, войти въ дѣйствовавшій тогда и продолжающій дѣйствовать до сихъ поръ у насъ во всѣхъ церквахъ безъ различія монастырскій уставъ. Даже въ настоящее время наша соборная служба далеко не то, что приходская, и разнится отъ послѣдней не своимъ только церемоніально-торжественнымъ характеромъ, не количествомъ только сановныхъ исполнителей и сравнительно богатою литургическою обстановкой, но и присутствіемъ въ ней такихъ обрядовъ, которымъ не было и нѣтъ мѣста въ церковно-приходскихъ и монастырскихъ храмахъ. Въ самомъ исполненіи соборныхъ службъ внимательный изслѣдователь найдетъ нѣсколько отличій сравнительно съ богослуженіемъ въ послѣднихъ, равно какъ отмѣтитъ и не мало мѣстныхъ церковныхъ особенностей. Этихъ лишнихъ и особыхъ службъ, обрядовъ и обычаевъ въ соборныхъ храмахъ въ древнее и старое время на Руси было несравненно больше, чѣмъ теперь. Литургическіе образцы, предносившіеся въ умахъ нашихъ отдаленныхъ предковъ и предъявлявшіеся ими къ богослужебной практикѣ своихъ соборныхъ церквей, были несравненно выше, чѣмъ взгляды на этотъ счетъ ихъ потомковъ XVIII—XIX столл. Для эстетическаго и религіознаго чувства наиболѣе книжныхъ людей старой Руси, въ частности лицъ церковно-іерархическихъ, не монастырскія или приходскія церкви были высшимъ храмовымъ и богослужебнымъ идеаломъ, а знаменитые храмы востока и больше всего, разумѣется, Великая Константинопольская церковь.

Съ теплымъ родственнымъ чувствомъ относились всегда православные русскіе люди къ св. Софіи Царьградской. Съ глубокою грустію и даже скорбію отзываются о запустѣніи и нѣкоторой заброшенности ея современые наши путешественники по востоку. Еще въ большей степени испытывали тѣже чувства старые русскіе паломники при видѣ замѣчательнѣйшаго и великолѣпнѣйшаго въ мірѣ христіанскаго храма, превращеннаго въ мечеть. Московскій священникъ Іоаннъ Лукьяновъ,

посѣтившій св. Софію въ началѣ XVIII стол., съ горестію сердца замѣчаетъ о своей бытности въ ней: „Мы же ходихомъ и смотрѣхомъ и дивихомся такой красотѣ, а сами рекохомъ: Владыко человѣколюбче! како такую *прекрасную матерь нашу* отдалъ на поруганіе басурманамъ! [1]). Для Лукьянова св. Софія не простой объектъ художественнаго созерцанія, не предметъ только благоговѣйнаго удивленія, но вмѣстѣ и матерь, породившая нѣкогда русскую землю духовно. И это чувство сыновства было тѣмъ живѣе и глубже въ русскихъ людяхъ, чѣмъ ближе стояли они ко времени принятія вѣры и крещенія отъ Грековъ. Оно питалось и поддерживалось въ нихъ нестолько впрочемъ воспоминаніемъ о послѣднемъ событіи, сколько живымъ вліяніемъ и непосредственнымъ воздѣйствіемъ нашихъ наставниковъ въ вѣрѣ. Это чувство духовнаго сыновства къ Великой Константинопольской церкви возгрѣвали въ нашихъ предкахъ присылавшіеся изъ Царьграда на Русь митрополиты-греки. Въ ихъ сознаніи, а чрезъ нихъ и для всѣхъ епископовъ и вообще предковъ нашихъ древнѣйшей эпохи св. Софія была источникомъ іерархическаго освященія. Принятіе посвященія именно въ ней, а не въ другомъ какомъ-либо храмѣ, отъ руки Константинопольскаго патріарха признавалось существенно-необходимымъ и обязательнымъ для высшаго іерарха русской церкви почти до самаго обращенія св. Софіи въ мечеть. Поставленному въ 1147-мъ году, по волѣ вел. князя Изяслава Мстиславича, безъ сношеній съ патріархомъ, митрополиту Клименту Смолятичу недовольные его посвященіемъ въ Кіевѣ епископы говорили между прочимъ: „Не есть того въ законѣ, яко ставити епископомъ митрополита безъ патріарха..., а не поклонивѣ ти ся, ни служивѣ съ тобою, *зане не взялъ еси благословенія у святоѣ Софьи, ни отъ патріарха* [2])“. И эти слова не были въ устахъ собравшихся на поставленіе Климента епископовъ ничего не значащею фразой или простою отговоркой, а напротивъ выражали глубоко вошедшій къ тому времени въ сознаніе и долго еще потомъ державшійся въ умахъ русскихъ людей взглядъ по вопросу о мѣстѣ поставленія Кіевскихъ и всея Руси митрополитовъ. Въ жизни этихъ послѣднихъ рукоположеніе «*отъ соборныя великіа церкви*» и отъ свя-

[1]) Путешествіе въ св. землю, стр. 30. Москва 1864 (Объ Іоаннѣ Лукьяновѣ см. въ Калужск. Епарх. Вѣдом. 1862 г., № 20, Прибавл., въ Чтен. Истор. Общ. Нестора лѣтоп. 1895, IX). Свое описаніе „превеликой церкви св. Софіи“ извѣстный Василій Григоровичъ-Барскій неразъ прерываетъ такими восклицаніями: „Увы, слезнаго слышанія, не токмо зрѣнія!... Таковый и толикій Божій и преславный храмъ бысть мечетъ Исмаилителскій. Возстени земле, зрящи толикое Божіе долготерпѣніе“! Странствованій по св. мѣстамъ ч. IV, стр. 4, 16—17. Изд. Прав. Палест. Общ. СПБ. 1887. [2]) Ипатіевская лѣт. подъ 6655 г. Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. т. II, стр. 29—30; сн. 78—80, 85—86, 92, 303—304, 306—308.

тѣйшаго патріарха" было настолько крупнымъ и важнымъ фактомъ, что они не забывали и считали нужнымъ напоминать о немъ въ своихъ завѣщаніяхъ. [1]) Даже вел. князь Василій Темный, хлопоча передъ греческимъ царемъ и Константинопольскимъ патріархомъ о дозволеніи поставить преемника извѣстному митр. Исидору въ самой Россіи и своими русскими епископами, въ посланіи къ нимъ не счелъ возможнымъ обойти совершеннымъ молчаніемъ существовавшій дотолѣ съ самаго начала христіанства на Руси порядокъ брать митрополитовъ на русскую землю „отъ святыя великія соборныя и апостольскія церкве царствующаго града Премудрости Божія [2]).

Понятнымъ становится въ виду сказаннаго, почему св. Софія Царьградская—эта духовная матерь и источникъ церковно-іерархическаго освященія въ представленіи древне-русскихъ людей—всегда такъ живо интересовала нашихъ предковъ и была едва ли не гораздо болѣе извѣстна имъ, чѣмъ намъ теперь. Русскіе паломники, съ давняго времени ходившіе на поклоненіе гробу Господню, на пути во св. землю не упускали случая познакомиться съ достопримѣчательностями Царьграда и, по возвращеніи домой, знакомили съ ними другихъ. Въ путевыхъ запискахъ, оставшихся отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, современники, какъ и потомки ихъ, могли также находить болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія и о церкви святой Софіи-Премудрости Божіей. Занимательную исторію построенія послѣдней излагало довольно рано появившееся въ нашей письменности, въ передѣлкѣ съ греческаго, „Сказаніе о созданіи великыя Божія церкви св. Софея, яже есть въ Констянтинѣ градѣ" [3]). Судя по числу сохранившихся списковъ Сказанія, книжные люди старой Руси интересовались имъ и съ своей стороны съ неослабнымъ вниманіемъ слѣдили за судьбой знаменитаго храма, занося на страницы лѣтописей и въ хронографы извѣстія о погромахъ, постигавшихъ его вмѣстѣ съ Византіей [4]). Русскіе князья и княгини помогали своими средствами и дорогими подарками греческимъ царямъ благоукрашать св. Софію; содѣйствовали имъ въ томъ же и частныя лица разными вкладами [5]).

И такое все время участливое со стороны нашихъ предковъ отношеніе къ Великой Константинопольской церкви не ускользало отъ рев-

---

[1]) П. С. Р. Л. VI, 145. [2]) Тамъ-же VI, 163—164. [3]) Издано *Тихонравовымъ* въ Лѣтописяхъ русск. литературы, т. III. М. 1859. Сказаніе Епифанія мниха о пути къ Іерусалиму, изд. архим. *Леонидомъ* въ Прав. Палест. Сборн. вып. 15, стр. 124. [4]) П. С. Р. Л. III, 27—29; VI, 180—196; *Попова* Обзоръ хранографовъ I, 87—88. [5]) *Айналовъ* Д., Даръ св. княгини Ольги въ ризницу церкви св. Софіи въ Царьградѣ, въ Трудахъ XII-го Археологическаго съѣзда въ Харьковѣ, т. III, стр. 1—4 М. 1905 г. П. С. Р. Л. III, 159.

ниваго взора прямыхъ хозяевъ ея и даже порождало въ позднѣйшихъ Грекахъ подозрѣніе въ чистотѣ и искренности на этотъ счетъ намѣреній Русскихъ. Небезъизвѣстный въ нашей исторіи Константинопольскій патріархъ Аѳанасій Пателарій, внушая царю Алексѣю Михайловичу мысль о борьбѣ съ мусульманами, въ одной изъ челобитныхъ, быть можетъ, не безъ тонкой ироніи по адресу нашего первосвятителя писалъ ему: „.....Только тебя, великаго государя, мы имѣемъ столпъ и утвержденіе вѣры, и помощника въ бѣдахъ, и прибѣжище намъ, и освобожденіе. А брату моему, государь, и сослужителю, великому господину святѣйшему Никону—освящать соборную апостольскую церковь Софіи-Премудрости Божіей“ [1]). Не говоря уже о патр. Никонѣ, едвали даже кому другому изъ русскихъ первосвятителей, менѣе его дальновидному, могла приходить серьезно въ голову мысль объ освященіи Великой Константинопольской церкви, но патр. Аѳанасій, какъ и всѣ другіе люди его образа мыслей, не ошибались, кажется, въ томъ, что Русскіе первые и не меньше самихъ Грековъ порадовались-бы возвращенію поруганнаго храма православному христіанскому міру...

Св. Софія не только родной и дорогой для насъ по историческимъ воспоминаніямъ храмъ, но и могучій, если позволительно такъ выразиться, факторъ въ нашей отечественной исторіи. Хотя вліяніе ея на послѣднюю и было не непосредственное, но слѣды, оставшіеся отъ него въ нашей общественной и тѣмъ болѣе церковно-религіозной жизни, были весьма и весьма значительные. Дѣло въ томъ, что древне-русскіе князья и частныя лица, бывавшія по тѣмъ или другимъ поводамъ въ Константинополѣ, равно какъ и наши первосвятители-греки, съ неохотою и нерѣдко даже со слезами отправлявшіеся къ своей паствѣ въ далекую, холодную и варварскую Русь, всѣ одинаково уносили съ собою изъ Царьграда глубоко запечатлѣвавшійся въ душѣ ихъ величественный образъ тамошняго храма, и если не во всѣхъ, то въ очень многихъ изъ нихъ, по приходѣ сюда, должно было рождаться естественное въ такихъ случаяхъ желаніе имѣть предъ глазами хотя бы нѣчто подобное ему. Этимъ слабымъ подобіемъ или подражаніемъ византійскому святилищу и являлись въ представленіи нашихъ предковъ ихъ великія соборныя церкви. По мысли лучшихъ людей, строившихъ русскую землю, онѣ должны были быть и на самомъ дѣлѣ были тѣмъ же для послѣдней, чѣмъ была Великая Константинопольская церковь для міра греческаго.

---

[1]) *Преосв. Макарій*, Патр. Никонъ въ дѣлѣ исправленія церковн. книгъ и обрядовъ, Въ Прибавл къ Твореніямъ св. отцевъ 1882 г., ч. 29 стр. 20.

Предметъ справедливой національной гордости—св. Софія была въ глазахъ Византійцевъ величайшимъ и великолѣпнѣйшимъ храмомъ, подобнаго которому не представляетъ исторія, какого никогда, со времени Адама, не было и не будетъ. Она казалась имъ даже какъ-бы не произведеніемъ искусства или созданіемъ рукъ человѣческихъ, а „дивнымъ по истинѣ твореніемъ Божіимъ, дѣломъ неподражаемымъ, первымъ и послѣднимъ по красотѣ, представляющимъ точно сводъ небесный на землѣ“ [1]). Чудеса римскаго капитолія, по мысли Павла Силенціарія, были настолько же ниже ея, насколько идолъ въ сравненіи съ истиннымъ Богомъ. Онъ говоритъ, что тотъ, кому разъ довелось бы вступить въ этотъ божественный храмъ, уже никогда не захотѣлъ бы покинуть его и даже былъ бы не въ силахъ оторвать своихъ очарованныхъ глазъ отъ его великолѣпной внутренности [2]). Окруженная ореоломъ чудеснаго въ самомъ своемъ построеніи, св. Софія стала идеаломъ христіанскаго храма и ея имя сдѣлалось завѣтнымъ. Почти каждый болѣе или менѣе значительный городъ имперіи: Никея, Трапезунтъ, Пергамъ, Іерусалимъ, Никосія, Аѳины, Тарсъ, Солунь, Херсонисъ и другіе многіе желалъ имѣть свою св. Софію. Недосягаемый образецъ для всѣхъ церквей греческихъ, храмъ Юстиніановъ сдѣлался общею ихъ матерію, матерію всего царства и оплотомъ вѣры, самою дорогою патріотическою святыней [3]). При разнохарактерности политическаго состава восточной имперіи этотъ соборъ служилъ объединяющимъ своего рода пунктомъ и подъ его знаменемъ сходились представители различныхъ національностей, составлявшихъ послѣднюю. Въ него по праздникамъ собирался къ службѣ народъ и дѣлалъ торжественные выходы изъ дворца самъ царь съ своимъ синклитомъ; въ немъ въ дни народныхъ торжествъ и тяжелыхъ испытаній возсылали они свои благодаренія и мольбы къ Богу. Изъ Великой церкви чаще всего исходили, нерѣдко во главѣ съ императоромъ и патріархомъ, такъ называемыя литіи и въ нее же обыкновенно возвращались онѣ съ площадей, улицъ и предмѣстій столицы, изъ ея многочисленныхъ церквей и монастырей. Въ св. Софіи посвящаемы были іерархи, судимы за

[1]) *Евагрія* Церк. Истор., кн. IV гл. 31; русск. пер. стр. 228. Спб. 1853. Anonymi De s. Sophia у Banduri въ Imperium orientale, tom. I, lib. IV, p. 66. сн. Codini Des. Sophia, p. 131. Ed. Bonn. *Никиты Хоніата* Исторія, т. I стр. 311, 433; т. II стр. 347, въ перев. С.-Пет. Дух. Акад. 1860 г. Pauli Silentiarii Descriptio s. Sophiae, verss. 68—71, 144, 236—238, 284—285, 446—447, 806—807, pag. 6,9, 13—14, 16, 23, 39. Edit. Bonnae. [2]) Ibidem. verss. 152—154, 294—299, pag. 10, 16. [3]) Творенія св. отца нашего Никифора, архіеп. Константинопольскаго, ч. I стр. 67, въ перев. *И. Д. Андреева*. Импер. Юстиніанъ въ третьей новеллѣ своей св. Софію называетъ *τὴν τῆς ἡμετέρας βασιλείας μητέρα*. *Дюканжа* Constantinopolis christiana lib. III, pag. 5. Codini De officiis cap. XXII: св. Софія—*ἡ μητὴρ ἐκκλησία*, p. 108. Edit. Bonn.

свои проступки, лишаемы сана и снова въ немъ возстановляемы. Въ ней же Византійцы избирали, провозглашали, вѣнчали на царство, а иногда и низвергали съ него своихъ царей. Мятежная чернь, политическіе заговорщики и вообще лица, недовольные правительствомъ, нерѣдко собирались въ Великой церкви, въ притворахъ или во дворѣ ея, и превращали храмъ Премудрости Божіей въ мѣсто агитаціи, государственныхъ переворотовъ и народныхъ волненій, для укрощенія которыхъ не разъ приходилось Константинопольскому первосвятителю спускаться въ него изъ прилегавшей къ нему патріархіи. Въ св. Софіи происходили соборы по церковнымъ и обще-государственнымъ дѣламъ: въ присутствіи царя и патріарха, синода и синклита велись богословскіе диспупы, составлялись вѣроопредѣленія, скрѣплялись договоры съ иноземными государями, разсматривались и рѣшались важнѣйшіе вопросы суда и управленія. Лица обиженныя искали здѣсь управы на обидчиковъ, гонимые и преслѣдуемые-убѣжища; клятвопреступники и убійцы, не исключая и царей изъ нихъ, съ амвона св. Софіи открыто каялись въ своихъ преступленіяхъ, были отлучаемы отъ церкви, подвергаемы другой какой-либо епитиміи и получали разрѣшеніе отъ нея. Въ исключительныхъ случаяхъ весь народъ торжественно исповѣдывалъ свои вины въ Великой церкви и былъ прощаемъ предстоятелемъ ея. Здѣсь императоры молились о ниспосланіи свыше побѣды на враговъ предъ выступленіемъ въ походъ и сюда же, обычно въ тріумфальномъ шествіи, возвращались изъ него, чтобы воздать хвалу Богу вмѣстѣ со своимъ народомъ. Въ томъ же храмѣ они сочетаваемы были бракомъ, крестили своихъ дѣтей, объявляли объ ихъ совершеннолѣтіи, возводили въ придворныя достоинства; наконецъ нѣкоторые изъ царей подлѣ стѣнъ св. Софіи и въ ней самой находили мѣсто вѣчнаго упокоенія рядомъ съ патріархами Константинопольскими [1]). Словомъ, вся церковная и гражданская жизнь имперіи была

[1]) Византійца *Θеофана* Лѣтопись, русск. пер. стрр. 271, 281, 292, 349, 353, 363, 370 Твореннн. Никифора Констант. ч. I, стрр. 58, 410, 418, 419; Constantini Porphyrogen. De cerimoniis aulae Byzantinae, lib. I. capp. 10, 96, pag. 77, 435, vol. I. Edit. Bonn; *Никифора Вріенніа* Историческія записки, стр. 114—116, русск. перев. С.-Пет. Акад. 1858 г.; *Никиты Хоніата* Исторія, т. I. стр. 203, 228, 276, 306, 339, 348, 349, 431; II, 29, 46; 74—75, 91—92, 98—99, 144—145, 248, 250, 305, 306, 319; *Анны Комниной* Сокращенное сказаніе о дѣлахъ царя Алексѣя Комнина, ч. I, 95—97, 127—128, 137—138, 217, 286, въ перев. С.-Петерб. Акад. 1859 г.; *Никифора Григоры* Римская Исторія т. I, 74, 89, 104, 159, 184, 255—256, 353, 368, 396—398, 431, 532—533; *Симеона Солунскаго* De sacro templo cap. CXXV, Миня Patrolog. Graec. t. 155 col. 329, русск. перев. въ Писаніяхъ св. отцевъ и учителей церкви, относящ. къ истолков. прав. богослуженія, т. II стр. 173; Дѣянія церковныя и гражданскія, собранныя *Георгіемъ Кедриномъ* и другими, ч. I лл. 159 об., 181, 185, ч. II лл. 28, 78 об. 95 об., 121 и обор., 132 и обор., 141 об., 144 об., 192, 220 об., 228 об.—229, въ славяно-русск. перев. Москва 1794 г.

тѣсно связана съ Великимъ Константинопольскимъ храмомъ и въ немъ, будто въ современномъ парламентѣ, если позволительно такъ выразиться, затрогивались и рѣшались въ теченіе столѣтій судьбы греческаго народа. Удивительно-ли, что въ глазахъ послѣдняго онъ сдѣлался палладіумомъ города, мѣстомъ священнѣйшимъ самаго его акрополя, такою святыней, съ которою граждане и всѣ вообще жители имперіи соединяли свои будущія надежды и національныя мечты и къ которой византійскіе писатели древней и позднѣйшей эпохи относились всегда съ величайшимъ энтузіазмомъ, хотя и не безъ пристрастія.

Впрочемъ слава византійскаго святилища не ограничивалась одними предѣлами Византіи, но распространялась на самые отдаленные уголки тогдашняго міра. Вліяніе высоко-художественнаго созданія Юстиніанова сказывалось въ западной Европѣ и особенно ощутительно дало знать себя въ земляхъ славянскихъ и у насъ въ Россіи. Сооруженіе храмовъ во имя Софіи-Премудрости Божіей въ Артѣ, Охридѣ, Кіевѣ, Новгородѣ, Полоцкѣ и другихъ городахъ несомнѣнно говоритъ въ пользу этого вліянія. И первыя сѣмена религіозной настроенности нашихъ предковъ были связаны въ преданіяхъ позднѣйшей Руси съ этимъ знаменитымъ храмомъ. Испытателямъ вѣры, посланнымъ княземъ Владимиромъ въ Царьградъ, наша лѣтопись влагаетъ въ уста, какъ извѣстно, слова: „ И придохомъ въ Греки, и ведоша ны, идѣже служатъ Богу своему, и не свѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли: нѣсть бо на земли такаго вида, ли красоты такоя, и недоумѣемъ бо сказати; токмо то вѣмы, яко онъдѣ (тамо) Богъ съ человѣки пребываетъ, и есть служба ихъ паче всѣхъ странъ. Мы убо не можемъ забыти красоты тоя; всякъ бо человѣкъ, аще укусить сладка, послѣди горести не пріимаеть, тако и мы не имамы сдѣ быти [1]).“ Въ этомъ разсказѣ, признаваемомъ историческою критикой за простой вымыселъ самого лѣтописца [2]), со всею наивностію и, намъ представляется, въ высшей степени правдиво обрисовывается непритворный восторгъ, возбуждавшійся въ сердцахъ древнихъ русскихъ людей великолѣпіемъ Цареградскаго храма. Тѣми же чувствами благоговѣйнаго удивленія и неподдѣльнаго восторга проникались и потомъ наши предки при видѣ послѣдняго. Стефанъ-новгородецъ, въ простодушномъ изумленіи обошедшій и осмотрѣвшій въ половинѣ XIV вѣка всѣ достопримѣчательности Царьграда, свои впечатлѣнія отъ главной изъ нихъ передаетъ буквально въ слѣдующемъ выраженіи: „А о святой Софіи-Премудрости Божіей умъ человѣчь не можетъ ни ска-

[1]) Лаврентьевск. лѣтоп. подъ 9495 г. П. С. Р. Л. т. I, стр. 46. [2]) *Проф. Е. Е. Голубинскаго* И. Р. Ц. I, 1 стр. 111—112, изд. 2. М. 1901.

зати, ни вычести, и что видѣхомъ, то и написахомъ [1])". „Величества и красоты ея, по словамъ дьяка Александра, немощно исповѣдати [2])". Почти въ такихъ же словахъ выразилъ и упомянутый Лукьяновъ чувство, охватившее его по вступленіи въ св. Софію: „А когда мы взошли на верхнія палаты (т. е. хоры), тогда умъ человѣчь премѣнился, такое диво видѣвши, что уже такова дива въ подсолнечной другова не сыщешь... И ходихомъ мы и дивихомся таковому строенію: уму человѣчью невмѣстимо [3])". „Досточудный и прехвальный храмъ св. Софіи", по выраженію Григоровича-Барскаго, „земное небо, новый Сіонъ, похвала вселенныя, слава церквей" [4]). Русскіе паломники, въ родѣ только что нами названныхъ, не находившіе въ себѣ достаточныхъ силъ и словъ для сколько-нибудь удовлетворительнаго описанія величія и красоты Цареградскаго храма, нѣтъ сомнѣнія, своими восторженными отзывами поддерживали извѣстнаго рода чувства къ нему въ своихъ соотечественникахъ, но сами, понятно, дальше этихъ чувствъ не шли и не могли идти. Другое дѣло жившіе ранѣе ихъ древне-русскіе князья и святители, располагавшіе несравненно бо́льшими средствами переводить свои мысли и чувства въ дѣйствительность. Для многихъ изъ нихъ св. Софія Константинопольская съ ея неописуемою красотой и несказаннымъ богатствомъ своего внутренняго убранства была не только предметомъ сокровенныхъ думъ и затаенныхъ желаній, но и памятникомъ, которому они, сколько было въ ихъ власти, старались подражать въ своей церковно-строительной дѣятельности.

Скудны свѣдѣнія, сообщаемыя лѣтописями по интересующему насъ въ данномъ разѣ вопросу, но нѣкоторые факты, хотя бы и кратко отмѣченные ими изъ послѣдней, все же кой о чемъ говорятъ. „Въ лѣто 6545 заложи Ярославъ *городъ великый* Кіевъ, *у негоже града суть Златая врата; заложи же и церковь святыя Софья, митрополью*, и посемъ церковь на Золотыхъ воротѣхъ св. Богородицѣ Благовѣщенье, посемъ св. Георгія манастырь и *святыя Ирины* [5])". Читая это лѣтописное извѣстіе, невольно переносишься своею мыслію въ Константинополь и вспоминаешь и его знаменитыя крѣпостныя стѣны, и столь извѣстныя въ исторіи Византіи Золотыя ворота, и св. Софію, и даже цер-

---

[1]) *Сахарова* Сказанія русскаго народа, кн. VIII стр. 52. [2]) Тамъ же кн. VIII стр. 72. Согласно съ дьякомъ Александромъ писалъ и діаконъ Игнатій: „Поидохомъ къ церкви святей Софіи. . . и пребыхомъ все утро во церкви. покланяющеся и *дивящеся* чудесемъ святыхъ и *красотѣ безмѣрней церковней*". Тамъ же кн. VIII. стр. 100. [3]) Путешествіе въ св. землю, стр. 30. [4]) Странствованій по св. мѣстамъ ч. IV, стр. 4, 15. [5]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 65; сн. Густинск. лѣтоп. тамъ же т. II, стр. 266—267.

ковь Ирининскую. Видимое дѣло, Ярославъ Великій, находившійся въ постоянныхъ и живыхъ сношеніяхъ съ Греками, бравшій за своихъ сыновей дочерей византійскихъ царей [1]) и близко знакомый съ достопримѣчательностями Царьграда, задумалъ сдѣлать изъ своего стольнаго города Кіева въ своемъ родѣ Константинополь и повторить у себя его памятники. Восемь лѣтъ спустя, „въ лѣто 6553 заложи великій князь Владиміръ Ярославичъ, внукъ великаго князя Владимира Кіевскаго и всея Росіи, крестившаго Русскую землю, въ Великомъ Новѣградѣ *церковь каменную св. Софіи*... и, устроивъ церковь, *приведоша иконныхъ писцевъ изъ Царяграда*“ [2]). Безъ сомнѣнія, созидая въ Новгородѣ св. Софью, сынъ слѣдовалъ прежде всего примѣру отца, какъ потомъ виновники другихъ нашихъ Софійскихъ соборовъ—древнихъ и позднѣйшихъ: Полоцкаго, Вологодскаго, Тобольскаго и Гродненскаго слѣдовали въ нѣкоторомъ смыслѣ имъ обоимъ, а въ сущности всѣ—одни болѣе, другіе менѣе сознательно брали для себя въ образецъ храма Великую Константинопольскую церковь. Насколько удачно выходило въ этомъ случаѣ подражаніе и насколько наши Софіи: Кіевская, Новгородская и всѣ прочія походили по своему виду и убранству на византійское святилище,—это иной вопросъ; важно то, что въ сознаніи древней Руси послѣднее представлялось идеаломъ храмового устройства и преклоненіе передъ нимъ нашихъ предковъ долго имѣло мѣсто и было не менѣе сильно, чѣмъ у самихъ Византійцевъ въ свое время.

Есть основаніе думать, что и всѣ наши древнѣйшія соборныя и почему-либо извѣстныя церкви въ честь Богоматери и преимущественно въ честь успенія Ея: въ Кіевѣ, Тмутаракани, Переяславлѣ и Черниговѣ —на княжихъ дворахъ, Владимирѣ Волынскомъ, Галичѣ, Смоленскѣ, Владимирѣ на Клязьмѣ, Суздалѣ, Ростовѣ, Ярославлѣ, Москвѣ, Костромѣ и друг. городахъ [3]), имѣли нѣкоторое отношеніе къ знаменитому Софійскому храму въ Греціи, какъ и другимъ храмамъ того же имени въ земляхъ славянскихъ и у насъ [4]). Во всякомъ разѣ возникновеніе на

---

[1]) Тамъ же II, 267. [2]) Тамъ же I, 67; II, 268; Новгор. 3-я лѣт. подъ 6528 годомъ: П. С. Р. Л. III, 210. [3]) Тамъ же I, 52—54, 63, 116—117, 149, 184, 185, 189; V, 120, 217. [4]) Проф. Е. Е. Голубинскій, основываясь на свидѣтельствѣ Дитмара, епископа Мерзебургскаго, утверждаетъ, что Владимирова Десятинная церковь Успенія Богородицы „до Ярославовой Софіи *также называлась Софіей*“ (И. Р. Ц. I, 2 стр. 82, 87. М. 1881). Въ прибавленіи къ Ипатьевской лѣтописи говорится, что Корсунскій епископъ крестилъ вел. кн. Владимира „во церквѣ святой Софіи, посредѣ града“ (П. С. Р. Л. т. II, стр. 256; сн. т, I стр. 46, конецъ, и варіанты къ ней). Этой св. Софіи, бывшей, какъ не безъ основанія полагаютъ, каѳедральнымъ храмомъ Корсуни и мѣстомъ вѣнчанія вел. кн. Владимира на греческой царевнѣ, и подражалъ ближе всего, можно думать, послѣдній, устроя свою Десятинную церковь

Руси многочисленныхъ Успенскихъ соборовъ не было случайнымъ и безпричиннымъ. Несомнѣнно много значила въ появленіи ихъ у насъ сила привычки и подражанія. Князья, свыкавшіеся съ мыслію о *домѣ пресв. Богородицы* на одномъ столѣ, желали имѣть таковой же и по своемъ перемѣщеніи на другой; удѣльные изъ нихъ соперничали съ великими. Младшіе города не хотѣли отставать отъ старшихъ въ отношеніи своей главной святыни и называли ее тѣмъ-же именемъ, что́ и послѣдніе. Но за одноименностію нашихъ соборныхъ церквей, помимо указанныхъ причинъ, кроется еще одна и, на нашъ взглядъ, наиболѣе глубокая—это основная идея ихъ посвященія, ставящая во внутреннюю связь наши древнѣйшіе храмы въ честь Богоматери съ храмами въ честь св. Софіи. Есть различныя и совершенно достаточныя данныя утверждать, что даже древне-русскіе книжники, не говоря уже о простомъ людѣ, различно или по крайней мѣрѣ довольно смутно еще въ XV—XVII столѣтіяхъ представляли себѣ св. Софію. Высокая и отвлеченная идея Божественной Премудрости, которой посвященъ былъ храмъ византійскій, была, повидимому, выше пониманія простодушной Руси X—XI вѣка. Плодъ созерцательнаго ума восточныхъ христіанъ, она въ данную эпоху едвали даже одинаково ясна была и для самихъ Грековъ. Въ сознаніи послѣднихъ эта идея заслонялась, какъ кажется, за это время другою религіозной идеей или, лучше сказать, другимъ конкретнымъ и вполнѣ опредѣленнымъ образомъ, овладѣвшимъ всѣмъ существомъ Византійцевъ.

Въ чье имя построена была Константиномъ Великимъ знаменитѣйшая потомъ церковь его новой столицы, посвящена-ли она была Ипостасной Премудрости, второму лицу св. Троицы, или же только идеѣ высочайшей мудрости, одному изъ свойствъ Божіихъ [1]),—за неимѣніемъ

и называя ее Софійскою, по воспоминанію о дорогой для него Софіи Корсунской. Десятинная церковь въ честь Успенія пресв. Богородицы, бывшая до Ярославовой Софіи митрополичьимъ храмомъ, сдѣлалась потомъ образцомъ для всѣхъ нашихъ Успенскихъ соборовъ и церквей. [1]) Церковь строилась въ то время, когда шли оживленные споры въ обществѣ и на соборѣ епископовъ о божествѣ Спасителя, когда „*Слово Божіе, Сила и Премудрость Отца*“ (*δύναμις καὶ σοφία*) были на устахъ многихъ христіанъ (Eusebii Hist. Eccles. lib. I cap. 2, pag. 5, 7—8, 10 по изд. *Швеглера*; русск. пер. т. I, стрр. 5, 8—9, 11—12). Прійти къ мысли о построеніи храма во имя *Премудрости Божіей* было вполнѣ естественно въ эту именно пору лицамъ, вѣрившимъ въ предвѣчность Слова Божія, въ божественность І. Христа. Могло статься это и съ Константиномъ Великимъ, занимавшимся изученіемъ свящ. Писанія, рѣшеніемъ догматическихъ вопросовъ и даже составленіемъ цѣлыхъ богословскихъ трактатовъ, строившимъ храмы христіанскому Богу и предписывавшимъ особыми указами правителямъ областей и епископамъ умножать церкви и украшать ихъ. Но сохранилось извѣстіе (*Сократа* Ц. И. кн. I гл. 16, русск. перев.

подъ руками положительныхъ историческихъ данныхъ не беремся рѣшать окончательно этотъ вопросъ. Несомнѣнно одно, что еще задолго до своей перестройки заново Юстиніаномъ она признавалась главнымъ, *соборнымъ* храмомъ города и извѣстна была подъ именемъ *великой церкви Софіи* [1]). Въ эпоху названнаго императора подъ Софіею несомнѣнно разумѣли Слово Божіе, и Павелъ Силенціарій—восторженный описатель Софійскаго храма не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что послѣдній посвященъ былъ Христу-Жизнодавцу, въ честь Котораго и неискусобрачно родившей Его Матери воспѣвались, по его словамъ, гимны въ праздникъ такъ называемаго *отверзенія дверей* Великой церкви и *обновленія* ея. [2]) Не случайнымъ, а наоборотъ глубоко знаменательнымъ представляется намъ и то обстоятельство, что праздникъ освященія св. Софіи приходился и ежегодно праздновался 22—23 декабря [3]), служа для Константинопольцевъ предпразднествомъ къ рождеству Христову. Не простое совпаденіе, а сознательно работавшую мысль усматриваемъ мы въ этомъ. Рѣшившись посвятить новосозданный храмъ по-прежнему Премудрости Божіей, импер. Юстиніанъ съ Константинопольскимъ па-

стр. 74; сн. Anonymi Des. Sophia у Banduri Imper. orient. t. I, Antiquit. Constantinopol. lib. IV. p. 65; Codini De s. Sophia, p. 130. Ed. Bonnae; *Дюканжа* Constantinopol. Christ., lib. III—IV, p. 6—7, 147; *Григоровича-Барскаго* Странствованія по св. мѣстамъ, ч. IV стр. 20), что равноапостольнымъ императоромъ, кромѣ храма Премудрости, воздвигнуты были въ Константинополѣ еще двѣ церкви: *Мира* (Ἡ ἁγία Εἰρήνη) и *Силы* (Ἡ ἁγία Δύναμις). Это указываетъ какъ будто на то, что онъ „посвящалъ свои храмы идеямъ и въ частности идеѣ божественной Премудрости, безъ всякаго отношенія этого понятія къ Сыну Божію (*Филимонова* Очерки русской христіанской иконографіи въ Вѣстникѣ Общества древнерусскаго искусства, 1874 г. № 1, отд. I стр. 3—4; сн. проф. *Кондакова* Византійскія церкви и памятники Константинополя въ Трудахъ VI Археологическ. съѣзда въ Одессѣ, т. III., стр. 109 и др.). Но допустимо здѣсь и другого рода предположеніе и объясненіе. Императоръ, содѣйствовавшій всѣми, зависѣвшими отъ него, средствами упроченію христіанства, въ цѣляхъ привлеченія и приготовленія къ послѣднему язычниковъ, могъ посвящать храмы Тому, что для однихъ, именно язычниковъ, было только идеей, а въ сознаніи другихъ—христіанъ связывалось съ опредѣленнымъ Лицомъ. [1]) *Сократа* Ц. И. кн. II гл. 6, 16, 43; русск. пер. стрр. 132, 147—148, 243. [2]) Pauli Silentiarii Descript. s. Sophiae, verss. 326—343, 429—437 и др., pp. 17—18, 22—23. *Дюканжа* Const. christ. lib. III, p. 6—7. [3]) Первое обновленіе Великой церкви, по лѣтописи Византійца *Θеофана* (русск. перев. *Оболенскаго и Терновскаго*, стр. 176), было 26 декабря 537 года; по *Кодину*, признаваемому *Дюканжемъ* (Const. christ. lib. III, p. 9) за болѣе въ данномъ разѣ достовѣрнаго,—22 декабря (De s. Sophia, p. 143). Второе обновленіе св. Софіи, по исправленіи ея полуобрушившагося 7 мая 558 года купола, по Александрійской хроникѣ происходило 24 декабря 563 года (*Дюканжа* Const. christ. III, 16). Павелъ Силенціарій довольно ясно даетъ также понять, что за праздникомъ обновленія непосредственно долженъ былъ наступить день рождества Христова (vers. 329—330). По древнѣйшему уставу Великой церкви и другимъ богослужебнымъ книгамъ отверзеніе дверей Великой церкви и освященіе ея положены 22—23 декабря (*Дмитріевскаго* Опис. литург. рукопп. востока. т. I

тріархомъ по естественному и донынѣ наблюдаемому порядку вещей освятили его въ преддверіи праздника воплотившагося Слова [1]).

Восхвалявшаяся въ пѣснопѣніяхъ праздника обновленія Великой церкви больше по связи со Христомъ-младенцемъ, Богоматерь получаетъ со временъ приблизительно Юстиніана особенное значеніе въ Византіи, постепенно становится здѣсь предметомъ горячаго и высоко-патріотическаго почитанія. [2]) Церковные ораторы и пѣснописцы съ особенною любовію составляли теперь похвальныя слова и гимны въ честь Богородицы; живописцы усердно трудились надъ изображеніями Ея. Набожные родители, благословляя своихъ дочерей на замужество или от-

---

стр. 33—34; *Дюканжа* Const. christ. lib. III, 10; *архіеп. Сергія* Полный мѣсяцесл. Востока, т. II стр. 391—2. Владиміръ. 1901 г.). Праздновать наканунѣ Рожд. Христова, въ навечеріе его, обновленіе Великой церкви, со временемъ, вѣроятно, не нашли удобнымъ, а 26 дек. праздновали торжественно соборъ Богоматери во Влахернскомъ храмѣ. Какъ бы то ни было, но остается несомнѣнною связь празднованія и перваго и втораго обновленія Великой церкви съ праздникомъ Р. Христова, и въ виду ея невольно спрашиваешь себя: не былъ-ли послѣдній *храмовымъ* праздникомъ въ св. Софіи Царьградской? Митр. Евгеній Болховитиновъ (Описан. Кіево-Софійскаго собора, стр. 18. Кіевъ. 1825), задавшись вопросомъ о томъ, „въ какой день греки совершали храмовое празднованіе Софіи-Премудрости Божіей", — отвѣчаетъ: *„храмовыми ихъ праздниками были больше дни освященія церквей"*. На нашъ взглядъ, дни обновленій церквей, дѣйствительно Константинопольцами свѣтло праздновавшіеся, уже и тогда отличались отъ праздниковъ храмовыхъ. Тѣ и другіе могли совпадать, преемственно слѣдовать другъ за другомъ, но все же были они различны... „Наши божественные храмы и домы, какъ посвященные Богу, носятъ имя Его", замѣчаетъ между прочимъ Константинопольскій патріархъ Никифоръ; „о чемъ также свидѣтельствуетъ *пріуроченная къ каждому изъ нихъ память какого-либо изъ святыхъ*" (русск. пер. его твореній ч. I, стр. 337). [1]) По свидѣтельству Византійца Θеофана, діакона Павла, Кедрина и другихъ, незадолго до освященія св. Софіи Юстиніанъ „предалъ пѣти въ ней и въ другихъ церквахъ и стихъ отъ него сочиненный: *Единородный Сыне и Слове Божій.*" Не было-ли ближайшимъ поводомъ къ введенію пѣсни, помимо опроверженія несторіанства, обновленіе храма въ честь присносущнаго Слова? Часть пѣсни вошла въ *надпись на престолѣ* Софійскаго храма, построеннаго во имя Сына Божія (*Дюканжа* Const. christ. III, 48. *Архіеп. Филарета* Истор. обзоръ пѣснопѣвцевъ, стр. 162—163. Спб. 1860). [2]) Слѣды почитанія Богоматери въ Константинополѣ можно находить и ранѣе; о немъ говоритъ уже перенесеніе одеждъ Ея сюда въ половинѣ V вѣка, способствовавшее усиленію здѣсь культа св. Дѣвы. Оживленію и распространенію послѣдняго содѣйствовалъ и импер. Юстиніанъ. По свидѣтельству Прокопія, онъ воздвигнулъ два храма въ честь Богородицы, которые находясь оба за чертою города, составляли своего рода неодолимый филактерій для твердынь его (De aedificiis Justiniani, p. 188: *ἀκαταγώνιστα φυλακτήρια τῷ περιβόλῳ τῆς πόλεως*. Edit Bonnae). Мысль о заступничествѣ Богоматери за Византію, робко высказанная Прокопіемъ, болѣе ясное свое выраженіе нашла въ извѣстномъ несѣдальномъ гимнѣ или акаѳистѣ пресв. Богородицѣ, составленномъ, предполагаютъ, Георгіемъ Писидійскимъ, по случаю пораженія Персовъ и Аваровъ при Ираклія, въ 625 году, подъ стѣнами Константинополя. Она опредѣленно выражена и въ содержаніи перваго кондака и въ нижеслѣдующихъ словахъ послѣдняго икоса

правляя ихъ въ монастырь, считали своею обязанностію поручить будущность своего дѣтища заступничеству Царицы небесной и снабжали его иконою пресв. Дѣвы. Позднѣйшее преданіе посвятило имени Богородицы самую столицу и жители послѣдней считали ее покровительницей своего города [1]). Всѣ главнѣйшія политическія событія происходили подъ Ея защитою и важнѣйшія побѣды совершались подъ Ея знаменемъ. Тріумфаторы-цари, въѣзжая въ столицу, вмѣсто себя поставляли на парадную колесницу икону Богоматери—„непобѣдимой воеводы или защитницы и неодолимой соратницы“ своей на войнѣ. [2]) Немудрено поэтому, что изображеніе Ея довольно скоро сдѣлалось государственною эмблемою Византіи и со времени импер. Льва Мудраго (886—911) весьма часто встрѣчается въ нумизмамикѣ. На монетахъ нѣкоторыхъ царей изъ династіи Комненовъ эта религіозно-патріотическая идея нашла себѣ весьма наглядное выраженіе въ образѣ молящейся св. Дѣвы, окруженной городскими стѣнами [3]), и нѣтъ нужды объяснять, что эти стѣны обозначали столицу восточной имперіи, избавленіе которой не разъ было связано съ Ея именемъ.

Въ виду такого глубоко-благоговѣйнаго отношенія Византійцевъ къ лику Богоматери нисколько неудивительно, если культъ Ея у нихъ былъ широко распространенъ и даже гораздо болѣе внѣшне былъ развитъ, чѣмъ культъ Ея Божественнаго Сына. Изъ великаго множества церквей, украшавшихъ Царь-градъ, большую часть, преобладающее число, по свидѣтельству самихъ греческихъ писателей, составляли храмы Богоматери. Не было общественнаго или публичнаго мѣста, царскаго дворца, монастыря и сколько-нибудь знатнаго жилища, въ которыхъ не было бы церкви иль молельни въ честь Ея.“ [4]) Даже многое въ убранствѣ храмовъ, посвященныхъ не Богоматери, исполненныя, напримѣръ, такимъ

„Радуйся, царствія *нерушимая стѣно* (*τῆς βασιλείας τὸ ἀπόρθητον τεῖχος*: ср. выраженія: *τεῖχος ἀκαταμάχητον, τῇ ὑπερμάχῳ στρατηγῷ τὰ νικητήρια*, прилагавшіяся къ Богородицѣ)! Радуйся Еюже воздвижутся побѣды! Радуйся, Еюже низпадаютъ врази“. [1]) Наиболѣе пластично мысль о посвященіи Константинополя Богоматери выражена въ житіи Андрея Юродиваго. На вопросъ своего ученика Епифанія: Како сей градъ (т. е. Константинополь) кончатися хощетъ и сущія здѣ св. церкви камо ся дѣнуть,—блаженный рече: о градѣ нашемъ вѣси, яко до кончины (т. е. міра) не боится ни единаго языка: не сотворятъ ему зла, ни возмутъ его: *вданъ бо есть даромъ Богородици* (т. е. отданъ въ наслѣдіе Богородицѣ) и никтоже можетъ отъяти его отъ честныхъ рукъ Ея“ (Макарьевскія Чети—минеи, Октябрь, ст. 209—210, 215—218, изд. Археограф. Коммисіи). [2]) *Никиты Хоніата* Исторія царствованія Мануила Комнина, кн. V гл. 3; русск. пер. т. I, стр. 202—203; сн. стр. 24—25. [3]) Много позднѣе импер. Іоаннъ Палеологъ (1341—1376) далъ этой мысли не удачное, совсѣмъ фамильярное выраженіе, представивъ себя на монетахъ подающимъ руку Богородицѣ. [4]) *Дюканжа* Constant. christ. lib. IV, p. 82.

или инымъ способомъ на видныхъ мѣстахъ ихъ изображенія послѣдней, краснорѣчиво говорило Константинопольцамъ объ ихъ небесной Покровительницѣ, воспитывая въ нихъ уже извѣстнаго рода чувство къ Ней и вмѣстѣ вытѣсняя изъ ихъ сознанія мысль о томъ, что тотъ или другой храмъ построенъ во имя нарочитаго святаго или святой. Великая церковь не только не была въ этомъ отношеніи исключеніемъ, но и представляетъ, на нашъ взглядъ, нѣсколько монументальныхъ данныхъ въ подтвержденіе только что высказанныхъ соображеній.

Немного сравнительно было лицевыхъ изображеній въ храмѣ Юстиніановомъ, да и они не особенно выразительно говорили присутствовавшимъ въ немъ о томъ, въ чье имя посвященъ онъ. Символическій намекъ на Премудрость Божію, усматриваемый современными учеными въ изображеніи престола съ раскрытымъ на немъ Евангеліемъ и спускающимся на него Духомъ Св. на карнизѣ главной входной двери Софійскаго собора, тогда, какъ и теперь, далеко не для всѣхъ былъ понятенъ и мало кому говорилъ объ идеѣ посвященія храма. Гораздо яснѣе и несомнѣнно большему числу посѣтителей говорилъ о ней дважды повторенный въ храмѣ и при томъ въ замѣтныхъ мѣстахъ его прямой образъ Христа [1]), который естественнѣе и легче всего было истолковать въ смыслѣ указанія на патрона храма. Реставраціи, произведенныя въ св. Софіи импер. Василіемъ Македонянином (867—886) и его преемниками, расширили кругъ мозаическихъ изображеній ея и первыя, можно сказать, мѣста въ немъ отвели Богоматери. Ликъ Ея красовался и въ храмѣ Юстиніановомъ, но въ боковыхъ и второстепенныхъ частяхъ его внутренняго убранства [2]); теперь же погрудное, въ медальонѣ, изобра-

[1]) Говоря это, разумѣемъ собственно изображенія Спасителя надъ олтарной преградой—въ срединѣ *τέμπλον*'а, говоря позднѣйшимъ языкомъ, и вышитое разноцвѣтнымъ шелкомъ на одной изъ завѣсъ киворія, именно лицевой, висѣвшей прямо предъ глазами молящихся. Первое изъ нихъ ясно указано Павломъ Силенціаріемъ, а второе даже обстоятельно имъ описано (verss. 691—694, 758—785, pp. 34, 37—38). Въ куполѣ, по словамъ Дюканжа (Const. christ. lib. III, p. 30), Юстиніанъ приказалъ изобразить мозаикой Христа, сидящаго на радугѣ, въ образѣ Судіи вселенной. Силенціарій ни слова не говоритъ объ этомъ изображеніи Вседержителя, хотя не разъ (vers. 489—496, 529—531) касается купола, описываетъ его великолѣпіе и упоминаетъ о крестѣ на немъ—*хранителѣ города* (*ἀκροτάτης δὲ σταυρὸν ὑπὲρ κορυφῆς ἐρυσίπτολιν ἔγραφε τέχνη*). Дюканжъ передаетъ со словъ *очевидцевъ*, но послѣдніе легко могли изображеніе позднѣйшаго происхожденія отнести ко времени импер. Юстиніана. [2]) Имѣемъ въ виду изображенія Богоматери—одно въ темплонѣ, другое на боковой завѣсѣ киворія (Silentiarii Descipt. s. Sophiae, verss. 709—711, 802—804, pp. 34—35, 38—39; сн. графа *Уварова* Византійскій альбомъ, т. I в. 1, стр. 39—40). О второмъ описатель говоритъ: „А на прочихъ завѣсахъ ты найдешь соединяемыхъ царей—въ одномъ мѣстѣ длaнями богоносной Маріи, въ другомъ—рукою Христа Бога". Такъ уже Юстиніанъ,

женіе Богородицы съ Христомъ младенцемъ при персяхъ Ея и съ полными фигурами первоверховныхъ апостоловъ по сторонамъ не безъ намѣренія конечно было представлено по срединѣ главной западной арки, *при входѣ въ самый храмъ* [1]). Въ сводѣ олтарной абсиды также находилось большое мозаическое изображеніе Богоматери, сидѣвшей на золотомъ престолѣ, съ стоящимъ на колѣнахъ Ея Богомладенцомъ [2]). Въ наукѣ неизвѣстно время исполненія этой мозаики, а между тѣмъ она весьма важна для насъ въ данномъ случаѣ. Являясь своего рода духовнымъ и художественнымъ средоточіемъ въ св. Софіи, этотъ образъ Богоматери долженъ былъ глубоко запечатлѣваться въ душахъ устремлявшихъ взоръ свой къ олтарю молящихся—такъ же, какъ погрудное изображеніе Ея на западной аркѣ невольно бросалось въ глаза всѣмъ, вступавшимъ въ храмъ. Вдумчивый посѣтитель послѣдняго въ томъ и другомъ образѣ внутреннимъ окомъ своимъ не слабѣе прежняго, разумѣется, видѣлъ воплотившееся Слово, но въ умахъ простыхъ и ненаблюдательныхъ они могли поселять если не смуту, то во всякомъ разѣ раздумье относительно Лица, Коему посвященъ былъ храмъ.

Это раздумье въ людяхъ некнижныхъ могло поддерживаться отчасти пѣснопѣніями, раздававшимися по временамъ въ св. Софіи, напримѣръ, въ день обновленія ея. Многое въ службѣ на этотъ праздникъ, начиная съ тропаря, содержавшаго въ себѣ обращеніе къ Богородицѣ, какъ покровительницѣ города, и кончая пареміями, читавшимися обычно въ праздники *богородичные*, говорило о Матери Божіей [3]), точно это былъ день Ея храмового праздника... Правда, чуткое ухо сознательныхъ участниковъ въ службѣ не могло прослушать и другаго тро-

---

а за нимъ и весьма многіе изъ византійскихъ императоровъ ставили себя подъ защиту пресв. Богородицы, къ Которой относились съ самымъ глубокимъ благоговѣніемъ. Подробнѣе объ этомъ см. у Rohault de Fleury La Sainte Vierge, tom. I, pp. 336—341. [1]) Сдѣланныя по приказанію импер. Василія Македонянина (867—886) мозаики эти, по словамъ Зальценберга, очень повреждены. Alt-christliche Baudenk male von Constantinopel, p. 102; blatt XXXII. *Дюканжа* Const. christ. III, 26–27. [2]) Die Mitte dieser (олтарной) Conche über den funf Fenstern schmückt die Darstellung der Mutter Gottes: auf einem Throne sitzend, vor sich zwischen den Knieen das stehende Christus Kind haltend... Christus hält die Rechte vor sich erhoben, die Linke gegen die Brust gelehnt (Salzenberg, Op. cit. p. 108). Этому изображенію Богоматери по мѣсту соотвѣтствуетъ *Нерушимая стѣна* въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, а въ позднѣйшихъ нашихъ полныхъ иконостасахъ, именно въ третьемъ тяблѣ, „образъ пречистые Богородицы *Воплощеніе*“. [3]) *Дмитріевскаго* Опис. рукопп. т. I, стр. 84. Тропарь: „Градъ твой, Богородице, о тебѣ царствующій, отъ великихъ несчастій тобою свобожденный, гимнъ хвалы приноситъ тебѣ, произнося священную пѣснь твою: Величитъ душа моя Господа, яко сотвори мнѣ величіе Сильный и единый Многомилостивый“.

царя съ обращеніемъ ко Христу [1]) и того мѣста изъ книги *Притчей*, въ которомъ ясно повѣствовалось о *Премудрости, создавшей себѣ домъ* [2]).

[1]) Другой тропарь: „Градъ нашъ, Господи, яко око вселенныя, отъ всякаго твоего праведнаго прещенія свободи и жезломъ власти своеи всячески украси, отъ варваровъ избавленіе и отъ опасностеи свобожденіе Богородицею даруяй". Монументальное выраженіе основныхъ мыслей обоихъ тропарей мы лично усматриваемъ въ помѣщенной надъ главными или *царскими* дверьми въ притворѣ св. Софіи замѣчательной и довольно хорошо извѣстной мозаической иконѣ Спасителя, сидящаго на роскошно убранномъ тронѣ, десницею благословляющаго, а шуйцею держащаго Евангеліе, раскрытое на словахъ: *Εἰρήνη ὑμῖν, ἐγὼ εἰμὶ τὸ φῶς τοῦ κόσμου*, съ упавшимъ у ногъ Его въ полномъ царскомъ одѣяніи императоромъ. Справа отъ Христа, надъ императоромъ, поясное въ медальонѣ изображеніе молитвенно простершей руки къ Своему Сыну Богоматери; слѣва таковое же изображеніе архангела съ строгимъ и даже грознымъ выраженіемъ лица, съ жезломъ въ рукѣ. Мозаику относятъ теперь къ концу IX—началу X в. и въ фигурѣ склонившагося передъ Спасителемъ императора видятъ Льва Мудраго. Проф. Кондаковъ „рѣшается утверждать, что медальоны по сторонамъ Христа представляютъ наглядную иллюстрацію словъ Спасителя, начертанныхъ на раскрытомъ Евангеліи въ Его лѣвой рукѣ: *Миръ вамъ, Азъ есмь свѣтъ міру*... Слова Евангелія указываютъ намъ", разсуждаетъ почтенный изслѣдователь, „въ ликѣ Архангела (Михаила)—*свѣтъ*, въ женской фигурѣ *Ирину-миръ*. Притомъ эта мозаика явно не чужда воспоминаній о только что пережитой эпохѣ иконоборства и прославляетъ возстановительницу иконопочитанія". Въ цѣломъ проф. Кондаковъ считаетъ ее „за изображеніе торжества православія и въ тоже время за древній иконописный типъ Софіи—Премудрости Божіей, исполненный въ началѣ X столѣтія". (Труды VI Археолог. съѣзда въ Одессѣ, т. III стр. 115, 124—125). Не входя въ детальный разборъ приведеннаго, на нашъ взглядъ, довольно искусственнаго объясненія, замѣтимъ только, что все изображеніе можно объяснить гораздо проще. Въ лицѣ колѣнопреклоненнаго императора жители Константинополя какъ бы просятъ Спасителя даровать имъ миръ и избавленіе отъ всякихъ бѣдъ и напастей молитвами Богородицы—ихъ всегдашней Заступницы и предстательствомъ небесныхъ воинствъ архистратига. Съ просьбою о помощи и надеждами на нее все болѣе и болѣе слабѣвшая Византія, кромѣ Богоматери, обращалась и къ нѣкоторымъ особо излюбленнымъ святымъ, которые въ преданіяхъ всѣхъ христіанскихъ народовъ признавались пособниками въ войнѣ и защитниками отъ непріятелей. Таковы архангелъ Михаилъ, Георгій Побѣдоносецъ, Димитрій Солунскій, Ѳеодоръ Тиронъ и другіе, изображенія которыхъ красовались на дворцовыхъ знаменахъ, выносившихся во время процессій и на молебны по случаю побѣдъ. Въ общемъ занимающая насъ мозаика—древнѣйшій и особаго перевода такъ называемый деисусъ (*δέησις*) съ центральною фигурою Премудрости Божіей, коей посвященъ былъ храмъ.

[2]) Разсказывалось ясно, но понимаемо могло быть это мѣсто далеко неодинаково. Съ глубокой христіанской древности слова книги Притчей о *Премудрости* различно объяснялись экзегетами. Одни подъ Нею разумѣли Сына Божія, другіе—Богоматерь, третьи—церковь. Были и такіе писатели, напримѣръ, Игнатій Богоносецъ, которые находили возможнымъ относить Премудрость и къ Сыну Божію и къ Богоматери (см. *митроп. Евгенія* Описан. Кіево-Софійск. собора, стр. 17—18). Это разногласіе въ пониманіи Премудрости и недоумѣнія на счетъ того, какое Лицо Она означаетъ, продолжались черезъ весь византійскій періодъ исторіи. Историкъ Прокопій, не говоря опредѣленно объ отношеніи Софіи къ одному изъ Лицъ св. Троицы, замѣчаетъ лишь, что храмъ и прежде построенія его Юстиніаномъ назывался у Византійцевъ Софіею, *какъ именемъ всего болѣе приличнымъ Богу*](*Дюканжа* Const. christ. lib. III p. 6). Послѣдующіе писа-

Но масса народная, не всегда внимательная и не всегда способная вѣрно разобраться въ видимомъ и слышимомъ, выносила изъ стѣнной росписи и праздничнаго богослуженія Великой церкви во всякомъ случаѣ двойственное впечатлѣніе и естественно могла задаваться вопросомъ: что же въ ней, который образъ: Спасителя или Богоматери олицетворяетъ собою св. Софію, именемъ которой былъ названъ храмъ? Въ умахъ многихъ Византійцевъ легко при этомъ было произойти перестановкѣ, какъ бы сказать. Лицъ и благоговѣйно чтимому образу Небесной покровительницы города стать на мѣсто лика Христова [1]). Еще скорѣе и легче этому было статься въ религіозно-неразвитомъ сознаніи новообращенныхъ въ христіанство варваровъ, не исключая изъ числа ихъ и нашихъ предковъ.

Болѣе развитые и книжные люди древней Руси, въ родѣ Дружины Ядрѣйковича, въ иночествѣ Антонія, архіепископа Новгородскаго, разумѣли подъ Премудростію *Присносущное Слово Божіе* [2]); но понятія подавляющаго большинства грамотныхъ людей, тѣмъ болѣе народныхъ массъ на счетъ Софіи были самыя неустойчивыя. Такъ, напримѣръ, Новгородцы, имѣвшіе болѣе, чѣмъ кто-либо другой изъ древне-русскихъ

тели, упоминая по тому или другому поводу о Великой церкви, никѣмъ и ничѣмъ не вызываемые, однакоже поясняютъ, что наименованіе де ея „взято отъ Премудрости Божіей, что св. Софія означаетъ Слово Божіе". *Никиты Хоніата* Исторія, Царствов. Іоанна Комнина гл. 5; русск. перев. т. I стр. 25, *Anonymi* De s. Sophia y Banduri Imper. orient. t. I. Antiquit. Const. lib. IV p. 70; Codini De s. Sophia, p. 137—138). Эти поясненія греческихъ писателей не о чемъ иномъ говорятъ, на нашъ взглядъ, какъ о томъ, что названіе св. Софіи представлялось Византійцамъ неяснымъ, загадочнымъ, заставлявшимъ ихъ разно думать о Лицѣ, къ которому оно относилось. [1]) Примѣчательно, что на лицевой сторонѣ большей части печатей, извѣстныхъ доселѣ въ наукѣ и принадлежавшихъ клиру Великой Константинопольской церкви, отдѣльнымъ его членамъ или чинамъ патріаршаго двора, по сторонамъ храма св. Софіи и поддерживающими его изображены—слѣва отъ зрителя Богоматерь, справа импер. Юстиніанъ Великій Въ надписяхъ читаемъ *Ὑπεραγία Θεοτόκε βοήθει τοῖς θεοσεβεστάτοις πρεσβυτέροις καὶ ἐκκλησεκδίκοις*; или: *Θεοτόκε βοήθει Ἰουστινιάνο* (sic) *δεσπότῃ*; или: *Θεοτόκε βοήθει Ἰωάννῃ διακόνῳ τῆς μεγάλης ἐκκλησίας χαρτουλαρίῳ*. Импер. Юстиніанъ представлялся, естественно, какъ строитель храма св. Софіи, а Богоматерь, должно думать, какъ Небесная покровительница его, какъ *храмовой* въ нашемъ теперешнемъ смыслѣ *святой*. Не свидѣтельствуютъ-ли эти нумизматическіе памятники, относимые къ XI—XII вѣкамъ, о томъ, что даже члены патріаршаго Константинопольскаго клира даннаго времени разумѣли подъ св. Софіей, Которой посвященъ былъ храмъ и при которомъ они служили, Богоматерь? Сохранилось довольно впрочемъ печатей Константинопольскихъ клириковъ и съ надписями, въ которыхъ они Господа призываютъ въ помощь себѣ, напримѣръ: *Κύριε βοήθει τῷ σῷ δούλῳ Θεοδώρῳ, κληρικῷ τῆς Μεγάλης ἐκκλησίας* и т. п. Подробнѣе объ этомъ см. у Schlümberger'a, Sigillographire L'Empie Byzantin, pp. 128—133. [2]) Книга Паломникъ—Сказаніе мѣстъ святыхъ во Царѣ-градѣ, въ изд. Православнаго Палестинскаго Общ., стр. 1; въ изд. *Саввантова* столб. 13, 55; сн. Духовную грамоту новгород. митроп. Питирима въ Прибавл. ко 2 Новгор. лѣтоп. П. С. Р. Л. III, 196, 275.

людей, поводовъ къ уясненію представленій о св. Софіи, мыслили о Ней, и какъ о Премудрости Божіей [1]) и еще чаще какъ объ особомъ отъ Бога Лицѣ, которое обычно отождествляли съ Богоматерью [2]), а нерѣдко и отличали отъ Нея [3]), не соединяя въ послѣднемъ случаѣ никакой, по видимому, сколько нибудь опредѣленной богословской мысли съ этимъ живымъ Существомъ, свыше помогавшимъ и пособствовавшимъ ихъ городу, низлагавшимъ враговъ послѣдняго. Сбивчивости понятій нашихъ предковъ о лицѣ Софіи содѣйствовали многія обстоятельства и прежде всего то, на нашъ взглядъ, что идея посвященія Великой Константинопольской церкви перешла къ нимъ въ неясномъ, скорѣе затемненномъ видѣ. Къ раскрытію и уясненію ея въ умахъ русскихъ людей, какъ кажется, очень и очень немногое было предпринято.

Въ настоящее время празднуютъ св. Софіи въ Кіевѣ 8 сентября—въ день рождества пресв. Богородицы; въ Новгородѣ, Вологдѣ, Тобольскѣ и другихъ мѣстахъ 15 августа—въ день успенія Ея. Это пріуроченіе *храмовыхъ* праздниковъ Софійскихъ соборовъ къ *Богородичнымъ* пошло конечно изстари, было безъ сомнѣнія сознательное и уже само по себѣ легко могло повести къ смѣшенію Софіи съ Богоматерью. Послѣднему, какъ нельзя болѣе, помогала и самая церковная служба. На югѣ совершали ее собственно въ честь рождества Богородицы, на сѣверѣ Россіи и въ Сибири въ честь успенія Ея [4]). Въ тропаряхъ и стихирахъ *спеціальныхъ*, относящихся къ Софіи-Премудрости Божіей и поемыхъ, напримѣръ, въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ въ день храмового праздника, прославляется опять же Богоматерь, только по отношенію Ея къ тайнѣ Боговоплощенія. Если въ нарочитой молитвѣ, обращенной къ св. Софіи въ концѣ службы, и говорится о Ней, какъ о „непостижимой и всепѣтой Премудрости Божіей, Софіи преименитой, *дѣвственныхъ душъ, сирѣчь Единородномъ Сынъ, Словъ Божіемъ*“, то это нисколько не мѣшало сочинителю воспѣвать ту же Софію буквально въ такихъ выраженіяхъ: „Велія и неизрѣченная Премудрости Божіей сила, Софія преименитая,

[1]) Тамъ же III, 49, 76. [2]) Сюда мы относимъ тѣ мѣста изъ Новгородскихъ лѣтописей, въ которыхъ разсказывается, что то или другое совершилось „Божіею силою и помочью св. Софія“, „Божіею милостію и св. Софьи стояніемъ“, „Богъ пособи, заступи, ублюде и св. Софья“ и т. п. П. С. Р. Л. III, 35, 42, 49, 69, 74, 75, 86, 92, 93, 95; IV, 83, 139; V 239; сн. извѣстія подъ 6926 и 6929 гг. въ 1 Новгор. лѣтоп. и подъ 7041 въ 3 Новгор., гдѣ прямо говорится о Богородицѣ (тамъ-же III, 108, 109, 249). [3]) Разумѣемъ тѣ мѣста, въ которыхъ сообщаеся, напримѣръ, что Новгородцы побѣдили „силою св. Софья и молитвами Владычица нашея Богородица“ (П. С. Р. Л. III, 53, 60, 84) или взяли у нѣмцевъ городъ Орѣховецъ „милостію Божіею и заступленіемъ святыя Софіи и молитвою пресвятыя Владычица нашея Богородица“ (тамъ же, т. V стр. 226). [4]) *Митр. Евгенія* Опис. Кіево-Соф. соб., стр. 19.

пречестный храме, огнезрачный престоле Христа Бога нашего: *въ тя бо вселися неизрѣченно Слово Божіе и плоть бысть* [1]). Явное отождествленіе Софіи съ Богоматерью нашло себѣ мѣсто не въ одной впрочемъ церковной службѣ, въ честь Софіи нарочито составленной, но и въ иконографіи Ея. При всемъ разнообразіи въ памятникахъ послѣдней можно отмѣтить, какъ дѣйствительно и отмѣчаютъ съ давняго времени, два основныхъ перевода или редакціи въ изображеніи Софіи-Премудрости Божіей: на однѣхъ иконахъ она представлена въ видѣ огнезрачнаго ангела въ царскомъ одѣяніи на престолѣ, утвержденномъ на седми столпахъ (Притчей IX, 1); на другихъ въ образѣ стоящей подъ седмистолпною сѣнію Богоматери.

Полное смѣшеніе Софіи съ Богоматерью и совершенное непониманіе значенія первой въ лицахъ, интересовавшихся богословскими предметами, съ давняго времени вызывало у насъ недоумѣнія и порождало споры [2]). „Овіи убо глаголютъ“, замѣчаетъ поэтому поводу книжникъ XVI в., „яко освятися церковь св. Софіи во имя пречистыя Богородица; овіи же глаголютъ, яко нѣсть здѣ имени сему въ Руси вѣдомо, ниже Мудрости сія мощно толку вѣдати [3])“. Если въ представленіи однихъ съ именемъ Софіи не соединялось опредѣленнаго лица и даже извѣстнаго смысла, то по сознанію другихъ Софійскія церкви посвящены были Богоматери, въ честь Которой воздвигнута была и большая часть другихъ нашихъ соборныхъ храмовъ [4]). Не будучи одноименны между собой, не соименные въ громадномъ большинствѣ своемъ и съ Великою Константинопольскою церковію, наши древніе соборы въ честь Софіи и Богоматери по идеѣ своей стояли такимъ образомъ въ тѣсной связи другъ съ другомъ и имѣли хотя болѣе или менѣе отдаленное по времени, но весьма близ-

[1]) Вѣстникъ Общ. древне-русск. иск. 1874—76 гг., изслѣдов. стр. 8. [2]) Авторитеты въ области русской богословской мысли XVII, XVI и раннѣйшихъ вѣковъ, къ которымъ обращались наши предки за разрѣшеніемъ вопроса: „Что есть Софія—Премудрость Божія и въ чіе имя церковь поставлена и въ которыхъ похвалу освятися“,—мѣстами священнаго Писанія и разнаго рода доводами пытались разъяснить и доказать пытливымъ умамъ, что названіе Софіи—Премудрости Божіей должно относить къ Сыну Божію—такъ-же, какъ Ему же принадлежатъ имена: Слово, Сила Божія. А одинъ изъ этихъ авторитетовъ, чтобы быть, конечно, доказательнѣе, напоминаетъ и о построеніи Юстиніаномъ Вел. предивнаго храма „въ честь Спаса“, присоединяя къ этому не лишенную въ данномъ случаѣ любопытную подробность, что созданный Константиномъ Вел. извѣстный Ирининскій храмъ посвященъ былъ не мученицѣ Иринѣ, какъ нѣкоторые неосновательно думали, но святому Миру—Господу Іисусу Христу. Вѣстн. Общ. древне-русск. искусства 1874—76 г., Матеріал. стр. 1; сн. *Никифора Каллиста* Церк. Истор. кн. VII гл. 49. [3]) Вѣстникъ Общ. древне-русск. иск. 1874—76, Матер. стр. 1. [4]) Изъ наиболѣе древнихъ нашихъ соборныхъ храмовъ не болѣе трети посвящено не имени Богоматери.

кое внутренне отношеніе къ св. Софіи Царьградской. Построеніе ихъ, повторяемъ, говоритъ о силѣ того вліянія, которое производила послѣдняя на Русь. Это вліяніе не ограничивалось однимъ только именемъ или идеей посвященія нашихъ соборовъ, но шло гораздо глубже и дальше, простиралось и на то, чѣмъ послѣдніе были для нашихъ предковъ, какъ отчасти устроялись и украшались, равно какъ и на то, что совершалось въ нихъ.

Глава III.

Соборные храмы нашего времени по сравненію съ древне-русскими. Чѣмъ были для Кіева и тогдашней Руси Владимировъ Десятинный храмъ и св. Софія Ярославова? Соборы въ удѣльный періодъ нашей исторіи. Мѣстонахожденіе ихъ въ дѣтинцѣ или кремлѣ и послѣдствія его. Патрональное значеніе соборнаго храма и святыни его для города и княжества. Погребеніе въ соборахъ святителей, князей и *лѣпшихъ* людей и собраніе подлѣ нихъ народнаго вѣча. Смежность съ соборными храмами святительскихъ келій и княжескаго дворца и важное значеніе ея. Соборы на службѣ городу своею казной.

Современному человѣку нелегко взглянуть на соборные храмы тѣми глазами, какими смотрѣлъ на нихъ древне-русскій человѣкъ; еще труднѣе ему проникнуться настроеніемъ, которымъ жилъ послѣдній въ отношеніи къ нимъ; но разницу въ объемѣ вліянія и томъ значеніи, какимъ пользовались наши древніе большіе соборы, сравнительно съ теперешними, можно довольно скоро подмѣтить и болѣе или менѣе вѣрно представить себѣ. Соборы въ настоящее время для большинства гражданъ едвали не прежде всего суть мѣсто, гдѣ можно увидѣть церемоніальную архіерейскую службу съ ея нарядною обстановской, сановными служащими и партеснымъ пѣніемъ; гдѣ въ дни табельные, викторіальные и по особо-важнымъ случаямъ бываютъ паннихиды и торжественные молебны съ небезшумнымъ всегда съѣздомъ властей передъ ними, чтеніемъ на нихъ манифестовъ и съ нерѣдкими, столь интересующими публику военнымм парадами послѣ нихъ... И только уже потомъ и то для вѣрущаго лишь меньшинства соборные храмы являются по-прежнему главнымъ святилищемъ города,съ которымъ невольно въ ихъ представленіи связываются и наиболѣе истовое отправленіе службы, и поставленіе іерархическихъ лицъ, и совершеніе нѣкоторыхъ спеціальныхъ обрядовъ и крестныхъ хожденій и, что́ едвали не дороже всего для религіознаго чувства, останки святителей и благовѣрныхъ князей, въ нѣкоторыхъ изъ

нихъ нетлѣнно почивающихъ. Вотъ и всѣ наиболѣе существенныя стороны, которыми выдѣляется чаще всего теперь соборная церковь изъ ряда остальныхъ городскихъ и которыми вліяетъ она или, лучше сказать, производитъ еще впечатлѣніе на лицъ, ее посѣщающихъ. Церковно-богослужебное вліяніе соборнаго храма на городскія и тѣмъ болѣе сельскія церкви теперь весьма слабое и въ рѣдкихъ относительно случаяхъ выходитъ за предѣлы территоріи, имъ занимаемой, а о сколько-нибудь серьезномъ и замѣтномъ значеніи его въ общественной жизни не приходится много говорить. Наоборотъ, древне-русскіе соборы, насколько рисуютъ намъ ихъ обликъ лѣтописи и разнаго рода другіе документы до Чиновниковъ соборныхъ включительно, выступаютъ съ характеромъ могущественнаго и разносторонняго фактора въ религіозно-общественной жизни древней и старой Руси.

Различно, разумѣется, на пространствѣ семи слишкомъ вѣковъ, въ разные періоды исторіи послѣдней, если не въ отношеніи содержанія, то по широтѣ и силѣ своей было вліяніе нашихъ старинныхъ соборныхъ храмовъ и далеко не одинаково-ясный слѣдъ оставилъ по себѣ каждый изъ нихъ. Едвали не съ наименьшею полнотой очерчено въ памятникахъ значеніе нашихъ первыхъ знаменитѣйшихъ церквей: Десятинной Владимирой и Софіи Ярославовой за начальный и самый интересный для насъ въ данномъ случаѣ періодъ ихъ существованія, когда Кіевъ—мать городовъ русскихъ относительно—живо испытывалъ на себѣ греческое вліяніе и, воспринимая самъ черезъ Корсунь и непосредственно начала византійской церковности и государственности, служилъ для нихъ колыбелью и своего рода передаточнымъ пунктомъ. Сколь ни недостаточны на этотъ счетъ наши свѣдѣнія, но и они даютъ основаніе утверждать, что Десятинный храмъ, воздвигнутый на мѣстѣ стоянія нѣкогда Перуна, внутри новопостроеннаго города, неподалеку отъ княжескаго терема, долженъ былъ служить, по мысли своего строителя, знаменемъ побѣды христіанства надъ язычествомъ, монументально представлять собою церковь русскую, объединять подлѣ себя и великаго князя Кіевскаго духовныхъ чадъ ея, подобно тому, какъ бывшее до него на холмѣ языческое мольбище собирало къ себѣ Русь некрещенную [1]). Для полнаго выраженія этой идеи церковно-государственнаго объединенія Десятинной церкви не доставало лишь постояннаго нахожденія при ней высшаго церковно-іерархическаго представителя: въ продолженіе пятидесяти лѣтъ

[1]) См. молитву св. Владимира въ Десятинной церкви, по построеніи ея, въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 996 годомъ. П. С. Р. Л. I, 53; сн. V, 122. *Голубинскаго* Е. Е. Исторія Русск. Церкви, т. I пол. 1, стр. 181—182. М. 1901.

наши митрополиты имѣли каѳедру свою не въ Кіевѣ, а въ Переяславлѣ. По неизвѣстной и непонятной для историковъ причинѣ учрежденная не въ столицѣ государства и остававшаяся все время при св. Владимирѣ безъ малаго не въ сотнѣ верстъ отъ нея [1], наша митрополія была переведена изъ Переяславля въ Кіевъ лишь Ярославомъ Мудрымъ [2]). Счастливый исходъ продолжительной борьбы съ братьями: Святополкомъ и Мстиславомъ изъ-за обладанія великокняжескимъ столомъ и единовластія въ русской землѣ, союзъ съ Польшей и Скандинавіей и родственныя связи съ сильными владѣтельными домами—все это высоко подняло настроеніе великаго князя Кіевскаго [3]) и, надо полагать, отчасти побудило его заняться отмѣченнымъ выше уподобленіемъ Кіева Константинополю чрезъ расширеніе въ немъ кремля или города, сооруженіе въ послѣднемъ Золотыхъ воротъ, новаго великокняжескаго дворца, храмовъ Софійскаго и Ирининскаго. „Десятинная Богородица великая“ [4])—главная въ глазахъ Кіевлянъ дотолѣ церковь города—еще въ 1017 году была повреждена пожаромъ [5]) и ко времени заложенія св. Софіи [6]), за сорокалѣтнее свое существованіе, столь многое, вѣроятно, утратила изъ своего великолѣпія, что уже не отвѣчала широкимъ замысламъ по благоукрашенію города Ярослава и очевидно не соотвѣтствовала по своимъ размѣрамъ, виду и убранству понятіямъ, которыя соединялъ онъ съ *митропольей*, имѣвшей стать матерью церквей русскихъ.

Построенный на полѣ битвы русскихъ съ печенѣгами—мѣстѣ памятномъ для Кіевлянъ, среди города или кремля [7]), имѣя по близости отъ себя дворы митрополичій и великокняжескій, Софійскій соборъ замѣнилъ собою Десятинный храмъ и сдѣлался средоточіемъ религіозно-общественной жизни, завѣтною святыней, къ которой съ любовію и благоговѣніемъ устремлялись взоры не однихъ жителей Кіева и его области, но и всѣхъ вообще древне-русскихъ людей. Съ нимъ въ представленіи всѣхъ невольно связывались тогда главнѣйшія церковно-гражданскія событія. Изъ св. Софіи духовенство крестнымъ ходомъ и великій князь съ боярами и всенароднымъ множествомъ ходили встрѣчать присылав-

[1]) Тамъ-же, стр. 328—329. П. С. Р. Л. I, 89. [2]) Тамъ же V, 137. [3]) *Соловьева* С. М. Исторія Россіи, т. I стр. 202, изд. Товарищ. общ. пользы. [4]) П. С. Р. Л. I, 154. [5]) Тамъ же, I, 62; III, 1. *Голубинскаго* Е. Е. И. Р. Ц. I, 2. стр. 87—88. [6]) Лѣтописныя извѣстія о времени заложенія нынѣшняго Кіево-Софійскаго собора разнорѣчивы, и ученые различно думаютъ поданному вопросу: одни относятъ къ 1017 году, другіе къ 1037-му. По словамъ *Н. И. Петрова* (Историко-топографич. очерки древн. Кіева, стр. 108; сн. *митроп. Евгенія* Опис. Кіево-Соф. соб. стр. 9), до *каменной* Софійской церкви въ Кіевѣ *несомнѣнно существовала деревянная*, сгорѣвшая въ 1017 г. [7]) П. С. Р. Л. I. 65; V, 136.

шихся изъ Царяграда долгое время къ намъ владыкъ и въ ней-же потомъ возводили ихъ торжественно на престолъ [1]). Въ св. Софьѣ за начальный періодъ нашей исторіи митрополиты обычно посвящали епископовъ [2]), а эти послѣдніе неоднократно по волѣ великаго князя поставляли ихъ самихъ [3]). Въ ней были встрѣчаемы, благословлялись на княженіе и настоловались князья кіевскіе [4]) и здѣсь же нерѣдко съ другими князьями, митрополитомъ и нарочито собиравшимися іерархами, клиромъ и народомъ они свѣтло праздновали общецерковные и мѣстные праздники [5]). Къ св. Софьѣ въ дни народныхъ бѣдствій: предъ войною и послѣ нея, во время голода и моровыхъ повѣтрій и т. п. пріѣзжали на поклонъ князья съ дружиною и обращался съ молитвой народъ [6]). На дворѣ ея происходило вѣче, на которое созывались и въ нѣкоторыхъ случаяхъ сходились почти всѣ „отъ мала до велика“, приходили князья и самъ митрополитъ [7]). Здѣсь улаживались и рѣшались разнообразныя дѣла, и послѣднему нерѣдко доводилось при этомъ выступать въ качествѣ заступника и примирителя. Подлѣ нея, въ митрополіи и княжескомъ дворцѣ, происходили судъ и управленіе, ютилось просвѣщеніе, словомъ первосвятителями и князьями строилось зданіе русской церкви и русскаго государства. Подъ сводами св. Софьи, въ придѣлахъ и притворахъ ея, находили, наконецъ, посмертный покой очень многіе изъ этихъ устроителей земли [8]), связывая чрезъ то навѣки съ соборнымъ храмомъ свои имена, нерѣдко очень дорогія для остававшихся въ живыхъ.

Все это, вмѣстѣ взятое, естественно и незамѣтно дѣлало въ народномъ сознаніи изъ св. Софьи съ кремлемъ стража города, кіевскаго княжества и всей вообще русской земли, которому ввѣрялись ихъ благо и цѣлость. „*Богъ за нашимъ княземъ и святая Софья*“ или: „*бысть помощь креста честнаго и св. Матере Божьи, Ея же бяхуть волости заяли*“—эти и подобныя имъ выраженія, пріобрѣвшія потомъ, въ послѣ—кіевскій періодъ столь широкую извѣстность и распространенность у новгородцевъ, володимирцевъ и т. д., впервые появились и получили опредѣленный свой смыслъ въ устахъ кіевлянъ [9]). Святая Софья или, что тоже, пресвятая Богородица признавалась послѣдними такою же покровительницею города, какою Она считалась тогда въ Константинополѣ и, что въ данномъ случаѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія, кіевлянинъ мо-

[1]) Тамъ-же I, 119, 128, 148. [2]) Тамъ-же I, 165, 171—172, 194; III, 63; IV, 9; V, 199. [3]) Тамъ-же I, 67, 137, 190. [4]) Тамъ-же I, 98, 134, 147—148; II, 49, 57, 144. [5]) Тамъ-же I, 194. [6]) Тамъ-же II, 51, 62, 64. [7]) Тамъ-же I, 137—138; II, 32; V 159 [8]) Тамъ-же I, 70, 92—93, 129, 147, 164, 171, 190, 215; II, 75, 292; V, 148—149, 199 и др. мн. [9]) Тамъ-же I, 138, 154.

лился Ей за свой городъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, что и современный ему византіецъ: „Градъ свой сохрани, Дѣвице, Мати чистая, *иже о тебѣ вѣрно царствуетъ*, да тобою крѣпимся и тобѣ ся надѣемъ побѣжаемъ вся брани“... [1]) Внушена ли была эта мысль о патрональномъ значеніи соборнаго храма для стольнаго города и его области нашимъ князьямъ и вообще предкамъ іерархами-греками, сами ли русскіе дошли до нея чрезъ наблюденіе живой дѣйствительности и путемъ чтенія греческихъ авторовъ,—затрудняемся сказать; но что она была отчасти заимствованная, въ этомъ едвали можно сомнѣваться. Общихъ сторонъ у нашей Софіи съ Цареградскою такъ много, сходство и вообще аналогіи въ значеніи, какое каждая изъ нихъ имѣла въ религіозно-общественной жизни своего народа, настолько очевидны, что отвергать ихъ или мысль о зависимости въ данномъ отношеніи полуварварскаго міра отъ несравненно болѣе его въ то время культурной страны было бы совсѣмъ несправедливо. Разница въ значеніи между Кіево-Софійскимъ соборомъ и Великою Константинопольскою церковію несомнѣнно существовала, но она была не столько качественная, сколько количественная. Не видно, напримѣръ, чтобы княжескіе выходы къ службѣ, ихъ настолованіе, литіи по городу и т. д. въ первомъ были стольже широко развиты и такъ же церемоніально обставлены, какъ это было во второй. Нѣкоторыхъ чертъ или подробностей, характерныхъ для св. Софьи Константинопольской, мы совсѣмъ не находимъ въ древнемъ Кіевѣ. За два столѣтія своего относительно-цвѣтущаго состоянія—до ограбленія своего Батыемъ наша св. Софья едва успѣла перенять и болѣе или менѣе усвоить главныя традиціи и порядки послѣдней, но она, понятно, не имѣла времени и возможности пріобрѣсти стольже глубокое вліяніе на дѣла церковныя и гражданскія, какимъ на пространствѣ нѣсколькихъ вѣковъ пользовался въ византійскомъ мірѣ храмъ Юстиніановъ.

Съ перемѣщеніемъ на сѣверъ центра политической жизни, Кіево-Софійскій соборъ неминуемо долженъ былъ утерять вмѣстѣ съ своимъ городомъ значительную долю изъ того вліянія, какимъ началъ было пользоватьея въ русской землѣ. Правда, и по перенесеніи великокняжескаго стола во Владимиръ на Клязьмѣ, Кіевъ продолжалъ удерживать за собою нѣкоторое время значеніе церковно-административнаго средоточія и въ его соборномъ храмѣ попрежнему были рукополагаемы наши іерархи; но несомнѣнно, что и у высшей духовной власти не стало уже той силы и у св. Софьи того обаянія, какія онѣ имѣли во второй половинѣ XI-го

[1]) Тамъ-же I. 106.

и первой половинѣ XII столѣтій. Постепенно соборные храмы *стольныхъ* городовъ и прежде всего старѣйшихъ и наиболѣе богатыхъ становились для нихъ и тянувшихъ къ нимъ волостей тѣмъ, чѣмъ была Софія Кіевская для всей русской земли. Это особенно ясно обнаружилось съ распаденіемъ послѣдней какъ-бы на вотчины, съ утвержденіемъ новаго, такъ называемаго, удѣльнаго порядка княжескаго владѣнія въ Суздальской Руси и широкимъ развитіемъ вольностей въ Новгородской землѣ. Послѣ того, какъ прежнія волости—части единой русской земли, владѣемой сначала всѣми князьями сообща, по очереди старшинства, превратились на сѣверѣ въ личное и неотъемлемое достояніе того или другого князя, переходившее отъ отца къ сыну путемъ завѣщанія, у этихъ собственниковъ—князей и охранителей наслѣдственно-родовыхъ интересовъ должно было особенно сильно сказаться стремленіе къ расширенію, возвышенію и обособленію своихъ удѣловъ. Въ каждомъ изъ княжествъ, по естественному порядку вещей, теперь долженъ былъ появиться свой особливый средоточный пунктъ и такимъ объединяющимъ мѣстомъ, на нашъ взглядъ, сталъ опять таки, какъ и въ Кіевской Руси, соборный храмъ. Сходясь въ немъ и подлѣ него, жители города, его пригородовъ и относившейся къ нему области сознавали впрочемъ столько же свою самобытность и принадлежность къ своему княжеству сколько и непринадлежность ко всѣмъ осталынмъ.

Великій Новгородъ со Псковомъ и примыкавшимъ къ нему обширнымъ сѣверо-западнымъ краемъ не составлялъ въ этомъ отношеніи исключенія, хотя и былъ въ удѣльные вѣка скорѣе городскою республикой, чѣмъ родовымъ княжескимъ владѣніемъ. Опредѣляя договорными грамотами свои отношенія къ князьямъ, избирая на вѣчѣ посадниковъ, тысяцкихъ, а съ половины XII в. и своихъ владыкъ и нерѣдко смѣщая своихъ властей, Новгородцы даже, быть можетъ, болѣе, чѣмъ жители другого какого-либо удѣльнаго города и княжества, нуждались въ постоянной и авторитетной опорѣ, и такою несмѣняемою опорою или, лучше сказать, главою ихъ былъ опять же соборный храмъ. Сверстница св. Софіи Кіевской, перепявшая, какъ и она, чрезъ Корсунь и прямо изъ Константинополя порядки у тамошняго собора, но поставленная въ несравненно болѣе счастливыя, чѣмъ она, условія, св. Софья Новгородская въ теченіе столѣтій безпрепятственно и мощно развивала свою дѣятельность, имѣла въ высшей степени важное значеніе въ судьбѣ своего родного города и края и оставила глубокій слѣдъ и рѣдкую память по себѣ въ исторіи. О ней извѣстно едва-ли не больше, чѣмъ о другомъ какомъ нашемъ соборномъ храмѣ, и многое, неясное изъ прошлаго боль-

шинства древне-русскихъ соборовъ, чрезъ сопоставленіе съ рельефно очерченной въ памятникахъ судьбой св. Софьи Новгородской получаетъ соотвѣтсвующее освѣщеніе. Это обстоятельство невольно склоняетъ насъ говорить совмѣстно и одновременно о значеніи соборныхъ храмовъ за удѣльный періодъ русской исторіи, а несомнѣнное сходство у всѣхъ ихъ въ этомъ значеніи, по нашему мнѣнію, служитъ вполнѣ достаточнымъ къ тому основаніемъ.

Подобно Десятинному храму и Ярославовой Софіи всѣ древнѣйшіе наши соборы находились внутри дѣтинца или кремля—посреди болѣе или менѣе обширнаго и просторнаго мѣста, окруженнаго земляным валомъ и рвомъ при немъ, или обнесеннаго деревянною или каменною стѣной—*городомъ*, какъ тогда говорили, съ воротами и башнями. Занимая средину города въ нынѣшнемъ значеніи этого слова, дѣтинецъ или кремль являлся тогда въ нѣкоторомъ родѣ *оградой* того или другого соборнаго храма, хотя по первоначальному и прямому своему назначенію и служилъ укрѣпленіемъ, городскою крѣпостью. Въ случаяхъ опасности, при приближеніи, напримѣръ, врага, жители города, посадовъ, его окружавшихъ, и всего вообще княжества, укрывались за стѣнами ея, ища себѣ и своимъ семьямъ спасенія подъ защитою княжеской дружины, нерѣдко на нихъ или подлѣ нихъ слагавшей свои головы. А въ томъ разѣ, когда у осажденныхъ уже исчезала всякая надежда на человѣческую помощь и оставалось на лицо одно лишь заступленіе свыше, взоры всѣхъ невольно устремлялись къ средоточію кремля – соборному храму. Въ немъ обычно затворялись подъ конецъ, пытаясь найти за его твердыми стѣнами и дверями, на его хорахъ и сводахъ послѣднее себѣ убѣжище. Иногда въ этомъ второмъ *градѣ* жителямъ удавалось сохранить свою жизнь [1]); еще чаще находили они здѣсь люту смерть. Нѣтъ надобности распространяться, но достаточно лишь напомнить о томъ, какъ искали нѣкогда спасенія въ своихъ соборныхъ церквахъ: въ св. Богородицѣ или Спасѣ судомирцы, володимерцы, кіевляне и москвичи отъ татаръ, галичане отъ ляховъ, торжочане отъ тверичей [2]) и т. д.

Уже въ виду сказаннаго легко понять, какое важное значеніе для людей извѣстнаго княжества имѣлъ ихъ дѣтинецъ, и не трудно объяснить, ночему всѣ и прежде всего, разумѣется, сами граждане, отъ епископа и князя до смерда включительно, прилагали по временамъ старанія къ укрѣпленію своего „города“ и воротъ его [3]). Съ нимъ

[1]) Тамъ-же II, 156; VI, 139; сн. V, 205. [2]) Тамъ-же I, 197, 223; II, 156—157, 162, 176, 178, 199—200; V, 175. [3]) Тамъ-же I, 145; II, 75, 132—133, 141, 168, 196, 199, 207, 217, 222; III, 233; IV, 52, 64, 143; VI, 36, 39, 292.

тѣсно связывались ихъ личная безопасность и цѣлость всего вообще княжества. Дѣтинецъ или кремль былъ тѣмъ же для нашихъ предковъ, чѣмъ акрополь для византійцевъ и грековъ или капитолій для древнихъ римлянъ. Предназначавшійся служить убѣжищемъ отъ враговъ и долженствовавшій потому во всякое время быть готовымъ къ ихъ отраженію, дѣтинецъ едва ли не болѣе, чѣмъ какое другое мѣсто въ городѣ, нуждался въ Божіемъ благословеніи и благодатномъ освященіи. Древне-русскіе люди не столько полагались на силу и богатство, сколько уповали на помощь Божію [1]). Призывая Бога въ заступники *граду* своему [2]), они строили церкви [3]) или, по крайности, поставляли св. иконы надъ воротами его, какъ видимые знаки Его особеннаго присутствія здѣсь, съ усердіемъ ходили съ крестами по стѣнамъ и еще чаще вокругъ стѣнъ его [4]); съ любовію наблюдали за тѣмъ, какъ новопосвященный святитель торжественно объѣзжалъ кремль, читая молитву во входахъ и окропляя св. водою твердыни его, преподавая здѣсь первое благословеніе и миръ паствѣ своей [5]).

Понятно само собою, что въ этой священной оградѣ, по общему признанію жителей, главнѣйшею святыней являлся соборный храмъ съ такимъ или инымъ чтимымъ образомъ въ немъ. Въ лѣтописяхъ и другихъ историческихъ памятникахъ о дѣтинцѣ и соборной церкви, ихъ заложеніи и судьбѣ, обычно говорится совмѣстно и первый нерѣдко фигурируетъ въ нихъ съ именемъ второй. Такъ, новгородскій кремль и даже весь господинъ великій Новгородъ назывался *градомъ* св. Софіи, Псковъ—св. Троицы, Тверь—св. Спаса, Владимиръ, Москва, Звенигородъ и другіе многіе градами св. Богородицы [6]). Городъ съ прилежавшею къ нему волостью въ народномъ сознаніи весьма тѣсно связывался и даже какъ бы сливался въ одно цѣлое съ соборнымъ храмомъ. Удачнѣе всѣхъ опредѣлилъ, на нашъ взглядъ, это соотношеніе между древне-русскимъ соборомъ и городомъ князь Мстиславъ Мстиславичъ своею классическою фразой: „*Гдѣ св. Софья, ту и Новгородъ*“ [7]). По-

[1]) Тамъ же V, 57. [2]) „Дѣтинца Богъ ублюде“—выраженіе не разъ встрѣчающееся въ лѣтописяхъ. Тамъ же V, 12. [3]) Тамъ же I, 65; II, 277; III, 18, 66, 236, 238. [4]) Тамъ же V, 40; III, 215. Крестные ходы по стѣнамъ градскимъ и монастырскимъ, послужившіе поводомъ къ появленію очень трогательныхъ сказаній въ нашей древней письменности, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ продолжаютъ свое существованіе до сего времени; въ нѣкоторыхъ по необходимости прекратились. Въ Москвѣ, напримѣръ, они отмѣнены были указомъ Синодальной Конторы отъ 26 апрѣля 1765 года „для того, что *во многихъ мѣстахъ тѣ грады разобраны, а иныхъ развалилися, и ходить опасно*“. Треодіонъ Моск. Успенск. Собора въ Древн. Россійск. Вивл., ч. XI стр. 132—133. М. 1789. [5]) Чиновн. Холмог. соб. стр. 6, 188; *прот. Никольскаго* О службахъ русской церкви, стр. 1-44. [6]) П. С. Р. Л. I, 160, 201; II, 117; III, 57, 61; IV, 56; V, 11, 15, 39, 61; VI, 148. [7]) Тамъ же III, 33: IV, 20; V, 170

слѣдній съ своими пригородами и со всею землей былъ *мѣстомъ, волостью* первой [1]). Интересы города признавались интересами соборнаго храма: „Хотимъ поискати пригородовъ и волостей св. Софіи", говорили новгородцы *своему господину* владыкѣ Іоанну, собираясь въ 1398 г. отвоевать у вел. князя московскаго свою *вотчину и дѣдину* [2]) и, если удастся, расширить за счетъ послѣдняго свои территоріальныя владѣнія. Возвращая свои земли и отнимая чужія, они думали, что увеличиваютъ чрезъ это достояніе своего собора, ратуютъ за его благо. Про лицъ, угодныхъ себѣ, новгородцы выражались: *„кто добрыхъ, тотъ по святѣй Софьи"*; наоборотъ они считали недругами и врагами послѣдней всѣхъ тѣхъ, которые имѣли случай чѣмъ-либо не понравиться имъ. „Нынѣ, княже, не можемъ терпѣти твоего насилья, поѣди отъ насъ..., *сдумалъ еси на св. Софью*" [3]), говорили новгородцы въ 1270 году кн. Ярославу, несправедливо лишившему ихъ нѣкоторыхъ правъ. „Положить головы, пролить кровь свою, умереть честно за св. Богородицу, св. Софью, св. Троицу—въ устахъ володимерцевъ, новгородцевъ и псковичей того времени значило умереть за свой городъ, за свою землю [4]).

Это какъ бы отождествленіе стольнаго города съ соборнымъ храмомъ объяснялось тѣмъ, что послѣдній въ глазахъ гражданъ и всего населенія области имѣлъ патрональное значеніе. Политическое бытіе княжества, его успѣхи и неудачи во всевозможныхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ—все объяснялось такимъ или инымъ отношеніемъ къ жителямъ княжества ихъ небеснаго покровителя—святаго, которому посвященъ былъ соборный храмъ. Случалось ли нашествіе непріятеля, происходила ли княжеская усобица, постигало ли землю какое несчастіе въ родѣ голода, мора; имѣли ли мѣсто въ княжествѣ такія или иныя крупныя и маловажныя событія,—населеніе послѣдняго во всемъ усматривало милующее иль карающее дѣйствіе своего верховнаго покровителя. Такъ, по понятіямъ володимерцевъ, „заступала градъ ихъ отъ великихъ бѣдъ преславная Матерь Божія". Она укрѣпляла гражданъ и утѣшала ихъ [5]). Св. Софья *блюла* Новгородь Великій отъ всевозможныхъ опасностей. Ея силою и помочью Новгородцы побѣждали враговъ: литву, чудь, шведовъ, нѣмцевъ, одолѣвали своихъ недруговъ—князей „всей земли просто русской", отнимали свой полонъ, низлагали высокомыслящій Псковъ и неправдующій въ отношеніи къ нимъ Юрьевъ.

---

[1]) Тамъ же Ш, 57, V, 203. [2]) Тамъ же Ш, 98—99. [3]) Тамъ же V, 196; Ш, 41, 44, 57, 61–62, 71. [4]) Тамъ же Ш, 41, 49, 57, 60, 68, 71, 98—99; IV, 40, 50; V, 189, 193, 203, 206; VI, 33 и друг. мног. [5]) Тамъ же I, 160; II, 117.

Ея *стояніемъ* прекращался моръ и междуусобная брань въ Новгородѣ; отъ нашествія татаръ послѣдній „заступи Богъ и св. великая и сборная апостолская церкы Софья“ [1]). *На стражи* Пскова, по выраженію благовѣрнаго князя Довмонта, была святая Троица; на Нее псковичи возлагали во всемъ свое упованіе: случался ли пожаръ, приходилось ли бороться съ врагами и всяческими ихъ кознями. [2]) Тверичи въ своемъ Спасѣ искали убѣжища отъ грозившихъ имъ опасностей, и св Спасъ, по молитвамъ Богородицы, посылалъ имъ свою помощь [3]). Великомученикъ Димитрій блюлъ градъ Гдовъ, архангелъ Михаилъ—Ямъ; молитвами святаго Николы „отъидоша нѣмцы прочь“ отъ Изборска [4]). Божіею милостію и заступленіемъ Богоматери спасалась Москва отъ враговъ, сохраняла церковь свою безмятежною и видѣла неразъ святителей своихъ, цѣлыми и здравыми приходившихъ изъ орды. „Не мы гонихомъ“ полчища Темиръ-Аксака отъ Москвы въ 1395 году, замѣчаетъ лѣтописецъ, „но Богъ прогони ихъ невидимою силою своею и пречистыя Его Матери, скорыя *заступницы нашея* въ бѣдахъ“. Разсказывая о рѣшеніи вел. князя послать передъ этимъ во Владимиръ по икону Богоматери, лѣтопись влагаетъ въ уста его примѣчательныя слова: „како избави Пречистая Владычица царствующій градъ отъ нашествія зловѣрнаго царя Хоздроя..., (тако и) та можетъ заступити насъ и градъ нашъ Москву отъ нахожденія иноплеменныхъ и... всякаго зла“ [5]). Отсылая читателя къ прошлому Византіи и выражая свою вѣру въ охранительную силу иконы Владимирской, составитель лѣтописи передавалъ не свой личный, а общій или, лучше сказать, *традиціонный* взглядъ на этотъ счетъ.

Благоговѣйное отношеніе къ соборному храму и глубокая увѣренность въ заступничествѣ за городъ и область небеснаго покровителя его поддерживались и оживлялись въ древне-русскихъ людяхъ разнообразными обстоятельствами и прежде всего тѣми впечатлѣніями, которыя производилъ на нихъ соборъ находившеюся въ немъ святыней. А изъ этой святыни самымъ дорогимъ для нихъ былъ мѣстно чтимый, нерѣдко чудотворный образъ. чаще всего, въ большинствѣ соборовъ, икона Богоматери. Велика вѣра русскаго народа въ чудотворныя иконы и по настоящее время; надеждой на благодатную помощь отъ нихъ живутъ и до сихъ поръ наши *простые и набожные люди*. Но въ ту эпоху русской

---

[1]) Тамъ же Ш, 15, 35, 42, 49, 52, 53, 54, 57, 60 67, 74, 75, 84, 95. 227; IV, 83, 139; V, 179, 181, 218. [2]) Тамъ же V, 6—8, 20, 32, 54, 64, 197—198. [3]) Тамъ же IV, 70; V, 234, 238; сн. стр. 25; VI, 28. [4]) Тамъ же IV, 123; V, 38, 55, 224 [5]) Тамъ же Ш, 92; V, 57, 228, 267, 270; VI, 127, 136, 163.

исторіи, о которой идетъ рѣчь, въ удѣльный періодъ, эти чувства были живѣе и интенсивнѣй, раздѣлялись всѣми, не исключая князей, и простирали свое дѣйствіе дальше границъ религіозной жизни. Мѣстно чтимая икона, положимъ Богоматери, отъ которой и самый соборъ назывался иногда *домомъ Пречистыя Богородицы* [1]), въ сознаніи всѣхъ людей была палладіумомъ города и всей его волости. По искреннему вѣрованію людей того времени, пресв. Богородица, молясь за тотъ или иной градъ, знаменія милости своей къ нему являла чрезъ ту или другую икону свою. Новгородцы сами твердо были убѣждены и другимъ разсказывали о томъ, какъ предъ нашествіемъ на ихъ землю полчищъ Андрея Боголюбскаго „въ трехъ церквахъ новгородскихъ *на трехъ иконахъ плакала* св. Богородица, видѣвши пагубу, хотящую быти надъ Новымъ-городомъ и надъ его волостью, моляшеть бо Сына своего со слезами“ [2]). Въ лѣтописяхъ не разъ можно встрѣтиться съ замѣчаніемъ, что тотъ или другой городъ не былъ взятъ врагами, „потому что въ немъ была чудная икона Богородицы“ [3]). Съ нею древне-русскіе князья, по примѣру византійскихъ царей, обычно ходили на войну и дружины ихъ, имѣя предъ собою рядомъ со стягомъ чудотворный образъ, видѣли въ немъ свое побѣдное знамя, залогъ своего спасенія и военнаго успѣха. Князь Всеволодъ Юрьевичъ, направляясь въ 1167 году во Владимиръ, чтобы занять тамошній престолъ, оспаривавшійся у него Мстиславомъ Ростиславичемъ, издалека, еще подлѣ Суздаля видитъ со всѣмъ полкомъ своимъ „чудную Матерь Божью Володимерскую и весь градъ до основанья, акы на воздусѣ стоящь“, и принимаетъ это чудо, по словамъ лѣтописца, за доброе для себя предзнаменованіе въ борьбѣ съ соперникомъ [4]). Эта сильная вѣра, при отсутствіи своего объекта, доходившая до яснаго видѣнія его, и поставляла древне-русскіе города подъ защиту такой или иной мѣстной святыни, дѣлала ихъ *богохранимыми*; она выносила изъ храмовъ на *остроги и грады* въ критическія минуты непріятельскихъ приступовъ мѣстно-чтимыя иконы и заставляла послѣднія *„обращаться лицомъ на градъ“* и *„испускать слезы“*; побуждала осажденныхъ видѣть въ нихъ заступленіе, покровъ и непреоборимую стѣну граду своему [5]). Наглядным выраженіемъ этихъ религіозно-патріотическихъ помысловъ и надеждъ нашихъ предковъ и было поясное изображеніе Богоматери на иконахъ среди дѣтинца или кремля, поверхъ башней и забралъ его [6]).

---

[1]) Тамъ же V, 61; IV, 148. Псковскій соборъ—домъ св. Троицы: Тамъ же V, 11, 33, 39, 40; сн. II, 191. [2]) Тамъ же V, 9—10; II, 105; III, 241. [3]) Тамъ же II, 22, 175. [4]) Тамъ же I, 150—151, 160—162, 167; IV, 14; II, 117. [5]) Тамъ же V, 9—10. [6]) Съ этимъ въ высшей степени любопытнымъ и въ данномъ случаѣ очень важнымъ

Вѣра въ мѣстный чудотворный образъ соборнаго храма, какъ фи-лактерій города и княжества, была особливая, если можно такъ выразиться, своекорыстная. Жители той или другой области и города, вѣря въ защи-тительную силу своего Спаса-избавника, св. Софьи, пресв. Богородицы, св. Троицы и т. д., повидимому, не чужды были при этомъ эгоистической мысли, что эти Небесные покровители пособствуютъ, помогаютъ прежде всего и, пожалуй, только ихъ княжеству [1]). Удѣльный духъ сепаратизма въ

изображеніемъ намъ довелось познакомиться впервые на иконѣ, составляю-щей собственность нынѣ студента Московской Духовной Академіи о. Стефана Бехъ. Писанная первоначально яичными красками, но позднѣе подновленная по мѣстамъ масляными,—икона въ общемъ хорошо сохранилась, хотя отъ вре-мени почернѣла. Дубовая дека иконы (дл. 45.7 сант., шир. 33,5 сант.) довольно тонкая (0,7 сантим.), съ двумя шпонками, покрытая довольно тонкимъ также слоемъ левкаса, въ лѣвомъ верхнемъ углу ея совсѣмъ исчезнувшимъ. Низъ ико-ны, почти половину всей высоты ея занимаетъ изображеніе каменнаго города или кремля съ забралами и башнями по угламъ, съ бойницами и пушками, вы-глядывающими изъ средины стѣнъ его. Передъ городомъ, у подошвы лицевой стороны его, представленъ монастырь, также огражденный стѣнами, симметрич-но украшенными арматурой: пиками, сѣкирами, булавами, и снабженными вра-тами. Монастырь застроенъ зданіями: параллельно стѣнамъ—корпуса братскихъ келлій, по срединѣ—какъ будто двухъ-этажный храмъ съ довольно возвыше-нымъ, по видимому, фронтономъ; направо отъ монастырскихъ воротъ круглая или многранная, по крайности, четырехъ-ярусная и довольно величественная колокольня. Въ центрѣ верхней половины иконы изображена Богоматерь съ Богомладенцемъ на лѣвой рукѣ, держащей убрусъ. На главахъ Богоматери и Христа, благословляющаго трехперстно (по-католически) короны. Спаситель въ бѣлой туникѣ, Богородица въ красной; голову, плечи и грудь Ея покрываетъ зеленый мафорій. Нижнія части Богоматери (до колѣнъ) скрыты стѣнами го-рода, среди котораго Она представлена, окруженная оружіемъ и четырмя зна-менами: краснымъ, темноголубымъ, зеленымъ и бѣлымъ. Исполнена икона не-сомнѣнно южно-русскою и довольно не художественною кистью скорѣе въ ла-тинопольскомъ, чѣмъ въ православномъ духѣ. По словамъ владѣльца иконы, предки его по матери едва ли не были уніатами. Но оригиналъ, первоначаль-ный переводъ иконы, относимой нами къ XVIII вѣку, былъ не западнаго, а во-сточнаго происхожденія. И по общей своей концепціи и по замыслу икона на-поминаетъ довольно близко монету Андроника Комнена, на одной сторонѣ ко-торой изображена во весь ростъ Богоматерь, возлагающая десницу на послѣд-няго, припадающаго къ колѣнамъ Ея, а на другой—представлены стѣны Кон-стантинополя и среди нихъ также Богоматерь, но уже съ молитвенно воздѣтыми руками (*Дюканжа* Familiae Byzantinae, pag. 168). Въ положеніи Богоматери, въ формѣ стѣнъ городскихъ на монетѣ и на нашей иконѣ есть разница (на послѣд-ней стѣны въ видѣ огромной мисы съ довольно замѣтнымъ *перехватомъ* или на подобіе низкой крещальной купели. См. рис. у Kraus'a въ Real-Encyklopädie d. Christl. Alterthümer, B. II, fig. 208, s. 364), но основная мысль изображенія тамъ и здѣсь одинакова. На иконѣ, намъ кажется, неособенно удачно представленъ старый или верхній городъ Кіевъ съ Небесной покровительницей его, а впереди Кіева знаменитая Печерская лавра. [1]) Даже непохвальныя свои дѣянія объясняли пособничествомъ своихъ Небесныхъ покровителей. Въ Софійской первой лѣтописи подъ 1486 годомъ замѣчено про псковичей, что они „*поспѣшеніемъ св. Троица* изымаша" Чюхно, поджегшаго Псковъ, „на Крому и сожгоша его съ огнемъ." П. С. Р. Л. VI. 23.

XIII—XV вѣкахъ проникъ даже въ церковно-общественную жизнь и сопровождался своеобразнымъ религіознымъ партикуляризмомъ въ ней. Но это не мѣшало древне-русскому человѣку вѣрить впрочемъ и въ чужую святыню, какъ палладіумъ, и даже порождало въ немъ желаніе къ святотатственному похищенію ея въ интересахъ своего родного города. Наши князья лучше, чѣмъ кто-либо другой, понимали важное значеніе соборной святыни въ политической исторіи своего княжества и не стѣснялись въ средствахъ къ ея пріобрѣтенію. Князь Андрей Боголюбскій, тайкомъ отъ отца уходя на сѣверъ, захватилъ съ собою изъ Вышгорода чудотворную икону Богоматери. Столѣтіе спустя съ небольшимъ. завладѣлъ ею Олегъ Рязанскій и временно унесъ изъ Владимирскаго собора къ себѣ; въ концѣ XIV вѣка по волѣ вел. князя она уже въ Москвѣ—главнѣйшая святыня потомъ тамошняго собора [1]). Московскіе князья, исподволь подчиняя себѣ малые удѣлы и большія княжества, особенно неравнодушны были къ ихъ святынямъ. Со свойственнымъ имъ умѣньемъ и осторожностію собирали они послѣднія въ Москву. Съѣздивши на „поклонъ“, примѣрно, къ св. Троицѣ во Псковъ или къ св. Софьѣ въ Новгородъ и *устроивши* тамъ и здѣсь *свѣчу негасимую* [2]), государи московскіе, на правахъ побѣдителей или подъ предлогомъ поновленія «многими лѣты пообветшавшихъ» чудотворныхъ иконъ, нерѣдко брали ихъ въ Москву и здѣсь иногда навсегда оставляли ихъ. Мѣстно чтимый, *патрональный* для того или другого города и княжества образъ оказывался въ одномъ изъ московскихъ кремлевскихъ соборовъ и становился какъ бы чрезъ это обще-русскою святынею [3]). Любопытно въ данномъ случаѣ сопоставить древнѣйшую каменную *олтарную преграду* съ относительно позднѣйшимъ заслоняющимъ ее теперь высокимъ деревяннымъ *иконостасомъ* въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. Первая покрыта фресковыми изображеніями святыхъ, преимущественно великихъ подвижниковъ, памяти которыхъ совпадаютъ съ днями замѣчательныхъ событій больше всего изъ царствованія Василія Темнаго и Ивана III-го. Она представляла такимъ образомъ взору

---

[1]) Тамъ же I, 148, 160—161; II, 78, 303; VI, 126—127. [2]) Тамъ же III, 173; IV, 127, 137; VI, 26, 33, 220, 240, 251, 255. [3]) Тамъ же III, 160, 172; VI, 261, 263. *Снегирева* Успенскій соборъ въ Москвѣ, стрр. 16—17, 19. М. 1856. Чиновн. Московск. Успенск. соб. стр. 8, 27, 79—80, 233—234. Московскіе князья и цари, взявши на Москву въ качествѣ военнаго трофея лучшія иконы изъ св. Софіи Новгородской и между ними *мѣстный* образъ Спасителя-патрональный для новгородскаго владыки и всего тамошняго духовенства, не могли, понятно, увезти съ собой главную святыню собора—*фресковое изображеніе* (въ куполѣ послѣдняго) *Вседержителя*, въ *сжатой* десницѣ своей, по древнему сказанію и вѣрованію Новгородцевъ, *держащаго* конечную судьбу ихъ города.

молящихся своего рода иллюстрированную исторію Московскаго княжества того времени, небесныхъ охранителей его. Наоборотъ, въ нижнемъ ярусѣ второго, пришедшемся какъ разъ подъ этимъ живописнымъ поясомъ преподобныхъ, размѣщены свезенныя, по волѣ собирателей Руси, съ разныхъ концовъ ея и въ разное время мѣстно чтимыя иконы [1]). Главныя святыни Владимиро-суздальской Руси, Новгородской области и Устюга Великаго сошлись здѣсь, чтобы въ дому Пречистыя Богородицы —этой изначала Заступницы нашей земли сдѣлаться палладіумомъ всего Русскаго государства.

Страхъ обнималъ набожныхъ жителей древне-русскаго города при одной мысли, что послѣдній тѣмъ или другимъ образомъ можетъ лишиться своей соборной святыни. Утрата ея всѣми считалась дурнымъ предзнаменованіемъ, была почти равносильна погибели города. Лѣтомъ 1521 года крымскій ханъ Магметъ-Гирей подступилъ къ Москвѣ. Оставленные своимъ княземъ и отчаявшіеся уже въ спасеніи жители искали естественно утѣшенія въ молитвѣ. Въ одну изъ ночей нѣкій новгородецъ, по имени Василій, приходитъ вмѣстѣ съ другими предъ Успенскій соборъ помолиться. Ему слышится извнутри церкви «шум велік» и двери кажутся отверстыми; чудотворная же икона „Владимирская„ подвижеся от мѣста своего, і гласъ слышашеся, яко *со святители Русскими хощет образ Богоматере ізыті от града.*“ [2]) Одновременно съ этимъ слѣпая инокиня Вознесенскаго монастыря созерцала своими духовными очами выходившихъ изъ кремля черезъ Спасскія ворота святителей Петра и Алексія съ иконою Владимирскою, въ сопровожденіи множества народа. Она видѣла также, какъ прпп. Сергій Радонежскій и Варлаамъ Хутынскій, встрѣтивши святителей на выходѣ изъ кремля и узнавши, что они изъ-за нечестія жителей оставляютъ городъ, умоляли ихъ ходатайствовать предъ Господомъ и Его Пречистою Матерію отвратить свой праведный гнѣвъ отъ Москвы и спасти ее отъ татаръ. Молитва великихъ подвижниковъ Московской Руси и обширнаго Новгородскаго края была услышана: святители возвратились съ иконою въ соборъ, а поганые татары, объятые страхомъ, но никѣмъ видимо не преслѣдуемые, ушли отъ Москвы: „прогони бо их Божия сила непобѣдимым *предстательством пречистыя Богородицы*“ [3]), замѣчаетъ современникъ. Въ древне-русской письменности намъ неизвѣстно другого памятника, въ

---

[1]) Тамъ же. Сочиненія С. А. *Усова*, изд. подъ редакц. проф. В. О. Ключевскаго, т. II стрр. 118—119, 127 и друг. [2]) Чин. Моск. Усп. соб. стр. 53. [3]) Тамъ же стр. 52 — 54. *Снегирева* Памятники Московской Древности, стр. 332—333. М. 1842—1845.

которомъ съ такою же ясностію, какъ въ только что кратко изложенномъ сказаніи, были бы отмѣчены и роль нашего стариннаго дѣтинца и значеніе въ немъ соборнаго храма съ его главною святыней. Картинно изображено въ немъ и молитвенное или ходатайственное посредничество Московскихъ чудотворцевъ, митрополитовъ Петра и Алексія—этихъ „твердыхъ поборниковъ и крѣпкихъ заступниковъ за градъ свой", по выраженію лѣтописца [1]).

Въ соборныхъ храмахъ, помимо главной святыни—чудотворной или мѣстночтимой иконы, для древне-русскаго человѣка находилось и многое другое, что также дорого и свято было въ его глазахъ и превращало почти каждый изъ нихъ въ особаго рода святилище. Гробы святителей и князей, похороненныхъ въ древне-русскихъ соборахъ и подлѣ нихъ [2]), для современнаго человѣка больше предметъ такого или иного любопытства, чѣмъ вдумчиво-благоговѣйнаго къ нимъ отношенія, и во всякомъ разѣ говорятъ большинству изъ насъ менѣе внятно, чѣмъ говорили они чувству и разсудку нашихъ набожныхъ предковъ. Для послѣднихъ они не были гробами мертвыхъ, но живыхъ, нерѣдко весьма и весьма близкихъ и по крови и по духовному сродству лицъ. Мысленно

---

[1]) П. С. Р. Л. IV, 154; VI, 127, 136, 311, 326. [2]) Обычай хоронить храмоздателей и благотворителей въ притворахъ или придѣлахъ церквей, ими построенныхъ и украшенныхъ, изъ Византіи перешелъ на Русь и имѣлъ въ ней широкую распространенность. Подтвержденіе тому можно находить чуть-ли не на каждой страницѣ нашихъ лѣтописей. Въ послѣднихъ очень часто можно встрѣтиться съ замѣчаніемъ, что того или другого князя погребли въ церкви, *„юже бѣ самъ создалъ, заложилъ, началъ здати"* (I, 56, 65, 69, 88, 133, 164; II, 4, 202; V, 138 и др. мн.). Сыновья, внуки и вообще потомки ктиторовъ естественно желали быть похороненными подлѣ нихъ. Отсюда не рѣдки выраженія въ устахъ лѣтописца: „положенъ (такой-то князь) въ церкви, юже бѣ создалъ отець его, у гроба отца своего, посторонь отца и матере, въ головахъ у дѣда, близъ стрыя своего, въ монастырѣ сестринѣ или въ отни, приложився къ отцемъ своимъ" и т. п. (I, 142, 146, 173, 175; II, 14, 95, 138, 143–4, 147; III, 36). Такимъ путемъ церкви становились семейно-родовыми *княжескими* усыпальницами и все это были по преимуществу церкви *соборныя*: св. Богородица Владимирская (I, 164, 165, 179, 185, 188, 191, 201, 203; II, 105, 125, 126, 134, 144, 204, 223; V, 165, 191), Смоленская (II, 102), Ростовская (I, 198—199), Суздальская (V, 192), Галичская (I, 179), Холмская (II, 213, 220), Софія Новгородская (I, 69, 164, 215; III, 19, 21, 25, 39, 48, 54, 67, 73, 85; IV, 15, 26; V, 138, 167 и др.); св. Троица Псковская (I, 133; II, 14; V, 158, 203), св. Спасъ въ Черниговѣ (I, 85, II, 152, 275; V, 136, 147), въ Твери (V, 215, 251) и т. д.—Какъ церкви каѳедрально-епископскія, онѣ были обычными мѣстами и погребенія епископовъ. Послѣдніе, бывъ похоронены иногда въ приходскихъ храмахъ, переносимы были въ соборы (V, 173), какъ это имѣло мѣсто и въ отношеніи князей. Лица не-княжескаго происхожденія въ рѣдкихъ случаяхъ удостоиваемы были великой чести быть погребенными здѣсь. Въ Новгородѣ, напримѣръ, посадники и „добрые бояре" полагались въ св. Софьѣ, когда они кровь свою проливали за нее (III, 54, 60, 129).

заглядывая въ эти гробы, иногда рядами наполнявшіе древне-русскіе соборы съ ихъ притворами и придѣлами, молясь на торжеттвенныхъ заупокойныхъ службахъ и паннихидахъ по похороненныхъ въ нихъ, участвуя наконецъ въ поминовенныхъ столахъ у святителя или государя на дворѣ [1]),

[1]) Практика поминовенія святителей, князей, царей, членовъ ихъ семьи и простого званія „добрыхъ мужей", обстоятельно извѣстная за XVI—XVII вѣка, состояла въ нижеслѣдующемъ. За день или болѣе до государскихъ или святительскихъ поминокъ оповѣщались *пестрые* и *черные* власти, гдѣ, т. е. въ какомъ храмѣ или монастырѣ, которой изъ нихъ служить. Въ Москвѣ *посылка ко властемъ* или *нарядъ* ихъ были съ Дворца изъ особой *паникадной* полаты (см. о ней у *Забѣлина* И. Е., Домашній бытъ русскихъ царей, ч. I, стрр. 291, 594), отъ дворцоваго діака по *росписи*, бравшейся имъ у ключарей Успенскаго собора. Иногда самъ патріархъ указывалъ, гдѣ какой власти быть у паннихиды послѣ вечерни наканунѣ поминовеннаго дня и у заупокойной службы въ самый день. Случалось и такъ, что съ вечера патріархъ никого и никуда не посылалъ и самъ не ходилъ, а указывалъ идти тому или другому архіерею или всѣмъ, находившимся въ то время на Москвѣ, по утру пѣть паннихиду и литургію съ литіей послѣ нея. Самъ онъ сравнительно рѣдко служилъ, развѣ что по болѣе чтимыхъ князьяхъ и царяхъ, при немъ умиравшихъ членахъ царскаго семейства, по патріархахъ и именитыхъ людяхъ, дѣлавшихъ вклады въ Большой Успенскій соборъ. Въ Новгородѣ, Холмогорахъ и другихъ городахъ оповѣщали архимандритовъ, игуменовъ и высшее городское духовенство: соборныхъ протопоповъ, поповскихъ старостъ и т. д. ключари каѳедральнаго собора, съ благословенія святительскаго, чрезъ своихъ звонцовъ. Дальніе власти пріѣзжали безъ зову сами. Государскія и святительскія поминки были совершаемы или по всѣхъ вмѣстѣ князьяхъ, царяхъ и архіереяхъ въ опредѣленные дни и числа, или по каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности, по нѣсколькихъ заразъ, группами, и не въ одни и тѣ же числа. Совершаясь по всѣмъ монастырямъ, городскимъ и даже сельскимъ церквамъ, торжественное поминовеніе однако же происходило въ главномъ соборѣ, въ Москвѣ чаще всего въ Архангельскомъ и въ Вознесенскомъ монастырѣ, на мѣстахъ упокоенія поминаемыхъ. На гробы ихъ передъ службой полагались лучшіе покровы и поставлялись на каждый изъ нихъ свѣчи и медъ съ кутіей, шедшіе въ разъ навсегда опредѣленномъ количествѣ съ кормового государева двора или изъ святительской казны. Кутья приносилась отъ проскурни или проскурника. Къ паннихидѣ по вечернѣ и на другой день къ литургіи съ литіей на Москвѣ былъ иногда выходъ государей, а по городамъ непремѣнно приходилъ къ нимъ большой государевъ дьякъ. На святительской поминкѣ были дворецкой, казначей и другіе свѣтскіе чины архіерейскаго двора. Паннихиды совершались на самыхъ гробахъ, или же ходили на послѣдніе въ концѣ ихъ. По литургіи съ литіей святитель благословлялъ государя, если онъ присутствовалъ на нихъ, паннихидною просфорой; въ случаѣ отсутствія посылалъ ее на верхъ съ тою или другою властью. Въ Новгородѣ она жаловалась святителемъ дьякамъ, замѣнявшимъ лицо государя. Вслѣдъ за службой происходили на Москвѣ такъ называемые *сборы*—поминальныя трапезы, для участія въ которыхъ *собирались*, сходились иногда самъ патріархъ, чаще всего заступавшій его архіерей, власти и вообще духовенство, которое съ нимъ служило. Иногда эти собранія имѣли мѣсто въ дворцовой панахидной полатѣ, отчего она называлась еще *сборною*, иногда—въ менѣе торжественныхъ случаяхъ въ патріаршей крестовой. Столы по патріархахъ и частныхъ лицахъ обязательно происходили въ послѣдней. Въ Новгородѣ и другихъ городахъ столъ для властей происходилъ у святителя въ дому, а для низшаго служившаго духовенства—на государевомъ кормовомъ дворѣ, если это была государская поминка. Трапеза по святителяхъ

жители города или точнѣе—представители его несомнѣнно вмѣстѣ съ

для всѣхъ безъ различія была въ архіерейскомъ домѣ. Передъ поминальною трапезой по государѣ и особахъ государевой семьи приходили окольничій и дворцовый дьякъ „со столомъ"—ѣствою и питьемъ отъ царя и, поставивши передъ святителемъ, прочими властями и всѣми вообще присутствовавшими первую, обносили каждаго въ отдѣльности послѣднимъ, обычно медомъ въ чаркахъ или кубкахъ. Въ Новгородѣ и по другимъ городамъ это дѣлалъ большой государевъ дьякъ, котораго святитель съ своей стороны благословлялъ какою-либо ѣствою—*подачею*, послѣ чего онъ и уходилъ на кормовой дворъ къ трапезовавшимъ тамъ. Въ раннѣйшіе вѣка царь не считалъ унизительнымъ для себя дѣлать то, что потомъ стали дѣлать его посыльные, самолично подносилъ владыкѣ кубки и ѣству и изъ своихъ рукъ угощалъ его, какъ и другихъ. Въ Судебникѣ Ивана Грознаго одна изъ статей гласила: „...въ который день живетъ большая панихида, митрополитъ у государя *за столомъ, а государь передъ нимъ стоитъ*". По Чиновнику Новгородскаго Софійскаго собора святитель, вставши въ самомъ началѣ стола съ своего мѣста, полагалъ передъ властями, священниками и причетниками по три ѣствы, давалъ каждому по колачу и подносилъ по чаркѣ питья. Обойдя всѣ столы, онъ снова садился, и начиналось трапезованіе, во время котораго происходило чтеніе объ умершихъ. По концѣ стола и „хлѣба Богородицына" или обряда Панагіи, пѣли заупокойный тропарь надъ кутіей, и затѣмъ слѣдовали такъ называемыя чаши за государево, патріаршее и святительское здравіе. Участвовавшему въ заупокойной службѣ и паннихидѣ духовенству раздавалась кромѣ того денежная милостыня, каждому лицу въ опредѣленномъ размѣрѣ; не забывались, разумѣется, и нищіе, которымъ также были такія или иныя подачи (Чинов. Новгородск. Софійск. соб. стрр. 37—43; см. по указателямъ къ нему, подъ словв. *гробы—паннихиды*, и къ Чиновнику Холмогорск. собора. Уставъ Московск. патріарховъ въ Древн. Россійск. Вивліоѳ. ч. X, стрр. 45—46, 71—73, 100, 111—113, 197—200, 207—209, 211—212, 222—223, 258—259, 265, 319. *Архим. Макарія* Описан. Новгор. архіер. дома. стрр. 145—148). Изложенная практика государскихъ и святительскихъ поминокъ, значительно упростившаяся уже въ XVIII стол. (сравн. съ предшеств. Чиновн. Нижегор. соб. по указат.), утратила теперь въ придворно-архіерейскомъ быту свои наиболѣе типичныя черты и продолжаетъ сохраняться у насъ лишь въ старообрядческихъ и купеческихъ со старымъ укладомъ семьяхъ. Въ нихъ еще живутъ эти „панахидные столы" или *кормы* съ подачами не только деньгами, но и натурой, и въ захолустныхъ мѣстечкахъ можно встрѣтить духовныхъ лицъ, возвращающихся съ поминовенныхъ обѣдовъ съ мѣшечками или узелками въ рукахъ.—Въ Чиновникѣ Новгородскаго Софійскаго собора дважды замѣчено (стр. 34, 41), что ежегодныя паннихиды, совершавшіяся въ немъ 4 октября по благовѣрныхъ князьяхъ, царяхъ и святителяхъ новгородскихъ, „по явленію и по повелѣнію иже во святыхъ отца нашего Іоанна архіепископа Евѳимію архіепископу сотворяются". Въ сообщеніи этомъ, заключающемъ въ себѣ явныя несообразности, вѣроятно, идетъ рѣчь объ упорядоченіи, внесенномъ названными святителями въ новгородскую практику поминовенія князей съ іерархами, напримѣръ, о пріуроченіи послѣдняго къ опредѣленному числу, но никакъ не о первоначальномъ учрежденіи обычая поминокъ. Нѣкоторыми своими сторонами послѣднія не только выходятъ за предѣлы нашей церковной исторіи, но и византійской и восходятъ своимъ началомъ къ глубокой, чуть ли не къ первохристіанской древности. Паннихидные столы, *объѣды* съ ихъ *подъѣлами* по умершихъ (*Горскаго и Невоструева* Опис. рукопп. Синод. библ. III, 1, стр. 248—249), точно также какъ „заупокойные кормы большіе, средніе и меньшіе" въ нашихъ монастыряхъ (*Горскаго* А. В. Историч. Опис. Сергіевой ларвы ч. II, прил. архим. *Леонида*, стрр. 35—56), намъ представляются отдаленнымъ эхомъ древне-христіанскихъ погребальныхъ агапъ. О послѣднихъ

утѣшеніемъ отовсюду выносили и глубокое назиданіе себѣ [1]). Въ памяти ихъ невольно проходила жизнь ежегодно по нѣскольку разъ поминавшихся святителей, князей, царей и простого званія „добрыхъ мужей", а съ нею неразрывно воскресало и прошлое города съ его княжествомъ. Величавые образы князей, „много пота утершихъ за землю Русскую, строившихъ и соблюдавшихъ ее, поборавшихъ по св. Спасѣ, св. Софьѣ, св. Троицѣ... и костьми павшихъ за обиды" и свободу своей родины, когда „хлѣбъ уже не шелъ во уста" отъ притѣсненій враговъ и „самая земля стонала [2])", эти образы сами собою вставали передъ умственнымъ взоромъ внимательнаго посѣтителя соборнаго храма. А усопшіе святители, „сводившіе при жизни въ миръ и любовь" враждовавшихъ почему либо духовныхъ чадъ своихъ, печаловавшіеся за слабыхъ изъ нихъ передъ сильными, мученически иногда оканчивавшіе служеніе свое [3]), едва ли еще не чаще вспоминались молящимися, чѣмъ благовѣрные князья...

Не говоря уже о „цѣльбоносныхъ гробахъ" великихъ чудотворцевъ, нетлѣніемъ прославленныхъ и церковью причисленныхъ къ лику святыхъ, [4]) всѣ вообще княжескіе и святительскіе гробы были въ сознаніи народномъ тою богатою нравственною сокровищницей, изъ которой всякій могъ черпать для себя въ потребныхъ случаяхъ необходимыя для него силу и поддержку. Поклониться послѣ главной соборной святыни гробамъ святителей и князей признавалось всѣми, съ высшихъ до низшихъ, долгомъ священнымъ [5]), а людямъ глубоко набожнымъ, въ родѣ Софійскаго пономаря Аарона, вѣрилось и видѣлось „ни во снѣ, ни въ привидѣніи", какъ „преждеотшедшіе архіепископы, излѣзши" изъ гробовъ своихъ, шли и будто живые становились предъ икону Богоматери на молитву за городъ свой къ великой радости жителей его [6]). Новгородцы, Суздальцы и другіе въ годины тяжелыхъ народныхъ испытаній усердно искали и, какъ казалось имъ, находили явныя предзнаменованія угрожавшихъ имъ опасностей на гробахъ чудотворцевыхъ.

упоминанія см. въ Testamentum Domini Nostri Jesu Christi, edit. Rahmani, pag. 79. Moguntiae. 1899; *Іоанна Златоустаго* Бесѣда 28 на I Коринѳ; русск. пер. стрр. 111—112; СПБ. 1858; Прав. Пал. Сборн. вып. 34, стр. 4. 12; у *Бингама* въ Origines sive antiquitates, vol. IX p. 146—162 и др. Литература объ агапахъ вообще указана у Kraus'a въ Real-Encyklopädie d. Christl. Arterth., B. II, s. 26—27; на русскомъ языкѣ лучшая объ нихъ статья въ Прав. Обозр. 1870, перев. изъ Liturgik'и Lüft'a В. I, 106 и далѣе. [1]) Передавая и вмѣстѣ опровергая ходившіе въ Новгородѣ разные слухи о причинахъ оставленія его архіеп. Нифонтомъ въ 1156 г. и уходѣ его въ Кіевъ, лѣтописецъ замѣчаетъ: „Мню бо, яко не хотя Богъ, *по грѣхомъ нашимъ, дати намъ на утѣху гроба его*, отведе и Кыеву и тамо преставися"... П. С. Р. Л III, 12; ср. IV, 10. [2]) Тамъ же II, 15; III, 58, 89—90; IV, 5, 40, 68. [3]) Тамъ же I, 109; III, 15, 30, 38, 55, 70, 72, 78, 81, 87, 91, 97; IV, 75, 147; VI, 141—142, 295. [4]) Тамъ же VI, 280. [5]) Тамъ же II, 143; III, 31, 36; IV, 25; V, 180, 196. [6]) Тамъ же III, 239.

Лѣтописецъ, убѣжденный въ достовѣрности передаваемаго имъ, разсказываетъ, какъ передъ покореніемъ Новгорода вел. княземъ Иваномъ III «не на добро граду» появлялась кровь на гробахъ тамошнихъ архіепископовъ: Симеона и Мартирія; какъ наканунѣ паденія или разрушенія Суздальской соборной церкви „начали внезапно святительскіе гробы внутри горѣть и падать» [1]) въ ней. Нѣтъ нужды разоблачать и безъ того прозрачный смыслъ этихъ сказаній. Пусть эта вѣра древне-русскаго человѣка въ своихъ родныхъ покровителей, въ охранительное и по смерти ихъ значеніе для родного города и края выражалась иногда въ простодушной формѣ, но за то она была искренняя и глубокая. Лежавшіе въ соборахъ благовѣрные князья и святители въ глазахъ его были настоящими *„забралами земли Русстѣй“*, безсмѣнными стражами ея [2]). Ихъ священные останки въ соединеніи съ мѣстно-чтимою чудотворною иконой едва ли не больше всего превращали соборный храмъ въ драгоцѣнный національный памятникъ и глубоко патріотическую святыню, дѣлали его сердцемъ акрополя, душею всего княжества. Живые члены послѣдняго всякій разъ, какъ приходили молиться въ соборъ, вступали въ немъ въ духовное общеніе съ покоившимися здѣсь „лѣпшими“, лучшими мужами и, по выходѣ изъ храма, нерѣдко подлѣ самыхъ его стѣнъ, продолжали дѣло строительства своей земли, начатое ими.

Вѣдь и въ удѣльный періодъ нашей исторіи соборные храмы по прежнему служили мѣстами, гдѣ происходило многое и наиболѣе важное въ церковно-гражданской жизни того или другого княжества. Подлѣ нихъ нерѣдко, по звуку колокола, сходились жители города, а иногда и пригородовъ на вѣче, въ народное собраніе, дѣлавшее каѳедрально-епископскій храмъ, какъ и площадь, его окружавшую, въ буквальномъ смыслѣ слова *соборными*, *сборными* [3]). Здѣсь сообща, въ присутствіи

[1]) Тамъ же III, 241; IV, 124; V, 42. [2]) Тамъ же VI, 311; V, 40; сн. IV, 147, 35; III, 67; V, 203, 217; VI, 127, 325, 326, 292–293. [3]) Вѣче собиралось подлѣ соборныхъ храмовъ не всегда. По лѣтописямъ, говорящимъ иногда довольно глухо по данному вопросу (П. С. Р. Л. I, 160; II 132; III, 32, 80; V, 190), мѣсто собранія вѣча было различно. Въ Кіевѣ собирались и *„на торговищи“*, и *на горѣ*, съ переводомъ торга съ подола на послѣднюю, въ частности и позднѣе у св. Софіи (I, 73, 75, 137–138, сн. II, 32, V, 141–142). Бѣлгородцы и Полочане сходились въ „городѣ“ (I, 55; II, 83; сн. V, 123); Новгородцы *„на Ярославли дворѣ“* и у св. Софіи (I, 61; III, 32, 37, 43, 61, 136, 222; IV, 45, 90–91, 136; V, 38, 131, 196–197. 206, 261; VI 3, 182). Въ Новгородѣ происходили иногда одновременно два вѣча: на Ярославомъ дворѣ у св. Николы и у св. Софіи (III, 65, 93, 129). Случалось и такъ, что, собравшись сначала на Ярославовомъ дворѣ, Новгородцы переносили потомъ вѣче къ св. Тофіи (III, 105—106), когда обсуждались дѣла церковныя. Собиравшіеся на вѣче составляли „соборъ людскъ“ въ отличіе отъ священнаго собора (III, 136). Псковичи собирались у св. Троицы, Москвичи въ кремлѣ (IV, 85; V, 34, 46; VI, 22, 25—27). Думается намъ, что вѣча въ древности, у русскихъ-язычниковъ, происходили обычно на мѣстахъ ихъ естественныхъ

властей свѣтскихъ и духовныхъ, обсуждались и рѣшались существенные вопросы внѣшней политики и внутренней жизни. Князья на вѣчѣ держали совѣтъ съ лучшими и старѣйшими мужами о войнѣ и мирѣ, сдачѣ города непріятелю или объ отраженіи послѣдняго отъ стѣнъ его; послы на немъ „правили свои посольства“. Народная толпа нерѣдко отсюда шла расправиться съ тѣмъ или другимъ своимъ измѣнникомъ, а случалось, что и на самомъ вѣчѣ поканчивала съ нимъ. Святителю не разъ доводилось приходить сюда съ освященнымъ соборомъ и обращаться къ мятежной черни съ словомъ наученія. Здѣсь, по крайней мѣрѣ въ Новгородѣ со Псковомъ, производились выборы должностныхъ лицъ, разсматриваемы были вопросы о приглашеніи на княжескій престолъ и изгнаніи князей, разбираемы были ихъ столкновенія съ горожанами, словомъ — творился судъ и происходило высшее управленіе княжествомъ. По смерти владыки, на вѣчѣ, собиравшемся въ такихъ случаяхъ обычно у св. Софіи, назывались изъ бѣлаго или чернаго духовенства кандидаты въ преемника ему. Избравши голосованіемъ или съ помощью жребіевъ одного изъ нихъ, собравшійся на вѣче народъ посылалъ наиболѣе почетныхъ гражданъ за нареченнымъ епископомъ, а иногда и всего Великаго Новгорода „многонародное множество“, во главѣ съ княземъ и духовенствомъ, шло за нимъ и, взявши, торжественно вело его на владычень дворъ, гдѣ *честно возводило на сѣни съ поклономъ и посаждало въ дому св. Софіи* [1]).

Архіерейскій домъ въ настоящее время нерѣдко находится въ монастырѣ и бываетъ удаленъ отъ каѳедральнаго храма на довольно значительное пространство, иногда на разстояніе цѣлаго города. Но это уже сравнительно новый и во многихъ отношеніяхъ нежелательный порядокъ вещей, замѣтно однакоже взявшій перевѣсъ теперь надъ старыми обычаями на этотъ счетъ. Въ наиболѣе древнихъ нашихъ городахъ: Кіевѣ, Новгородѣ, Смоленскѣ, Москвѣ, Костромѣ, Вологдѣ и т. д. архіерейскіе дома продолжаютъ оставаться на своихъ прежнихъ мѣстахъ бокъ о бокъ съ ихъ старинными соборными храмами. Какъ нельзя болѣе подчеркивая наше неладное новшество, они монументально свидѣтельствуютъ, насколько сообразнѣе съ дѣломъ и согласнѣе съ канонами было на этотъ счетъ

собраній по торговымъ и религіознымъ дѣламъ. На торговищахъ и мольбищахъ со временемъ князья и епископы, по весьма понятнымъ побужденіямъ, и стали строить церкви, и соборные пункты язычниковъ, незамѣтно для нихъ самихъ, превращались въ соборные христіанскіе храмы. Въ позднѣйшее время вѣча обычно и во всякомъ случаѣ нерѣдко собирались при послѣднихъ. [1]) О поставленіяхъ или избранілхъ Новгородскихъ владыкъ см. въ Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. III, 6, 10, 12, 13, 19, 21, 25, 31, 39, 45, 54, 63, 67, 69, 73, 75—76, 85, 86, 95, 106, 110, 133—134, 139, 220, 222, 225, 236, 243; т. IV, 9, 45, 52, 95—96, 116, 155; VI, 36.

встарину [1]). Архіерейскому дому быть подлѣ каѳедрально-епископскаго храма такъ же естественно, какъ жилищу приходскаго священника на-

[1]) Въ первое время церкви, когда храмы были въ домахъ, владѣльцы послѣднихъ могли быть иногда и предстоятелями собиравшихся у нихъ для молитвъ и богослуженія вѣрующихъ. Близость жилищъ предстоятелей или епископовъ къ молитвеннымъ храминамъ и вообще храмамъ первыхъ вѣковъ явствуетъ изъ всѣхъ тѣхъ свидѣтельствъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о принесеніи даровъ и разнаго рода начатковъ христіанами. По Іустину Мученику (Аполог. 1 гл. 67; русск. пер. стр. 108. М. 1862), канонамъ Ипполита (can. XXXVI, въ изд. Ганеберга стр. 93), Апостольскимъ Постановленіямъ (lib. II, cap. 25, 35; VII, 29; VIII, 30, 40; русск. пер. стрр. 52, 58, 59 и др.) и правиламъ (4, 38, 41; сн. Гангрскаго собора прав. 7—8, Трулльск. пр. 35), какъ и многимъ другимъ памятникамъ, приношенія направляются къ епископу, собираются и хранятся въ его домѣ, имъ самимъ или пресвитерами и діаконами, имъ назначенными, распредѣляются между клиромъ и нуждающимися членами церковной общины. По 35-му канону Ипполита, всякій, имѣющій какіе-либо начатки, относитъ ихъ *въ церковь къ епископу* (ad episcopum in ecclesiam eas deferat), *въ домъ его*, а не къ олтарю, какъ это даетъ ясно понять 4-е апостольское правило. По Апостольскимъ Постановленіямъ и канонамъ Ипполита, епископъ представляется живущимъ подлѣ своего храма съ своимъ многочисленнымъ и довольно разнообразнымъ клиромъ, собиравшимся въ его домѣ передъ службой (Quotiescunque episcopus sacramentis frui vult congregentur diaconi et sacerdotes apud eum, induti vestimentis albis pulchrioribus (vestitu) totius populi. Canones s. Hippolyti, XXXVII, p. 94), творившимъ вмѣстѣ съ нимъ по близости храма управленіе и судъ. Составитель Testamenti Domini Nostri Jesu Christi, изданнаго Антіохійскимъ патріархомъ Сирійцевъ Игнатіемъ Ефремомъ II Рамани (Moguntiae. 1899), изображаетъ епископа безотлучно какъ бы находящимся при олтарѣ своего храма, непрестанно пребывающимъ въ молитвахъ (sit episcopus assiduus penes altare, perseverans in orationibus diu noctuque). Описывая нормальный епископскій храмъ своего времени, онъ ясно и отчетливо говоритъ, что жилище оглашенныхъ соединено было съ нимъ, что дома епископа и вдовицъ находились близъ церковнаго двора (aedes episcopi sit prope locum, qui vocatur atrium), внутри котораго была крещальня съ домами пресвитеровъ и діаконовъ, а по сосѣдству съ нимъ странноприимная (стрр. 23, 24, 27, 33). Предписанное, согласно съ только что названнымъ памятникомъ, однимъ изъ постановленій IV Карѳагенскаго собора (*Дюканжа* Constantinopol. christ., lib II, cap. VIII, p. 143), мѣстожительство епископа неподалеку отъ своего каѳедральнаго храма составляло въ то время общеизвѣстное явленіе и отмѣчено весьма многими свидѣтельствами. Въ житіяхъ древне-христіанскихъ епископовъ нерѣдко можно встрѣтить указанія на то, какъ тотъ или другой изъ нихъ заботился о жившихъ при немъ и его храмѣ вдовахъ, сиротахъ и т. п., какія старанія прилагалъ къ благосостоянію находившагося въ его домѣ училища, самъ занимаясь съ дѣтьми (для примѣра см. житіе Климента Анкирскаго подъ 23 января. Древне-церковные (*Сократъ*, Ц. И. V, 13; VI, 12, 14; русск. перев. стр. 409, 478, 481; *Евагрій* Ц. И. II, 8; русск. пер. 79—80) и византійскіе историки (*Ѳеофанъ Византіецъ*, Лѣтописи русск. пер. стр. 28, 61—62, 321, 342; *Никита Хоніатъ*, Исторіи его русск. пер. т. I, 281, 312, 320, 335, 340; 9 прав. VII-го вселенскаго собора и толкованіе на него *Вальсамона*, русск. пер. Правилъ ч. I, стр. 658—660. М, 1877) довольно часто и по разнымъ поводамъ упоминаютъ объ архіерейскихъ домахъ и въ частности о константинопольской патріархіи: ея составныхъ частяхъ, пристройкахъ и общей ихъ участи. Многіе византики, напримѣръ: *Павелъ Спленціарій* (Descript. s. Sophiae, p. 7. Edit. Bonnae), *Константинъ Порфирородный* (De cerimoniis aulae Byzant. vol. I, 435, 616. Edit. Bonnae), діаконъ *Игнатій*—жизнеописатель Константинопол. патріарха Никифора (русск. пер. И. Д. Андреева, ч. I, стрр. 59,

ходиться по близости церкви или келіи настоятельской рядомъ съ монастырскимъ соборомъ. Въ древне-христіанскомъ мірѣ епископъ или

65—66. Сергіева лавра, 1904 г.) съ отчетливостію, не оставляющею никакихъ сомнѣній, передаютъ о томъ, какъ патріархъ и лица, посѣщавшія его, прямо изъ палатъ переходили на хоры Великой церкви (*κατηχούμενα, ὑπερῶα*); какъ онъ, не желая кого-либо допустить къ себѣ, приказывалъ запереть свои двери и „всходъ на верхнюю часть“ послѣдней. Домъ Іерусалимскаго патріарха въ отношеніи къ храму Воскресенія былъ, повидимому, аналогично расположенъ. По крайней мѣрѣ многочисленные паломники: греческіе, славянскіе и древне-русскіе въ одинаковыхъ нерѣдко выраженіяхъ говорятъ о топографіи обѣихъ патріархій „Суть же въ ней *полати* пространьны“, замѣчаетъ нашъ игуменъ Даніилъ объ Іерусалимской церкви Воскресенія, «*и тамо горѣ живетъ патріархъ*“ (Прав. Палестинск. сборника т. I, вып. 3 стрр. 16, 19, 130; сн. Извѣстія Ефесскаго протонотарія *Нердяки*, тамъ же т. X, вып. 2 стр. 3, 13; Ефесскаго митрополита *Даніила*, тамъ же т. III, вып. 2 стр. 13, 43; Сербское описаніе св. мѣстъ, тамъ же т. V, стр. 9—10; Второе путешествіе *св. Саввы* Сербскаго, тамъ же т. II, вып. 2 стр. 9, 15, 22, 73; Хожденіе *Трифона Коробейникова*, тамъ же т. IX, вып. 3 стр. 24, 100—101; *Іоны Маленькаго* Повѣсть и сказаніе, тамъ же т. XIV, вып 3 стр. 6—7, 10; Три греческихъ безъимянныхъ проскинитарія, тамъ же т. XVI, вып. 1 стр. 47). „Первое поклонихомся св. великой церкви Софіи“, передаетъ о себѣ іеродіак. Зосима, „*идѣже патріархъ живетъ*“ (*Сахарова* Сказанія русск. народа, т. II кн. 8, стр. 60, 64). „А кладези мнози во св. Софіи“, какъ бы дополняя, писалъ еще ранѣе его Добрыня Ядрѣйковичъ, потомъ Антоній, архіеп. Новгородскій „А *на полатяхъ* кладези и огладъ патріарховъ и церкви мнози . . . и баня патріархова *на полатахъ*“ (Путешествіе въ изд. *Саввантова* столб. 36, 106—107; Прав. Палест. Общ. сборника т. XVII, вып. 3 стр. 23). „Дворъ патріяршій (Антіохійскаго патріарха въ Дамаскѣ), по словамъ извѣстнаго Григоровича-Барскаго, «есть *съвокупленъ съ церковію* (каѳедральною Введенскою) отъ полудни, лѣпотенъ и расположеніемъ и зданіемъ“ (Странствованій ч. II, 98, 99—100, сн. стр. 50, изд. Прав. Палест. Общ., сн. *Павла Алеппскаго* Путешествіе Антіохійск. патр. Макарія въ пер. Муркоса, вып. I, 35, 124—5; V, 24, 150). Патріархіямъ и, главнымъ образомъ, вселенской константинопольской подражали въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, митрополіи и епископіи востока и земель славянскихъ. Новѣйшіе путешественники нерѣдко отмѣчаютъ, что тотъ или другой владыка живетъ или нѣкогда жилъ противъ своего каѳедральнаго храма, въ оградѣ его (*Архим. Порфирія Успенскаго* Путешествіе въ Метеорскіе и Осоолимпійскіе монастыри, стрр. 30, 66, 83—58, 93, 229—230, 265, 256, 367; *архим. Антонина* Изъ Румеліи, стр. 35, 116, 488—489, 465, 553, 597).—Помимо сходства въ топографіи можно наблюсти нѣсколько одинаковыхъ чертъ во внутреннемъ устройствѣ и убранствѣ древнихъ епископій. И прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что обитатели ихъ, по общечеловѣческой склонности устроять жизнь съ удобствами и комфортомъ, не мало заботились объ улучшеніи своей житейской обстановки. Достаточно прочитать разсказъ Павла Алеппскаго (русск. пер. вып. V, стрр. 150—153) о перестройкѣ имъ заново патріаршаго дома въ Дамаскѣ, чтобы наглядно себѣ представить, какъ много вниманія, стараній и средствъ восточные владыки даже при неособенно благопріятныхъ для нихъ обстоятельствахъ удѣляли своему земному мѣстопребыванію. „*Огромные и великолѣпные дома*“ константинопольской патріархіи, пришедшіе въ упадокъ къ половинѣ XIV вѣка, составляли, по словамъ Никифора Григоры (Римской исторіи кн. XI, гл. 11; русск. пер. т. I, стр. 563—564), въ раннѣйшее время „лучшее украшеніе для храма св. Софіи“. Богатству наружныхъ украшеній соотвѣтствовало ихъ внутреннее убранство, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ помѣщеній въ нихъ. Извѣстнаго Павла Самосатскаго епископы между прочимъ обличали въ томъ, что онъ по своей кичли-

предстоятель нерѣдко помѣщался подъ одною кровлей, рядомъ съ тою *молитвенного храминой*, въ которой выступалъ въ качествѣ верховнаго

вости, „не какъ ученикъ Христовъ", устроилъ очень высокій престолъ въ олтарѣ и, „подобно мірскимъ начальникамъ", завелъ при храмѣ особую комнату—*секретъ* (Церковная Исторія *Евсевія*, кн. VII. гл. 30, стр. 278, изд. Швеглера; русск. пер. т. I, стр. 450—451). Но въ чемъ упрекали въ III в. архіереи своего собрата—Павла, человѣка несомнѣнно тщеславнаго, въ томъ со временемъ повинны стали сами. Лучшими, парадными комнатами Іерусалимской и Константинопольской патріархій были потомъ *большой и малый секреты*. Въ нихъ собирался въ торжественныхъ случаяхъ, напримѣръ, въ ночь предъ пасхальной утреней, многочисленный патріаршій клиръ и здѣсь вмѣстѣ съ патріархомъ, а не у себя въ келіяхъ, какъ это было въ древне-христіанскую эпоху, каждый облачался въ бѣлыя одежды; патріархъ раздавалъ свѣчи, а иподіаконъ кадилъ и окроплялъ всѣхъ розовой водой. Отсюда начиналось шествіе патріарха съ митрополитами, епископами и т. д., въ преднесеніи креста, двухъ свѣчей и лампады, къ западнымъ или царскимъ дверямъ храма (*Παπαδοπουλο-Κερεμεύς Ἀνάλεκτα*, т. II стрр. 189—190). Понятнымъ становится, почему секреты въ *Краткой исторіи* патр. Никифора Константинопольскаго наименованы *τῶν προόδων οἶκοι, комнатами выходовъ* (русск. пер. Творенній св. Никифора, ч. I стр. 444), и почему восточные архіереи сосредоточивали особенную заботливость на отдѣлкѣ этихъ своихъ залъ. Главнымъ средствомъ украшенія являлись въ нихъ, какъ и во дворцахъ императоровъ, знатныхъ и богатыхъ людей того времени, облицовка стѣнъ разноцвѣтными мраморами и убранство плафоновъ и половъ болѣе или менѣе драгоцѣнными мозанками. Содержаніе послѣднихъ было, разумѣется, различно. Тотъ же, напримѣръ, патр. Никифоръ разсказываетъ объ одномъ изъ ближайшихъ своихъ предшественниковъ, архіеп. Никитѣ, что онъ, возобновивъ нѣкоторыя пострадавшія отъ времени, постройки при соборной церкви, соскоблилъ мозаичныя изображенія Спасителя и святыхъ, находившіяся въ большомъ и маломъ помѣщеніяхъ выходовъ, которыя Римляне называютъ секретами (ср. *Θεοφανα* Византійца Лѣтопись, русск. пер. стр. 325, и *Кедрина* Дѣянія, перев. ч. II, л. 228 об.). Кромѣ секретовъ изъ составныхъ комнатъ греческихъ епископій у разныхъ авторовъ называются еще молельни, столовыя или триклиніи (*Іоанна Моска* Лугъ Духовный, гл. 145; русск. пер. стр. 148. М. 1848 *Дюканжа* Glossar. graecit. s. voce *ἐπισκοπεῖον*); не говоримъ уже о разнообразныхъ учрежденіяхъ, бывшихъ при нихъ: орфанотрофіяхъ, ксенодохіяхъ, хартофилакіяхъ и т. д., до тюремъ включительно.—Наши митрополиты и епископы-греки, приходя на Русь, само собою понятно, приспособлялись къ новой житейской обстановкѣ. И, насколько было въ ихъ силахъ, сами измѣняли ее согласно съ своими привычками: строили терема близъ своихъ каѳедральныхъ храмовъ и украшали ихъ на манеръ византійскій. Нахожденіе архіерейскаго дома или святитель; скихъ келій подлѣ соборной церкви или даже въ прямой связи съ нею, предполагаемое и теперешнимъ *Чиновникомъ архіерейскаго священнослуженія* (лл. 3, 68, 102 об.—103. М. 1897), подразумѣвается, какъ своего рода conditio sine qua non, нашими древними богослужебными книгами: Служебниками, Уставами, соборными Чиновниками и т. п. (См. въ Указателяхъ къ послѣднимъ подъ словами: *проводы, провожееніе, встрѣчи и выходы*; А. В. Горскаго и К. И. Невоструева Описан рукопп. Синод. библ. III, 1 стрр. 92, 248—249), Въ нѣкоторыхъ древнихъ Служебникахъ (тамъ же стр. 206, № 376 л. 25) эта смежность святительской келіи съ его церковію передана, намъ кажется, и красками—въ изображеніи передъ чиномъ литургіи-ея составителя, впереди послѣдняго-церквицы, а позади его-домика. Но это, конечно, миніатюрное подобіе древне-русскаго владычняго двора; въ дѣйствительности онъ былъ болѣе или менѣе обширнымъ, смотря по средствамъ и потребностямъ мѣстнымъ. Осенью 1341 года новгородскій владыка Василій

литурга. Даже въ періодъ появленія *открытыхъ*, особыхъ церквей жилище епископа, дома его немалочисленнаго клира, какъ и просвѣ-

построилъ *шеремъ великій* (П. С. Р. Л. Ш, 81). Въ 1433 году новгородскій архіеп. Евѳимій „поставилъ на дворѣ у себя полату каменну, а *дверей въ ней тридцать*, а мастеры ставили новгородскіе и нѣмецкіе изъ-за моря" (Тамъ же стр. 238, 111). Палата о тридцати дверяхъ, какъ бы мы ни стали представлять ее себѣ, была весьма значительнымъ помѣщеніемъ, состоявшимъ вѣроятно изъ нѣсколькихъ отдѣленій и разсчитаннымъ не на одного владыку. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ старое время на Руси по большимъ праздникамъ передъ литургіей собиралось въ дому архіерейскомъ многочисленное духовенство: монастырскіе и городскіе власти, соборные священники, діаконы и подъяки съ пѣвчими, немалочисленные иногда чины архіерейскаго двора, словомъ всѣ тѣ, которые имѣли сопровождать святителя къ службѣ изъ крестовой въ храмъ. И чѣмъ выше стоялъ послѣдній на іерархической лѣстницѣ, чѣмъ богаче былъ его городъ монастырями и церквами, тѣмъ большее число лицъ сходилось и съѣзжалось для этихъ проводъ его. Каждый занималъ свое мѣсто, всѣмъ нужно было облачиться и чинно размѣститься. Требовалось большихъ размѣровъ помѣщеніе; особенно новгородскому и позднѣе московскому владыкамъ приходилось подумать объ немъ. Чиновникъ новгородскаго Софійскаго собора пріемные или парадные покои ясно отличаетъ отъ жилыхъ, *отхожихъ*, какъ онъ выражается (стр. 58), келій святителя и изъ числа первыхъ называетъ намъ *крестовую келью съ сѣнями, выходную и столовую палаты*. При имени: *выходная палата* невольно припоминается *секретъ* - тоже выходная палата въ Іерусалимской и Константинопольской патріархіяхъ. Весной 1434 года, по словамъ первой новгородской лѣтописи (П. С. Р. Л. Ш, 111), *„подписана была* прежняя полата въ владычнѣ дворѣ"—не та, что незадолго передъ тѣмъ владыкою Евѳиміемъ была поставлена, а какая-то другая. Въ 1441 году, по приказанію послѣдняго, „подписана была полата большая владычня и сѣни прежніи" (Тамъ же, т. Ш стр. 113). Обычай покрывать живописью своды и стѣны палатъ, думаемъ, занесенъ былъ въ новгородскій владыченъ дворъ не нѣмецкими мастерами. Они могли склонить владыку Евѳимія устроить на *заморскій* ладъ *надъ полатою у себя часы звонящіе, часозвоню* (Тамъ же Ш, 112; IV, 126), какъ вещь, весьма потребную и даже прямо необходимую въ тогдашнемъ нашемъ церковно-богослужебномъ обиходѣ; но при украшеніи своихъ палатъ живописью новгородскіе святители, какъ и другіе древне-русскіе епископы, слѣдовали скорѣе примѣру Византіи. Вмѣстѣ съ другими привычками наши митрополиты и вообще іерархи-греки принесли изъ послѣдней и эту привычку расписывать свои келліи священными изображеніями, которыя бы не столько услаждали взоры, сколько назидали хозяевъ и бывавшихъ у нихъ. Украшать мозаиками было дорого да и мастеровъ этого дѣла у насъ не было, но комнатная живопись въ древней Руси была не безъизвѣстна и, какъ кажется, довольно распространена. Изъ палатъ епископскихъ она перешла, предполагаютъ, во дворы князей, бояръ и людей богатыхъ (*Забѣлина И. Е.* Домашн. бытъ русск. царей. ч. I, стрр. 48, 148. М. 1895). Въ покояхъ архіерейскихъ она находила широкое примѣненіе до сравнительно недавняго времени (Лѣтопись Двинская, изд. Титовымъ, стрр. 112, 113, 115, 117—118). И это станетъ вполнѣ понятнымъ, когда вспомнимъ, что иконописныя мастерскія нерѣдко находились вмѣстѣ съ другими учрежденіями: приказами, школами (П. С. Р. Л. Ш, 81), темницами въ подклѣтахъ владычнихъ дворовъ (Двинск. Лѣтоп. стрр. 107, 108, 117, 118), что многіе изъ древне-русскихъ святителей сами были иконописцами, а по опредѣленію Стоглаваго собора всѣ они безъ исключенія должны были стать верховными наблюдателями иконописнаго дѣла на Руси. Въ настоящее время владыки наши уже не украшаютъ своихъ покоевъ иконописью, какъ нѣтъ въ нижнихъ жильяхъ у нихъ школъ иконописи и грамотно-

тительно-благотворительныя учрежденія тогдашнихъ епископій, находились едвали не въ одной церковной оградѣ, говоря современнымъ языкомъ, и во всякомъ разѣ по сосѣдству съ храмомъ. Строить архіерейскіе дома въ связи съ каѳедрально-епископскими церквами или неподалеку отъ нихъ вошло потомъ въ обычай на востокѣ, въ частности въ византійскомъ мірѣ, и обычай этотъ тамъ былъ распространенъ. Широкою распространенностію его и близостью архіерейскаго дома къ каѳедральному храму мы отчасти объясняемъ себѣ, почему Греки, а вслѣдъ за ними и наши предки словомъ *епископія* (ἐπισκοπεῖον) обозначали и тотъ и другой безразлично [1]). Келіи патріарховъ Іерусалимскаго и Константинопольскаго были смежны, непосредственно соединены съ храмами Воскресенія и св. Софіи и изъ первыхъ прямо можно было пройти на хоры или, какъ выражались наши древне-русскіе паломники, *полати* вторыхъ. Выйти Константинопольскому патріарху къ службѣ въ св. Софію значило сойти внизъ (καταβαίνειν, κάθοδος), спуститься по той или другой лѣстницѣ съ хоръ или катихуменъ ея; наоборотъ, возвратиться послѣ службы домой значило взойти на верхъ (ἀναβαίνειν, ἄνοδος), подняться на хоры и по нимъ пройти къ себѣ въ келіи [2]).

сти. Обычнымъ украшеніемъ ихъ пріемныхъ залъ являются ряды портретовъ іерарховъ, преемственно занимавшихъ ту или другую каѳедру, и въ немъ мы склонны усматривать остатокъ, отзвукъ своего рода византійской и даже древнехристіанской практики, допускавшей изображенія епископовъ не въ домахъ только ихъ, но и въ храмахъ (*Ѳеодора Чтеца* Отрывки изъ Церк. Истор., русск. перев. стр. 525, 538—539; сн. *Ѳеофана Византійца* Лѣтоп. стр. 122: сн. *Павла Алеппскаго* Путеш. патр. Макарія Антіох., русск. пер. вып. IV, стр. 194). Живя при соборныхъ храмахъ, а иногда въ монастыряхъ, не подалеку отъ нихъ бывшихъ, по лѣтамъ древне-русскіе святители для отдохновенія выѣзжали на *недолгое* время въ свои загородные села и монастыри (Тамъ же IV, 52; П. С. Р. Л. VI, 133; Двинская лѣтоп. стр. 101), слѣдуя и въ этомъ случаѣ примѣру восточныхъ святителей. Во владѣніи древне-христіанскихъ епископій были *загородные дома* (προάστεια), выѣзжать въ которые епископамъ, какъ и игуменамъ, дозволялось, но лишь подъ условіемъ удаленія изъ нихъ женской прислуги на время ихъ пребыванія тамъ (18 прав. VII вселенск. собора). [1]) *Дюканжа* Glossar. graecit. s. voce ἐπισκοπεῖον; Вальсамона толков. на 13 прав. Неокесарійскаго собора; русск. перев. въ Правилл. помѣстныхъ соборовъ, вып. 1 стр. 99. Въ нашихъ лѣтописяхъ, какъ и у Грековъ, терминъ: епископія употреблялся въ трехъ значеніяхъ: *епархіи, архіерейскаго дома и каѳедральнаго храма*. П. С. Р. Л. I, 148, 151, 170, 185, 192; II, 91, 216, 223; I, 117, 185; II, 82, 105, 152, 204. IV, 9. [2]) Въ виду смежнаго и возвышеннаго, такъ сказать, положенія патріархій Іерусалимской и Константинопольской въ отношеніи нижнихъ частей храмовъ Воскресенія и св. Софіи вполнѣ понятными становятся и всѣ тѣ выраженія древнихъ уставовъ, которыми обозначаются въ нихъ выходы къ службѣ обоихъ патріарховъ. *Пападопуло-Керамевса* Аналектъ т. II, стр. 179, 189; *Дмитріевскаго* Опис. литургич. рукоп. т. I, ч. I, стрр. 17, 21, 31, 34, 47, 57, 59, 71, 78, 83, 134, 137, 149, 152, 164, 165, 167, 172; его же: Древнѣйшіе патріаршіе Типиконы, въ Трудахъ Кіевск. Дух. Акад. 1901 г. III, стрр. 74, 81, 85; 1903 г. I, 608—9); *Ѳеофана Византійца* Лѣтоп., русск. пер. стр. 271).

Константинопольская патріархія, прилегавшая съ южной стороны къ храму св. Софіи, съ ея многочисленными аппартаментами и учрежденіями, нѣтъ сомнѣнія, могла быть примѣромъ въ отношеніи мѣстонахожденія архіерейскаго жилища, какъ она служила образцомъ и во многихъ другихъ случаяхъ для духовныхъ владыкъ того времени. Послѣдніе и въ этомъ отношеніи, насколько, разумѣется, позволяли мѣстныя условія и матеріальныя средства, слѣдовали Константинопольскому престолу. Не говоря уже о греческихъ и славянскихъ деспотисахъ, изъ которыхъ многіе и до сихъ поръ остаются вѣрными древне-христіанскому обычаю, наши святители встарину по традиціи, несомнѣнно перешедшей къ намъ изъ Константинополя, жили подлѣ своихъ каѳедральныхъ храмовъ и во всякомъ разѣ пространственно находились ближе къ нимъ, чѣмъ большинство современныхъ іерарховъ. Хотя намъ точно неизвѣстно мѣсто первоначальнаго *митрополичьяго* дома въ Кіевѣ, но что онъ смеженъ былъ съ св. Софіей, находился рядомъ съ нею, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться [1]). Наиболѣе старые наши архіерейскіе дома находятся или сзади соборнаго храма, съ западной его стороны, или съ боковъ его и слѣдуютъ, вѣроятно, раннѣйшимъ примѣрамъ и, можетъ быть, митрополіи Кіевской.—Древнѣйшіе архіерейскіе дома, какъ и княжескіе дворы, въ большинствѣ своемъ были деревянные и строились обычно на *порубахъ* или *подклѣтахъ*, т. е. состояли изъ двухъ этажей. Отводя нижній изъ нихъ подъ разныя службы, по примѣру князей, бояръ и зажиточныхъ людей того времени, наши владыки сами жили въ верхнемъ этажѣ, *на сѣняхъ*, какъ тогда говорили. И къ нимъ, какъ жившимъ *на верху* по отношенію къ своему каѳедральному храму, были вполнѣ приложимы термины, которыми Уставъ Великой Константинопольской церкви обозначалъ приходъ въ нее къ службѣ патріарха и возвращеніе послѣ нея домой. Выраженіе: „*возведоша* на дворъ или *въ домъ святый Софіи на сѣни*“, которымъ пользуются лѣтописи, разсказывая объ избраніи того или другого лица „на владычество“, весьма точно передаетъ сущность дѣла.

Съ владычняго двора, изъ епископіи провожали Новгородцы, а изрѣдка и жители другихъ городовъ своихъ избранниковъ въ Кіевъ, Владиміръ и

---

[1]) Одна изъ лѣстницъ, ведущихъ на хоры Кіево-Софійскаго собора и устроенныхъ, по замѣчанію проф. Кондакова (Русскія Древности, вып. IV стр. 147), „въ типѣ сохранившейся донынѣ лѣстницы въ храмѣ св. Софіи Константинопольской на его сѣверо-западномъ концѣ“, называется у нѣкоторыхъ писателей *архіерейскою* (Импер. Россійск. Истор. Музей, стр. 544. М. 1893). Не потому ли она такъ и называется, что по ней ходили нѣкогда архіереи, направляясь изъ своихъ келій въ храмъ и обратно?

Москву ставиться въ архіепископы, смотря по тому, гдѣ жилъ въ товремя и куда звалъ ихъ митрополитъ. Изъ соборныхъ храмовъ духовенство съ иконами и людское сонмище съ княземъ и боярами шли къ той или другой церкви города, а нѣкоторые и за городъ встрѣчать своихъ новопоставленныхъ владыкъ, торжественно вступавшихъ въ свой престольный храмъ, [1]) съ амвона котораго во всеуслышаніе читались ихъ ставленныя грамоты и раздавались изъ устъ ихъ первыя къ паствѣ поученія [2]). Встрѣчи владыкъ съ слѣдовавшими за ними ихъ первыми службами въ соборномъ храмѣ, всенародно-зрительнымъ посажденіемъ ихъ на владычнее мѣсто, шествіемъ вокругъ дѣтинца и провожденіемъ на сѣни были всегда радостнымъ событіемъ въ городѣ, праздникомъ для его жителей. „Возрадовашася радостію великою зѣло въ той день о своемъ владыцѣ“,— замѣчаетъ обычно лѣтопись о послѣднихъ по случаю прихода къ нимъ того или другого новопосвященнаго епископа [3]). И легко понять причины этой радости. Не однихъ дѣлъ духовныхъ, но и многихъ мірскихъ являлся тогда вершителемъ владыка, и не одни лица церковныя или жившія на церковныхъ земляхъ имѣли въ немъ нужду и искали себѣ управы и суда на святительскомъ дворѣ. Желавшіе развестись супруги, оскорбленные родители и обиженныя дѣти, не умѣвшіе подѣлить наслѣдство родственники, уличенные въ обманѣ торговцы, обездоленные судьбою люди и всѣ вообще требовавшіе попеченія и призрѣнія шли за рѣшеніемъ и поддержкой къ владыкѣ, свидѣтельствуясь передъ нимъ св. Софьей, св. Богородицей, св. Троицей, рядомъ съ святительскимъ дворомъ стоявшими. Въ общественныхъ испытаніяхъ и междуусобныхъ распряхъ, въ случаяхъ мести или преслѣдованія со стороны кого-либо, жители города и княжества искали утѣшенія, защиты и покрова у епископа или въ стѣнахъ соборнаго храма. Унаслѣдовавъ отъ Византіи древнее право убѣжища [4]), послѣдній нерѣдко давалъ пріютъ гонимымъ и опальнымъ: владыки и князья, чѣмъ-либо возбудившіе противъ себя народную ненависть, бояре и простые люди, спасаясь отъ мятежной черни, бѣжали обычно въ соборные храмы и здѣсь иногда сохраняли себѣ жизнь [5]). Случалось впрочемъ и у насъ, какъ это довольно часто бывало на востокѣ, что озвѣрѣвшая толпа врывалась въ самые храмы,

---

[1]) П. С. Р. Л. I, 192—193; III, 12, 45, 63, 69, 106, 154, 192, 200, 275; сн. IV, 144. [2]) Тамъ же III, 170—171. [3]) Тамъ же III, 19, 42, 87, 90, 94—95, 102, 106, 167. [4]) Сократа Церк. Ист., кн. VI гл. 5; кн. VII гл. 33; русск. пер. стр. 456, 559. СПБ. 1850. *Феована Византійца* Лѣтопись въ русск. пер. *Оболенскаго и Терновскаго*, стр. 87, 100, 101, 106, 119, 143, 157, 173, 180, 182, 217, 279, 347 и др. *Никиты Хоніата* Исторія, русск. перев. т. I, стр. 298, 310, 321. П. С. Р. Л. VI, 73—74. [5]) Тамъ же II, 33—34; III, 44, 61, 65.

вытаскивала укрывавшихся въ нихъ и на церковныхъ дворахъ и всходахъ безчеловѣчно умерщвляла несчастныхъ [1]). Священное право убѣжища у олтаря Господня нарушалось, но это, разумѣется, не мѣшало соборному храму оставаться въ сознаніи народномъ мѣстомъ неприкосновеннымъ и въ епископахъ видѣть блюстителей, которые строго должны были карать нарушителей этого права и всякаго высшаго нравственнаго правопорядка.

„У васъ нѣту владыкы, а нелѣпо быти граду сему безъ владыцѣ“,— говорилъ въ 1229 году Новгородцамъ пришедшій княжить къ нимъ изъ Чернигова князь Михаилъ [2]), и слова его имѣли отношеніе не къ одному только Новгороду. Всякому стольному городу нуженъ былъ епископъ, какъ правитель и судія въ духовныхъ и отчасти мірскихъ дѣлахъ, какъ живое выраженіе отвлеченной въ сущности мысли о патронатѣ надъ городомъ и тянувшимъ къ нему княжествомъ соборнаго храма съ его святынями и, наконецъ, какъ верховный литургъ или первосвященникъ. Послѣднее въ глазахъ народа тогда, какъ и теперь, едва ли не было самымъ важнымъ. Ипатіевская лѣтопись, сказавъ о поставленіи Θеоктиста въ епископа Черниговскаго и посажденіи его на столѣ, замѣчаетъ, что князь, бояре и „вси людье радовахуся, бѣ бо предъ нимъ епископъ боленъ и не могій служити и лежа въ болѣсти лѣтъ 25; тѣмъ же *князь и людье жадаху епискупля службѣ* [3])“. Черниговцы съ княземъ желали возобновленія послѣдней по привычкѣ къ ней, потому что она приходилась тогда по душѣ всѣмъ, какъ она нравится большинству и теперь. Представить свой соборный храмъ безъ архіерейской службы, переносить долговременное лишеніе ея хотя бы и по болѣзни епископа людямъ и князьямъ того времени было труднѣе, чѣмъ нашимъ современникамъ. Въ настоящее время къ услугамъ художественнаго образованія и религіознаго развитія являются довольно многочисленныя средства: популярныя чтенія, разнаго рода зрѣлища, музеи, выставки и т. д. Совсѣмъ иначе обстояло это дѣло въ древней Руси. Церковное богослуженіе долгое время оставалось у насъ почти единственнымъ органомъ нравственно-религіознаго воспитанія; было тѣмъ обще-доступнымъ и высоко-поучительнымъ зрѣлищемъ, на которое старо-русскій человѣкъ, при своей привязанности къ церковному обряду, шелъ съ великою охотой. Нѣтъ надобности распространяться, что соборная служба, совершаемая архіереемъ, была для него зрѣлищемъ едвали не самымъ занимательнымъ и потому весьма желаннымъ. Великіе общецерковные праздники

[1]) Тамъ же Ш, 65, 80, 129; V, 222; IV, 7. [2]) Тамъ же Ш, 45. [3]) Тамъ же II, 3.

и мѣстныя торжества по случаю обновленія или освященія соборовъ, обрѣтенія мощей, принесенія или перенесенія въ нихъ той или другой святыни [1]) и т. п., отмѣчавшіеся особенно-торжественнымъ архіерейскимъ служеніемъ въ соборномъ храмѣ, были свѣтлыми днями въ общественно-церковной жизни горожанъ. Они собирались въ эти дни на соборномъ дворѣ, наблюдали помпозныя шествія владыкъ съ многочисленнѣйшимъ духовенствомъ изъ крестовыхъ въ храмы и церемоніальные выходы князей съ боярами сюда же; слушали службу, поражавшую ихъ и своею блестящею обстановкою, и стройнымъ пѣніемъ и своимъ благочиннымъ порядкомъ; были нерѣдко свидѣтелями величественныхъ священнодѣйствій. Но особенно сильное впечатлѣніе должны были производить на нихъ обряды, совершавшіеся въ соборномъ тоже храмѣ и съ особливымъ великолѣпіемъ по случаю событій, происходившихъ время отъ времени въ княжеской семьѣ.

Не должно упускать изъ вниманія, что древне-русскіе соборы въ большинствѣ своемъ были столько же каѳедрально-епископскими храмами, сколько *придворными*, княжескими церквами. По близости весьма и весьма многихъ изъ нихъ находились княжескіе дворцы или терема. Въ лѣтописяхъ весьма нерѣдко можно находить извѣстія, что тотъ или другой князь *построилъ* или *заложилъ церковь на дворѣ у себя* [2]). Между этими церквами многія были несомнѣнно *соборными*, каѳедрально-епископскими, а не просто домовыми княжескими, въ родѣ хорошо извѣстной потомъ въ исторіи Москвы церкви Благовѣщенія пресв. Богородицы, *что у государя на дворѣ* или *на сѣняхъ*, т. е. нынѣшняго Благовѣщенскаго собора. Обычай строить княжескіе дворцы подлѣ мольбищъ существовалъ, повидимому, у Русскихъ еще до принятія ими христіанства, какъ заключать о томъ можно уже изъ разсказа нашей начальной лѣтописи о поставленіи княземъ Владимиромъ „кумировъ на холму *внѣ двора теремнаго*“, съ перуномъ во главѣ [3]). Этотъ естественный самъ по себѣ и вполнѣ понятный обычай былъ поддержанъ у насъ, какъ кажется, примѣромъ Византіи и довольно долгое время держался потомъ на Руси. Главное помѣщеніе византійскихъ царей, носившее названіе „священной и богохранимой палаты“ (τὸ ἱερὸν τὸ θεοφύλακτον παλάτιον), съ прилегавшими къ нему многочисленными дворцовыми зданіями, находилось неподалеку отъ св. Софіи, съ южной ея стороны [4]).

---

[1]) Тамъ же I, 78, 173, 187, 195–196; II, 12, 128, 152, 220; III, 87; V, 122, 146. [2]) Тамъ же I, 116, 183, 185, 191; II, 108, 4. [3]) Тамъ же I, 34. [4]) Кромѣ главнаго, большого или *великаго* дворца (τὸ μέγα παλάτιον, τὸ ἱερὸν ἀνάκτορον), отличавшагося не только размѣрами, но и богатствомъ своего внутренняго

Эта близость и дѣлала возможными тѣ великолѣпнѣйшіе выходы греческихъ царей по праздникамъ въ св. Софію, о которыхъ съ такою обстоятельностію передаетъ намъ Византійскій Обрядникъ [1]).

Въ Кіевѣ, какъ и въ Константинополѣ, въ X—XII вѣкахъ было нѣсколько княжескихъ дворцовъ: *въ городѣ*, *внѣ града* и въ загородныхъ княжескихъ селахъ; были среди нихъ *дворы великіе* и *красные* [2]). Одинъ изъ нихъ, предполагаемъ, былъ смеженъ съ Кіево-Софійскимъ соборомъ. и фрески *бытового* содержанія, уцѣлѣвшія до сихъ поръ на стѣнахъ и внутреннихъ столбахъ обѣихъ лѣстницъ послѣдняго, не говорятъ ли о томъ, что по крайней мѣрѣ одна изъ нихъ составляла нѣкогда лишь часть великокняжескихъ дворцовыхъ *переходовъ* (οἱ περίπατοι) въ соборъ не пензвѣстныхъ Византіи и столь обычныхъ потомъ на Руси? Прекрасно сохранившаяся отъ XII вѣка часть палатъ кн. Андрея Боголюбскаго въ Боголюбовомъ монастырѣ, близъ Владимира, *каменными* именно *переходами* соединенная съ церковію Рождества пресв. Богородицы [3]), даетъ нѣкоторое основаніе утвердительно какъ будто отвѣчать на поставлен-

---

го убранства (*Д. Ѳ. Бѣляева* Обзоръ главн. частей Большого дворца византійскихъ царей, въ Константинополѣ и его предмѣстіяхъ было еще нѣсколько императорскихъ дворцовъ; назовемъ изъ этихъ меньшихъ дворцовъ: *Софіанскій* (Лѣтоп. *Византійца Ософана*. перев. стр 186, 191), *Манганскій* (*Никиты Хоніата* Исторія, русск. пер. т. I, стр. 327, 373), *Влахернскій*, *Гіерій* (Лѣтоп. *Ософана* русск. перев., стрр. 242, 290, 313, 344, 346—351, 370). Послѣдніе два пользовались наибольшею извѣстностію. Во Влахернскомъ дворцѣ останавливались царп, пріѣзжая во Влахернскій монастырь для поклоненія его святынѣ и омовенія въ тамошней агіасмѣ—особомъ цѣлебномъ водоемѣ (De cerimoniis aulae Byzant p. 551—556; edit Bonn. Сравни обрядъ погруженія во іордани нашихъ князей и царей въ Симоновомъ монастырѣ 1-го августа. Чин. Моск. Соб. стр. 69; *Забѣлина* Домашн. бытъ, ч. I. стр. 429 430). Въ Гіерій, находившійся на Азіатскомъ берегу Босфора, императоры уѣзжали на время лѣтнихъ жаровъ и въ немъ между прочимъ справляли праздникъ собиранія и благословенія винограда (De cerimon. p. 373—375). Были въ окрестностяхъ Константинополя, въ большихъ монастыряхъ и городахъ Греціи и многіе другіе дворцы на случаи пріѣзда въ нихъ греческихъ императоровъ (Краткая исторія св. Никифора, архіеп. Константинопол., русск. пер. стр. 401), какъ строились потомъ въ подобныхъ же мѣстахъ и для таковыхъ же цѣлей и у насъ на Руси княжескіе и государевы дворы. Былъ у византійскихъ царей дворецъ и въ Херсонисѣ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ русскіе источники. Лаврентьевская лѣтопись, сказавъ о церкви, въ которой крестился св. Владимиръ, что она была посреди града замѣчаетъ: „ . . . полата же Володимеря *съ края церкве стоить* и до сего дне, а *царицина полата за олтаремъ*“ (П. С Р. Л. I, 47). Про эту вторую палату сказаніе о перенесеніи образа св. Николы Зарайскаго изъ Корсуня „въ предѣлы Резанскіе“ говоритъ такъ: „Полата была красная, большая, у чюдотворцова храма сзади алтаря, и *гдѣ же* (идѣже) *цяти гречестіи веселяшася Василей и Костянтинъ*“ (Временникъ Общ. Ист. и Древн, кн. 15, смѣсь, стр. 11). [1]) Объ нихъ см. у *Д. Ѳ. Бѣляева* Byzantina. [2]) П. С. Р. Л. I, 23, 98, 144—145, 172; II, 81, 128, 152; V, 102; сн. I, 103, 191; II, 127. [3]) *Толстого и Кондакова* Русскія Древности, вып. VI стр. 58—59; сн. П. С. Р. Л. II, 112—113; I. 157.

ный вопросъ. Если и не всѣ древне-русскіе князья слѣдовали примѣру вел. князя кіевскаго и дворцы далеко не всѣхъ ихъ находились въ непосредственной связи съ соборными храмами, то все же послѣдніе были близки къ первымъ. Князья наши, какъ и епископы, жили тогда въ большинствѣ случаевъ по сосѣдству съ соборами, и все, наиболѣе важное въ ихъ общественной, личной и семейной жизни, было освящаемо соотвѣтствующими молитвами и обрядами чаще всего въ стѣнахъ послѣднихъ. Здѣсь обычно древне-русскіе князья нерѣдко самими епископами сочетаваемы были бракомъ [1]); въ нихъ крещаемы [2]) и торжественно „постригаемы" были ихъ дѣти [3]). Своеобразный, давно исчезнувшій изъ литургической практики обрядъ постриговъ княжескихъ сыновей то сопровождался ихъ настолованіемъ въ соборномъ храмѣ [4]), то заканчивался на его площади посажденіемъ на коня совершеннолѣтняго княжича [5]). Въ соборахъ, какъ мы уже видѣли, князья наши были встрѣчаемы и благословлялись на княженіе, цари вѣнчаемы на царство [6]); тѣ и другіе избирали въ нихъ своихъ владыкъ, присутствовали иногда на ихъ поставленіяхъ и настолованіяхъ [7]). Съ своими святителями и народомъ они обычно молились здѣсь, особенно предпринимая какое-либо важное дѣло, напримѣръ, отпуская сыновей на княженіе [8]), отправляясь въ путешествіе [9]), идя на войну и возвращаясь съ нея [10]); цѣловали крестъ, заключая договоры съ своими врагами и союзниками [11]). Пытаясь примириться съ соперниками, князья наши побуждали иногда владыкъ своихъ идти въ епископью, въ соборную церковь, и въ ней „крѣпости ради" взять „у Пречистые съ пелены на свой патрахѣль" дѣтей своихъ противниковъ [12]). Нѣкоторыя древне-русскія княгини, глубоко преданныя и вѣрныя мужьямъ своимъ, постригались иногда въ соборныхъ храмахъ надъ гробами ихъ [13]). Всѣ эти событія, радостныя и печальныя, въ княжеской семьѣ отзывались каждый разъ, по словамъ лѣтописца, радостью или скорбію и въ душѣ горожанъ и невольно связывались въ ихъ представленіи съ соборными храмами, въ которыхъ на глазахъ города, всенародно были

---

[1]) П. С. Р. Л. I, 159, 184, 193, 201, 202; II, 117, 136; IV, 5; V, 157; VI, 44, 50, 51, 197. [2]) Тамъ же II, 136; IV 40, 56, 66; V, 192. Мѣстомъ крещенія дѣтей позднѣйшихъ московскихъ князей и царей обычно былъ Чудовъ монастырь (см. VI, 33), рѣже какой-либо дворцовый храмъ. Чин. Моск. Усп. соб. стр. 145. [3]) П. С. Р. Л. I, 172, 173, 185, 209; II, 141; III, 46. [4]) Тамъ же III, 46. [5]) Тамъ же I, 172, [6]) Тамъ же I, 160, 161, 178; II, 117, 120, 139, 175, 225; III, 25, 64, 83; IV, 6, 18, 299; V, 8, 33, 158, 171, 197, 225, 264; VI, 43, 48, 241—243, 279. [7]) Тамъ же I, 165, 185, 190—191, 192—193, 194, 202, 204, 209; III, 54, 63, 67, 85, 87, 94—95, 236, 243; IV, 9; V, 203, 204, 217, 219, 228-229, 249. VI, 33, 38—39, 130, 133, 341, 167, 282. [8]) Тамъ же I, 175. [9]) Тамъ же I, 203. [10]) Тамъ же I, 136, 139; II, 23. [11]) Тамъ же II, 117, 175; III, 91. [12]) Тамъ же VI, 175. [13]) Тамъ же I, 188.

ознаменовываемы церковными обрядами и молитвословіями. Если для князя и членовъ его семьи соборы дороги были, какъ мѣста благословенія и освященія наиболѣе знаменательныхъ явленій въ ихъ жизни; то жители города и волости вспоминали объ нихъ въ данномъ случаѣ, по меньшей мѣрѣ, какъ участники необычайныхъ празднествъ и торжествъ, которыми были отличаемы обычно послѣднія.

Имѣли немаловажное значеніе, наконецъ, древне-русскіе соборные храмы и въ практической жизни, во вседневномъ быту горожанъ. Если не о всѣхъ, то по крайней мѣрѣ о славнѣйшихъ и богатѣйшихъ изъ нихъ это можно утверждать положительно. Напримѣръ, св. Софья Новгородская съ своею нескудною казной приходила на помощь жителямъ, требовалось ли имъ поновить обветшавшій дѣтинецъ, поставить каменные *костры* или башни при окончаніи улицъ, сдѣлать новый мостъ черезъ Волховъ, дать выкупъ за плѣнныхъ или въ чемъ-либо провинившихся хотя бы предъ великимъ княземъ московскимъ людей новгородскихъ [1]) и т. п. Щедрою рукой въ этихъ и подобныхъ случаяхъ брали Новгородцы сребро у св. Софіи *съ полатей* (т. е. хоръ) ея или изъ хоромъ владычнихъ *скопленія* того или другого своего святителя: Моисея, Алексѣя и т. д. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что деньги, драгоцѣнности и все вообще имущество церковное, равно какъ „животы христіанскіе и болярскіе“ хранились тогда нерѣдко на полатяхъ, въ тайникахъ и подклѣтахъ соборовъ, монастырей и приходскихъ церквей [2]). Въ случаяхъ пожаровъ, „лютыя брани и междуусобнаго губительства“ жители города сносили имѣніе свое сюда, какъ въ мѣста, безопасныя отъ огня и въ нѣкоторой степени неприкосновенныя для людей. На хорахъ Новгородскаго Софійскаго собора и на сѣняхъ владычнихъ хранились грамоты и разнаго рода церковно-государственные документы [3]). Соборамъ, какъ центрамъ церковно-государственной жизни, подлѣ которыхъ сосредоточивалось все высшее духовное и гражданское управленіе городомъ и княжествомъ, столь же естественно было сдѣлаться главнымъ архивомъ княжества, сколько площадямъ, ихъ окружавшимъ, стать мѣстомъ объявленія всякаго рода распоряженій, приведенія въ исполненіе приговоровъ [4]) и т. п.

---

[1]) Тамъ же III, 78, 228, 233, 238; IV, 64, 94, 98; V, 242. [2]) Тамъ же III, 35, 136—137; IV, 92, 126; VI, 24—25, 139. [3]) Тамъ VI, 22. [4]) Тамъ же III, 262.

Глава IV.

Важному религіозно-общественному значенію древне-русскихъ соборныхъ храмовъ соотвѣтствовалъ ли ихъ внѣшній и внутренній видъ? Побужденія для нашихъ князей съ епископами къ украшенію соборовъ. Лѣтописныя извѣстія о благолѣпіи послѣднихъ.—Старанія нашихъ предковъ приблизиться къ св. Софіи Константинопольской въ устройствѣ и убранствѣ хотя бы второстепенныхъ храмовыхъ частей. *Мѣра среди церкви*, ея отношеніе къ *олфаліямъ* древне-христіанскихъ и особенно греческихъ храмовъ и литургическое назначеніе.—Заботы князей, епископовъ и частныхъ лицъ о возможно-богатомъ снабженіи утварями, одеждами и другими богослужебными принадлежностями соборныхъ ризницъ. Замѣчаніе о *портахъ, шитыхъ золотомъ и жемчугомъ* во Владимирѣ въ XII вѣкѣ. Происхожденіе нашего обычая украшать коврами и вообще дорогими тканями улицы и соборные храмы по праздникамъ изъ Константинополя.

Важному значенію древне-русскихъ соборовъ должны были соотвѣтствовать ихъ внѣшность и внутренность. Наружнаго и внутренняго благолѣпія соборныхъ храмовъ требовали и взглядъ на нихъ и находившуюся въ нихъ святыню, какъ на залогъ общественной безопасности, и важность событій, происходившихъ подлѣ стѣнъ и праздновавшихся подъ сводами ихъ, и народный, такъ сказать, вкусъ и, наконецъ, интересы тѣхъ или другихъ членовъ общества и прежде всего, разумѣется, представителей его: князей и епископовъ. Весь укладъ древне-русской жизни запечатлѣнъ былъ религіозныхъ характеромъ, но религіозное чувство у большинства нашихъ предковъ дальше внѣшности, обрядности не шло. Почти всѣми сторонами своей жизни древне-русскій человѣкъ нуждался въ храмѣ и при томъ храмѣ благоукрашенномъ, въ которомъ бы онъ могъ находить удовлетвореніе своимъ умственнымъ, эстетическимъ и нравственнымъ запросамъ. Возможно красиваго и величественнаго совнѣ и извнутри храма требовала душа народная. Это требованіе, общее въ отношеніи ко всѣмъ храмамъ, должно было съ особенною силой предъявляться къ соборнымъ изъ нихъ, подъ сѣнію которыхъ вращалась не только личная, но и общественная жизнь древне-русскаго человѣка, какъ гражданина и члена общества, и благодаря близости къ которымъ рѣшеніе тѣхъ или другихъ дѣлъ пріобрѣтало большій авторитетъ, становилось какъ бы рѣшеніемъ св. Софьи или пресв. Богородицы. Князьямъ съ епископами оставалось только пойти на встрѣчу, внять народному настроенію, чтобы сдѣлаться хра-

моздателями и храмоукрасителями. Идеалъ князя-церковника, заботившагося о построеніи и благолѣпіи церквей, стоялъ весьма высоко въ глазахъ древне-русскихъ людей, горячо преданныхъ обрядности. Построить нѣсколько храмовъ, воздвигнуть монастырь или *церковь соборную* въ положеніи князя, епископа и кого угодно другого значило тогда снискать симпатіи жителей, попасть въ любовь народную [1]). Далеко не всѣ, разумѣется, епископы и князья осуществляли этотъ идеалъ, но несомнѣнно, что многіе изъ первыхъ и въ особенности изъ послѣднихъ удовлетворяли на этотъ счетъ народному желанію и вкусу. Это можно сказать прежде всего и преимущественно про князей, занимавшихъ великокняжескій престолъ и сидѣвшихъ на старѣйшихъ и вообще на болѣе видныхъ столахъ, обязывавшихъ ко всякой представительности, а въ томъ числѣ и церковной.

Не одними впрочемъ высшими религіозно-государственными соображеніями руководились наши древне-русскіе князья въ дѣлѣ храмозданія и храмоукрашенія; нельзя отрицать по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ изъ нихъ въ этомъ отношеніи наслѣдственно-родовыхъ и личныхъ разсчетовъ. Въ построеніи соборныхъ храмовъ видѣли тогда одно изъ средствъ къ обособленію вмѣстѣ и объединенію княжескихъ владѣній, къ возвышенію однихъ княжествъ надъ другими и усиленію ихъ. Эту мысль внушали князьямъ даже епископы, побуждая ихъ къ сооруженію соборовъ и разъясняя имъ благія послѣдствія и выгоды этого. „Аще мене, сыну, послушаеши и *храмъ пречистыя Богородицы воздвигнеши во своемъ градѣ*“, такъ, по словамъ одного изъ біографовъ митроп. Петра, уговаривалъ названный святитель кн. Ивана Даниловича Калиту построить знаменитый потомъ Московскій Успенскій соборъ, „самъ прославишися паче инѣхъ князей и сынове и внуцы твои въ роды, и градъ сей славенъ будетъ во всѣхъ градѣхъ русскихъ, и святители поживутъ въ

---

[1]) Лѣтописцы, внимательно отмѣчая факты построенія и благоукрашенія церквей князьями и епископами, съ особенною любовію останавливаются на тѣхъ изъ нихъ, которые „тщанье имѣли къ церквамъ“. Въ теплыхъ выраженіяхъ отзываются они о князьяхъ-храмоздателяхъ и епископахъ благоукрасителяхъ. Характеризуя самыми симпатичными чертами князя Константина Всеволодовича Ростовскаго, лѣтопись замѣчаетъ о немъ: „ вельми бо печашеся о созданьи прекрасныхъ Божіихъ церквій и многы церкви созда по своей власти, въображая чюдными въображеніи святыхъ иконъ, исполняя книгами и всякыми украшеніи; чтяше же паче мѣры іерѣйскый и мнишьскый чинъ, подая имъ, еже на потребу“ (П. С. Р. Л. I, 177, 185, 187; см. стр. 85, 129, 184; II, 221). Отстраняя нареканіе на архіеп. Новгородскаго Нифонта, будто онъ, „полупивъ св. Софію, пошелъ Царюграду“, лѣтописецъ не безъ негодованія замѣчаетъ: „О семъ бы разумѣти комуждо насъ: который епископъ тако украси св. Софію? Притворы исписа, кивотъ створи и всю извну украси“... (П. С. Р. Л. III, 12).

немъ, и взыдутъ руки его на плеща враговъ его, и Богъ прославится въ немъ; еще же и мои кости въ немъ положены будутъ“ [1]). Мысли, содержавшіяся въ этихъ пророчественныхъ словахъ, понятно, не могли не понравиться московскому князю; могли подобнаго рода мысли связываться съ построеніемъ соборовъ и у другихъ древне-русскихъ князей. И нѣтъ ничего удивительнаго, если нѣкоторые изъ послѣднихъ и притомъ наиболѣе дальновидные изъ нихъ, при заложеніи и построеніи соборныхъ храмовъ, помимо религіозно-церковныхъ интересовъ, преслѣдовали и свои династическія цѣли. Можно считать вполнѣ доказаннымъ тотъ фактъ, что чѣмъ дольше тотъ или другой княжескій родъ оставался въ извѣстномъ удѣлѣ, тѣмъ больше представители его заботились о сооруженіи соборовъ и украшеніи ихъ. Тоже должно сказать въ общемъ и объ отдѣльныхъ князьяхъ, долго сидѣвшихъ на извѣстномъ столѣ, равно какъ и объ епископахъ, значительное время управлявшихъ одною и тою же епархіей. Наоборотъ князья, часто терявшіе свои престолы, какъ напримѣръ Новгородскіе, нерѣдко изгонявшіеся жителями и вообще немало терпѣвшіе отъ народнаго произвола, менѣе усердно заботились о построеніи соборовъ, а иногда и совсѣмъ не прилежали къ ихъ украшенію.

Легко понять причины подобнаго отношенія. Соборные храмы, въ которыхъ освящались всѣ важнѣйшія событія въ жизни княжеской семьи и покоились зачастую умершіе члены ея, были въ сознаніи князей столько же каѳедрально-епископскими, сколько ихъ собственными, княжескими церквами. И чѣмъ дольше тотъ или другой князь жилъ при соборѣ, тѣмъ больше привыкалъ видѣть въ немъ свой храмъ и считалъ своею обязанностію всячески поддерживать и благоукрашать его, какъ то дѣлали ранѣе, быть можетъ, и его предки. Пользуясь въ исключительныхъ обстоятельствахъ соборною казною, какъ собственною, князья наши—нужно къ чести весьма многихъ изъ нихъ сказать—не жалѣли и своихъ средствъ для построенія и возвеличенія своихъ соборныхъ церквей. Соперничая на этотъ счетъ другъ съ другомъ и слѣдуя въ данномъ отношеніи примѣру греческихъ царей, они всячески пытались превзойти одинъ другого и по меньшей мѣрѣ сравняться съ послѣдними. Соревнованіе въ дѣлѣ храмоздательства древне-русскихъ князей и ихъ подражаніе императорамъ византійскимъ, замѣтимъ кстати, были однимъ изъ сильнѣйшихъ мотивовъ къ построенію храмовъ на Руси и сопровождались порой самыми благодѣтельными послѣдствіями для ихъ внѣш-

[1]) *Проф. Голубинскаго* И. Р. Ц. II, 1 стр. 135. М. 1900.

няго вида и внутренняго убранства. Это прежде и больше всего должно сказать о нашихъ древнихъ соборахъ, которые и по качеству матеріала, и по размѣрамъ, и по богатству украшеній были въ большинствѣ своемъ выходившими въ свое время изъ ряду вонъ. Современники и очевидцы былого великолѣпія древне-русскихъ соборныхъ церквей, измѣряя и оцѣнивая послѣднія, разумѣется, съ точки зрѣнія своего времени, рисуютъ намъ ихъ, какъ совершенно-исключительныя. Наблюденія надъ сохранившимися изъ нихъ и еще болѣе археологическая оцѣнка разнаго рода фрагментовъ, уцѣлѣвшихъ отъ большинства изъ нихъ, не только не идутъ въ разрѣзъ съ отзывами лѣтописцевъ, но все болѣе и болѣе, время отъ времени, подтверждаютъ и дополняютъ ихъ. Приведемъ изъ лѣтописныхъ извѣстій наиболѣе примѣчательныя о построеніи и убранствѣ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ и представляющихъ наибольшій интересъ для насъ въ данномъ случаѣ каѳедрально-епископскихъ церквей.

Замысливъ создать церковь каменную въ честь пресв. Богородицы, св. Владимиръ, по словамъ лѣтописи, „пославъ, приведе мастеры отъ Грекъ... и, яко сконча зижа, украси ю иконами и... вдавъ ту все, еже бѣ взялъ въ Корсуни: иконы, и сосуды, и кресты [1])“. Стѣны ея были покрыты выполненными съ замѣчательнымъ мастерствомъ и совершенствомъ мозаиками и живописью; полъ выстланъ былъ небольшими квадратными плитами бѣлаго мрамора и краснаго шифера [2]). О св. Софіи Ярославовой лѣтопись кратко замѣчаетъ, что она украшена была „златомъ и сребромъ и сосуды церковными“, а митр. Иларіонъ добавляетъ, что это была „церкви *дивна и славна* всѣмъ округнымъ странамъ, якоже ина не обрящется во всемъ полуноци земленѣмъ отъ востока до запада“ [3]). Если даже теперь Кіево-Софійскій соборъ, лишившійся почти всей своей прежней красоты и погруженный въ мракъ облѣпившими его снизу до верху пристройками, производитъ сильное впечатлѣніе на посѣтителя своею возвышенно-широкою олтарною абсидой съ ея золотомъ блещущей мусіей, то что же сказать о томъ времени, когда стѣны его снаружи были облицованы по мѣстамъ прекрасно-отполированнымъ мраморомъ, а внутри сплошь покрыты въ главныхъ частяхъ мозаиками, во второстепенныхъ—фресками; когда входившему въ храмъ съ запада открывался видъ на портикъ изъ колоннъ мрамора и порфира и на трои обложенныя мраморомъ

[1]) П. С. Р. Л. I, 52. [2]) *Айналовъ* Д, Мраморы и инкрустаціи Кіево-Софійскаго собора и Десятинной церкви, въ Трудахъ XII-го Археологич. съѣзда въ Харьковѣ, т. III стр. 6—7. [3]) П. С. Р. Л. I, 65—66. *Проф. Е. Е. Голубинскаго* И. Р. Ц. I, 1 стр. 196. М 1901.

массивныя двери въ немъ, когда вступавшій въ храмъ находилъ его весь залитымъ свѣтомъ, „необходимымъ для глубокаго тона его мозаикъ“, и видѣлъ подъ ногами полъ, „сдѣланный, по свидѣтельству архидіакона Павла Алепскаго, изъ удивительной, многоцѣнной мозаики, съ разнообразными тонкостями искусства?“ [1]). О первоначальной соборной церкви св. Софіи въ Новгородѣ, построенной первымъ епископомъ его Іоакимомъ Корсунянииномъ, лѣтопись сообщаетъ, что она была „древяная дубовая“, *о тринадцати верхахъ*, „устроена и *украшена* была *честно*“. О нынѣшнемъ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, замѣнившемъ собою сгорѣвшую въ 1045 году деревянную церковь св. Софіи, изъ лѣтописи узнаемъ, что построенъ онъ былъ „*вельми прекраснымъ и превеликимъ*“ въ теченіе семи лѣтъ и затѣмъ подписанъ иконными писцами изъ Царяграда [2]). Если главная святыня Новгородская въ богатствѣ украшеній и не равнялась вполнѣ въ свое время св. Софіи Кіевской, которой подражала въ планѣ и устройствѣ, то все же она приближалась въ отношеніи убранства къ своему первообразу и до сихъ поръ, „сравнительно съ другими новгородскими церквами, является“, по словамъ лица, въ памятникахъ искусства весьма компетентнаго, „*пышнымъ* храмомъ, для котораго не жалѣли расходовъ и въ который собирали все наиболѣе драгоцѣнное [3]“). Говоря о бывшемъ въ Ростовѣ въ 1160 году большомъ пожарѣ, лѣтопись кратко упоминаетъ, что сгорѣли при этомъ „и церкви всѣ и соборная *дивная и великая* церкы святоѣ Богородицѣ, якое же не было, ни будеть [4]“). Въ Лаврентіевской лѣтописи подъ 1089 годомъ, по поводу освященія въ Переяславлѣ соборнаго храма тамошнимъ владыкою, замѣчено: „Въ се же лѣто священа бысть церкы святаго Михаила (архангела) Переяславьская Ефремомъ, митрополитомъ тоя церкы, юже бѣ создалъ велику сущю: бѣ бо преже въ Переяславли митрополья, и пристрои ю великою пристроею, украсивъ ю всякою красотою и церковными сосуды“. Проживъ нѣкоторое время въ Греціи, въ одномъ изъ монастырей Константинопольскихъ, и „научившись тамъ всякой красотѣ“, по выраженію лѣтописи, митроп. Ефремъ—этотъ бывшій бояринъ, главный домоправитель у вел. князя Изяслава Ярославича и человѣкъ, какъ предполагаютъ, богатый украсилъ, по возвращеніи домой, свой городъ многими церковно-гражданскими постройками и между ними небывалымъ дотолѣ на Руси „каменнымъ бан-

[1]) *Айналовъ* въ названной статьѣ, стрр. 7—10; графа *Толстого и Кондакова* Русскія Древности, вып. IV, стр. 114—115. [2]) П. С. Р. Л. III, 121, 208, 211. [3]) *Графа Толстого и Кондакова* Русскія Древности, вып. VI стр. 103—104. [4]) П. С. Р. Л. I. 150.

нымъ строеніемъ", подъ которымъ одни изъ изслѣдователей разумѣли крещальню, другіе—общественныя бани, на подобіе столь обычныхъ въ то время на востокѣ термъ [1]). Что бы ни представляло впрочемъ изъ себя ,,банное строеніе" митроп. Ефрема, несомнѣнно одно, что онъ обстраивалъ Переяславль свой отчасти на манеръ Византіи, и созданная имъ каѳедральная церковь, нужно думать, была дѣйствительно ,,*великая и красная*".

Тотъ же первообразъ—Константинополь съ его достопримѣчательностями предносился въ концѣ концовъ, надо полагать, и умственному взору князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго, когда онъ, равнодушный къ матери городовъ русскихъ—Кіеву, взамѣнъ его изъ своего любимаго, маленькаго и покойнаго пригорода, Владимира на Клязьмѣ, создавалъ столицу великаго Ростовско-Суздальскаго княжества и соотвѣтственно такому предназначенію украшалъ городъ съ щедростію знаменитѣйшихъ царей. ,,Князь же Андрей", читаемъ въ повѣсти объ убіеніи его, ,,городъ Володимерь силно устроилъ, къ нему же ворота златая доспѣ, а другая серебромъ учини. И доспѣ церковь камену сборную святыя Богородица, пречюдну велми, и всими различными виды украси ю отъ злата и сребра, и пять верховъ ея позолоти, двери же церковныя троѣ золотомъ устрои, каменьемъ дорогымъ и жемьчюгомъ украси ю многоцѣньнымъ, и всякими узорочьи удиви ю, и многими поникандѣлы золотыми и серебряными просвѣти церковь, а онбонъ оть злата и серебра устрои, а служебныхъ сосудъ и рипидьи и всего строенья церковнаго златомъ и каменьемъ драгимъ и жемчюгомъ великимъ велми много, а тріе ерусалими велми велиціи, иже отъ злата чиста, отъ каменья многоцѣньна устрои, и всими виды и устроеньемъ подобна удивленію Соломоновѣ Святая святыхъ... Верхъ бо златомъ устрои, и комары позолоти, и поясъ златомъ устрои, каменьемъ усвѣти и столпъ позлати изовну церкви, и по комаромъ же поткы (птицы) золоты и кубкы и вѣтрила золотомъ устроена постави по всей церкви и по комаромъ около [2])". Видимое дѣло, князь Андрей Боголюбскій, не жалѣвшій средствъ на устройство города и соборной церкви въ немъ, не только соперничалъ съ Кіевскими храмоздателями—св. Владимиромъ и Ярославомъ, но и задавался мыслі превзойти ихъ, поставить свое имя рядомъ съ именами Юстиніана Ве. каго и Соломона. Современники дѣйствительно сравнивали благовѣрнаго князя съ послѣднимъ и, хотя созданіе его не

[1]) Тамъ-же I, 89; II. 277; *проф. Голубинскаго* II. Р. Ц. т. I, пол. 1 стр. 685—687, изд. 2; сн. *митр. Евгенія* Описаніе Кіево-Софійск. соб., стр. 72—73. [2]) П. С. Р. Л. I, 149, 165—166; II, 111—112.

можетъ быть поставляемо серьезно наряду съ знаменитымъ храмомъ Соломоновымъ и Софіею Юстиніановою, находили однако же его „*вельми чуднымъ*“. Расположенный на замѣчательно красивой и крутой горѣ, изящно построенный снаружи, богатѣйшимъ образомъ отдѣланный и обставленный внутри, Владимирскій соборъ вызывалъ въ свое время во всѣхъ восторженное удивленіе, похвалы и подражаніе со стороны нашихъ послѣдующихъ строителей церквей, да и въ настоящее время невольно поражаетъ всякаго легкостію своихъ частей, красотою главъ, изяществомъ арокъ, какимъ-то особливымъ благородствомъ стиля и общимъ своимъ величіемъ [1]). Заступивъ мѣсто св. Софіи Кіевской, онъ былъ болѣе, чѣмъ приличествующимъ святилищемъ для русской митрополіи и великокняжеской столицы и, хотя нашелъ себѣ преемника въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, не переставалъ однакоже быть однимъ изъ знаменитѣйшихъ нашихъ храмовъ, съ которымъ связываются не одни только историческія воспоминанія, дорогія для каждаго изъ насъ, но и представленіе о цвѣтущей и, быть можетъ, самой лучшей порѣ въ исторіи нашего храмозданія.

Не удлиняя болѣе своихъ рѣчей лѣтописными отзывами о другихъ древне-русскихъ соборныхъ церквахъ, упомянемъ въ заключеніе лишь о двухъ изъ нихъ: о построенной въ 1197 году въ Бѣлгородѣ княземъ Рюрикомъ Ростиславичемъ церкви Апостоловъ, „высотою и величествомъ и прочимъ украшеніемъ всѣмъ вдивъ удобреной“, и о воздвигнутомъ въ 1260 году храмѣ Богоматери въ Холмѣ, который „величествомъ и красотою (былъ) не менѣ сущихъ древнихъ. Украсивъ ю пречюдными иконами“, строитель послѣдняго храма, князь Данилъ

[1]) Любуясь снаружи Владимирскимъ Успенскимъ соборомъ, трудно и подумать, что имѣешь предъ глазами не первоначальное и цѣльное, а разновременное и осложненное противъ первоначальнаго плана сооруженіе. И только отстутствіе строгой симметріи въ постановкѣ боковыхъ трибуновъ относительно главнаго да неравенство фасовъ или лизеновъ, на которые разбиты стѣны, говорятъ, на нашъ взглядъ, противъ единства и стройности постройки. Но достаточно войти внутрь ея и внимательно оглядѣться въ сравнительно широкихъ и высокихъ галлереяхъ или папертяхъ, окружающихъ съ трехъ сторонъ храмъ, за исключеніемъ восточной, чтобы убѣдиться, что эти галлереи скрываютъ отъ внѣшняго наблюдателя и содержатъ въ себѣ, какъ бы въ футлярѣ, первоначальный подлинно—Андреевскій храмъ съ прекрасно сохранившимися его стѣнами, съ тоговременными въ нихъ окнами и полууцѣлѣвшимъ на нихъ, типичнымъ для Владимиро-Суздальской церковной архитектуры XII—XIII столл. горизонтальнымъ поясомъ изъ колонокъ. Прочныя перекидныя арки и своды связываютъ древній храмъ Андреевой постройки съ относительно позднѣйшими стѣнами, которыми послѣ большого Владимирскаго пожара 1185 года обложилъ или оградилъ его вел. кн. Всеволодъ, значительно расширивъ чрезъ это братнее сооруженіе.

Романовичъ Галицкій, „принесе и чашу отъ земля Угорьскыя мрамора багряна, изваяну мудростью чудну, и зміевы главы бѣша округъ ея, и постави ю предъ дверми церковными, нарицаемыми *царскымы*; створи же въ ней крестилницу святити воду на святое Богоявленіе“ [1]). Терминологія, которою пользуется въ данномъ случаѣ Ипатіевская лѣтопись для обозначенія западныхъ входныхъ дверей храма (βασιλικαὶ θύραι или πύλαι), и упоминаніе о поставленіи передъ ними во дворѣ храма крестильницы или водосвятильницы, столь обычной въ древнѣйшихъ и позднѣйшихъ церквахъ востока, невольно переносятъ наше вниманіе на послѣдній и въ Византіи подсказываютъ искать тотъ храмовой идеалъ, которому слѣдовали, повторяемъ, первоначальные строители и благоукрасители нашихъ старѣйшихъ соборовъ.

Митроп. Евгеній Болховитиновъ, задавшись вопросомъ „о томъ, съ какого образца созданъ Кіево-Софійскій соборъ“, писалъ въ свое время: „Хотя преподобный Несторъ и другіе древніе лѣтописатели наши не упоминаютъ, съ какого образца Ярославъ создалъ свою Софійскую церковь, но поелику всѣмъ таковымъ церквамъ была тогда образцомъ знаменитая Константинопольская, то вѣроятно сказаніе Кіевскаго Синописа, что Ярославъ построилъ и свою отъ камени *по подобію Константинопольскія*, точію меньшую отъ нея. Новгородскій Софійскій соборъ“, замѣчаетъ тотъ же почтенный авторъ, „также созданъ съ образца Константинопольскаго или Кіевскаго, какъ можно увѣриться сравненіемъ плановъ [2])“... Митроп. Евгенію Болховитинову, тѣмъ болѣе составителю Синописа, простительно было въ ихъ время, скудное археологическими знаніями и изысканіями, ставить въ прямую связь наши Кіевскій и Новгородскій соборы съ Великою Константинопольскою церковію; но теперь справедливость требуетъ сказать, что Кіевская и Новгородская Софіи были въ дѣйствительности лишь самымъ слабымъ подражаніемъ византійскому святилищу и устроены были по тому измѣненному типу, какой приняла византійская архитектура послѣ X—XI вѣка, когда и вкусъ и умѣнье значительно отстали отъ изящныхъ образцовъ византійскаго стиля въ его цвѣтущую пору при импер. Юстиніанѣ и когда византійское въ стилѣ уже утратило значительную долю своей оригинальности и сдѣлалось скорѣе признакомъ топографическимъ. Наша Кіевская Софія—произведеніе греческой архитектуры XI вѣка и своимъ общимъ внѣшнимъ и внутреннимъ видомъ уже не походитъ или совсѣмъ мало походитъ на Царьградскую св. Софію. Тоже должно сказать и про всѣ

[1]) П. С. Р. Л. II, 152, 196—197. [2]) Описан. Кіево-Софійск. соб. стр. 16.

остальныя наши древнѣйшія соборныя церкви, воспроизводившія, какъ извѣстно, болѣе или менѣе точно Софію Ярославову, то есть, что они далеки отъ знаменитѣйшаго созданія Юстиніанова. Послѣднее оставалось все время единственнымъ въ своемъ родѣ храмомъ, никѣмъ и нигдѣ: ни на востокѣ, ни на западѣ, ни въ земляхъ славянскихъ, ни у насъ въ Россіи не осуществленнымъ храмовымъ идеаломъ. Не имѣя силъ и средствъ повторить или воспроизвести у себя въ цѣломъ св. Софію Юстиніанову, строители нашихъ древнѣйшимъ соборовъ старались все же по возможности приблизиться къ ней хотя бы въ частностяхъ ихъ убранства, въ устройствѣ ихъ второстепенныхъ частей. Въ этихъ стремленіяхъ своихъ они достигали порой значительныхъ успѣховъ и съ изумительною точностію воспроизводили въ своихъ церквахъ подробности устройства и отдѣлки церквей греческихъ и больше всего общей ихъ матери—св. Софіи Константинопольской. Не уклоняясь далеко въ сторону отъ своей задачи и не выходя изъ предѣловъ матеріаловъ, представляемыхъ соборными Чиновниками, приведу одинъ, на мой взглядъ, типичный примѣръ въ подтвержденіе только что сказаннаго.

Всѣ соборные Чиновники, говоря о торжественномъ входѣ святителя по праздникамъ въ храмъ, о совершеніи имъ чиновъ новолѣтія, страшнаго суда, православія и другихъ, упоминаютъ о *мѣрѣ среди церкви*. Особенно часто называетъ эту мѣру старѣйшій изъ нихъ по своей основѣ—Чиновникъ Новгородскаго Софійскаго собора. На ней подіяки, иногда перемѣняясь своими станицами, обычно пѣли дневныя или праздничныя стихиры предъ святителемъ, когда послѣдній облачался, „творилъ входъ и архіерейскія молитвы“, іерей начиналъ часы, а власти дѣйствовали надъ проскомидіей [1]). Составители Чиновниковъ терминомъ „мѣра“ пользовались, какъ общеизвѣстнымъ и съ значеніемъ вполнѣ опредѣленнымъ. Изъ сопоставленія наиболѣе характерныхъ случаевъ употребленія ими даннаго термина, ясно слѣдуетъ, что они обозначали имъ *срединное*, центральное мѣсто въ храмовомъ помостѣ или на церковномъ полу, находившееся между такъ называемымъ облачальнымъ архіерейскимъ амвономъ съ одной стороны и амвономъ въ собственномъ смыслѣ съ другой, впереди перваго и позади второго [2])... Ни этого стариннаго литургическаго термина не сохранилось въ обиходной рѣчи современныхъ намъ священно-церковнослужителей, ни предмета, который нѣкогда имъ обозначался, повидимому, не существуетъ въ нашихъ теперешнихъ

[1]) Чиновн. Новгор. Софійск. соб., стрр. 2, 18, 51, 83, 90, 106, 155, 200, 207 и др. мн. [2]) См. Чиновники Новгор., Холмогорск. и Нижегор. соборовъ по указателямъ къ нимъ, подъ словами: *мѣра среди церкви, стихъ намѣрный*.

церквахъ; но нельзя сказать того же про современные греческіе и отчасти юго-славянскіе храмы. Въ однихъ изъ нихъ, по словамъ очевидцевъ [1]), красуется теперь среди пола мозаикой исполненная *звѣздообразная* фигура (напримѣръ: въ соборахъ св. Фотиніи въ Смирнѣ и св. Аѳанасія въ Магнезіи); въ другихъ *сердцевидная* (ц. св. Георгія на Имвросѣ); въ третьихъ или, точнѣе сказать, въ большей части ихъ въ срединѣ церковнаго помоста, иногда впрочемъ нѣсколько ближе къ олтарю, иногда, наоборотъ, къ западнымъ дверямъ, вставленъ большой кругъ или овалъ, отличающійся своимъ видомъ, цвѣтомъ, а иногда и цѣльнымъ символическимъ изображеніемъ отъ прилежащихъ къ нему частей или даже отъ всего пола [2]). Въ Аѳонскихъ храмахъ „подъ самымъ хоросомъ", нашимъ паникадиломъ, „противъ царскихъ вратъ сѣрымъ мраморомъ по бѣлому выложены на полу два четыреугольника, одинъ въ другой вложенные. Между ними на каждой сторонѣ имѣется по три круга: въ срединѣ одинъ и два по угламъ. Такой же кругъ имѣется и въ центрѣ четыреугольниковъ" [3]). Этотъ разноцвѣтный кругъ, современными Греками разно называемый, не отличіе или особенность въ устройствѣ пола ихъ нынѣшнихъ церквей, а вѣрнѣе интересный, хотя видомъ иногда и жалкій остатокъ отъ былого великолѣпія внутренняго убранства древнѣйшихъ христіанскихъ храмовъ.

Не лишнее припомнить здѣсь, что искусство покрывать внутренность помѣщеній: плафоны, стѣны и особенно помосты цвѣтнымъ камнемъ, примѣрно, мраморомъ или мозаикой, достигшее высокой степени совершенства въ частномъ и общественномъ быту языческаго міра [4]), нашло себѣ и у христіанъ широкое примѣненіе и чуть ли не прежде всего въ украшеніи половъ ихъ религіозныхъ и гражданскихъ построекъ. Точно воспроизведенная въ первой христіанской залѣ московскаго Историческаго музея мозаика пола изъ римской усыпальницы св. Еле-

---

[1]) *Μεσολωρα, Ἐγχειρίδιον Λειτουργικῆς τῆς ὀρθοδόξου ἀνατολικῆς ἐκκλησίας*, σ. 23. *Ἐν Ἀθήναις*. 1895. [2]) *Проф. Голубинскій* Е. Е., I. I. , стр. 204—205. [3]) *Дмитріевскій* А. А., Современное богослуж. на правосл. востокѣ, I. 102. [4]) По недостатку лѣса и при обиліи камня и кирпичной глины въ южныхъ странахъ полы были чаще каменные, чѣмъ деревянные, сложенные изъ большихъ одноцвѣтныхъ плитъ (*λιθοστρωτον*, pavimentum sectile) или составленные изъ мелкихъ мраморныхъ и терракоттовыхъ кубиковъ (pavimenta crustata). На полахъ нерѣдко мозаикой изображали узоры, арабески и цѣлыя, иногда весьма сложныя картины. Уже книга Есѳирь (1, 7) упоминаетъ о *„помостѣ камене смарагдова и Пінніски и Парінска мрамора"* во дворѣ дома Артаксерксова въ Сузахъ. Евангел. Іоаннъ повѣствуетъ (XIX, 13), что Пилатъ „изведе вонъ Іисуса и сѣде на судищи, на мѣстѣ глаголемѣмъ *лівостротонъ*..." Краткія рѣчи о такого рода полахъ у Римлянъ въ книгѣ *Классовскаго:* Помпея и открытыя въ ней древности, стрр. 193—194. 196. 224—225. 314. СПБ. 1856.

ны [1]) есть только одинъ изъ наилучшихъ по исполненію и сохранности образцовъ половъ этого рода, найденныхъ въ частныхъ домахъ, мѣстахъ погребенія, крещальняхъ и базиликахъ въ разныхъ концахъ тогдашняго христіанскаго міра [2]). Естественно, что центръ и другіе видные пункты въ подобныхъ мозаическихъ полахъ и такъ называемыхъ *лиѳостротонахъ* сосредоточивали на себѣ преимущественное вниманіе строителя и были отличаемы имъ болѣе или менѣе сложнымъ по формѣ и замысловатымъ по содержанію рисункомъ, или особаго вида и цвѣта плитой. Круглые большіе порфировые камни черезъ извѣстные промежутки одинъ отъ другого были вдѣланы по срединѣ помоста изъ драгоцѣнныхъ мраморовъ древней Ватиканской базилики св. Петра [3]). Превосходный мозаическій полъ съ рядомъ *круглыхъ мраморныхъ плитъ по срединѣ главнаго нефа* въ Римской базиликѣ св. Климента [4]), сохранившей до сихъ поръ нѣкоторыя изъ особенностей внутренняго устройства древнехристіанскихъ храмовъ, можетъ дать наглядное представленіе о помостахъ послѣднихъ. Были эти круглые, квадратные, ромбоидальные мраморные камни въ полахъ и другихъ церквей Рима, Равенны [5]) и прочихъ городовъ на Западѣ. Знали о нихъ и имѣли ихъ еще въ большемъ числѣ у себя Византійцы. По крайней мѣрѣ придворный Обрядникъ въ описаніи царскихъ выходовъ, пріемовъ и производствъ въ чины много разъ упоминаетъ (подъ именемъ *πορφυροῦν ὀμφάλιον, πορφυροῦς λίθος*) объ этихъ порфировыхъ круглыхъ камняхъ въ полахъ разнаго рода залъ и площадокъ большого Константинопольскаго дворца [6]). Въ Юстиніановой Софіи предъ святыми дверьми олтаря въ помостѣ изъ черныхъ и бѣлыхъ мраморовъ Проконнеса и Босфора былъ вдѣланъ пурпуровый

[1]) Прекрасный рисунокъ ея у Perret, Les Catacombes de Rome, vol. II, pl. LXIV. [2]) Общія свѣдѣнія объ этомъ съ указаніемъ литературы вопроса у Schultze въ Archäologie d. Altchristl. Kunst, ss. 66—68. 197—201. München 1895; болѣе подробныя съ перечнемъ сохранившихся отъ христіанской древности мозаическихъ половъ у Kraus' а въ Real-Encyklopädie sub voce Mosaik, B. II ss. 419—424; см. его-же Geschichte d. christlich. Kunst, B. I ss. 400—403. Извѣст. Русск. Археол. Инст. въ Констант. VIII, вып. 1—2, ст. проф. Павловскаго: Мадеба. Софія, 1902 г. [3]) Говоря о дѣйствіяхъ римскаго первосвященника въ поименованной базиликѣ, Августинъ Патрицій въ одномъ мѣстѣ своего Ceremoniale замѣчаетъ: progressus usque ad secundum circulum porphyreticum. Эти порфировые круги носили у Римлянъ разныя имена: billici, umbilici, rotae. Послѣднимъ терминомъ—Rota называлось знаменитое судилище въ Римѣ, въ помостѣ котораго также находились эти круглыя плиты изъ порфироваго камня. Reiskii Commentarii ad Constant. Porph. De Cerimoniis, p. 606—607, vol. II. Edit. Bonnae. 1830. *Дюканжа* Glosar. Latinit. подъ словв. billicus, rota. [4]) Kraus, Geschichte d. crhistlich. Kunst, s. 319, fig. 253, B. I. [5]) Рейске въ Commentarr. p. 607. См. внутренніе виды усыпальницы Галлы Плацидіи и капеллы Петра Хризолога въ „Мозаикахъ Равеннскихъ церквей" *Ръдина*. СПБ. 1896. [6]) *Бѣляевъ*, Обзоръ главн. частей Большого дворца визант. царей, стрр. 18. 35. 57. 59. 119. 131. 132; II. 32 (Bizantina).

кругъ, на который становились цари, творя трехкратный поклонъ съ зажженною свѣчей въ рукѣ передъ входомъ въ святилище. Подобнымъ же камнемъ, есть полное основаніе утверждать, было отмѣчено и то мѣсто въ храмѣ сзади амвона, съ котораго они въ званіи депотатовъ по большимъ праздникамъ и въ день своего вѣнчанія на царство открывали малый и великій входы съ лампадою въ рукѣ [1]). Θеодоръ, епископъ Андидскій, говоритъ еще о нахожденіи въ полу той же *Великой* церкви расположенныхъ въ небольшихъ разстояніяхъ другъ отъ друга, какъ бы рядами, узкихъ и черныхъ мраморныхъ полосъ, называвшихся „рѣками, источниками“ (*ποταμοί*) [2]) или по своему виду, или же отъ естественнаго волнообразнаго направленія въ камнѣ прожилинъ. Онѣ шли параллельно солеѣ, отъ южной стѣны храма къ сѣверной, и обозначали въ помостѣ мѣсто, на которомъ священнослужащіе, направлявшіеся, напримѣръ въ день новолѣтія, изъ олтаря съ литаніей на площадь, должны были дѣлать первую остановку; для другихъ, а именно извѣстныхъ степеней кающихся и оглашенныхъ, онѣ служили, предполагаемъ, границами или предѣлами, далѣе которыхъ имъ, какъ неполноправнымъ членамъ церковнаго собранія, не позволено было переступать [3]).

---

[1]) Constant. Porphyrogen. De cerimonn. aulae Byzantinae, vol. I, pp. 15—16. 64—65. 133 и друг. Edit. Bonn. *Дюканжа*, Constantinopol. Christ. lib. III, p. 16—17, см. планъ св. Софіи и поясненія къ нему. [2]) Эти набранныя изъ мрамора полосы въ помостѣ св. Софіи разумѣлъ вѣроятно и Анонимъ въ описаніи послѣдней, когда говорилъ между прочимъ объ Юстиніанѣ, ея строителѣ: *τὰς τέσσαρας φίνας τοῦ ναοῦ ὠνόμασε τοὺς τέσσαρας ποταμοὺς, ἐξερχομένους ἐκ τοῦ παραδείσου, καὶ ἔδωκεν νόμον, ἵνα κατὰ τὰς ἁμαρτίας ἵστασθαι ἐν αὐτοῖς ἕνα ἕκαστον ἀφοριζομένους*. Дюканжъ подъ *φίνας* склоненъ былъ видѣть нарѣнки или внѣшніе портики Софійскаго храма, въ которыхъ стояли кающіеся. Но третій разрядъ кающихся, такъ называемые *припадающіе*, стояли внутри самаго храма, *позади амвона*, вмѣстѣ съ оглашенными, не говоря уже о *купностоявшихъ* съ вѣрными. А какъ разъ въ этомъ мѣстѣ и находился одинъ изъ *потаміоновъ*. „По возгласѣ же исходить (изъ олтаря) прьвѣе діаконъ, имѣя кадільницю, таже крестъ носяй и иподіякон съ евангеліем, и по сих архиерѣй, не держимъ ни от кого, поющим: *Всея твари сдѣтелю*. И дошедши *третьяго потамиона* (по другому списку: и приспѣвшимъ *третіаго знамени, закона, нижє амвона*) станета архіерѣй, евангеліе имѣя одесную, крестъ же ошюю и кадило. Възгласъ архидіаконъ: *Благослови Владыко...*“ Прав. Соб. 1884 г., ч. 1 стр. 390; сн. *Миня* Patrol. t. 140, ser. graec., col 436. *Дюканжа* Glossar. graecit, s. *v. φίναι*. Правила Соборовъ: Никейск. 1-го 11-е, Трулл. 87, Анкирск. 4, 5, 6, 8, 9, 16, 17, 18, 20, 21 и 22 съ ихъ толкованіями. *Красносельцева* Н. Θ. Къ Истор. правосл. богослужен. стр. 35 и 55; сн. *Дмитріевскаго* А. А. *Εὐχολόγια* стр. 1009; *его же*: Древнѣйшіе патріаршіе типиконы въ Т. К. Д. А. 1901, III, 78; 1903 г. III, 546; *проф. Мансветова И Д.* Церковный уставъ, стр. 247—248. [3]) „*Солея*, по объясненію восточныхъ литургистовъ экзегетовъ (Писаній, относящ. къ истолк. богосл., т. I стр. 269), *изображаетъ огненную рѣку, отдѣляющую грѣшниковъ отъ праведниковъ*“. Солеею въ видѣ узкаго и длиннаго подвышеннаго помоста въ древности нагляднѣе и строже, чѣмъ теперь, находившіеся въ олтарѣ, означавшемъ *небо, рай*, отдѣлялись отъ стоявшихъ въ

Широко распространившійся затѣмъ по греческимъ церквамъ обычай украшать цвѣтною плитой или мозаической фигурой средину церковнаго пола тѣмъ или инымъ путемъ, напримѣръ, чрезъ Корсунь, могъ проникнуть и къ намъ на Русь. Полы въ открытыхъ раскопками покойнаго графа Уварова, Косцюшки-Волюжинича и др. базиликахъ, крестообразныхъ и круглыхъ храмахъ Херсонеса украшены посрединѣ то богатымъ мозаическимъ узоромъ, то одноцвѣтною круглою или квадратною мраморной плитой [1]). Полъ Владимировой Десятинной церкви, нашего перваго по времени каменнаго храма, служившаго вѣроятно, образцомъ для другихъ въ отношеніи внутренней отдѣлки, сохранилъ значительную часть своей древней настилки изъ небольшихъ квадратныхъ плитъ бѣлаго мрамора и краснаго шифера и представляетъ обширное пространство шахматнаго рисунка. Важнѣе же всего, однако то, по словамъ лица, его нарочито изучавшаго, что уцѣлѣла отъ него довольно большая часть инкрустаціи ковроваго рисунка. „Эта инкрустація выполнена разноцвѣтными мраморами, между которыми особенно интересны: лиловый порфиръ, зеленый или verde antico, бѣлый мраморъ съ прослойками, затѣмъ различные роды пятнистаго мрамора. Продолговатый четыреугольный коверъ какъ-бы лежитъ на полу, отороченный широкимъ бордюромъ порфира. *Внутрь его вписанъ кругъ или омфалій*, выложенный концетрическими полосами разноцвѣтнаго мрамора и мелкимъ узоромъ мозаической инкрустаціи. *Внутри омфалія, въ центръ его заключенъ кружокъ порфира.* По четыремъ угламъ—повторено по четверти центральнаго омфалія и того же рисунка. По сторонамъ четыреугольника идутъ двѣ дорожки, выложенныя изъ шестиугольныхъ продолговатыхъ плитокъ бѣлыхъ и красныхъ вперемежку. Далѣе также повторены четыреугольники, но болѣе простой кладки“ [2]). Этотъ разноцвѣтный кругъ или омфалій, находившійся нѣкогда въ предолтарной части, вставленъ теперь въ полъ предъ престоломъ въ новой церкви, какъ драгоцѣнный отъ древняго Десятиннаго храма остатокъ [3]). Онъ *единственный* пока сохранившійся у насъ средицерковный омфалій, но въ свое время, разумѣется, онъ не былъ единственнымъ. Мозаическіе

средней части храма, среди которыхъ были *каявшіеся грѣшники*. Такими же чертами раздѣла, думаемъ, были отчасти по своему назначенію и *потаміоны*, отграничивавшіе вѣрныхъ съ купностоящими отъ оглашенныхъ съ кающимися и разные классы среди этихъ послѣднихъ. [1]) Извѣстія XII Археологическаго съѣзда въ Харьковѣ, стр. 55. Харьковъ 1902; *Кондаковъ Н.* и графъ *Толстой*, Русск. Древност. вып. V, стр. 1, 22—23. Филол. Обозр. т. XV, стр. 59. [2]) *Айналовъ* въ цитов. статьѣ въ Труд. XII-го археологическаго съѣзда, стр. 6. [3]) *Фундуклей*, Обозрѣніе Кіева, стр. 28—29. 1847 г.

круги или порфировые кружки находились, вѣроятно, въ центрѣ мозаическихъ половъ Ярославовой Софіи, Великой Печерской церкви) и, можетъ быть, соборовъ: Новгородскаго, Владимирскаго, Ростовскаго, Суздальскаго и другихъ. Церковь во имя Рождества Богородицы въ Суздалѣ выложена была *красными разноличными мраморами* [1]. Могли быть мраморные и мозаическіе полы или по крайней мѣрѣ въ срединѣ ихъ большія красношиферныя круглыя плиты и въ другихъ не столь монументальныхъ, какъ перечисленные, древне-русскихъ каменныхъ храмахъ, напримѣръ, въ Успенскомъ Переяславскомъ [2]. Памятники нашей богослужебной письменности до сравнительно недавняго времени хранили память о разсматриваемой подробности нашего стариннаго храмового устройства. Въ чинахъ поставленій даже конца XVI вѣка предписывалось, напримѣръ, новорукоположенному иподіакону, при произнесеніи святителемъ словъ: *Благодать Господа нашего Іисуса Христа* и *Побѣдную пѣснь*, отложивъ рукомой, становиться *посреди церкви на кругъ* и пѣть: *Елико вѣрніи* [3]. Не называютъ этотъ *кругъ* по имени наши старые соборные Чиновники: Новгородскій, Московскій, Холмогорскій и Нижегородскій, равно какъ и другіе документы XVII вѣка, но его именно, а не что-либо другое разумѣютъ они подъ „мѣрой среди церкви“ между амвономъ съ одной стороны и облачальнымъ архіерейскимъ мѣстомъ съ другой [4]. Какъ устроялась эта мѣра въ нашихъ храмахъ XVI—XVII столѣтій, отмѣчалась-ли по прежнему она только

---

[1]) *Архид. Павла Алеппскаго* Путеш. Антіох. патріарха Макарія, вып. II, стр. 50, 52, 59; IV, 72; *прот. Виноградова* Исторія Успенск. Собора въ губ. гор. Владимирѣ, стр. 8 прим. 3; *Толстого и Кондакова* Русск. Древности, вып. VI, стр. 17. Въ наукѣ высказано предположеніе, что полъ Московскаго Благовѣщенскаго собора, „состоящій изъ квадратныхъ кусковъ агатовидныхъ яшмъ, весьма разнообразныхъ и красивыхъ по своему цвѣторасписанію, взятъ изъ Ростова или Суздаля, куда, по преданію, привезенъ былъ изъ Константинополя“ (*Снегирева* Памятники Московск. Древности, стр. 87). Можетъ быть, предположеніе о происхожденіи пола и невѣрное, но что послѣдній древній и даетъ весьма наглядное представленіе о прочности и красотѣ помостовъ въ нашихъ старѣйшихъ соборахъ, противъ этого трудно что либо возражать.—Помостъ ц. Іоанна Златоуста въ Холмѣ, построенной княземъ Даніиломъ Романовичемъ Галичскимъ, „бѣ слитъ отъ мѣди и отъ олова чиста, яко блещатися яко зеркалу“. П. С. Р. Л. II, 196. [2]) *Лашкаревъ*, Церковно-археологич. очерки, стр. 226—227. Кіевъ 1898. [3]) *Невоструева и Горскаго А. В.* Опис. Синод. рукоп. Ш, 1 № 367, стр. 102—103. [4]) Чиновникъ Новгор. Соф. соб., см. въ указат. къ нему, стр. 265. М. 1899; Рукоп. Моск. Синод. библ. № 426 лл. 438 об., 476 об., 552 об. Чиновникъ Холмогорск. Преображ. соб. стр. 208, ср. 48, 64, 192. М. 1903. Чиновн. Нижегор. Преображенск. соб. стр. 62; сн. Сборникъ статей, сообщеній, описей и документовъ Нижегор. Архивн. Комиссіи, т. II, вып. 15, стр. 137. Сборникъ на 1873 г., изд. Обществомъ древне-русск. искусства, ст. Д. В. *Разумовскаго*: Государевы пѣвчіе дьяки, стр. 167 прим. 2.

иноцвѣтнымъ кругомъ въ помостѣ, такимъ или инымъ возвышеніемъ въ немъ [1]), или просто рядомъ столбиковъ съ перильцами, какъ мѣсто отмѣренное, отведенное для извѣстныхъ богослужебныхъ отправленій,— за неимѣніемъ данныхъ не беремся судить; одно пока несомнѣнно для насъ, что *мѣра*, какъ и кругъ среди церкви, по своему положенію и назначенію, какъ сейчасъ ниже будетъ сказано, вполнѣ соотвѣтствовала омфалію древнѣйшихъ христіанскихъ и особенно византійскихъ церквей.

Помѣщаясь въ центрѣ пола, омфалій при своемъ необычномъ, большею частію пурпуровомъ цвѣтѣ и обычно круглой формѣ, естественно являлся главною, доминирующей фигурой въ цѣломъ его убранствѣ и имѣлъ прежде всего орнаментально-художественное значеніе. Но въ дѣйствительности послѣднее нерѣдко отступало на второй планъ и какъ бы даже совсѣмъ приносилось въ жертву его практическому назначенію: омфалій устроялся иногда не въ самой срединѣ храмового помоста и не въ единственномъ числѣ. Назначеніемъ омфаліевъ всякаго рода было служить мѣстомъ остановокъ того или другого лица для совершенія такихъ или иныхъ дѣйствій. Устройствомъ въ помостѣ не одного цвѣтного круга, а двухъ, трехъ и болѣе по одной и той же линіи,

---

[1]) На подобіе византійскаго *πούλπιτον*, suggestus, быть можетъ. Архидіаконъ Павелъ Алеппскій, подробно описывая видѣнные имъ храмы на Руси, довольно ясно отмѣчаетъ нахожденіе въ хоросѣ (такъ онъ называетъ переднюю половину средняго корабля) нѣкоторыхъ изъ нихъ *деревяннаго круглаго или восьмиугольнаго помоста*, отличаемаго имъ амвона—тоже *деревяннаго круга съ двумя всходами* (Путешеств. Антіохійск. патр. Макарія вып. II, стрр. 78, 87—88, ср. 45, 50, 61). Этотъ круглый или восьмиугольный помостъ, обращавшій на себя вниманіе архидіакона и такъ близко напоминающій наши теперешніе амвоны, не есть ли въ свою очередь *мѣра среди церкви* древнерусскихъ соборныхъ Чиновниковъ? Въ византійскомъ сложномъ омфалій, состоявшемъ иногда, какъ свидѣтельствуютъ храмы Аѳонскіе и нашъ древній Десятинный, изъ нѣсколькихъ круговъ, различались *части* (*ἱστάμενος πρὸς τὸ δεύτερον μέρος τοῦ ὀμφαλίου*). Было ли что-либо подобное въ нашей „*мѣрѣ* среди церкви",—самое названіе ея ничего не говоритъ. Терминъ *мѣра* встарину, какъ и теперь, употреблялся для обозначенія разнаго рода измѣреній. Наши предки говорили: „въ той мѣрѣ новые церкви"...., „истинное изображеніе и мѣра иконы" такой-то, „мѣра всенощная, мѣрная чаша вина или напитка, мѣрникъ". Въ одномъ изъ столбцовъ семейнаго архива Б. А. Нейдгардъ, въ письмѣ нѣкоего Мишки Долгорукова ко князю Михаилу Алегуковичу, намъ встрѣтилось: „Изволь, государь, итит впереди, не помѣшкав, и з гетманом сойтитца поскоряе и помыслить о государскомъ дѣле, а, положа о всемъ *на мѣре*, итит х Киеву; изволь поспѣшить к гетману к слученію"... Въ предисловіи къ Уложенію царя Алексѣя Михайловича (л. 63 об.) говорится, что онъ вызывалъ въ Москву изъ городовъ и посадовъ „добрыхъ и смышленыхъ людей, чтобы его государево царственное и земское дѣло с тѣми со всѣми выборными людьми утвердити и *на мѣре поставить*".... и самое Уложеніе выслушать. Не отъ нашей ли *среди-церковной мѣры* взятъ образъ выраженія въ приведенныхъ выдержкахъ изъ памятниковъ?

напримѣръ: въ притворѣ, самомъ храмѣ, на солеѣ его и предъ св. престоломъ, отмѣчалось кромѣ того и направленіе пути лица или цѣлой процессіи. Не касаясь омфаліевъ въ трибуналахъ и дворцахъ, скажемъ нѣсколько словъ о значеніи мраморныхъ, порфировыхъ и т. п. плитъ въ богослужебной практикѣ церквей восточныхъ. На омфаліи, среди церкви (εἰς τὸν ὀμφαλὸν ἤγουν ἐν τῷ μέσῳ τοῦ ναοῦ) передъ началомъ вечерни ставилась свѣща, съ которою діаконъ, а въ старое время параекклисіархъ—предходилъ кадившему священнику; на немъ послѣдній останавливался для начертанія кадиломъ креста во время предначитательнаго сей службы кажденія; здѣсь на аналогіи полагались евангеліе, крестъ, иконы, мощи святыхъ для лобызанія ихъ молящимися. На немъ діаконъ иногда произносилъ ектеніи, канонархи сказывали стихи, а доместикъ съ избранными пѣвцами по великимъ праздникамъ, напримѣръ, въ день Воздвиженія, исполнялъ тропарь, подобно тому, какъ наши старые подіяки потомъ, перемѣняясь иногда своими станицами, на мѣрѣ среди церкви пѣли дневную или праздничную стихиры. На омфаліи становились священнослужащіе во время входовъ на вечерни и литургіи; сюда исходили они для благословенія хлѣбовъ во время полуелея и совершенія торжественныхъ обрядовъ, какъ-то: паннихидъ, молебновъ, омовенія ногъ въ великій четвергъ и нѣкоторыхъ таинствъ: крещенія и брака [1]). Постригавшіеся въ монашество и посвящаемые во діакона и пресвитера, направляясь—первые изъ притвора, вторые отъ жертвенника чрезъ средину храма ко св. престолу, пріостанавливались въ западныхъ вратахъ, предъ амвономъ и св. дверьми на омфаліяхъ, чтобы сотворить уставныя метаніи [2]). Встарину, въ XVI—XVII вѣкахъ, вступали ли наши іерархи въ храмъ, выходили ли изъ него, на „мѣрѣ среди церкви“ подъ ноги имъ непремѣнно полагали орлецъ или орелъ, какъ тогда говорили, на которомъ они творили обычное начало или послѣдній поклонъ.

Если въ устройствѣ такихъ относительно маловажныхъ частей храмовъ, какъ помосты ихъ, и такихъ въ сущности уже совсѣмъ мелочныхъ подробностей, какъ выстилка иноцвѣтныхъ *омфаліевъ* въ нихъ,

---

[1]) Типикона гл. 2, л. 2 об. Москва. 1896 г., *Свицеръ* въ Thesaur. ecclesiast. и *Дюканжъ* въ Glossar. graecitat. подъ словомъ *ὀμφαλός; Красносельцевъ* Н. Ѳ., Матеріалы для истор. литургіи, I в., стрр. 23. 24. 26. 52. 56—57. 68. 78. 88; *Мансветовъ* И. Д., Церковн. уставъ, стр. 199—200. 248, 426. 430. Е. Е. *Голубинскій*, Ист. Русск. Церкви, т. I пол. 2, стр. 205; *Дмитріевскій* А., Совр. богосл. на прав. вост., вып. I стр. 103; его-же: Богослуженіе страстн. и пасх. седмицъ, стр. 346. [2]) Morini De sacris ordinationibus, pars. II, pp. 88. 90. 91—92 и др ; *Дмитріевскаго* А. А. *Εὐχολόγια*, *σσ.* 220. 258—259. 279—280. 385 и др.; *Гоара Εὐχολογ.*, pp. 284. 292. 470. 475.

наши древнѣйшіе храмоздатели слѣдовали Грекамъ и подражали ихъ храмамъ, то что же остается сказать о способѣ устройства и характерѣ убранства ими частей и храмовыхъ принадлежностей, наиболѣе видныхъ и важныхъ въ глазахъ ихъ самихъ и всѣхъ вообще вѣрующихъ? Только близкимъ подражаніемъ византійскимъ образцамъ со стороны ктиторовъ нашихъ знаменитѣйшихъ соборовъ и можно объяснить себѣ тотъ фактъ, что послѣдніе украсились отчасти снаружи дорого стоившими особливо тогда мраморами и покрылись внутри греческими мозаиками и фресками, а ихъ „большіе и малые олтари" съ горнимъ сѣдалищемъ (ἅγω καθέδρα), престоломъ и киворіемъ, вся средина ихъ, начиная съ олтарной преграды и солеи до амвона, архіерейскаго трона и княжескаго мѣста включительно были устроены и обряжены на манеръ греческій, большею частію по подобію Великой Константинопольской церкви. Подражаніе шло гораздо дальше устройства и убранства соборныхъ храмовъ, простиралось на всѣ церковныя принадлежности и всю вообще богослужебную обстановку. Въ окладахъ иконъ и богослужебныхъ книгъ, въ устройствѣ и украшеніи священныхъ сосудовъ и разнаго рода утварей, въ облаченіяхъ и церковно-іерархическихъ инсигніяхъ, на всевозможныхъ пеленахъ и паволокахъ, на самомъ богатствѣ и отчасти декоративномъ назначеніи всѣхъ этихъ предметовъ не трудно прослѣдить чисто византійское вліяніе или, точнѣе сказать, рабское копированіе съ греческаго.

Создавая и украшая свои соборные храмы иногда съ исключительнымъ великолѣпіемъ, князья наши, какъ это видно отчасти уже изъ вышесказаннаго, заботились и о соотвѣтственномъ снабженіи ихъ всевозможными богослужебными принадлежностями. По примѣру Владимира святаго, надѣлившаго взятыми изъ Корсуня иконами и утварью свой Десятинный храмъ, объ этомъ въ большей или меньмей степени хлопотали всѣ они. Въ древне-русскихъ князьяхъ или по крайности у подавляющаго ихъ большинства не было того полуиндифферетнаго отношенія къ вопросамъ церковно-богослужебной обрядности, которое наблюдается повсюду, особенно у свѣтскихъ лицъ теперь. Религіозное чувство, столь одушевляющее людей, тогда было еще сравнительно живо и направлялось преимущественно на внѣшность, которой придавали слишкомъ важное значеніе. Не всѣмъ князьямъ нашимъ доводилось строить храмы или совершенно заново отдѣлывать соборы и далеко не у каждаго изъ нихъ находились средства и была охота къ тому, но у рѣдкихъ изъ нихъ или членовъ ихъ семьи не появлялось желанія сдѣлать посильное приношеніе въ свою соборную церковь: написать новую

или поновить чтимую древнюю икону, украсить ее серебромъ, золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, приложить къ ней пелену и затеплить передъ нею лампаду иль свѣчу, „построить“ катапетасму, облаченіе, воздухъ и покровы, соорудить раку надъ мощами святого, подарить сосуды, книги и т. д. Въ этихъ стараніяхъ своихъ „объ изрядной красотѣ церковной“ весьма многіе изъ древне-русскихъ князей переходили иногда даже за предѣлы позволительнаго.

Возвеличивая свою соборную церковь, прилагая все тщаніе къ ея убранству, они съ неудовольствіемъ или по крайней мѣрѣ неравнодушно смотрѣли порою на увеличеніе размѣровъ соборныхъ храмовъ другихъ княжествъ, даже своихъ же пригородовъ, на ихъ богатства и украшенія и не прочь были при случаѣ обогатить свои церкви за счетъ чужихъ. Снять колокола, положимъ, у св. Софіи, взять изъ нея іерусалимъ церковный и сосуды служебные, „одрать икону чудную“ св. Богородицы у Пречистой въ Володимерѣ [1]), увезть къ себѣ все это въ качествѣ „полону“ и снабдить имъ свой соборный храмъ не считалось тогда особенно зазорнымъ для князей-побѣдителей и практиковалось ими нерѣдко. Случалось, что въ эту военную добычу попадали св. мощи, чудотворныя иконы и всякаго рода мѣстная святыня, о пріобрѣтеніи которой, какъ мы видѣли, особенно хлопотали древне-русскіе князья. Отъ упрека въ святотатствѣ, говоря языкомъ настоящаго времени, не свободны были даже тѣ изъ нихъ, которые по смерти окружены были въ памяти потомства особымъ ореоломъ. Были, понятно, князья и истинно-набожные, равно усердные къ благоукрашенію храмовъ соборныхъ и приходскихъ, своихъ и чужихъ. Въ образецъ такого глубоко-благочестиваго князя, стоявшаго выше религіознаго партикуляризма, укажемъ на Владимира Васильковича Волынскаго. Ипатіевская лѣтопись сохранила много подробностей о дѣятельности этого князя по части построенія и украшенія храмовъ въ Каменцѣ, Бѣльскѣ, Владимирѣ, Перемышлѣ, Черниговѣ, Луцкѣ, Любомли и изображаетъ его намъ неутомимымъ вкладчикомъ крестовъ воздвизальныхъ сребряныхъ, сосудовъ служебныхъ жженаго золота съ каменіемъ драгимъ, платцевъ оксамитныхъ, шитымъ золотомъ съ жемчугомъ, индитій и завѣсъ, золотомъ шитыхъ и оксамитныхъ съ дробницами, Апостоловъ и Евангелій, писанныхъ иногда золотомъ, окованныхъ серебромъ съ жемчугомъ или золотомъ съ каменіемъ драгимъ и финифтяными изображеніями Спаса и святыхъ, иконъ златыхъ съ таковыми же цатами и монистами, кадиль-

[1]) П. С. Р. Л. I, 150, 160—161; II, 120; III, 2, 159, 259; IV, 16, 254; VI, 19, 36, 139.

ницъ и дверей сребряныхъ и мѣдяныхъ, колоколовъ, „дивныхъ слышаніемъ“ [1]) и т. п.

Не одни впрочемъ древне-русскіе князья радѣли о благолѣпіи соборныхъ церквей; украсить послѣднія „паче иныхъ церквей“ старались епископы и всѣ вообще жители города. И трудно съ безошибочностію теперь сказать по отношенію ко всѣмъ вообще древне-русскимъ соборамъ, кому они больше обязаны были своею внутреннею красотой и блескомъ богослужебной обстановки: князьямъ нашимъ или епископамъ съ частными лицами? Исторія убранства одного собора иногда не походила на судьбу въ этомъ отношеніи другого, и одни и тѣ же лица, положимъ, епископы съ князьями, въ разныхъ княжествахъ и въ разное время были далеко неодинаково усердными къ благоукрашенію своихъ соборныхъ церквей. Покрыть или, какъ встарину говорили, побить свинцомъ послѣднія, обмазать известью, украсить настѣннымъ и иконнымъ письмомъ, обновить то и другое, построить утварь, облаченіе и т. п. входило, повидимому, чаще въ кругъ архипастырскихъ, чѣмъ княжескихъ заботъ [2]). Въ особенности это нужно сказать про улучшеніе послѣдняго. Построить возможно больше „архіерейского облаченія, жемчюжного и шитого, аксамитного, бархатного, отласного и обьяринного, золотного и серебреного, въ ризницу и соборные церкви“, примѣрно, „Премудрости Божіи протопопу и ключаремъ и попомъ ризы, діякономъ и подьякономъ стихари праздничные и воскресные и понахидные и вседневные, бархатные и отласные и обьяринные, золотные и серебреные, разныхъ цвѣтовъ, съ драгими оплечьи, и гладкіе бархатные жъ и отласные и камчатые разныхъ же цвѣтовъ“ было, понятно, въ интересахъ прежде всего самихъ же епископовъ [3]), отлично понимавшихъ, какъ много значитъ внушительная, тѣмъ болѣе блестящая литургическая обстановка для впечатлѣнія отъ ихъ службы въ престольномъ храмѣ, для воздѣйствія послѣдней на чувство вѣрующихъ. Въ лѣтописяхъ, старыхъ описяхъ соборныхъ ризницъ и разнаго рода документахъ, равно также на самыхъ церковно-богослужебныхъ предметахъ весьма нерѣдки записи и надписи, что такая то вещь „построена, сдѣлана, створена, создана, поставлена, дана вкладомъ, сряжена по благословенію, повелѣніемъ, тщаніемъ такого-то епископа, митрополита, патріарха, домовою или своею архіерейскою казною“... Въ улучшеніи убранства храма и обстановки службы разнаго рода пеленами и покровами, плащаницами и воздухами,

---

[1]) Тамъ-же II, 222—223. [2]) Для примѣра см. отношеніе Новгородскихъ владыкъ къ своей св. Софіи: Тамъ-же III, 9, 57, 80, 97, 103, 121, 214; VI, 284—286; сн. I, 193, 195 и мн. др. [3]) Тамъ-же III, 193.

завѣсами или запонами нашимъ святителямъ много помогали древнерусскія княгини и боярыни; въ снабженіи соборныхъ ризницъ предметами утвари немало содѣйствовали имъ приказные, служилые и особенно торговые люди, привозившіе иногда изъ-за моря рѣдкія и дорогія вещи для княжескаго и церковнаго обихода.

Благодаря этимъ общимъ стараніямъ и благочестивому усердію князей, епископовъ и частныхъ лицъ, древнѣйшіе и послѣдующіе наши соборные храмы были не только не скудны богослужебными принадлежностями, но и прямо богаты, а нѣкоторые, впрочемъ очень немногіе, были снабжены ими роскошно до невѣроятности. Достаточно войти въ ризницы знаменитѣйшихъ нашихъ соборовъ и хотя бы бѣгло ознакомиться съ хранящимися въ нихъ подлинными предметами древней утвари и облаченія, чтобы по этимъ драгоцѣннымъ памятникамъ нашей церковной старины наглядно представить себѣ обстановку нашего старинаго соборнаго богослуженія, бытъ высшаго духовенства и монашества, удивительную технику и тонкій порой художественный вкусъ нашихъ старыхъ мастеровъ и вышивальщицъ, а главное, чтобы при видѣ иногда цѣлыхъ грудъ драгоцѣнныхъ металловъ, жемчуга и камней, украшающихъ разноцвѣтныя и дорогія сами по себѣ ткани, глубоко почувствовать все богатство и былое великолѣпіе нашихъ древнихъ каѳедрально-епископскихъ церквей и службъ, въ нихъ совершавшихся, и воочію убѣдиться въ той несказанной красотѣ церковной, которая повергала въ удивленіе нашихъ предковъ, и которую описать нерѣдко отказывались древне-русскіе книжники. Нарядна обстановка праздничной службы и въ нашихъ теперешнихъ каѳедрально-епископскихъ храмахъ; золотую и серебряную парчу, бархатъ и шелкъ всевозможныхъ цвѣтовъ порой въ изобиліи можно встрѣтить въ нихъ, но ни въ отношеніи блеска, ни тѣмъ болѣе по дороговизнѣ и своей сложности нашъ современный богослужебный орнатъ не можетъ идти въ сравненіе съ литургическою обстановкою святительской службы въ русскихъ соборахъ XVI—XVII вв. Мы тщетно стали бы искать теперь тѣхъ украшенныхъ священными изображеніями, дорогими камнями, крупнымъ жемчугомъ и золотыми дробницами поручей, епитрахилей, саккосовъ и фелоней, омофоровъ, шапокъ или митръ на святителяхъ [1]), покрововъ на ракахъ

[1]) Въ древнѣйшее время головной покровъ нашихъ святителей назывался обычно на Руси шапочкой, шапкой. Названіе митра хотя тоже съ давнихъ поръ у насъ было извѣстно, но въ просторѣчіи было менѣе понятно, и книжники, употребляя его, считали нужнымъ пояснить („въ митрѣ, спрѣчь въ шапцѣ"). Патр. Никонъ, измѣнивъ нѣсколько форму послѣдней и начавъ дѣлать свои патріаршія митры изъ драгоцѣнныхъ металловъ и украшать ихъ жемчугомъ и

святыхъ, подвѣсныхъ пеленъ подъ чудотворными и намѣстными иконами, воздуховъ и плащаницъ, сіоновъ или іерусалимовъ въ обстановкѣ великаго входа, о которыхъ такъ часто упоминаютъ наши Чиновники́ и записи патріаршей службы и которыми по настоящее время справедливо гордятся нѣкоторыя собранія нашихъ церковныхъ древностей. Уже не приходится іерархамъ нашимъ носить на себѣ въ священнослуженіи такъ много золота, жемчуга и камней драгоцѣнныхъ и прибѣгать къ перемѣнѣ тяжелыхъ оксамитныхъ одеждъ на болѣе легкія, какъ это нерѣдко доводилось дѣлать древне-русскимъ святителямъ. Развѣ только жара, старческія немощи да продолжительныя иногда служенія вынуждаютъ современныхъ владыкъ къ переоблаченію. Такъ же ли блестяща была обстановка службы въ древне-русскихъ соборахъ за начальный періодъ ихъ существованія, какъ богата она была въ Москвѣ или въ Новгородѣ въ XV—XVII столѣтія, для рѣшенія этого вопроса *сравнительно* мало имѣется данныхъ литературныхъ и монументальныхъ, но какія сохранились изъ нихъ, тѣ довольно краснорѣчиво говорятъ о томъ, что и въ самое первое время христіанства на Руси соборные храмы, по крайней мѣрѣ, митрополичьи церкви, пожалуй, съ неповторявшеюся уже потомъ на Руси роскошью были снабжены богослужебными принадлежностями. Говоря это, разумѣю главнымъ образомъ Владимирскій Успенскій соборъ, такъ какъ о предметахъ утвари и облаченія Десятиннаго храма, Софій Кіевской и Новгородской намъ сравнительно менѣе извѣстно.

Ипатіевская лѣтопись, передавая подъ 1183 годомъ о большомъ пожарѣ во Владимирѣ, о погорѣніи въ немъ „мало не всего города, княжаго двора великаго, тридцати двухъ церквей и сборной св. Богородицы Златоверхой, юже бѣ украсилъ благовѣрный князь Андрей“, замѣ-

---

крестикомъ изъ дорогихъ камней на верху, стремился отличить ихъ отъ архіерейскихъ и архимандричьихъ шапокъ и въ самомъ названіи ихъ. Въ „Записной книгѣ облачением і дѣйству“ его названія: *„митра большая, митра средняя“* встрѣчаются постоянно. Не говоримъ уже о такъ называемыхъ его *корунахъ* или *коронахъ*. И послѣ патр. Никона головной покровъ нашихъ патріарховъ назывался митрою. Въ „Записной книгѣ“ служеній патр. Іоакима о совершеніи имъ маслосвященія въ вел. четвергъ въ 1683 году между прочимъ замѣчено: „А как чтут евангеліе архіереи, тогда святѣйшій патріархъ стоит *в митре*; такожде и прочіи архіереи стоят *в шапках*, токмо архимандриты бес шапок да которой архіерей евангеліе (чтетъ), тот бес шапки ж стоит“ (Рукоп. Моск. Синод. библ. № 428 л. 80 об.—81). Съ уничтоженіемъ патріаршества, названіе митра постепенно стало прилагаться къ головному покрову какъ всѣхъ епископовъ, такъ и архимандритовъ съ протоіереями. О митрѣ см. еще въ Указателѣ патр. ризницы архим. *Саввы*, въ отд. о митрахъ и объяснит. словарѣ, и у *Голубинскаго* въ И. Р. Ц. I, 2, стр. 230–236. М. 1881.

чаетъ, что вмѣстѣ съ внѣшнимъ и внутреннимъ узорочьемъ послѣдней поникадилами серебряными, сосудами златыми и сребряными безъ числа сгорѣли и „*порты, шитые золотомъ и женчюгомъ, яже вѣшали на празникъ въ двѣ верви отъ золотыхъ воротъ до Богородицѣ, а отъ Богородицѣ до владычнихъ сѣній во двѣ же верви чюдныхъ* [1])“. Это въ высшей степени любопытное замѣчаніе, мимоходомъ, будто случайно оброненное составителемъ лѣтописи, на нашъ взглядъ, совершенно ясное и ни въ комъ не должно бы, повидимому, вызывать недоумѣнія или прекословія, а между тѣмъ въ толкованіи его изслѣдователи расходятся. „Дѣло должно быть понимаемо и представляемо такимъ образомъ“, пишетъ проф. Голубинскій по поводу выше приведеннаго лѣтописнаго извѣстія, „что по обѣимъ сторонамъ дороги вѣшалось по верви или по веревкѣ и что она—дорога съ обѣихъ сторонъ драпировалась повѣшенными на вервяхъ портами, коврами... Такъ какъ отъ собора до Золотыхъ воротъ“, заканчиваетъ свои рѣчи почтенный историкъ, „будетъ добрыхъ полверсты, если не болѣе, то понятно, какое множество нужно было портъ, чтобы увѣшать ими двѣ верви, и съ какимъ совершенно исключительнымъ богатствомъ былъ украшенъ богослужебными принадлежностями соборъ, если эти порты были шиты золотомъ и жемчугомъ [2])“. Великое множество драгоцѣнныхъ портъ, требовавшихся для развѣшиванія болѣе, чѣмъ на полуверстномъ разстояніи, привело въ смущеніе нѣкоторыхъ изъ занимавшихся Владимирскою стариной и побудило ихъ лѣтописное извѣстіе „понимать иначе, чѣмъ какъ понимаетъ его проф. Голубинскій.“ „Подъ Золотыми воротами“, говоритъ одинъ изъ нихъ „здѣсь слѣдуетъ понимать не городскія ворота, а просто южныя двери собора. Такое толкованіе оказывается возможнымъ потому, что въ описаніи Ростовской церкви Богородицы, на богатства которой приходили удивляться изъ окрестныхъ городовъ, говорится, что епископъ Кириллъ, украсившій церковь всякой многоцѣнной утварью, „причини двери церковныя прекрасны, яже нарпчются *Златыя*, сущая на полуденьной странѣ [3])“. Разумѣя подъ Золотыми воротами южныя двери Успенскаго собора, нашъ авторъ и выраженія: „до Богородицѣ, отъ Богородицѣ“ понимаетъ не въ смыслѣ указанія на послѣдній, а лишь на икону Богоматери въ немъ. „При такомъ пониманіи выраженія лѣтописи“, продолжаетъ онъ, „богатства собора въ нашемъ объ нихъ представленіи должны сильно сократиться“.

---

[1]) П. С. Р. Л. II, 127; сн, I, 165 — 166. [2]) II. Р. Ц. I, 2, стр. 244. М. 1881. [3]) *Бережковъ* Д., О храмахъ Владиміро-Суздальскаго княжества XII—XIII в., въ Трудахъ Владим. ученой архивной коммисіи, кн. V, стр. 71.

Въ Успенскомъ соборѣ княземъ Андреемъ Боголюбскимъ *всѣ трои двери*, по словамъ лѣтописи, *были золотомъ устроены* [1]), и непонятно, почему нашъ авторъ къ однѣмъ только южнымъ относитъ названіе „Золотыхъ"? Аналогіи въ данномъ отношеніи Владимирскаго собора съ Ростовскою Богородицей и другими древне-русскими соборными храмами, добавимъ отъ себя [2]), недостаточно. Не говоря уже о необоснованности и, пожалуй, даже искусственности толкованія, даннаго авторомъ и второму выраженію („до Богородицы, отъ Богородицы") въ занимающемъ насъ лѣтописномъ извѣстіи, замѣтимъ, что имъ оставлено безъ всякаго объясненія главное: какой смыслъ имѣло развѣшиваніе портъ да еще въ двѣ верви внутри сравнительно небольшого храма, на протяженіи четырехъ-пяти саженей отъ иконы Владимирской Божіей Матери до южныхъ и западныхъ, положимъ, дверей? Одну красоту, которою блестѣлъ храмъ, заслонить или затмить другою въ видѣ портъ, шитыхъ золотомъ и жемчугомъ? Тѣсноту, ощущавшуюся несомнѣнно въ храмѣ отъ многолюднаго стеченія молящихся по праздникамъ, дать почувствовать еще сильнѣе развѣшиваніемъ портъ? Но получится полный смыслъ и совсѣмъ ясною станетъ цѣль, если вынести послѣднія изъ храма и украсить ими въ томъ или другомъ направленіи путь отъ такихъ или иныхъ дверей собора. Не видя основаній „сокращать богатствъ собора" и принимая лѣтописное извѣстіе въ его ближайшемъ и прямомъ смыслѣ, мы находимъ въ немъ указаніе на интереснѣйшую подробность праздничнаго убранства нашей великокняжеской столицы второй половины XII в. и вмѣстѣ любопытный остатокъ отъ литургическихъ порядковъ ея соборнаго храма.

Итакъ, дорога отъ Золотыхъ воротъ города до Успенскаго собора и отъ собора до двора архіерейскаго во Владимирѣ въ 60-80 годахъ XII стол. украшалась по праздникамъ съ обѣихъ сторонъ своихъ повѣшенными на вервяхъ шитыми золотомъ и жемчугомъ портами или своего рода коврами. Легко понять, зачѣмъ такъ роскошно убирался тогда путь отъ собора до владычняго крыльца. Владимирскіе епископы, какъ и всѣ прочіе древне-русскіе владыки, жившіе, какъ мы сказали, за немногими исключеніями, вблизи своихъ престольныхъ храмовъ, ходили

[1]) Ипат. лѣт. подъ 1175 г. П. С. Р. Л. II, 112. [2]) Южныя двери или врата въ Новгородскомъ Софійскомъ и Московскомъ Успенскомъ соборахъ назывались также *златыми или золотыми* (см. Указат. къ Чиновнику перваго подъ слов. *двери Златыя*. П. С. Р. Л. V, 264; сн. I, 195) вѣроятно оттого, что первыя были мѣдныя вызолоченныя (такъ назыв. *Сигтунскія*, а въ дѣйствительности *Корсунскія*), а на вторыхъ золотомъ густо наведены были фигуры. Западныя двери въ св. Софіи Константинопольской назывались *серебряными*; во Влахернскомъ храмѣ были между прочими двери мѣдныя и т. д.

къ службѣ по большимъ праздникамъ и въ случаяхъ исключительныхъ торжественною процессіей прямо изъ своихъ келій. Мы почти не видимъ теперь этихъ церемоніальныхъ архіерейскихъ шествій, восходящихъ своимъ началомъ къ глубокой, древне-христіанской эпохѣ [1]), но память о нихъ и до сихъ поръ хранитъ архіерейскій Служебникъ или Чиновникъ на своемъ первомъ листѣ. Характеръ и порядокъ этихъ шествій или провожденій архіереевъ „во славѣ, со славою" были, разумѣется, очень различны, опредѣлялись обстоятельствами мѣста и времени, величіемъ праздника, а больше всего личной волей шествовавшихъ или провождаемыхъ владыкъ. Мы не ошибемся, если скажемъ вообще, что многіе и весьма многіе владыки, огромное большинство ихъ, были неравнодушны къ показной сторонѣ своихъ выходовъ въ храмъ и немало хлопотали о томъ, чтобы ихъ шествія по праздникамъ къ службѣ и обстановка ихъ были не только подобающе-приличны, но, если можно, и величественны, торжественно-помпуозны. Заботы ихъ простирались не только на то, чтобы число лицъ, предварявшихъ и сопровождавшихъ ихъ, сановныхъ и не-сановныхъ, было возможно больше, а вещественныя принадлежности, облаченія и утвари, при этомъ употреблявшіяся, были блестяще и дороже, но и на самый путь, по которому имъ приходилось идти. Нѣкоторые владыки устрояли для своихъ шествій къ службѣ даже особые переходы съ перилами и росписывали ихъ красками, сосредоточивая особливое и вполнѣ понятное вниманіе на отдѣлкѣ выходного изъ своихъ келій крыльца къ собору, особенно на устройствѣ и болѣе или менѣе богатомъ убранствѣ входныхъ вратъ послѣдняго [2]). Не случайностію намъ представляется то, что входныя двери въ древне-русскихъ соборахъ не всѣ одинаково украшались, покрывались золотомъ и такими или иными изображеніями, но преимущественно тѣ изъ нихъ, въ которыхъ встрѣчаемы были передъ службой князья и святители, передъ которыми тѣ и другіе творили поклонъ, а святители сверхъ того произносили еще молитвы. Самый путь, по которому приходилось идти,

---

[1]) Объ этомъ подробнѣе будетъ сказано ниже. [2]) Митр. Кириллъ, столь прославляемый лѣтописцемъ за благоукрашеніе Ростовскаго собора и снабженіе его многоцѣнными иконами и утварью, съ особенною заботливостію устрояетъ въ немъ *южныя* двери—показныя, всѣмъ бросавшіяся въ глаза. Извѣстный новгородскій архіеп. Макарій велитъ иконописцамъ написать надъ дверьми св. Софіи, „коими самъ входилъ отъ запада", вмѣсто ранѣе бывшаго здѣсь изображенія Вседержителя, нѣсколько сюжетовъ: Троицу, Софію и Нерукотворенный образъ. Аѳанасій, архіеп. Холмогорскій, приказываетъ иконникамъ, чтобы они „раскрасили и росписали изъ палатъ архіерейскихъ выходное крыльцо съ собору съ воротами и до собору съ перилами по мосту". П. С. Р. Л. I, 195, VI, 285—286. Лѣтопись Двинская, изд. *Типовымъ*, стр. 118. М. 1889.

покрывался листьями и цвѣтами, а иногда на всемъ протяженіи своемъ устилался сукнами [1]); но среди портъ „чудныхъ, шитыхъ золотомъ и жемчугомъ", привелось проходить, сколько извѣстно до сихъ поръ, святителямъ только во Владимирѣ временъ князей Андрея, Михаила и Всеволода Юрьевичей.

Труднѣе объяснить, зачѣмъ украшалась портами дорога отъ Золотыхъ воротъ города до Успенскаго собора. „Вѣроятно, что къ Золотымъ воротамъ и къ находившейся на нихъ церкви," замѣчаетъ по этому вопросу проф. Голубинскій, „былъ совершаемъ изъ собора въ Успеньевъ день крестный ходъ [2])". Теперь такого хода нѣтъ во Владимирѣ, ничего не знаютъ о немъ и мѣстныя преданія и изслѣдователи; но это нисколько не говоритъ противъ вѣроятности догадки о существованіи крестнаго хода къ Золотымъ воротамъ или въ находившуюся нѣкогда близъ нихъ Спасскую церковь въ отдаленное и совсѣмъ забытое прошлое, во времена выше названныхъ князей. Золотыя ворота сами по себѣ мѣсто достопамятное въ церковно-гражданской жизни города. Въ нихъ духовенство съ святителемъ во главѣ и граждане торжественно встрѣчали своихъ князей, возвращались ли послѣдніе съ войны, приходили ли впервые на княженіе. Предъ Золотыми воротами Владимирцы, цѣлуя крестъ, присягали князьямъ своимъ и здѣсь же иногда, по кончинѣ ихъ, разставались съ останками ихъ [3]). За Золотыя ворота выходили обычно жители города встрѣчать новопоставленныхъ владыкъ своихъ; у нихъ святители останавливались, преподавая благословеніе городу. Къ нимъ въ воспоминаніе такихъ или иныхъ событій, напримѣръ, освященія соборнаго храма могли направляться или же при нихъ только останавливаться торжественныя литіи. Онѣ были въ жизни города приблизительно тѣмъ же, чѣмъ потомъ Лобное мѣсто съ Спасскими воротами въ Москвѣ и Золотыя ворота съ большимъ фо-

[1]) Въ Византіи былъ обычай устилать цвѣтами и листвой на праздники храмовой помостъ (Путеш. Антонія Новгородск. въ изд. *Савваитова*, ст. 141—142; въ изд. Палест. общ. вып. 51 стр. 29. Онъ извѣстенъ былъ и у насъ; только вмѣсто фіалокъ, самшита, плюща, лавра, мирты, розмарина и т. п. на праздники: Пятьдесятницы, Преображенія и Успенія и др. въ старое время на Руси постилали въ церквахъ листья березовыя, черемховыя, ивовыя, смородинныя и др. Смыслъ разстиланія вполнѣ выясненъ въ Чиновникѣ Новгородскаго собора (стр. 225, 227 - 229; Чиновн. Холмог. соб. по указат. подъ слов. *листье*; Чиновн. Москов. Успенск. соб. по указ. подъ слов. *постиланіе*... [2]) И. Р. Ц. I, 1 стр. 244. М. 1881. Выраженіе лѣтописи: *„на праздникъ"* онъ понимаетъ, такимъ образомъ, въ смыслѣ указанія лишь на одинъ *храмовой* праздникъ Владимирскаго Успенскаго собора. Въ Ермолаевскомъ спискѣ Ипатіевской лѣтописи, вообще-то говоря, не отличающемся исправностью текста, данное мѣсто читается такъ: *на кійждо праздникъ*. Если принять этотъ варіантъ, то прійдется согласиться, что обычай развѣшиванія портъ на улицахъ имѣлъ мѣсто и въ другіе, хотя бы то *лѣтніе* праздники, кромѣ храмового. [3]) П. С. Р. Л. I, 161, 202, 196 и др.

румомъ и Константиновой колонной на немъ много ранѣе въ Константинополѣ. Для нашей цѣли въ данномъ разѣ важенъ впрочемъ не столько поводъ къ украшенію пути, сколько самый этотъ способъ убранства дороги шитыми золотомъ и жемчугомъ портами.

Обычай украшать улицы, дома и отдѣльныя помѣщенія въ нихъ разноцвѣтными и болѣе или менѣе дорогими коврами и тканями былъ сколько древній [1]), столько же и весьма распространенный на востокѣ, въ частности въ византійскомъ мірѣ. Вступали ли торжественно греческіе цари въ Константинополь по тому или другому случаю, принимали ли они у себя во дворцѣ пословъ и титулованныхъ особъ, совершали ли они выходы по большимъ праздникамъ въ св. Софію и другіе храмы столицы, они обычно прибѣгали къ упомянутому способу украшенія послѣдней и своихъ собственныхъ покоевъ. Никита Хоніатъ, довольно подробно описывая тріумфальное шествіе импер. Іоанна Комнина послѣ побѣды надъ Персо-Армянами подъ Кастамоною, говоритъ между прочимъ: „Когда насталъ день, назначенный для торжественнаго шествія, улицы украсились всякаго рода коврами, протканными золотомъ и пурпуромъ,—были тутъ и изображенія Христа и святыхъ, которыя художническая рука отпечатлѣла на покрывалахъ такъ, что ихъ можно было принять за живыя, а не вытканныя. Стояли также удивленія и деревянныя подмостки, устроенныя для зрителей по обѣимъ сторонамъ дороги. Такъ была приготовлена и убрана та часть города, которая идетъ отъ восточныхъ воротъ до самаго большого дворца“. Среди такого то убранства и двигалась къ Софійскому собору предшествуемая пѣшимъ императоромъ съ крестомъ въ рукѣ, отдѣланная серебромъ и камнями колесница съ помѣщенною на ней иконою Богоматери, „какъ непобѣдимой Воеводы, вмѣстѣ съ царемъ начальствовавшей надъ войскомъ [2])“. Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ описываетъ названный историкъ и тріумфальный въѣздъ въ столицу импер. Мануила Комнина послѣ побѣды въ іюлѣ 1167 г. Андроника Контостефана надъ Пэонійцами [3]). Развѣшиваніе на улицахъ ковровъ и тканей, испещренныхъ пурпуромъ и золотомъ, украшеніе пути вѣтвями вѣчно-зеленыхъ деревьевъ и кустовъ зимой, красивыми и

---

[1]) Кн. Есѳирь, I, 5—7. [2]) Исторіи царствованія Іоанна Комнина гл. 5; русск. пер. т. I, стр. 23—25. [3]) Истор. царств. Мануила Комнина кн. V, гл. 3; русск. пер. стр. 202—203, сн. 39, 136. Разсказывая въ послѣднемъ случаѣ о торжественномъ входѣ импер. Мануила въ Антіохію, Никита говоритъ о жителяхъ послѣдней: *τὴν εἴσοδον αὐτῷ εἰς τὸ πομπικώτερον διεσκέβασαν τάς τε ἀγυιὰς καὶ ἀμφόδους ἐπίπλοις καὶ τάπησι διεκόσμουν, καὶ δένδρων νεοδρέπτοις κλωσὶ κατηγλάϊζον, τὰς τῶν λειμώνων καὶ ἀνθέων χάριτας εἰς τὸ ἄστυ μέσον διακηπεύοντες*. Ср. De cerimonn. aulae Byzant. vol. I p. 499, 505.

благовонными цвѣтами и растеніями весной и лѣтомъ—все это какъ-бы необходимый составной элементъ парадныхъ шествій въ Византіи. Такъ угодно было царю сдѣлать выходъ въ праздникъ въ церковь или же дать торжественную кому-либо аудіенцію у себя во дворцѣ, предупрежденный о томъ ипархъ города долженъ былъ позаботиться о чистотѣ и украшеніи зеленью и цвѣтами, смотря по времени года, пути, по которому предстояло идти царю или имѣвшимъ представиться ему; долженъ былъ распорядиться объ убранствѣ дорогими матеріями и всевозможными драгоцѣнностями аппартаментовъ, въ которыхъ надлежало начаться царскому выходу въ храмъ или произойти торжественному пріему [1]). Украшеніе дворцовыхъ залъ производилось вестіаріями, особымъ цехомъ декораторовъ, серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастерами-торговцами [2]); но въ убранствѣ улицъ принимали участіе и сами жители, украшавшіе свои дома дорогими тканями и различными утварями, при прохожденіи процессій мимо ихъ [3]). Литаніи, столь часто и торжественно совершавшіяся въ Константинополѣ, не обходились, нужно думать, безъ того же убранства улицъ растеніями, тканями и коврами [4]). Уже самое присутствіе на послѣднихъ священныхъ изображеній говоритъ отчасти за ихъ религіозно-культовое назначеніе и заставляетъ догадываться объ ихъ происхожденіи изъ церковнаго ритуала. Недлинный путь къ службѣ

[1]) Тамъ же, p.p.6, 12—13, 571—574, 586—587, 595. Reiskii Commentarr. vol. II pag. 16—17, 38—39 *Бѣляева* Д. Θ. Byzantina, т. II стр. 40. [2]) De cerimonn. vol. I p. 12; сн. *Бѣляева* Обзоръ главн. частей Большаго дворца, стр. 174—175. [3]) Это можно видѣть изъ слѣдующихъ хотя бы словъ Георгія Кедрина объ импер. Никифорѣ Фокѣ: *τῇ κυριακῇ μετὰ τὸ ἅγιον Πασχα προέλευσιν δημοσίαν κηρύξας ἐν τῷ τῶν ἁγίων ἀποστόλων ναῷ..., ἀπῆλθεν ἐστεφανωμένος μετὰ τῆς συγκλήτου, πάσης τῆς πόλεως ἀθροισθείσης εἰς τὴν θέαν, σκέβη χρυσέα καὶ ἀργυρέα τῶν τὴν λεωφόρον κατοικούντων ἀποκρεμαννύντων καὶ πέπλους καὶ ἄλλα ὑφάσματα χρυσοϋφῆ.* Обычай украшать дома внутри и снаружи, съ улицы, по случаю так ихъ или иныхъ торжествъ и праздниковъ, нашелъ свою иллюстрацію, намъ кажется, и въ книжной византійской живописи. Въ миніатюрахъ греческихъ рукописей, напримѣръ въ извѣстномъ минологіи Василіевомъ, палаты и колоннады весьма нерѣдко представлены украшенными тканями или завѣсами съ бахромой и прошивками. Матеріи эти часто изображены переброшенными съ одного зданія на другое; ими же задрапированы фронтоны и арки послѣднихъ (Menologium'a импер. Василія ч. II, стрр. 37, 107, 109, 170—170 и др. въ изд. Albani). Полагаемъ, что миніатюристъ въ общемъ не сочинялъ, а воспроизводилъ современную ему дѣйствительность. Изображавшіеся въ разукрашенныхъ аркадахъ святые были въ глазахъ его тоже своего рода тріумфаторами, увѣнчанными только вмѣсто побѣднаго—вѣнцомъ мученическимъ. [4]) Codini De officiis, cap. X, p. 67. Никита Хоніатъ, передавая о возвращеніи изъ ссылки Константинопольскаго патріарха Θеодосія, замѣчаетъ, что жители столицы при встрѣчѣ его окропляли улицы духами и наполняли воздухъ благовоніемъ индійскихъ растеній и душистыхъ ароматовъ (русск. пер. т. I, стр. 311—313). Еще болѣе, разумѣется, заботились они объ украшеніи улицъ, когда патріарху вмѣстѣ съ царемъ приходилось слѣдовать по нимъ въ крестномъ ходѣ.

константинопольскаго патріарха по хорамъ и притворамъ св. Софіи также, можно сказать, украшался, такъ какъ по большимъ праздникамъ, напримѣръ въ Пасху, весь огромный храмъ, особенно катыхумены его увѣшивались дорогими завѣсами, индитіями и разнообразными утварями. Въ случахъ чрезвычайныхъ, при посѣщеніи Великой церкви иноземными послами, въ нее сносились драгоцѣнности изъ другихъ, наиболѣе богатыхъ храмовъ столицы, которыми и убиралась св Софія [1]).

Этотъ обычай украшенія тканями улицъ и соборнаго храма изъ Византіи легко могъ перейти къ намъ, благодаря живымъ и постояннымъ сношеніямъ древне-русскихъ князей и митрополитовъ съ греческими царями и патріархами по дѣламъ личнымъ и церковнымъ [2]). О немъ хорошо знали наши первосвятители греки; не могъ оставаться въ невѣдѣніи на счетъ этой декоративной манеры и князь Андрей Боголюбскій. Вышеприведенные факты убранства Константинополя, по случаю тріумфальныхъ вступленій въ послѣдній императоровъ Іоанна и Мануила Комниновъ, вѣроятно, хорошо были извѣстны ему, какъ современнику [3]), внимательно слѣдившему за событіями въ Византіи и, какъ мы видѣли, подражавшему ей въ устройствѣ своего стольнаго города. Говоря это, мы не то хотимъ сказать, что Андрей Боголюбскій первый перенесъ къ намъ этотъ обычай изъ Константинополя, а то, что, подъ вліяніемъ разсказовъ о тріумфальныхъ шествіяхъ византійскихъ царей, онъ могъ содѣйствовать процвѣтанію его заведеніемъ болѣе многочисленныхъ и дорогихъ портъ, перенявъ самый обычай ближе всего изъ Кіева отъ тамошнихъ князей [4]). Здѣсь онъ былъ, надо полагать, съ са-

[1]) De cerimoniis aulae Byzan. vol. I, pag. 591—592. [2]) П. С. Р. Л. I, 119; II. 9, 15, 267, 268, 277, 296; III, 19 и др. мног. Подъ 1186 годомъ первая новгородская лѣтопись передаетъ, что „въ этомъ лѣтѣ приде царь (царевичъ?) Грецьскый Алекса Мануловиць въ Новгородъ". [3]) Князь Андрей Боголюбскій сносился съ Константинопольскимъ патріархомъ Лукою Хрисовергомъ по вопросу объ учрежденіи митрополіи во Владимирѣ (грамоту патріарха къ нему см. у *Павлова* А. С. въ Памятникахъ древнерусск. канонич. права: Русск. Истор. Библ. т. VI, столб. 63—68, 73—76; сн. Никоновск. лѣтоп., ч. II стр. 176, 178). Празднество Всемилостивому Спасу и пресв. Богородицѣ 1 августа, если вѣрить нашимъ проложнымъ сказаніямъ, установлено въ церкви по взаимномъ сношеніи князя Андрея Боголюбскаго и греческаго императора Мануила и съ согласія церковнаго причта (*Архіеп. Сергія* Полный Мѣсяцесловъ востока, т. II стр. 296 298). Извѣстный образъ Всемилостиваго Спаса—*патрональный* для Новгородскихъ владыкъ, увезенный Іоанномъ III въ Москву, какъ одинъ изъ трофеевъ покоренія Новгорода, и понынѣ находящійся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, позднѣйшимъ сказаніемъ (Чиновн. Моск. Успенск. соб., стр. 233—4), занесеннымъ въ лѣтопись (П. С. Р. Л. III, 211—212) признается „художествомъ и трудами" греческаго царя Мануила [4]) Ипатіевская лѣтопись, подъ 1115 годомъ говоря о перенесеніи мощей князей Бориса и Глѣба въ новосозданную каменную церковь для нихъ и множествѣ народа, собравшагося отовсюду въ Кіевѣ по этому случаю и мѣшавшаго, понят-

маго начала, какъ одна изъ подробностей церковно-богослужебной обрядности, имѣвшей мѣсто сначала въ Десятинномъ храмѣ, а потомъ въ Ярославовой Софіи. Обычай украшать златотканными и разноцвѣтными коврами улицы во время прохожденія по нимъ церковно-религіозныхъ процессій, бывъ заимствованъ съ востока [1]), продержался у насъ сравнительно недолго, благодаря нашему непостоянному и суровому климату и отчасти бѣдности страны, но въ литургико-археологическомъ отношеніи, на нашъ взглядъ, онъ въ высшей степени цѣненъ, какъ безспорный показатель церковно-богослужебныхъ порядковъ, дѣйствовавшихъ нѣкогда въ нашихъ соборныхъ храмахъ и шедшихъ несомнѣнно и непосредственно изъ Византіи отъ Великой Константинопольской церкви. Связанные съ послѣднею идеей своего посвященія и отчасти самымъ наименованіемъ, имѣвшіе въ церковно-государственной жизни Руси въ сущности то же значеніе, что и св. Софія въ судьбахъ Константинополя и всего греческаго царства, подражавшіе ей *по мѣрѣ возможности* въ своемъ устройствѣ, убранствѣ и всей вообще богослужебной обстановкѣ, т. е. даже въ томъ, что не безъ затрудненій поддавалось подражанію, наши древнѣйшіе и знаменитѣйшіе соборы легко могли заимствовать у Великой церкви то, что перенять имъ у нея было такъ естественно, а именно самую службу и церковный уставъ ея.

но, процессіи двигаться свободно, замѣчаетъ: „и повелѣ Володимеръ (Мономахъ), рѣжючи паволокы, орницы, бѣль, розметати народу, овоже сребреникы метати людемъ, силно налегшимъ, а быша легко внесли въ церковь“ (П. С. Р. Л. II, 6). Не о нашихъ ли тканяхъ, устилавшихъ и вообще украшавшихъ путь, которыя, какъ находившіяся подъ рукой, князь велѣлъ разрывать и метать въ народъ, чтобъ отвлечь его съ дороги, идетъ здѣсь рѣчь? Обычай бросать деньги въ народъ въ подобныхъ обстоятельствахъ также существовалъ въ Греціи. Codini De officiis, cap. XVII, 88 p. [1]) Лаврентіевская лѣтопись, сообщая о томъ же большомъ пожарѣ во Владимирѣ подъ 1185 годомъ, въ числѣ сгорѣвшихъ церковно-богослужебныхъ принадлежностей, кромѣ паникадилъ, сосудовъ и „портъ, золотомъ и женчюгомъ шитыхъ“, упоминаетъ еще чудныя иконы, куны, книги, паволоки и *„укси церковныя, иже въшаху на праздникъ“* (П. С. Р. Л. I, 166). Производя, какъ кажется, совершенно справедливо *укси* изъ греческаго *ὀξύς*, ученые разумѣли подъ ними предполы или пелены, подвѣшивавшіяся на праздники въ старое время у насъ подъ настѣнными и настолпными иконами (П. С. Р. Л. I, 195; сн. VI, 175, 285, гдѣ говорится о „пеленахъ от паволокъ“ у чтимыхъ *мѣстныхъ* иконъ въ иконостасѣ, и *Е. Е. Голубинскаго* И. Р. Ц. I, 2 стр. 185 прим. 2, 243). Но подъ уксами съ равнымъ и даже большимъ правомъ можно подразумѣвать и тѣ пелены, которыми вмѣстѣ съ портами украшали путь къ владычнему двору и Золотымъ воротамъ. Объ уксахъ Лаврентіевская лѣтопись прямо говоритъ, что ихъ вѣшали на праздникъ и хранили не въ церкви, а въ какомъ-то сосѣднемъ съ нею теремѣ. Епитетомъ *ὀξύς* (violaceus, *ὑακινθινος*) византійцы называли матерію фіолетовую или темнокрасную и по большей части дорогую, шедшую на оклады книгъ: евангелій, библій, престольныя индитіи, на одежды деспотовъ (*τὸ δὲ καββάδιον αὐτοῦ ὀξὺ ἢ ἐρυθρόν*. Codini De officiis, cap. III, p. 14, Edit. Bonn.), кесарей,

Глава V.

Впечатлѣнія Русскихъ отъ *богослуженія* Великой Константинопольской церкви и отличительная особенность послѣдняго. - Какъ велико было число священнослужащихъ въ древнее и старое время при нашихъ соборахъ? Причисленіе къ нимъ *сѣнныхъ* и *придѣльныхъ* поповъ съ дьяконами. Возникновеніе на Руси *соборовъ* или *сороковъ* и смыслъ его. Отношенія городского духовенства къ *малымъ* и *большимъ соборамъ* и соборянъ, съ архіереемъ во главѣ, къ церквамъ приходскимъ. Отпускъ въ послѣднія утварей изъ соборной казны и посылка властей къ празднику. Чѣмъ объясняется болѣе тѣсная въ древнѣйшее время связь приходскаго духовенства съ соборнымъ? Благія послѣдствія ея по отношенію къ состоянію *соборнаго* богослуженія на Руси.—Значеніе для послѣдняго пѣвческихъ силъ. Кто были первые *пѣснорачители* при нашихъ старѣйшихъ соборахъ и на какомъ языкѣ совершалась въ первое время святительская служба въ нихъ? Значеніе въ рѣшеніи этихъ вопросовъ нашихъ древнѣйшихъ богослужебно-пѣвческихъ книгъ. Замѣчанія о нашихъ демественникахъ, демественномъ пѣніи и пѣвчихъ дьякахъ. Выводъ изъ всего сказаннаго по отношенію къ вопросу о прототипѣ нашей древней каѳедрально-епископской службы и Уставѣ ея.

Св. Софія Константинопольская поражала нашихъ предковъ не однимъ своимъ видомъ, не блескомъ только своего внутренняго убранства и богослужебной обстановки, но и красотою, величественностію самаго своего богослуженія. Влагаемыя нашею начальною лѣтописью въ уста пословъ Владимировыхъ слова: „...токмо то вѣмы, яко тамо Богъ съ человѣки пребываетъ и *есть служба ихъ паче всѣхъ странъ*“, были не пустою, ничего незначущею фразой, а передавали подлинное впечатлѣніе нашихъ предковъ столько же отъ великолѣпнаго храма, сколько и отъ чуднаго богослуженія, въ немъ совершавшагося [1]). Обаяніе по-

---

димарховъ Константинопольскаго цирка. Этимъ терминомъ византійскіе писатели означали также цвѣтъ одеждъ Богоматери (*ὀξέα ῥοῦχα φοροῦσα*) и рукополагаемыхъ въ іерархическія степени (*Περιβάλλεται ἀμφία ὀξεῖα ἢ μέλανα*. Епитетъ *ὀξύς* нерѣдко прилагался къ такъ называемому *пеплу* (*ὀξὺ πέπλον*)—длинному верхнему мужскому и женскому одѣянію, скрѣплявшемуся на груди застежкой и носившемуся въ торжественныхъ случаяхъ. Пеплами назывались обычныя покрывала и ковры, и у тѣхъ же византиковъ встрѣчаются довольно часто указанія на *τὰ θεῖα πέπλα*, служившія разнымъ цѣлямъ въ храмѣ и между прочимъ къ благоукрашенію его. Итакъ самое названіе: *укси церкосныя* указываетъ на происхожденіе разсматриваемаго обычая изъ византійской обрядности. *Дюканжа* Glossar. graecit. sub vocc. *ὀξύς*, *ποδέα*; *Симеона Солунскаго* De sacro templo cap. 141; русск. пер. т. II стр. 195; сн. 190—191 (у *Миня*-Patrol. graec. t. 155, coll. 345, 349). [1]) Еще полнѣе и живѣе передано, на нашъ взглядъ, впечатлѣніе пословъ Владимировыхъ отъ торжественнаго богослуженія въ Софійскомъ Царьградскомъ соборѣ въ разсказѣ неизвѣстнаго греческаго писателя, наглядно

слѣдняго испытывали на себѣ русскіе люди, посѣщавшіе св. Софію даже въ XII—XIII вв., когда служба ея вслѣдствіе нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ историческихъ обстоятельствъ уже утратила многое изъ того великолѣпія, съ какимъ отправляема была въ IX—X стол.—въ періодъ полнаго своего развитія и принятія христіанской вѣры Русскими. Наши паломники XII—XIV столѣтій, присутствовавшіе за богослуженіемъ въ Софіи Царьградской, такъ же чувствовали себя находившимися въ раю или на небѣ, какъ это мнили и говорили о себѣ и послы Владимировы. „Кій умъ и какова душа, иже не помянетъ тогда о царствіи небеснѣмъ и о жизни безконечной“, восклицаетъ Добрыня Ядрѣйковичъ, потомъ Антоній, архіеп. Новгородскій, разсказавъ въ своемъ „Путешествіи въ Царьградъ“ о совершеніи великаго входа съ его блестящей обстановкой въ Софійскомъ соборѣ. „Пѣніе же воспоютъ калуфони (καλῇ φωῇ), аки ангели“, замѣчаетъ онъ же по поводу встрѣчи въ послѣднемъ царя, „и тогда будетъ стояти во церкви той, аки на небеси или аки въ раи; Духъ же святый наполняетъ душу и сердце радости и веселія правовѣрнымъ человѣкомъ [1])“. Было бы въ высшей степени странно со стороны нашихъ предковъ, если бы они, насмотрѣвшись на великолѣпную патріаршую службу въ Константинополѣ, не пожелали видѣть таковую-же у себя. Не пойти на встрѣчу столь естественному желанію ихъ не могли наши древнѣйшіе архипастыри, особенно приходившіе къ намъ изъ Греціи. Свыкшись съ нарядно-торжественною службой своихъ каѳедрально-епископскихъ церквей, слѣдовавшихъ, какъ извѣстно, своей матери—св. Софіи Константинопольской, они, понятно, и по пріѣздѣ на Русь старались завести въ своихъ престольныхъ храмахъ литургическіе порядки послѣдней. Въ самыхъ этихъ порядкахъ, т. е. обрядахъ и службахъ, отличавшихъ Великую церковь отъ другихъ, не содержалось ничего такого, что рѣшительнымъ образомъ препятствовало бы имъ быть введенными съ самаго начала во Владимировомъ Десятинномъ храмѣ, Ярославовой Софіи и другихъ наиболѣе замѣчательныхъ нашихъ соборахъ.

Строй совершавшагося въ Юстиніановой Софіи богослуженія въ общемъ характеризовался преобладаніемъ надъ чтеніемъ пѣвческаго испол-

---

знакомящаго насъ съ пышною обстановкою тогдашней патріаршей службы и нѣкоторыми особенностями ея, вызывавшими въ молящихся мысль объ участіи въ священнодѣйствіи вмѣстѣ съ іереями самихъ ангеловъ (Русскій переводъ Сказанія см. у *Е. Е. Голубинскаго*: И. Р. Ц. I, 1 стр. 250—251; греческ. текстъ въ Боннскомъ изданіи *Константина Порфирогенита*, vol. III pag. 360—361. [1]) Путешествіе новгородск. архіеп. Антонія въ Царьградъ въ изд. *Савваитова*, столбцы 76—77, 94; сн. Путешествіе діакона Игнатія въ изд. *Сахарова*: Сказанія Русск. народа, кн. VIII стрр. 102—104.

ненія и широкимъ развитіемъ въ немъ обрядового драматизма. Торжественные обряды и службы, совершавшіеся въ столичномъ соборѣ вселенскимъ патріархомъ и нерѣдко въ присутствіи самого царя съ блестящею свитой, разсчитаны были на весьма большое число исполнителей, на цѣлые соборы священнослужащихъ и на хорошо организованные и значительные хоры пѣвцовъ [1]). Изъ историко-юридическихъ данныхъ положительно извѣстно, что число клириковъ св. Софіи при императорѣ Юстиніанѣ и ближайшихъ его преемникахъ восходило до нѣсколькихъ сотъ [2]), не включая въ это число, понятно, священнослужащихъ другихъ столичныхъ церквей, которые въ торжественныхъ случаяхъ, напримѣръ въ литаніяхъ, обязаны были участвовать вмѣстѣ съ Софійскимъ духовенствомъ.

---

[1]) *Мансветова* И. Д. Церковный уставъ, стр. 229. [2]) По древне-христіанскимъ представленіямъ *нормальное* число клириковъ въ каждой каѳедрально-епископской церкви не должно было быть малозначительнымъ. Въ XXXIV главѣ изданнаго патр. Игнатіемъ Рамани Testamentum'a Domini Nostri читаемъ: In ecclesia noti sint duodecim presbyteri, septem diaconi, quatuor hypodiaconi (legendum: quatuor lectores) et tres viduae, habentes praecedentiam sessionis. Въ дѣйствительности бывало и меньше означеннаго въ правилѣ числа и больше его: все зависѣло отъ величины города, численности епархіи и средствъ, коими располагала та или другая епископія. Въ XIII статутѣ Людольфомъ (Ludolf in Commentar. ad suam historiam Aethiopic., pag. 319—320; сн. Rahmani Testament. Dom. Nostri Iesu Christi pagg. 83, 99) не вполнѣ ясно говорится о нахожденіи при епископѣ двадцати четырехъ пресвитеровъ. Одною изъ своихъ новеллъ импер. Юстиніанъ постановилъ, чтобы при святой Софіи было не болѣе 60 священниковъ, 100 діаконовъ, 40 діакониссъ, 90 иподіаконовъ, 110 чтецовъ, 25 пѣвцовъ и 100 низшихъ служителей. Попытка императора ограничить все болѣе и болѣе возраставшее число Софійскихъ клириковъ не имѣла, можно сказать, успѣха, и при импер. Иракліи (610—641 гг.) штатъ духовенства Великой церкви состоялъ уже изъ 80 священниковъ, 150 діаконовъ, 40 діакониссъ, 70 иподіаконовъ, 160 чтецовъ, 25 пѣвцовъ и 75 привратниковъ (*Дюканжа* Constantinopol. Christ. lib. III p. 71, Трульск. соб. прав. 16 и толков. Зонары). Анонимъ, украсившій свой разсказъ о построеніи Софійскаго храма многими легендарными подробностями, о содержаніи и числѣ лицъ, служившихъ при послѣднемъ, передаетъ, будто импер. Юстиніанъ *ἀπεκύρωσε δὲ καὶ κτήματα τξέ ἀπὸ Αἰγύπτου, Ἰνδίας καὶ πάσης ἑῴας καὶ ἑσπέρας ὑπάρχοντα εἰς διοίκησιν τοῦ ναοῦ. τυπώσας μίᾳ ἑκάστῃ ἑορτῇ διδόσθαι ἔλαιον μέτρα χίλια, οἶνον μέτρα τ. ἄρτους τῆς προθέσεως χιλίους· ὁμοίως καὶ τὰς ἐφημέρας ἐξέθετο, κληρώσας ἱερεῖς τε καὶ ἑως ἐσχάτου τῶν ὑπουργούντων τῷ ναῷ χιλιάδα μίαν· ἀδούσας ᾧ, μεριζομένας εἰς δύο ἑβδομάδας* (Banduri Imper. Orient. t. I pars III, lib. IV, pag. 76). О такихъ богатыхъ владѣніяхъ и доходахъ и столь многочисленномъ клирѣ св. Софіи, понятно, не могло быть серьезныхъ рѣчей во времена нашего писателя. Еще предъ вступленіемъ на престолъ импер. Константина Мономаха (1042—1054 гг.) литургія въ ней по недостатку средствъ совершалась не ежедневно, а только по субботамъ, воскресеньямъ и праздникамъ. Съ уменьшеніемъ доходности, сокращалось постепенно и число клириковъ Великой церкви, но что и въ X—XII вѣкахъ оно продолжало быть еще довольно значительнымъ, въ этомъ завѣряютъ насъ и Константинъ Порфирородный своимъ Обрядникомъ и уцѣлѣвшія записи тогдашней патріаршей службы. Торжественность, съ которою была отправляема

Какъ великъ былъ составъ клира нашихъ древнѣйшихъ соборовъ, особенно за начальный періодъ въ ихъ исторіи, намъ почти ничего неизвѣстно. Построивъ Десятинный храмъ и снабдивъ его утварью, Владимиръ св., по словамъ лѣтописи „попы Корсуньскыя пристави служити въ ней". Сколько было поповъ въ нашемъ первомъ соборномъ и во многихъ отношеніяхъ образцовомъ Кіевскомъ храмѣ, къ сожалѣнію, изъ нашего источника не видно. Передавая о поставленіи митроп. Иларіона, та же лѣтопись разсказываетъ между прочимъ, что послѣдній ранѣе былъ пресвитеромъ въ селѣ Берестовомъ у церкви св. Апостоловъ, при которой боголюбивый князь Ярославъ *„попы многи набѝлъ* [1])". Если много было поповъ безъ особой притомъ надобности въ нихъ у церкви въ любимомъ подгородномъ княжескомъ имѣніи, то во сколько же разъ больше должно было быть ихъ при св. Софьѣ, митрополіи Русской, которую такъ украшалъ великій князь, и которая во многихъ священникахъ должна была имѣть несомнѣнную нужду, чтобы поистинѣ быть „церковью дивной и славной всѣмъ окружнымъ странамъ". Важное значеніе Десятинной Богородицы и Ярославовой Софіи въ церковно-общественной жизни Кіева подсказывало и даже какъ бы прямо обязывало, кого надлежало, къ тому, чтобы богослуженіе въ обоихъ храмахъ было совершаемо съ соотвѣтствующею ихъ достоинству величественностію или импозантностію. Но глубокое впечатлѣніе отъ церковной службы на полуобращенныхъ изъ язычества въ христіанство варваровъ могло получаться лишь при наличности богатой литургической обстановки и болѣе, чѣмъ достаточномъ, числѣ служащихъ лицъ.

Кіевскій митрополитъ съ своимъ каѳедральнымъ клиромъ, какъ и всѣ другіе русскіе архіереи съ ихъ соборянами, съ самаго же начала, сколько позволяютъ судить о томъ скудныя историческія данныя, были вполнѣ обезпечены въ содержаніи нашими князьями [2]) и, стало быть,

---

послѣдняя по изображенію названныхъ памятниковъ, могла быть достигнута лишь при весьма большомъ числѣ исполнителей. Были случаи, когда Константинопольскій патріархъ совершалъ литургію и нѣкоторые обряды съ *двѣнадцатью митрополитами*, быть можетъ, по подражанію древне-христіанскимъ епископамъ, совершавшимъ евхаристію съ двѣнадцатью пресвитерами, по воспоминанію о Христѣ съ апостломъ (Ннѣвадд,ецатью„о в ичерявшем авыя данныя для; исторіи Типикона Великой церкви", ст. *Дмитріевскаго* А. А. въ Т. К. Д. А. 1902, Ш, стр. 539; сн. Дѣянн. церковн. и гражд., собранныя *Кедринымъ* и друг., ч. II л. 56 об., сн. Опис. Синод. рукопп. *Горскаго* и *Невоструева* отд. Ш ч. 1 стр. 215—216). Понятно, что столь большому числу сановныхъ іерарховъ должно было болѣе или менѣе соотвѣтствовать и количество сослужащихъ архимандритовъ, священниковъ и діаконовъ. [1]) П. С. Р. Л. т. I стр. 52, 67. [2]) П. С. Р. Л. I, 53, 149, 159; II, 81—82. Доп. Акт. Ист. I, 5. Русск. Достопамятн. I, 82. *Голубинскаго* Е. Е. И. Р. Ц. I, 1 стр. 505 и слѣд. изд., 2-е. *Архим. Макарія* Археолог. описан. церковн.

со стороны средствъ не встрѣчали стѣсненія или препятствій имѣть при себѣ подобающій штатъ священнослужащихъ. Что не мало было священниковъ съ діаконами при древне-русскихъ соборахъ,—въ этомъ лѣтописи и другіе источники не оставляютъ никакого сомнѣнія; но опредѣленныя свѣдѣнія о численности и составѣ соборныхъ причтовъ, намъ извѣстныя, относятся, къ сожалѣнію, лишь къ XV—XVII вѣкамъ, къ тому времени, когда число священнослужащихъ при нашихъ каѳедрально-епископскихъ церквахъ достигло въ своемъ ростѣ конечнаго предѣла. Говоря это, прежде всего и главнымъ образомъ имѣемъ въ виду св. Софію новгородскую, которая по числу своихъ клириковъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, замѣтно выдѣлялась изъ ряда остальныхъ древне-русскихъ соборовъ. За вторую половину XV-го вѣка, весь XVI и первую четверть XVII столѣтія штатъ новгородскаго соборнаго духовенства мало измѣнялся и обычно состоялъ изъ протопопа, протодьякона, ризничаго чернаго діакона, двухъ ключарей, 16—18-ти поповъ, четырехъ-пяти діаконовъ, 17—22 пѣвчихъ дьяковъ и подьяковъ, двухъ пономарей, двухъ псаломщиковъ, 11-ти звонцовъ и проскурника [1]). Есть основаніе предполагать, что и до паденія новгородской вольности, въ періодъ полнаго развитія политической жизни города и процвѣтанія торговли въ немъ, клиръ соборный не былъ малочисленнѣе. Уже въ XII вѣкѣ св. Софія, скажемъ словами поученія новгородскаго архіепископа Иліи къ своему епархіальному духовенству, *„не убога“* была въ средствахъ и свободно, въ случаѣ нужды, могла прійти съ своею казной на помощь къ послѣднему [2]), не говоря уже о томъ, что она въ состояніи была имѣть у себя такой штатъ, который вполнѣ отвѣчалъ бы ея главенствующему положенію въ городѣ и княжествѣ.

Съ очень давняго времени къ Софійскому клиру стали причислять-ся такъ называемые *сѣнніе и придѣльные* попы съ дьяконами, дьячками и пономарями. Первые служили *на сѣняхъ* у новгородскаго святителя или, что то же, въ домовыхъ его церквахъ; вторые—въ храмахъ придѣльныхъ, находившихся какъ въ притворахъ самаго Софійскаго собора и пристройкѣ къ нему, такъ и по близости его—на соборной площади и въ кремлевскихъ стѣнахъ, обычно надъ вратами [3]). Число сѣнныхъ

древн. въ Новгородѣ, ч. I стрр. 77–83; *его-же*: Памятники церковн. древностей въ Нижегородск. губ. въ Запискахъ Импер. Археол. Общества, т. X, стрр. 11—18. Спб. 1857. [1]) П. С. Р. Л, III, 251. *Архим. Макарія* Археолог. опис. I, 83—84, прим. 166; *его-же*: Описан. Новгор. архіер. дома, прилож. № 18, стрр. 145—148. Прибавл. къ творен. св. отцевъ, ч. 42 стр. 175–176, наша статья. *Архид. Павла Алеппскаго* Путешествіе Антіох. патр. Макарія въ Россію, въ перев. *Мурѣоса*, вып. II, стр. 171, 186; вып. IV стр. 20, 73. [2]) *Голубинскаго* Е. Е. И. Р. Ц. I, 1 стр. 663. [3]) О церквахъ сѣнныхъ см. у *архим. Макарія* въ Опис. новгор. архіер. дома, стр. 27—46; о придѣлахъ въ

и придѣльныхъ поповъ и дьяконовъ увеличивалось по мѣрѣ устроенія тѣхъ и другихъ храмовъ, сокращалось съ упраздненіемъ нѣкоторыхъ

св. Софіи Новгородск. *у него-же* въ Археологическомъ описаніи новгородскихъ древностей, ч. I стр. 60—66. О происхожденіи, мѣстонахожденіи и назначеніи придѣльныхъ церквей см. тамъ-же еще стрр. 290—291, 294—295, 378—379; *Голубинскаго* И. Р. Ц. I, 1 стрр. 494—497. Временникъ Общ. Ист. и Древн. Росс. кн. XXIV, смѣсь, стр. 25, 31—32. *Розанова* Н. Исторія Москов. епархіальн. управленія, ч. I стр. 120; ч. II кн. 1, прилож. стр. 178. *Архим. Макарія* Памятн. Нижегор. древн. въ Запискк. Импер. археолог. общ. т. X стрр. 12, 262, 440. *Георгіевскаго* В. Флорищева Пустынь стрр. 307—308, 309, 310, 315. Чиновники: Холмогорск. соб. стр. XV, Новгор. Софійск. стрр. 38, 41—43, 51, 99 и другг. Въ древнѣйшихъ христіанскихъ храмахъ и даже такихъ обширныхъ изъ нихъ, какъ св. Софія Константинопольская, устраивался одинъ олтарь и одинъ престолъ, согласно съ словами Игнатія Богоносца, который выраженіемъ христіанскаго единенія считалъ признаніе единаго Христа и существованіе единаго жертвенника. Первоначальные придѣлы были наружными придатками къ церквамъ, находились подлѣ нихъ или при нихъ, почему и назывались греками *παρεκκλήσια, παράκλήσια*, а въ нашей старинной письменности *прибоженками, боженками* (самыя церкви нерѣдко называются въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ *божницами, боженками*, а иконы, кресты и церковно-богослужебныя принадлежности—*божествомъ*. „Много множество божества погорѣ въ святые церквѣ Богородицы", замѣчаетъ лѣтописецъ про пожаръ въ Новгородѣ въ 1534 году. П. С. Р. Л. VI, 293; V, 218; II, 22, 56, 66, 89, 115, 138, 173; I, 121, 138, 147, 157. *Горскаго и Невоструева* Описан. Синод. рукопп. отд. III, ч. 1 стр. 272. *Goar Εὐχολογ.* pag. 16, 28. *Дюканжа* Glossar. graecit. col. 1119, s. voce *παρεκκλήσιον*). Въ IX—X вѣкахъ въ Греціи большія монастырскія церкви уже были окружаемы съ трехъ сторонъ своихъ, за исключеніемъ восточной, притворами, въ которыхъ хоронили храмоздателей, вообще благотворителей, и въ которыхъ устрояли олтари для совершенія поминовенной службы по нимъ. Такъ несомнѣнно было, напримѣръ, въ монастырѣ патр. Алексія Студита, въ главномъ Успенскомъ храмѣ его, освященномъ 14 Августа 1034 года. Обычай устроять при большихъ церквахъ притворы для погребенія съ престолами въ нихъ для принесенія безкровной жертвы по усопшимъ ктиторамъ, князьямъ, епископамъ и т. д. перешелъ, какъ мы выше говорили, и къ намъ изъ Греціи вмѣстѣ съ вѣрою. Въ боковыхъ притворахъ или папертяхъ, отдѣлявшихся отъ церкви капитальными стѣнами, придѣлы устраивались параллельно главному престолу и въ одну почти линію съ нимъ, благодаря чему получалось въ большихъ старинныхъ соборныхъ и монастырскихъ церквахъ по нѣскольку въ рядъ абсидъ, изъ которыхъ каждая занята была престоломъ и по отношенію къ главному составляла придѣлъ. Даже въ храмахъ съ *трехчастнымъ* абсидальнымъ планомъ правое, называемое нынѣ діаконикомъ, отдѣленіе, по крайней мѣрѣ у насъ въ древней Руси, нерѣдко отводили подъ придѣлъ, устрояя въ немъ особый престолъ. Въ лѣвой, сѣверной стѣнѣ діаконниковъ нѣкоторыхъ храмовъ, напримѣръ: Московскихъ Архангельскаго и Благовѣщенскаго соборовъ и Троицкаго въ Сергіевой лаврѣ, и по сіе время сохранилось мѣсто жертвенника въ видѣ довольно значительнаго полукруглаго углубленія съ уцѣлѣвшимъ не вездѣ, правда, изображеніемъ Богомладенца, возлежащаго на дискосѣ подъ звѣздицей, вмѣсто артоса. Устроялись придѣлы въ боковыхъ притворахъ и не рядомъ съ главнымъ олтаремъ, а посединѣ послѣднихъ, занимая западную половину ихъ. Въ нѣкоторыхъ соборахъ, а именно: въ Архангельскомъ и Благовѣщенскомъ въ Москвѣ были придѣлы въ видѣ маленькихъ церквицъ: въ первомъ надъ западнымъ притворомъ или папертію, во второмъ на кровлѣ или сводахъ самаго храма. Въ церквахъ малыхъ и безпритворныхъ придѣлы находились иногда на хорахъ или палатяхъ. Въ храмахъ двухъярусныхъ, каковъ

изъ нихъ, но въ общемъ было всегда довольно большое. Въ концѣ XV вѣка и въ продолженіе всего XVI-го оно не уступало числу собственно *Софіянъ*. Отправляя службу въ своихъ церквахъ, сѣнніе и придѣльные священники и діаконы обязаны были въ извѣстное время принимать еще участіе въ соборной—въ совершеніи дѣйствъ и крестныхъ ходовъ, торжественныхъ молебновъ и паннихидъ и даже въ очередномъ ежедневномъ богослуженіи. Они были „причтены къ Софійскому собору“ [1]), входили въ составъ его *сорока*.

Встарину у насъ по примѣру, какъ кажется, греческаго востока [2]) церкви каждаго значительнаго города дѣлились обыкновенно на нѣсколько

Покровскій соборъ или, что то же, Василій Блаженный въ Москвѣ, почти весь верхній этажъ и значительная часть нижняго превращены были нѣкогда во множество придѣловъ. Въ церквахъ деревянныхъ послѣдніе были чаще всего въ видѣ особыхъ пристроекъ. Въ храмозданныхъ грамотахъ о нихъ обычно въ XVI—XVII вѣкахъ писалось, чтобы „прирубить ихъ посторонь церкви особою статьею, чтобъ придѣльные двери были б в паперть і входы в придѣлы были бъ ис паперти, а из церкви б в придѣлы отнюдь входу не было бъ, а будетъ придѣлы здѣлаютъ въ однѣхъ церковныхъ стѣнахъ на одномъ тяблѣ, і тѣхъ придѣлов не святить“. Бывъ нерѣдко въ древнее и старое время совсѣмъ особливыми отъ церквей помѣщеніями, придѣлы и причтъ всегда имѣли свой особый. Имѣя нарочитою своею обязанностію творить поминовеніе по погребенным въ придѣлахъ и около нихъ покойникамъ, совершать раннюю службу для людей служилыхъ, торговыхъ и вообще занятыхъ днемъ, придѣльное духовенство обязано было въ извѣстныхъ случаяхъ являться еще въ соборъ, къ которому было причислено. Понятіе придѣльныхъ церквей со временемъ расширилось и перенесено было, напримѣръ, въ Новгородѣ, Москвѣ и другихъ мѣстахъ, на совершенно самостоятельные, бывшіе въ Каменномъ городѣ или Кремлѣ храмы: подъ соборной колокольней, на кремлевской площади, надъ воротами въ городскихъ стѣнахъ и т. п. Попы и діаконы этихъ храмовъ, какъ причтенные къ большимъ соборамъ, назывались также придѣльными или *престольными*, какъ это нерѣдко можно встрѣтить особенно въ Чиновникѣ Новгородскаго Софійскаго собора. [1]) Стоглава главы 29 и 30, по Казанск. изд. стрр. 127—131. *Архим. Макарія* Описан. Новгородскаго архіерейскаго дома, стрр. 145—148. [2]) Говоря это, имѣю въ виду прежде всего и главнымъ образомъ Константинополь. Раскинутый, какъ и Римъ, на семи холмахъ, онъ съ давнихъ временъ дѣлился на округи или околотки. Совпадали ли послѣдніе съ семью холмами, - неизвѣстно, но то намъ представляется заслуживающимъ полнаго вѣроятія, что округи эти обозначались весьма просто, назывались *Δεύτερον*, *Πέμπτον*, *Ἕβδομον* и т. д. По нимъ именовались ворота въ городскихъ стѣнахъ, городскіе храмы или церкви, какъ-то: *πόρτα τοῦ Πέμπτου, τοῦ ἁγίου μάρτυρος Χαρίτονος ἐν τῷ Δευτέρῳ, τῶν ἁγίων μαρτύρων Μίνη καὶ Μιναίου ἐν τῷ Ἑβδόμῳ* и друг. (*Дмитріевскаго Τυπικά*, стрр. 3, 7, 10, 18, 79, 98. *Дестуниса* Г. С. Историко-топографическій очеркъ сухопутныхъ стѣнъ Константинополя въ Труд. VI-го Археологическаго съѣзда, т. III стрр. 260—262, 263, 271—272. *Дюканжа* Const. Christ. lib. I p. 51). Наименованіе церквей по околоткамъ не исключало, понятно, обозначенія мѣстоположенія ихъ по холмамъ, урочищамъ, замѣчательнѣйшимъ или извѣстнѣйшимъ въ городѣ зданіямъ (*Дмитріевскаго Τυπικά*, стрр. 2, 3, 7—9, 15, 17, 20, 27—28, 98). Это древнѣйшее дѣленіе Константинополя на округа легло, вѣроятно, и въ основу раздѣленія его на участки или регіоны, число которыхъ,

округовъ. Въ основѣ этого дѣленія лежала вначалѣ топографія города, дѣленіе его на улицы и концы, но число округовъ опредѣлялось количествомъ церквей и священниковъ при нихъ. Впрочемъ число церквей и священниковъ, требовавшееся для учрежденія округа или, какъ тогда говорили, *собора* [1]), не было точно опредѣлено и, повидимому, въ каждомъ городѣ было свое, обусловливалось мѣстными и временными обстоятельствами. При учрежденіи въ Псковѣ шестого собора въ 1471 году, въ него

съ ростомъ города, увеличилось до 14-ти. По нимъ располагались и считались жилыя строенія и замѣчательнѣйшія зданія города, а въ числѣ послѣднихъ и храмы. По этому дѣленію Великая церковь (Ecclesia magna) или св. Софія находилась во второмъ участкѣ (Banduri Imperium orientale, tom. I, pars Ш, p. 424). Кромѣ отмѣченнаго топографическаго распредѣленія, дѣлились ли въ цѣляхъ богослужебно-административныхъ Константинопольскія церкви въ древности? Соединялись ли онѣ въ болѣе или менѣе значительныя группы на подобіе древне-русскихъ соборовъ или сороковъ и позднѣйшихъ нашихъ благочиній? Не имѣя ясныхъ и прямыхъ данныхъ для рѣшенія постановленнаго вопроса, на основаніи нѣкоторыхъ фактовъ и косвенныхъ соображеній мы склоняемся однакоже къ положительному отвѣту на послѣдній. Хотя *Великою церковію* (*Μεγάλη ἐκκλησία*) Византійцы называли преимущественно св. Софію Константинопольскую, но тотъ же епитетъ прилагали они и къ другимъ храмамъ, находившимся какъ въ самомъ Константинополѣ (Влахернскому, Халкопратійскому и св. Апостоловъ), такъ и въ другихъ мѣстахъ. *Великими* именовались въ Греціи нерѣдко церкви каѳедрально-епископскія во всѣхъ болѣе или менѣе большихъ городахъ: Александріи, Антіохіи, Емессѣ (*Дюканжа* Glossar. graecit. sub v. *Ἐκκλησίαι μεγάλαι*, *καθολικὴ ἐκκλησία*, coll. 363, 537; *Византійца Ѳеофана* Лѣтопись, русск. пер. стрр. 37, 39; сн. стрр. 275, 339. *Дмитріевскаго Τυπικά*, стр. 54). Изъ сопоставленія указанныхъ мѣстъ легко видѣть также, что тѣ же каѳедрально-епископскія церкви назывались еще *соборными*, *каѳолическими*. Указывая самымъ названіемъ своимъ на существованіе въ городѣ церквей не-великихъ, не-соборныхъ, каѳедрально-епископскія церкви не представляли изъ себя чего то совершенно обособленнаго отъ нихъ въ литургическомъ отношеніи. Не будемъ уже говорить о такихъ соборахъ, духовенство которыхъ обязано было прямымъ закономъ совершать службы въ храмахъ, къ нимъ приписныхъ, не имѣвшихъ своего причта (См. о св. Софіи Константинопольской и присоединенныхъ къ ней церквахъ: Богоматери, великомуч. Ѳеодора и св. Ирины у *Дюканжа* Constant. Christ. lib. Ш p. 71). Епископъ или, положимъ, въ Византіи самъ патріархъ съ своимъ соборнымъ клиромъ считали своею обязанностію участвовать въ вечернемъ и еще чаще въ утреннемъ богослуженіи въ Константинопольскихъ церквахъ въ дни ихъ праздниковъ; равно также и духовенство этихъ послѣднихъ являлось въ Великую церковь и другіе храмы столицы, чтобы принять участіе въ совершеніи литій по городу и тѣхъ или другихъ службъ въ нихъ самихъ. Заключая отъ позднѣйшихъ богослужебныхъ порядковъ къ древнѣйшимъ, должно думать, что приходскіе или городскіе священники и діаконы правили по недѣлямъ чреду священнослуженія своего въ каѳедральныхъ храмахъ на православномъ востокѣ такъ-же, какъ это было позднѣе на Руси. *Павла Алеппскаго*, Путеш. патр. Макарія, русск. пер. вып. V, стр. 171. *Дюканжа* Glossar. graecit. sub voce. *Ἑβδομάριος*, *Ἐφημέρια*, *Ἐφημέριος*. Дмитріевскаго Новыя данныя для исторіи Типикона Великой церкви въ Трудахъ К. Д. А. 1893. Ш, 512, 517.

[1]) Выраженія: *соборъ*, *соборъ*, *соборный* въ древности, какъ и теперь, примѣнялись къ разнымъ институтамъ и предметамъ: къ церкви, какъ собранію вѣрующихъ (*ἐκκλησία*); къ храмамъ, какъ мѣстамъ молитвы; къ извѣстной не-

имѣло войти сто два черныхъ и бѣлыхъ священника [1]). Благовѣщенскій соборъ въ Нижнемъ Новгородѣ, подъ конецъ царствованія Петра Великаго, включалъ въ себя восемь церквей [2]), при которыхъ уже не могло быть столь большого числа священниковъ. Даже въ одномъ и томъ-же городѣ число монастырей и приходскихъ церквей, входившихъ въ составъ соборовъ, не было одинаково, но было весьма различно, какъ это можно легко и наглядно убѣдиться изъ разсмотрѣнія московскихъ сороковъ [3]). Число церквей и монастырей одного сорока не соотвѣтствовало числу монастырей и церквей другого сорока. Не могло быть тожественнымъ, понятно, и число іеромонаховъ и священниковъ въ нихъ. Оно постоянно должно было колебаться и развѣ самое непродолжительное время держалось то *наименьшее* нормальное число (=сорокъ) священниковъ, которое считалось, предполагаютъ, нужнымъ всякій разъ для учрежденія собора [4]) и которое дало этому послѣднему на Москвѣ самое наименованіе *сорока* [5]).

дѣлѣ въ году и т. д. (Проф. *Муретова* Древне-еврейскія молитвы, стр. 137—141. П. С. Р. Л. I, 22—23, 130, 195; II, 6, 11, 86, 127, 242; V, 102, 231, 283 и др. мн.). Употребленіе термина въ отношеніи къ церквамъ каѳедрально-епископскимъ было весьма частое (П. С. Р. Л. I, 150, 152, 165, 193, 194; V, 257, 282 и друг.); рѣже онъ употреблялся въ интересующемъ насъ теперь смыслѣ (тамъ же V, 31, 34, 36, 261, 293; VI, 185, 208, 213, 282). [1]) Русск. Ист. Библ. т. VI, ст. 731—734; А. И. т. V, стр. 519—520; *Никитскаго* Очеркъ внутренн. исторіи Пскова, стр. 220-221; *Костомарова* Сѣверорусск. народоправства, т. II стр. 287. [2]) *Архим. Макарія* Памятн. Нижегород. церк. древн. въ Записк. Археол. общ. т. X, стр. 90. [3]) Древн. Россійск. Вивліоѳ, т. XI, стрр. 275—328. [4]) *Голубинскаго* И. Р. Ц. I, 1 стр. 501. М. 1901. [5]) По мнѣнію проф. Голубинскаго „считалось нужнымъ для учрежденія новаго собора не меньше сорока священниковъ за тѣмъ, чтобы соборъ имѣлъ возможность пѣть въ одинъ день сорокъ поминовенныхъ обѣденъ". Самое происхожденіе соборовъ почтенный историкъ объясняетъ изъ бывшихъ въ древнее время на Руси своеобразныхъ обычаевъ относительно заздравныхъ молебновъ, случайныхъ и нарочитыхъ или *сорокоустныхъ* поминовеній (И. Р. Ц. I, 1 стр. 498—500).—Соборы въ Москвѣ, а по примѣру ея и въ другихъ городахъ, напримѣръ, въ Нижнемъ Новгородѣ, назывались сороками. Московскія благочинія и теперь зачастую называются такъ же и не потому, конечно, чтобы заключали въ себѣ сорокъ церквей или столько же священниковъ. *Сорокъ*—это привычная и своего рода излюбленная единица счисленія. Сороками считались чаще всего мѣха въ старой Москвѣ и вообще на Руси. Этотъ обиходный счетъ, это обыклое счисленіе были примѣнены и къ церквамъ или точнѣе къ соборамъ или собраніямъ ихъ. Нагляднымъ, наиболѣе бросавшимся въ глаза жителямъ города выраженіемъ, знаменемъ собора или сорока являлась хоругвь. Она предносилась въ крестныхъ ходахъ и по ней, по находившемуся на ней священному изображенію всегда можно было судить и узнать, духовенство какого именно городского собора или сорока шло крестнымъ ходомъ. Дѣло съ хоругвями и ихъ ношеніемъ обстояло встарину у насъ нѣсколько иначе, чѣмъ теперь. Въ настоящее время въ храмахъ нашихъ обычно у каждаго клироса стоитъ по хоругви. Разнясь по своимъ священнымъ изображеніямъ, по размѣрамъ, устройству и матеріалу, онѣ обыкновенно одинаковыя, парныя, какъ говорятъ, и носятся обѣ, совершаетъ ли духовенство крестный ходъ у себя въ приходѣ

Различаясь по количественному составу, соборы или сороки имѣли одинаковое вездѣ, во всѣхъ городахъ назначеніе, преслѣдовали одну и

и подлѣ своего храма, идетъ ли оно вмѣстѣ съ прочими причтами въ соборъ, другую какую-либо церковь, чтобы принять участіе въ такъ называемыхъ большихъ крестныхъ ходахъ. Въ случаяхъ торжественныхъ, на утреняхъ великосубботной и пасхальной, носится у насъ не по одной парѣ хоругвей, а по нѣсколько, выносятся всѣ, имѣющіяся въ храмѣ—новыя и старыя, дорогія и малоцѣнныя. Въ большихъ крестныхъ хожденіяхъ наблюдается то же явленіе. Чѣмъ больше ходъ, тѣмъ значительнѣе число хоругвей. Съ возникновеніемъ на Руси обществъ хоругвеносцевъ послѣднее все растетъ и растетъ наперекоръ нашимъ церковнымъ традиціямъ и внутреннему значенію или символикѣ самой хоругви. Въ Москвѣ въ XVI—XVII столѣтіяхъ, какъ вѣроятно и по другимъ городамъ, по крайней мѣрѣ въ *большихъ* соборахъ имѣлось по двѣ также хоругви: *большой и меньшей*, различавшихся между собой, вѣроятно, величиной и убранствомъ. Первая изъ нихъ носилась въ большихъ крестныхъ ходахъ, въ которыхъ носились большіе кресты, большія евангелія, большія чудотворныя иконы и т. д. Вторую носили въ меньшихъ крестныхъ хожденіяхъ и съ богослужебными принадлежностями и утварями второго, такъ сказать, наряда. Важно для насъ то, что носилась въ крестномъ ходѣ изъ храма тогда лишь одна хоругвь. Когда причты нѣсколькихъ церквей извѣстнаго храма или сорока, собравшись въ свою *соборную* церковь, крестнымъ ходомъ отправлялись изъ нея въ большой соборъ или одинъ изъ приходскихъ храмовъ своего сорока, имъ предносилась пономаремъ, сторожемъ или кѣмъ либо другимъ изъ клириковъ и соборниковъ *соборная* хоругвь, хоругвь соборной церкви въ ихъ сорокѣ. Въ Церковно-археологическомъ музеѣ при Московской Духовной Академіи хранится не безъинтересная въ данномъ случаѣ, довольно старая, судя по живописи (конца XVII—начала XVIII вв.) и по всему, хоругвь, поступившая въ него изъ Московской Синодальной конторы. На холстѣ ея, заключенномъ въ желѣзной рамкѣ (дл. 14 в., шир. 12 в.), изображено съ обѣихъ сторонъ Знаменіе Божіей Матери, а подъ нимъ, на нижнемъ краѣ тоже двухсторонняя подпись: *Хоругвь Пречистѣнскаго сорока*. Хоругвь принадлежала церкви Знаменія, что на Знаменкѣ, бывшей нѣкогда соборною. Какъ эмблема сорока или собора, хоругвь сама стала нерѣдко называться сорокомъ. Въ Чиновникахъ Нижегородскаго Преображенскаго собора не разъ говорится о священникахъ городскихъ, что они приходили въ томъ или другомъ случаѣ *безъ сороковъ*, *съ сороками*, *съ сорокомъ Архангельскимъ*, при чемъ несомнѣнно подъ сороками разумѣются хоругви. Такъ, описывая крестный ходъ по случаю принесенія образа Богоматери Владимирской изъ Оранской пустыни въ Ивановскій монастырь, Чиновникъ замѣчаетъ: „Бываетъ благовѣстъ въ большой колоколъ, и збираются безъ звону сороки, а, собравшись, пойдутъ *съ сороками и съ прочими святыми образами*, якоже обычайно въ ходахъ“ (стрр. 28, 31, 41, 59). Въ приведенныхъ словахъ интересующій насъ терминъ „сороки“ употребленъ въ обоихъ его смыслахъ: сначала въ значеніи союза, собора священниковъ, а затѣмъ въ значеніи хоругвей. Какъ въ другихъ большихъ городахъ: Новгородѣ (П. С. Р. Л. III, 107; VI, 209), Псковѣ (тамъ же IV, 215, 221; Р. И. Б. III, 732—734), Ярославлѣ (П. С. Р. Л. VI, 185), такъ и въ Москвѣ было нѣсколько соборовъ или сороковъ; въ послѣдней было ихъ именно семь (Стоглава гл. 6, стр. 80 изд. Казанск., сн. Чиновн. Московск. Успенск. соб.). У каждаго изъ нихъ было по хоругви и даже, вѣроятно, каждый малый соборъ, по примѣру Большого Успенскаго собора, имѣлъ ихъ двѣ: большую и меньшую. Кремлевскіе и дворцовые соборы: Архангельскій, Благовѣщенскій, Спасоборскій, Преображенскій, Верхоспасскій, Срѣтенскій, Іерусалимскій, Николо-Гостунскій также имѣли свои хоругви; были, разумѣется, послѣднія у наиболѣе древнихъ и замѣчательныхъ московскихъ монастырей. Въ большіе, тор-

ту же цѣль. По существу своему они были сборными богослужебно-административными пунктами. Священники извѣстнаго городского участка или околотка, связанные между собою сосѣдствомъ, вообще пространственною близостію своихъ приходовъ и церквей, выбирали изъ послѣднихъ болѣе или менѣе центральную, въ которую каждому изъ нихъ ближе и удобнѣе было прійти. Въ ней они сходились или собирались (отчего и самая эта церковь называлась *сборною*, *соборною*, соборомъ) и вмѣстѣ съ священниками ея поочередно, обычно по недѣлямъ, правили ежедневную службу, при чемъ одни служили, другіе читали и пѣли на клиросѣ и всѣ вообще вкупѣ „пристояли къ святѣй Божьей церкви“ [1]). Повседневное отправленіе богослуженія болѣе или менѣе значительными общинами или союзами священниковъ и составляло отличительную особенность нашихъ соборныхъ церквей отъ обычныхъ приходскихъ, городскихъ и посадскихъ, въ которыхъ служба совершалась только по воскресеньямъ и праздникамъ, а въ будніе дни лишь какъ исключеніе. Ежедневно служить въ своей церкви одному священнику съ причтомъ было тогда, какъ и теперь, не подъ силу, часто не представлялось ближайшаго повода къ тому, а для приходовъ бѣдныхъ въ матеріальномъ отношеніи могло быть и прямо убыточно. А между тѣмъ нужда у горожанъ и посадскихъ жителей въ такого рода церквахъ, гдѣ-бы неопустительно и ежедневно совершалась служба, была постоянная: всякій день у нѣкоторыхъ, а иногда и у многихъ изъ нихъ могли быть причины помолиться въ храмѣ о себѣ и о своихъ присныхъ, напримѣръ, подать за здравіе просфору или отслужить молебенъ по случаю именинъ, помянуть на проскомидіи или отпѣть паннихиду по родителяхъ и родныхъ. Не у всѣхъ были средства заказать нарочитую обѣдню у себя въ приходѣ, но каждый съ посильною лептой могъ свободно пойти въ свой соборъ, гдѣ безъ нарочитаго заказа священниками его околотка правилась каждодневно служба для всѣхъ безъ различія. Послѣдняя сколько не обременительна и даже не безвыгодна была для духовенства, столько же удовлетворяла религіознымъ потребностямъ населенія, не требуя отъ него особливыхъ издержекъ. Доходы, получавшіеся въ соборныхъ церквахъ отъ пѣнія заздравныхъ и заупокойныхъ службъ, молеб-

---

жественные крестные ходы священники московскихъ соборовъ и духовенство кремлевскихъ, дворцовыхъ и монастырскихъ *соборныхъ* церквей ходили, конечно, съ своими хоругвями. Нисколько не удивительно, что число послѣднихъ уже и тогда доходило въ извѣстныхъ случаяхъ до сорока и получалось, такимъ образомъ, пресловутое и вполнѣ понятное въ устахъ Москвича XVII—XVIII вѣка „*сорокъ сороковъ*“ (=хоругвей) церковныхъ или церквей. [1]) Русск. Ист. Библ. III, ст. 734.

новъ и паннихидъ, распредѣлялись между всѣми священниками и діаконами, причтенными къ тому или другому собору или сороку [1]). Послѣднее обстоятельство въ связи съ временно-постоянною очередною службой городскихъ и посадскихъ священниковъ въ соборныхъ церквахъ пріучало ихъ видѣть въ послѣднихъ не чужія, а свои церкви; нравственно обязывало также заботиться о благочиніи службы въ нихъ, какъ старались они о томъ же въ своихъ приходскихъ храмахъ. Держа ежедневную службу въ соборѣ вмѣстѣ съ тамошнимъ духовенствомъ, приписные къ сороку священники и діаконы своимъ участіемъ въ ней, понятно, и въ будничное время, а тѣмъ болѣе въ праздничные дни способствовали благолѣпію ея. Они обязаны были ходить въ соборныя церкви и внѣ чреды своей, напримѣръ, для совершенія торжественныхъ молебновъ, заупокойныхъ литій и паннихидъ въ извѣстныхъ случаяхъ. Въ день храмового праздника соборной церкви, въ свѣтлый понедѣльникъ, въ недѣли Всѣхъ святыхъ и предъ Воздвиженіемъ, изъ каждаго храма, причтеннаго къ собору, совершался въ него крестный ходъ. Обычно священникъ съ крестомъ, діаконъ съ кадиломъ, въ преднесеніи хоругви, запрестольныхъ Распятія и иконы Богоматери и въ сопровожденіи мужей и женъ всего своего прихода, шли послѣ утрени или вечерни съ зажженными свѣчами въ свой соборный храмъ и, отслуживъ въ немъ молебенъ храмовому святому, возвращались къ себѣ въ приходъ или же, соединившись здѣсь съ крестными ходами отъ другихъ церквей и съ соборнымъ духовенствомъ, во главѣ съ поповскимъ старостой или своимъ соборнымъ протопопомъ, направлялись въ большой соборъ. „Отъ Всѣхъ святыхъ до Воздвиженьева дни во всякую недѣлю на вечерни“, а также „во всю святую недѣлю послѣ заутрени промежъ себя сходились и ходили со кресты по всѣмъ церквамъ, которые церкви къ тому собору причтены“ [2]). Благодаря этому взаимному крестохожденію, между соборными церквами и причтенными къ нимъ приходскими храмами устанавливались довольно живыя и тѣсныя отношенія. Наглядным выраженіемъ ихъ служило между прочимъ то явленіе, что въ день храмового праздника въ приходѣ въ него приходили съ крестнымъ ходомъ и духовенство изъ своего собора и попы всѣхъ остальныхъ церквей, входившихъ въ составъ послѣдняго. По совершеніи молебна, крестные ходы расходились по своимъ церквамъ, но часть духовенства и въ числѣ его соборный староста съ діакономъ десятскимъ оставались у праздника,

[1]) *Голубинскаго* И. Р. Ц. I, 1, 499; П. С. Р. Л. IV, 191. [2]) Стоглава главы: 6, 29, 30, 35, 41 вопр. 32, стрр. 80, 81, 127—131, 146—151, 198—201, 420—425 примѣч., изд. Казанск.

служили здѣсь соборнѣ литургію и тѣмъ самымъ, понятно, содѣйствовали торжеству празднованія. Теперь нѣтъ этихъ крестохожденій по церквамъ въ дни храмовыхъ праздниковъ ихъ, но обыкновеніе сходиться ближнимъ священникамъ, діаконамъ и псаломщикамъ, чтобы принять участіе въ пѣніи, службѣ и послѣобѣденной трапезѣ тамъ, еще существуетъ по мѣстамъ, какъ остатокъ отъ бывшей нѣкогда въ большой силѣ литургической практики.

Особенно сильно, благодаря этимъ очереднымъ и прибылымъ или „схожимъ“ попамъ и діаконамъ, долженъ былъ увеличиваться въ старое время клиръ главнаго или, какъ тогда говорили, *большого* собора, великой соборной церкви, самъ по себѣ, какъ мы выше сказали, весьма иногда многочисленный. Въ объясненіе этого нужно сказать, что всѣ градскіе попы и діаконы стояли тогда въ точно такихъ же отношеніяхъ къ большому собору, въ какихъ находились къ нему сѣнніе и придѣльные священники, или еще лучше—въ какихъ приходское духовенство стояло къ меньшимъ соборнымъ церквамъ, къ которымъ было причислено. Держа поочередно каждый въ своемъ соборѣ ежедневную службу, всѣ вообще городскіе попы съ діаконами, не исключая даже игуменовъ, обязаны были *служить* еще *недѣли* у большой соборной церкви, примѣрно у св. Софіи въ Новгородѣ, у Пречистой на Москвѣ, у св. Троицы въ Псковѣ; ходить въ нее „на выходы“ и „за кресты“, участвовать вмѣстѣ съ соборянами въ служеніи праздничныхъ литургій, торжественныхъ молебновъ, вселенскихъ и нарочитыхъ паннихидъ, напримѣръ, по мѣстнымъ князьямъ и святителямъ, въ совершеніи дѣйствъ и т. п. За неслуженіе недѣли или очередной седмицы при большомъ соборѣ, за уклоненіе отъ участія въ такъ называемыхъ *выходахъ* на соборныхъ вечерняхъ и утреняхъ, за нехожденіе со кресты на игуменовъ, поповъ и діаконовъ налагалось денежное взысканіе. Такъ въ Новгородѣ въ XV—XVI вѣкахъ съ попа, не приходившаго „на выходъ“ или „за кресты въ соборъ“, полагалось „имати заповѣди по новгородской гривнѣ“. Гривну же долженъ былъ „давать по старинѣ въ соборъ Софійскому попу за службу за недѣлю“ всякій игуменъ и священникъ, пропустившіе свою очередь по какой-либо неблагословной причинѣ [1]). Понятно, что какъ новгородскіе, такъ и другихъ городовъ священники и діаконы, не желавшіе подвергаться денежнымъ взысканіямъ и прочимъ наказаніямъ со стороны своихъ святителей, неопустительно правили чреду своего свя-

[1]) Стоглава стр. 421—424, изд. Казанск. *Архим. Макарія* Археологич. описаніе церковн. древн. Новгор. ч. I стр. 34, примѣч. Чтен. Общ. Истор. и Древн. Россійск. за 1866 г. кн. III, смѣси, стр. 2–4.

щеннослуженія при большихъ и малыхъ соборахъ, и въ Чиновникахъ не рѣдкость встрѣтить, что ту или другую службу въ соборѣ: вечерню, полунощницу съ утреней и литургію *пѣли священники*; что тотъ или другой преосвященный „указалъ священникамъ и діаконамъ градскихъ приходовъ, отпѣвъ у себя“ въ церкви, „быть въ соборѣ“ для болѣе торжественнаго совершенія такого или иного богослуженія; что въ такую то недѣлю или въ извѣстный праздникъ „приходили со всеѣ Москвы соборы въ церковь соборную со кресты и съ образы“ и т. д. [1]). Благодаря такой богослужебно-административной организаціи, служебныя и пѣвческія силы нашихъ древне-русскихъ соборовъ въ потребныхъ случаяхъ, напримѣръ, въ дни совершенія такъ называемыхъ дѣйствъ, въ нарочитые праздники и т. п., могли быть свободно, съ соблюденіемъ строгаго и обычнаго порядка, доведены до желаемаго числа, и у нашихъ тогдашнихъ владыкъ всегда была полная возможность широко развить или поставить въ своихъ каѳедрально-епископскихъ церквахъ богослужебный обрядъ и поддерживать его на должной высотѣ.

Но пользуясь помощію сѣнныхъ, придѣльныхъ, городскихъ, а отчасти и посадскихъ поповъ и діаконовъ для приданія торжественно-помпознаго характера своему соборному богослуженію, архіереи съ соборянами считали непремѣнною обязанностію и съ своей стороны содѣйствовать возможному благолѣпію службы въ придѣльныхъ и городскихъ храмахъ, особенно въ дни ихъ праздниковъ, и употребляли всѣ зависѣвшія отъ нихъ мѣры къ тому. Наканунѣ праздника въ придѣлѣ или въ приходѣ нерѣдко отпускались туда изъ соборной ризницы наиболѣе цѣнные потиры и дискосы, водосвятныя чаши, кропила, подсвѣчники, архіерейское мѣсто съ ковромъ и т. д. [2]). Мѣстныя, далеко не всегда богатыя утвари и церковно-богослужебныя принадлежности пытались вообще пополнить временно за счетъ соборныхъ богатствъ. Самъ владыка обычно служилъ у храмового праздника съ своимъ соборнымъ протодьякономъ и большимъ или меньшимъ числомъ священнослужащихъ лицъ, или же посылалъ вмѣсто себя архимандрита, игумена, соборнаго протопопа, которые и служили въ придѣлѣ или въ храмѣ вмѣстѣ съ тамошними попомъ и діакономъ и съ духовенствомъ мѣстнаго сорока. Особенно эти посылки „большихъ, середнихъ и меньшихъ властей“ въ приходскій храмъ, придѣлъ и даже въ монастырь къ празднику прак-

[1]) Чиновники: Новгор. Софійск. соб. стрр. 24, 109, 236—237 и др. Холмогор. Преображ. стр. 46, 72 и др. [2]) Объ этихъ *отпускахъ* утварей и церковно-богослужебныхъ вообще принадлежностей изъ собора къ празднику особенно часто упоминаютъ Чиновники Московскаго Успенскаго собора. См. ихъ по указателю подъ словомъ: отпускъ сосудовъ.

тиковались и были развиты въ Москвѣ въ XVI—XVII вѣкахъ. Въ Чиновникахъ и вообще записяхъ службы Московскаго Успенскаго собора чуть ли не на каждой страницѣ „едва не подъ всѣми праздничными днями безъ исключенія находятся непремѣнно замѣтки о томъ, куда, на какую службу и какая власть наряжалась или посылалась“ [1]). По настоящее время въ большихъ, а отчасти и въ малыхъ городахъ у насъ, преимущественно же въ столицахъ, рѣдкій монастырь и приходъ въ храмовые праздники или въ дни празднованія своимъ мѣстнымъ святынямъ не имѣютъ у себя, по приглашенію ли то или по назначенію владыки, такую или иную служащую власть: мѣстнаго благочиннаго или отца протоіерея, игумена, архимандрита, а иногда и самого архіерея. Эти служенія властей у праздника, обходящіяся недешево приходамъ и монастырямъ, суть прямое продолженіе или, лучше сказать, остатокъ отъ бывшаго нѣкогда у насъ въ большой силѣ и широкомъ распространеніи обычая посылокъ властей для служенія вечеренъ, всенощныхъ или утреней и обѣденъ у праздника. Нужно еще имѣть въ виду, что на Москвѣ встарину были самымъ обычнымъ явленіемъ выходы и пришествія великихъ князей, а потомъ царей и членовъ ихъ семьи къ празднику въ дворцовыя, кремлевскія, городскія и подгородныя церкви и монастыри. Во всѣхъ этихъ случаяхъ тогда, какъ это отчасти и теперь наблюдается, служилъ самъ владыка, былъ ли то митрополитъ или святѣйшій патріархъ, и только въ самыхъ исключительныхъ обстоятельствахъ, за немощію или „великою скорбію и кручиною“, какъ любили выражаться прежде про болѣзнь святителей, послѣдніе чрезъ своихъ соборныхъ протопоповъ и еще чаще ключарей *указывали* вмѣсто себя быть и служить у праздника той или другой „большой, вышней“ власти. Эти праздничныя службы, не говоря уже о совершеніи торжественныхъ паннихидъ, молебновъ и другихъ многихъ чинопослѣдованій по разнымъ лицамъ и случаямъ, при множествѣ въ Москвѣ, Новгородѣ и другихъ городахъ церквей и монастырей, были до того часты и обременительны, что отправлять всѣ ихъ самимъ владыкамъ, тѣмъ болѣе митрополитамъ и патріархамъ Московскимъ было не подъ силу. Къ тому же сплошь и рядомъ храмовые праздники случались одновременно въ нѣсколькихъ соборахъ, монастыряхъ, приходахъ и придѣлахъ; замѣна святителя въ служеніи другою какою-либо властію напрашивалась сама со-

[1]) Чиновн. Новгор. Софійск. соб. стрр. 45, 49, 110, 128, 130—131, 137 и др. Древн. Россійск. Вивліоѳ. ч. X, стрр. 18, 22, 23, 25, 40, 74, 80, 83—84, 87—89, 90—94, 97, 137, 139, 158, 241—234, 256—258, 274, 282—283, 291, 299—300, 382; XI, 42—44, 51. Чиновники Моск. Успенск. соб. по указат. см. подъ слов. *посылка*.

бою, становилась какъ бы неизбѣжною. Въ XV—XVII столѣтіяхъ и, вѣроятно, ранѣе первосвятители русскіе пользовались въ этомъ отношеніи услугами иногородныхъ владыкъ, ежегодно съѣзжавшихся въ Москву по дѣламъ церковнаго управленія.

По мѣрѣ развитія церковно-богослужебной обрядности на Москвѣ и усиленія власти первосвятителя ея, вліяніе провинціальныхъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ на дѣла управленія русскою церковію становилось все менѣе замѣтнымъ, постепенно ослабѣвало; зато быстро возрастало менѣе важное, но не безвыгодное участіе для нихъ въ церковно-богослужебной жизни столицы. Сначала, быть можетъ, мало замѣтно для себя, но потомъ они стали въ дѣйствительности викарными въ своемъ родѣ архіереями московскихъ митрополитовъ и въ особенности всероссійскихъ патріарховъ. Послѣдніе сами лично или чрезъ другихъ „посылали“ власть служить у праздника въ томъ или другомъ монастырѣ, приходской церкви, у себя въ соборѣ или у государя *на верху*, приказывали имъ быть въ крестныхъ ходахъ, на молебнахъ и паннихидахъ по государямъ, членамъ ихъ семьи и святителямъ московскимъ, „за сборами“ на поминовенныхъ трапезахъ по тѣмъ и другимъ и т. д. Случалось и такъ, что протопопъ Большого Успенскаго собора „безъ указа святѣйшаго патріарха приказывалъ быть къ службѣ“ въ извѣстномъ мѣстѣ тому или другому епископу. Еще чаще служили архіереи тамъ или здѣсь у праздника, „по указу изъ дворца“ или „по присылкѣ съ верху“ [1]). Самъ царь, зорко слѣдившій тогда за состояніемъ или ходомъ церковной службы и уставнымъ ея исполненіемъ въ своей столицѣ, нерѣдко лично распоряжался „посылкой“ къ празднику властей. Сравнительно рѣдко приходилось послѣднимъ служить въ томъ или другомъ храмѣ „по доброй своей волѣ, по обѣщанію, по челобитью отъ праздника, по званію“ или зову частныхъ лицъ [2]), и уже совсѣмъ рѣдко служили они „у себя на дворахъ“, когда, не бывъ никуда и никѣмъ посланы, были свободны отъ служеній по назначенію [3]). Послѣднія превращали архіереевъ, прожи-

[1]) Древн. Россійск. Вивл. X, 9, 76, 200, 256, 265; сн. стр. 143, 145. Назначая ту или другую власть къ службѣ, дворцовое вѣдомство обычно сносилось съ соборнымъ духовенствомъ. „У насъ берутъ роспись, кому гдѣ быть“, замѣчаютъ объ этомъ въ своихъ запискахъ ключари соборные. [2]) Древн. Россійск. Вивліоѳ. ч. X стр. 258, 41. Въ 1687 году у праздника на Арбатѣ, „по званію Мусиной Пушкиной“, служилъ Крутицкій митрополитъ; въ 1679 г. у праздника въ Златоустовскомъ монастырѣ служить „самъ просился по обѣщанію“ Рязанскій архіерей и т. д. [3]) Др. Россійск. Вивл. XI, 3. Въ записяхъ соборной службы сравнительно рѣдко встрѣчаются замѣчанія такого рода, что „отсылки (властей) никуды не было“, что къ такой то службѣ и туда то святѣйшій „впредь не указалъ посылать“ (тамъ же, ч. X стр. 70—71, 277, 448), что служили у праздника власти, находившіеся „прилучаемъ“ въ Москвѣ.

вавшихъ по дѣламъ церковнаго управленія на Москвѣ или „прилучаемъ“ бывшихъ только въ ней, въ точномъ смыслѣ слова въ сослужебниковъ или подручниковъ первосвятителей московскихъ. Какъ сѣнніе и придѣльные попы или приходскіе священники обязаны были служить тогда поочередно при соборахъ, такъ точно и архіереи, пріѣзжавшіе для тѣхъ или другихъ надобностей въ столицу, были у митрополитовъ и патріарховъ „*во чредѣ священнослуженія*“ [1]). И по настоящее время выраженіе: „такой-то вызванъ на чреду священнослуженія“ употребительно въ живой рѣчи нашего церковно-іерархическаго міра, но ближайшій историческій смыслъ термина уже почти утраченъ. Не къ священно-архимандритамъ, вызываемымъ теперь въ С.-Петербургъ св. Синодомъ въ качествѣ кандидатовъ на епископство, прилагался въ старое время названный терминъ, а къ епархіальнымъ архіереямъ, по указу митрополитовъ и святѣйшихъ патріарховъ московскихъ, пріѣзжавшимъ ежегодно нѣкогда въ столицу не столько для того, чтобы соборнѣ вмѣстѣ съ ними править русскою церковію, сколько помогать имъ въ священнослуженіяхъ въ церквахъ и монастыряхъ московскихъ по днямъ праздничнымъ и въ случаяхъ торжественныхъ и нарочитыхъ. Сказанное объ архіереяхъ еще съ большимъ основаніемъ можетъ быть приложено къ архимандритамъ и игуменамъ монастырей. Въ Москвѣ какъ свои, такъ и чужіе—иногородніе настоятели послѣднихъ то и дѣло посылались служить одни или чаще всего съ большими властями по церквамъ, въ которыхъ былъ праздникъ. Разумѣется само собою, что больше всего архимандритамъ и игуменамъ на Москвѣ и особенно по другимъ городамъ приходилось сослужить своимъ владыкамъ при ихъ каѳедральныхъ храмахъ. Они были при нихъ въ дни большихъ и храмовыхъ праздниковъ такими же безсмѣнными, постоянными священнослужащими, какими являются теперь отцы ректора семинарій въ каѳедральныхъ соборныхъ храмахъ или настоятели монастырей въ главныхъ церквахъ нашихъ уѣздныхъ городовъ.

Обычай служить у храмового праздника въ приходѣ или монастырѣ самому епископу или какой-либо власти, посланной имъ вмѣсто себя, и наоборотъ—участвовать приходскому духовенству съ своей стороны въ соборной службѣ, являясь выраженіемъ живыхъ и тѣсныхъ отношеній между каѳедральною и второстепенными церквами города, какъ нельзя болѣе способствовалъ не только единообразію, но и благолѣпію и даже процвѣтанію въ нихъ церковно-богослужебнаго обряда.

---

[1]) Чиновн. Холмогорск. соб. стр. 243.

Бывъ у насъ сильно развитъ въ XV—XVII вѣкахъ, обычай этотъ однакоже былъ обязанъ происхожденіемъ не нашей литургической практикѣ, а ведетъ свое начало изъ болѣе глубокой, надо полагать, первохристіанской древности. Было время и у насъ на Руси и тѣмъ болѣе на востокѣ въ раннюю пору церкви, когда приходовъ въ теперешнемъ смыслѣ слова не было въ городахъ; епископія или каѳедральный храмъ въ нихъ былъ единственною церковію, къ которой прихожа была вся городская христіанская община [1]). Въ нее приходила послѣдняя съ своими приношеніями и въ ней она молилась всегда во главѣ съ предстоятелемъ своимъ или епископомъ, который былъ въ глазахъ общины верховнымъ и полномочнымъ литургомъ, удовлетворявшимъ самолично и чрезъ пресвитеровъ своихъ всѣ религіозно-богослужебныя нужды населенія города. Съ подраздѣленіемъ городской церковной общины на части или съ появленіемъ, что то же, приходовъ и храмовъ, подлѣ которыхъ группировались они, богослуженіе въ послѣднихъ, равно какъ и другія пастырскія или церковно-приходскія обязанности, были отправляемы частію самимъ епископомъ, еще больше и чаще состоявшими при немъ пресвитерами и діаконами. Члены каѳедральнаго клира назначались или посылались епископомъ на постепенно открывавшіеся новые приходы въ городѣ, по мѣрѣ роста или увеличенія въ числѣ христіанской общины въ немъ. Становясь приходскими и болѣе или менѣе самостоятельными пастырями филіальныхъ, приписныхъ въ отношеніи къ собору церквей, эти командировавшіеся для завѣдыванія приходами клирики не порывали своихъ отношеній съ соборнымъ храмомъ, а напротивъ оставались сначала довольно прочно привязанными къ нему многообразными нитями и связями до общихъ съ каѳедральнымъ духовенствомъ средствъ своего содержанія включительно. Передавая приходскіе доходы первоначально въ сокровищницу каѳедральной церкви и уже изъ нея вмѣстѣ съ тамошними клириками получая средства къ жизни, то-есть, находясь въ полной матеріальной зависимости отъ епископа, какъ главнаго распорядителя соборной казны, приходское духовенство нисколько не менѣе подчинено было въ административномъ, судебномъ и литургическомъ отношеніяхъ отряжавшимъ его на приходы іерархамъ. Не говоря уже о такихъ священнодѣй-

---

[1]) О строѣ или организаціи епархій въ древней христіанской церкви, о взаимныхъ отношеніяхъ епископовъ и пресвитеровъ и происхожденіи приходовъ въ ней см. помѣщенную въ Прибавленіяхъ къ Церковнымъ Вѣдомостямъ, издав. при св. Синодѣ, за 1906 г. № 3, статью проф. В. В. *Болотова*: „Епархіи въ древней церкви“; кн. проф. А. П. *Лебедева*: Духовенство древней вселенской церкви, стрр. 158—170; проф. Е. Е. *Голубинскаго* И. Р. Ц. I, пол. 1 стрр. 258, 363—372, 502—503, 525, 604—616. М. 1901.

ствіяхъ, совершеніе которыхъ всегда усвоено было исключительно епископу, послѣдній долгое время на востокѣ и у насъ на Руси рядомъ съ приходскими священниками исполнялъ ихъ обязанности: совершалъ таинства, отправлялъ требы, оставался de facto главнымъ, такъ сказать, литургомъ въ городскихъ церквахъ [1]). Священники ихъ не были тогда

[1]) До относительно-недавняго времени высшіе іерархи на Руси продолжали по старинѣ вѣнчать князей и царей, крестить ихъ дѣтей, постригать въ схиму передъ смертію и т. п. (П. С. Р. Л. т. V стрр. 231, 244, 271; т. VI стрр. 33, 44, 147, 264; сн. т. V, 267; VI, 135, 170, 197, 223, 265, 266. Чиновн. Московск. Успенск. соб. стр. 145). Въ болѣе раннюю пору жизни нашей церкви кругъ лицъ, надъ которыми епископы самолично совершали таинства и требы, былъ нѣсколько шире и не ограничивался только нѣкоторыми, избраннѣйшими или точнѣе сказать, высокопоставленными членами ея. На православномъ востокѣ и въ настоящее время, благодаря не-обширности епархій, простотѣ нравовъ, а главное—близости архипастырей къ пасомымъ, совсѣмъ не рѣдкость встрѣтить предпослѣднихъ при отправленіи церковно-богослужебныхъ обязанностей приходскаго священника. Наши епископы вслѣдствіе обширности, а иногда и прямо необъятности своихъ епархій никогда не выступали у насъ такими заурядными тайносовершителями и требоисправителями, какими были наши церковно-приходскіе пресвитеры: но ихъ права и преимущества, какъ верховныхъ литурговъ, въ древнее и даже старое время на Руси обозначались какъ то рельефнѣе, подчеркивались рѣзче, по сравненію съ богослужебными правами приходскихъ священниковъ. Такъ въ настоящее время сопрестоліе *σύνθρονον* съ горнимъ мѣстомъ или тропомъ по срединѣ его всего чаще можно встрѣтить и видѣть въ храмахъ соборныхъ или каѳедрально-епископскихъ; въ древнее время у насъ, какъ и въ Греціи, оно находилось и въ приходскихъ церквахъ. Освящая послѣднія, служа въ нихъ, архіереи садились на свои горніе престолы и этимъ видимымъ дѣйствіемъ, т. е. *возсяданіемъ ἐνθρονίασις, ἐνθρονισμός*, въ виду всей новообразовавшейся церковной общины, открыто предъявляли свои литургическія права въ отношеніи къ ней. Своимъ вопрестоленіемъ или „посяданіемъ“ они давали понять всѣмъ и прежде всего пресвитерамъ новоосвящаемыхъ церквей, что они смотрятъ на послѣднія, какъ на филіальныя отдѣленія или „выставки“ собственно своего каѳедрально-епископскаго храма, въ которыхъ полномочнымъ литургомъ остается не кто другой, какъ они же епископы. Опредѣляя священниковъ къ приходскимъ храмамъ, дѣлясь какъ бы съ ними своими богослужебными правами и полномочіями, архіереи и констатировали этотъ актъ переуступки своихъ литургическихъ и отчасти административно-судебныхъ правъ пресвитерамъ приходскимъ въ длинномъ рядѣ разнаго рода своихъ грамотъ и памятей послѣднимъ: храмозданныхъ, ставленныхъ, вѣнечныхъ, новичныхъ, почерезныхъ и т. п. Не говоря уже объ архіереяхъ, даже каѳедральный или соборный клиръ, такъ называемые соборяне считали себя и на самомъ дѣлѣ были на особомъ, привилегированномъ положеніи по сравненію съ церковно-приходскимъ духовенствомъ. Не имѣя возможности, за отдаленностію подвѣдомыхъ себѣ селъ, а нерѣдко и городовъ, самолично освящать приходскія церкви въ тѣхъ и другихъ, древне-русскіе владыки весьма часто посылали вмѣсто себя совершать освященіе храмовъ своихъ соборныхъ протопоповъ и священниковъ и возлагать на престолы уже освященные ими антиминсы. Съ усвоеніемъ права освящать храмы соборному клиру, пошли въ пользу послѣдняго и приношенія вѣрующихъ, по случаю освященія церквей, и самыя пошлины за антиминсы. Приходскіе священники могли только перемѣнять приходившія въ ветхость на престолахъ сорочки и судари и „подсвящивать“ потомъ самыя церкви. Управляя за древнѣйшій періодъ нашей исторіи соборнѣ съ своимъ

столь рѣзко отдѣленными отъ каѳедральнаго клира и относительно-самостоятельными настоятелями, какими они являются теперь. Они были въ сущности соборно-приходскими пресвитерами и, какъ таковые, нерѣдко служили при каѳедральномъ храмѣ и являлись въ него всякій разъ, когда ради праздника или въ случаяхъ нарочитыхъ требовалось усилить соборный клиръ, увеличить число священнослужащихъ и тѣмъ усугубить торжественность каѳедрально-епископскаго богослуженія. Этотъ древне-христіанскій порядокъ явленій, тотъ же церковно-богослужебный строй имѣлъ мѣсто или, точнѣе сказать, свое продолженіе въ Византіи и даетъ знать себя въ древне-русскихъ соборахъ съ причтенными къ нимъ городскими церквами. Вмѣсто одного церковно-богослужебнаго средоточія, какимъ въ древности была каѳедрально-епископская церковь, современемъ, съ образованіемъ именно въ большихъ городахъ многихъ приходовъ, появилось нѣсколько такихъ средоточій или *соборовъ* съ группировавшимися подлѣ нихъ церквами, преслѣдовавшихъ тѣ же цѣли и имѣвшихъ туже организацію, что и первая. Таковъ ли въ дѣйствительности былъ генезисъ нашихъ древне-русскихъ соборовъ, о существованіи которыхъ въ древнемъ Кіевѣ уже за начальный періодъ нашей исторіи говорятъ лѣтописи [1]), предоставляемъ провѣрить насъ другимъ, но, что, благодаря „причитавшимся“ къ древне-русскимъ соборамъ сѣннимъ, придѣльнымъ и приходскимъ попамъ, наши большіе соборы располагали въ древнее и старое время весьма внушительными служебными силами, вполнѣ достаточными для торжественнѣйшаго исполненія всевозможныхъ службъ и обрядовъ, для введенія и исполненія во

каѳедральнымъ клиромъ церковію, надзирая за поведеніемъ церковно-приходскаго духовенства и исполненіемъ имъ своихъ прямыхъ обязанностей чрезъ тѣхъ же своихъ соборныхъ протопопа и священниковъ въ позднѣйшее время, давая, наконецъ, время отъ времени послѣднимъ особыя почетныя порученія, архіереи возвышали тѣмъ самымъ свой соборный клиръ, выдвигали его. Естественно и вѣками создавались между соборнымъ и церковно-приходскимъ духовенствомъ отношенія, выражавшіяся со стороны однихъ въ различныхъ распоряженіяхъ, наказахъ, предписаніяхъ, словомъ въ господствованіи и въ безпрекословномъ исполненіи, въ подчиненіи со стороны другихъ. Начальствовавшіе соборяне, понятно, пользовались услугами своихъ подчиненныхъ поповъ и дьяконовъ между прочимъ и въ интересахъ возможно вящшаго благолѣпія соборнаго богослуженія. *Дюканжа* Glossar. graecit. s. v. *ἐνθρονίκσις*, col. 501; архим. *Макарія* Археологич. Описан. церк. древностей въ Новгородѣ, ч. I стрр. 26, 277, 282, 326, 348—349, 446, 481, 491, 501, 549, 583, 592, 602; Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. III, стр. 12, 88, 89, 90, 91, 93, 95, 100; V, 28, 31, 32, 35; VI, 297, 299; *Никитскаго* А. Очеркъ внутр. исторіи Пскова, стр. 221; Акт. Археогр. Эксп. т. III, стр. 453; Стоглава гл. 6, 29, стр. 80—81, 127—130; проф. Е. Е. *Голубинскаго* И. Р. Ц. I, 1 стрр. 376—389 (М. 1901); I, 2 стр. 151—160, изд. 1. [1]) П. С. Л. II, 135; XV, 228.

всей строгости устава великой Константинопольской церкви, это составляетъ, на нашъ взглядъ, фактъ безспорный.

Не можетъ подлежать сомнѣнію и то обстоятельство, что въ ряду служащихъ лицъ при нашихъ соборныхъ храмахъ, особенно знаменитѣйшихъ изъ нихъ, въ древнее и старое время имѣли весьма важное значеніе при исполненіи службы силы пѣвческія. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ сколько-нибудь обстоятельныхъ свѣдѣній отъ древнѣйшей эпохи о томъ, кто были „*первые пѣснорачители* въ столичномъ градѣ“ Кіевѣ, Новгородѣ, Ростовѣ и другихъ городахъ. Въ сравнительно-позднѣйшее время, въ XVI—XVII вѣкахъ, въ пѣвчіе государевы и архіерейскіе дьяки набирались лица изъ разныхъ и иногда даже очень и очень далекихъ мѣстъ [1]), а изрѣдка даже изъ другихъ народностей, напримѣръ, изъ приходившихъ на Русь Грековъ [2]). Тогда, какъ это и теперь, всюду искали людей съ выдающимися голосовыми средствами и незауряднымъ умѣньемъ въ пѣніи [3]); случалось и такъ, что „словутные“ пѣвцы

---

[1]) Труды Коммисіи по осмотру и изученію памятниковъ церковной старины г. Москвы, т. II стр. 189. [2]) Для обученія греческому пѣнію государевыхъ и патріаршихъ пѣвчихъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ приглашенъ былъ дьяконъ Мелетій-грекъ. *Ундольскаго* Замѣчанія для исторіи церковн. пѣнія, стрр. 16, 33; *прот. Разумовскаго* Д. В. Богослужебное пѣніе правосл. Грекороссійск. церкви, стр. 85; *преосвящ. Макарія*. Исторія Русск. церкви, т. XII стр. 438. [3]) Вторая Софійская лѣтопись, разсказывая подъ 1467 годомъ о посольствѣ Ростовскимъ епископомъ Трифономъ для свидѣтельствованія мощей Ярославскихъ князей Ростовскаго протопопа Константина, между прочимъ замѣчаетъ о послѣднемъ: „иже бѣ честенъ мужь, всегда по вся лѣта посылаше по него князь великый, призывая на Москву на соборъ кликати, *занеже бо голосистъ былъ, и рѣчистъ, и грамотъ горазднъ, и рожаистъ*; того ради и бѣше гордъ (П. С. Р. Л., т. VI стр. 186). Особенною „голосистостію и рожаистостію“ въ старое время, какъ отчасти и теперь у насъ, отличались протодьяконы и архидіаконы. Не безъ основанія многіе винили и винятъ нашихъ предковъ, особенно Москвичей, въ пристрастіи къ „дьяконамъ съ знаменитыми басами, съ ихъ безсмысленнымъ ораніемъ и гудѣніемъ вмѣсто раздѣльной и разумной человѣческой рѣчи“ (*Голубинскаго Е. Е.* И. Р. Ц. I, 1 стр. 319. М. 1901; сн. *Н. Каптерева*: „Царь и московскіе соборы XVI и XVII столѣтій“, въ Богосл. Вѣстн. 1906 г. октябрь, стр. 349—350, примѣчаніе). Пристрастіе къ обладателямъ видной наружности и сильнаго голоса свойственно не однимъ только Русскимъ. Примѣры того, какъ за важную наружность ставили даже въ епископы и какъ неравнодушны были изстари къ *кликунамъ* діаконамъ, можно находить и въ древне-христіанскомъ мірѣ и въ византійскую эпоху (*Сократа* Ц. И., кн. II, гл. 6; русск. пер. стр. 131). И было бы, намъ представляется, несправедливостію отмѣченное пристрастіе считать за специфически-русскій народный грѣхъ. Не отрицая національной въ данномъ отношеніи слабости, мы думаемъ однакоже, что послѣдняя поддерживалась отчасти и, такъ сказать, питалась не нашего изобрѣтенія церковно-богослужебными книгами. Послѣднія весьма нерѣдко говорятъ не только о мѣстѣ, но и о самомъ способѣ чтенія молить, произнесенія ектеній и возгласовъ, исполненія пѣснопѣній. Замѣчанія: *εὐτάκτως, μετὰ φωνῆς καὶ ἤχου καὶ μέλους, ἀργῶς μετὰ προσοχῆς, τρανῶς μετὰ ἤχου, μεγαλοφώνως καὶ σχολαίως, ἐκφώνως, χῦμα* и

и сами, по собственному почину, приходили издалека къ намъ на Русь въ славившіеся и богато содержимые хоры [1]).

Изъ пришлыхъ Грековъ брали въ патріаршій хоръ на Москвѣ, когда въ томъ уже не было большой надобности; но было время и существовали особыя обстоятельства на Руси, когда въ пѣвчихъ именно Грекахъ нужда была настоятельная. Есть относительно-позднія историческія извѣстія и въ наукѣ людьми авторитетными высказано мнѣніе, что первые пѣвцы русской церкви отчасти были присланы или привезены изъ Греціи, изъ Константинополя, отчасти происходили изъ южныхъ славянъ [2]). Нѣтъ серьезныхъ основаній не раздѣлять высказаннаго учеными мнѣнія, а тѣмъ болѣе не довѣрять показаніямъ источниковъ. Разу-

---

т. п, поясняющія, какъ должно исполнять то или другое въ храмѣ пѣвцамъ, чтецамъ и священнослужащимъ, довольно часто можно встрѣтить въ древнихъ и новѣйшихъ богослужебныхъ книгахъ (*Дмитріевскаго Τυπικά*, стрр. 554, 596, 874—876, 890 и др. мн.). Возьмемъ для примѣра литургію, совершаемую соборнѣ архіереемъ. Возглашать при облаченія послѣдняго извѣстные стихи, пѣть *εἰς πολλὰ ἔτη δέσποτα* и „Святъ, святъ, святъ“ предписывается косно, медленно (*ἀργῶς*). Великую ектенію протодіакону, молитву: „Призри съ небесе, Боже“, архіерею и символъ вѣры лицамъ назначается говорить *„благоговѣйно и косно, мѣрнымъ гласомъ“ εὐλαβῶς καὶ ἀργῶς, μετρίᾳ τῇ φωνῇ*. (См. Чиновникъ архіер. священнослуж. лл. 7, 10, 12 об., 25, 46 об., 105 об., 111. Москва, 1897). Пѣть входное „Достойно есть“ или вмѣсто него ирмосъ девятой пѣсни, *Τὸν δεσπότην*, Святый Боже, Аллилуіа по Апостолѣ, Иже херувимы или Нынѣ силы небесныя и *εἰς πολλὰ ἔτη δέσποτα*, по „Спаси Боже люди твоя“, указывается пѣть *со сладкопѣніемъ, косно со сладкопѣніемъ* (*μετὰ μέλους, ἀργῶς καὶ μελῳδικῶς*. См. тамъ же лл. 3 об., 6, 18, 20 об., 21 об., 23 об., 33, 64, 103 об., 109, 115 об., 124 об.). Читать евангеліе протодіакону предписывается „косно и чисто, *крѣпчайшимъ* гласомъ, якобы слышати всѣмъ предстоящимъ“. Съ тою же, разумѣется, цѣлію внушается протодіакону или архидіакону произносить *„велегласно“* начальное „Благослови, владыко“, „Благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго...“ на великомъ входѣ, великую похвалу по „Достойно есть“, діаконамъ—возгласы: „Двери, двери. Станемъ добрѣ“, архіерею: „Горѣ имѣимъ сердца, Изрядно о Пресвятѣй, Спаси, Боже, люди твоя“... и архимандриту: „Всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“ (Тамъ же лл. 26, 11 об., 105, 36 об., 53, 95, 82, 45, 51, 124 об., 125). Всѣ эти и имъ подобныя замѣчанія направлены были конечно къ тому, чтобы внушить священно-служащимъ совершать службу „со благочиніемъ“—такъ, чтобы она была слышна и понятна всѣмъ молящимся. Такія предписанія, какъ *μετρίᾳ τῇ φωνῇ, ταπεινοτέρᾳ τῇ ᾠδῇ, χῦμα*, не могли быть превратно истолкованы и, понятно, достигали цѣли; но совсѣмъ иначе могло обстоять дѣло съ уставными указаніями въ родѣ: *ἀργῶς καὶ καθαρῶς, ἰσχυροτέρᾳ φωνῇ γεγωνοτέρᾳ φωνῇ, μεγαλοφώνως*. Въ этихъ замѣчаніяхъ церковно-богослужебныхъ книгъ протодіаконы и архидіаконы—кликуны всѣхъ временъ, при своей почти всегда непросвѣщенности и малоучености, могли усматривать разрѣшеніе показать присутствующимъ въ храмѣ свое *велегласіе*, свой *крѣпчайшій голосъ*, а въ случаѣ нареканій могли ссылаться на эти уставныя предписанія, какъ на нѣкое законное основаніе для своего иногда дѣйствительно безобразнаго и „безмысленнаго оранія и гудѣнія“ (*Ἱερατικόν* стрр. 110, 133. Изд. Константинопольское 1895. *Дмитріевскаго*: *Εὐχολόγια*, стр. 360; *Τυπικά*, стр. 375. 378).—[1]) П. С. Р. Л. т. II, стр. 180. [2]) *Прот. Разумовскаго* Д. В. Церковное пѣніе въ Россіи, стр. 58.

мѣется, были въ Кіевѣ и до прибытія въ него перваго митрополита Леона съ епископами такіе или иные пѣвцы, съ которыми правили службу у тамошнихъ христіанъ бывшіе у нихъ священники; не безъ пѣвцовъ пріѣхали, конечно, царицыцы и корсунскіе попы, которыхъ взялъ съ собою изъ Корсуня вел. князь Владимиръ. Предполагаютъ не безъ серьезныхъ основаній, что послѣдній для наученія вѣрѣ своихъ подданныхъ доставалъ поповъ, а вмѣстѣ съ ними, понятно, и прочихъ клириковъ, изъ сосѣдственныхъ и родственныхъ намъ по языку Болгаріи и Венгріи [1]). Эти разномѣстныя и разрозненныя пѣвческія силы, выписывавшіяся и набиравшіяся для удовлетворенія, что называется, первой насущной литургической потребности, едва ли имѣли время и возможность организоваться въ хорошій церковный хоръ до пріѣзда въ Кіевъ изъ Константинополя митрополита. Лица, посылавшія послѣдняго на Русь новообращенную, да и самъ отправлявшійся въ отдаленную и варварскую страну первосвятитель ея, избирая кандидатовъ на Русскія епископіи на первый разъ, нужно думать, со всею тщательностію, должны были серьезно позаботиться о снаряженіи возможно полной и многочисленной свиты, имѣвшей сопровождать ихъ. Находясь подъ непосредственнымъ и свѣжимъ впечатлѣніемъ патріаршей службы и образцовыхъ литургическихъ вообще, пѣвческихъ въ частности порядковъ Великой церкви, митрополитъ Леонъ и ѣхавшіе вмѣстѣ съ нимъ на Русь епископы должны были здѣсь же на роднѣ обзавестись достаточнымъ числомъ приличныхъ пѣвчихъ и доместиковъ или регентовъ, могшихъ управлять хоромъ. Предполагаемъ, что пріѣхавшіе съ митр. Леономъ Греки-пѣвцы и были первыми кіевскими *пѣснорачителями*, составившими, быть можетъ, съ участіемъ уже до нихъ бывшихъ въ Кіевѣ пѣвческихъ силъ нашъ первый архіерейскій хоръ, который пѣлъ при митрополичьихъ служеніяхъ въ Переяславскомъ соборѣ и Десятинномъ храмѣ и въ которомъ, вѣроятно, начали впервые обучаться настоящему искусству пѣнія природные русскіе. Можетъ быть, тотъ *дворъ доместиковъ*, о мѣстонахожденіи котораго *внѣ града* и по близости св. Богородицы Десятинной упоминаетъ мимоходомъ наша начальная лѣтопись, былъ помѣщеніемъ этого древнѣйшаго нашего хора или же принадлежалъ кому-либо изъ наиболѣе состоятельныхъ и видныхъ его членовъ [2]).

Разсуждая a priori, можно полагать, что митрополичье и епископское служеніе на Руси было совершаемо на первыхъ порахъ если не все сплошь, то въ значительной части своей по-гречески. Пѣвчіе въ

[1]) П. С. Р. Л., т. I, стр. 50. *Проф. Голубинскаго Е. Е.* И. Р. Ц. I, 1 стр. 166—168. М. 1901. [2]) П. С. Р. Л. I, 23; см. V, 102.

большинствѣ своемъ, думаемъ, были греки; сановные священнослужащіе съ митрополитомъ и тѣмъ или другимъ епископомъ во главѣ тоже были Греки, естественно желавшіе служить и слышать службу на своемъ родномъ языкѣ. Даже при допущеніи въ служившихъ и пѣснословившихъ совершенно обратнаго стремленія—быть понятными молящимся—послѣднее неминуемо должно было разбиваться о незнаніе тѣми и другими русской рѣчи. Много времени спустя, по крещеніи Руси, митрополитъ Никифоръ, горя желаніемъ обратиться съ устнымъ словомъ назиданія къ игуменамъ, ко всему іерейскому и діаконскому чину и къ мірскимъ людямъ предъ наступленіемъ четыредесятницы, въ недѣлю сыропустную, вынужденъ былъ незнаніемъ языка прибѣгнуть къ письменному изложенію своего поученія и испытывать, по его собственному признанію, горькое чувство, когда читалось въ храмѣ, разумѣется въ переводѣ, его поученіе [1]). Находиться среди паствы и не быть понимаемымъ ею несомнѣнно тяжелое состояніе для ревностнаго и любящаго своихъ духовныхъ чадъ архипастыря—состояніе, которое въ большей или меньшей степени должны были переживать наши іерархи-греки и всѣ, совершавшіе совмѣстно съ ними службу на чуждомъ для нашихъ предковъ греческомъ языкѣ. И эту тяжесть взаимнаго непониманія совершители богослуженія долгое время должны были дѣлить, какъ говорится, пополамъ съ молящимися, отправляя его по-русски и по-гречески. Только совершеніемъ на греческомъ языкѣ нашего богослуженія, по-крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ его, и можно объяснить себѣ такой хотя бы фактъ, напримѣръ, что (Κύριε ἐλέησον) сдѣлалось своего рода побѣдоноснымъ кличемъ въ устахъ древне-русскихъ воиновъ на полѣ междуусобной брани [2]). Въ житіи Ростовскаго царевича Петра разсказывается, что при современномъ ему Ростовскомъ епископѣ Кириллѣ (1230—1262 гг.), столь прославляемомъ лѣтописцемъ за свою необыкновенную учитель-

[1]) „Желалъ бы языкомъ своимъ бесѣдовать съ вами, возлюбленныя дѣти“, начинаетъ свое поученіе митр. Никифоръ, „но не данъ ми бысть даръ язычный, по божественному Павлу, яко тѣмъ языкомъ творити ми порученная, и того ради безгласенъ, посреди васъ стоя, и молчю много“. Чиновн. Новгор. Софійск. соб. стр. 161. [2]) Звенигородцы, послѣ снятія осады въ 1146 г. съ ихъ города воинами князя Всеволода и его сподручниковъ, „възваша *куріи елисонъ*“. Въ 1151 году воины, нашедшіе живымъ на полѣ брани своего князя Изяслава, отъ радости „възваша *кирелѣисонъ*“ (П. С. Р. Л. II, 22, 64; сн. I, 78). По незнанію греческаго языка и трудности правильно уловить въ пѣніи отдѣльныя его слова съ чисто фонетической ихъ стороны наши древне-русскіе книжники разно приводили это молитвенное воззваніе: *кури шелійсонъ*, *кири елейсонъ* и т. п. Простой народъ, конечно, не понималъ греческой службы, казавшейся ему чѣмъ то страннымъ и несуразнымъ, и характеръ своего отношенія къ ней опредѣлилъ выраженіемъ: „*куролесятъ*“, которое чаще всего долетало до его слуха за тогдашнимъ архіерейскимъ богослуженіемъ.

ность и рѣдкую заботливость о благоукрашеніи своей соборной церкви пресв. Богородицы, «*лѣвый крылосъ* (въ послѣдней) *греческыи пояху, а правый русскыи*» [1]). То же явленіе, то есть поперемѣнное исполненіе пѣснопѣній хорами на греческомъ и славянскомъ языкахъ наблюдается на Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ и нѣкоторыхъ другихъ церквахъ въ XVII вѣкѣ [2]), когда не было уже никакой нужды въ томъ, когда о первосвятителяхъ-грекахъ не могло быть и рѣчи, а были лишь грекофильствовавшіе іерархи въ родѣ патр. Никона, воспроизводившаго нѣкогда царившіе у насъ богослужебные порядки безъ особенной надобности въ нихъ, а только по собственной любви къ греческому обряду. Да, наконецъ, и до сихъ поръ живущій въ нашей литургической практикѣ и занесенный на страницы архіерейскаго Служебника обычай выражать пожеланія многихъ лѣтъ іерархамъ по гречески (Τὸν δεσπότην καὶ ἀρχιερέα ἡμῶν Κύριε φύλαττε εἰς πολλὰ ἔτη δέσποτα), возглашать при хиротоніяхъ: Ἄξιος, пѣть въ извѣстныхъ случаяхъ Κύριε ἐλέησον—не о томъ же ли говоритъ, что было время на Руси, когда богослуженіе въ ней если не сполна, то по частямъ отправлялось на греческомъ языкѣ?[3]

Но самымъ сильнымъ и неопровержимымъ доказательствомъ послѣдняго являются безъ сомнѣнія наши древнѣйшія богослужебныя книги и главнымъ образомъ Кондакари. Не много сохранилось ихъ отъ періода до-монгольскаго [4]), но для насъ въ данномъ случаѣ важно не

---

[1]) Проф. *Голубинскаго* И. Р. Ц. I, 1 стр. 359, 931; II, 1 стр. 267—269. М. 1901—1900. [2]) См. „Книгу записную“ служеній патр. Никона въ Чиновн. Московск. Успенск. собора, стр. 235 и далѣе. [3]) *Иноязычное* многолѣтствованіе, не имѣющее въ настоящее время практическаго значенія, представляло тогда полный смыслъ: іерархи—греки должны были знать, что молящіеся ихъ привѣтствуютъ. Пѣніемъ: *Κύριε ἐλέησον* сослужащіе и лики, при совершеніи, напримѣръ, хиротоній, какъ бы напоминали своему предстоятелю о наступленіи времени чтенія имъ молитвъ, какъ возглашеніемъ: *Ἄξιος* онъ съ своей стороны заявлялъ объ окончаніи имъ послѣднихъ. Мы хочемъ этимъ сказать, что, при отправленіи службы по-гречески и славянски, въ интересахъ благочинія ея и въ цѣляхъ согласованности въ дѣйствіяхъ и словахъ иноязычныхъ литурговъ, практикой должны были выработаться и установиться условные своего рода знаки между ними, нѣмой въ нѣкоторомъ смыслѣ языкъ. [4]) *Голубинскаго* Е. Е. Исторія Русск. Церк., т. I пол. 2, стр. 450. М. 1881. Архим. Макарій, описывая Кондакарь Нижегородскаго Благовѣщенскаго монастыря, хранящійся въ настоящее время въ С.-Петербургской Публичной библіотекѣ, замѣчаетъ между прочимъ, что въ немъ „распѣты нѣкоторые псалмы, подъ названіемъ: *азматиковъ* на всѣ восемь гласовъ, въ родѣ нынѣшнихъ концертовъ, со многими греческими припѣвами и аллилуія по-однажды и по-трижды, напримѣръ: „Раби Господа, алелоуиа; по всей земли, алелоугия; Ти икоумени (*τῇ οἰκουμένῃ*) алелоугия; О Феос моу (*ὁ Θεός μου*), алелоугия; Слава Тебѣ, Боже, алелоугия; Ен оли кардиа моу (*ἐν ὅλῃ καρδίᾳ μοῦ*), алелоугия; Къто есть чесарь славы, алелоугия; Ке агіо пневмати (*καὶ ἁγίῳ Πνεύματι*), алелоугия; Епи си Коурие ильписъ (*ἐπί σοι Κύριε ἐλπίς*), алелоугия; Іерусалиме, алелоугия, и проч.

число, а то, что нѣкоторыя изъ содержащихся въ нихъ и положенныхъ на ноты пѣснопѣній, напримѣръ избранные псалмы и ипакои, приводятся не только въ славянскомъ текстѣ, но и въ *греческомъ* подлинникѣ. Особеннаго вниманія при этомъ заслуживаетъ то обстоятельство, что славянскіе стихи псалмовъ чередуются съ греческими, а это самое и показываетъ, что псалмы или, какъ они типично называются въ Кондакаряхъ, *азматики* всѣхъ восьми гласовъ исполнялись ликами антифонно, поперемѣнно: правый хоръ пѣлъ по-русски, а лѣвый по-гречески. Кондакари, относящіеся по времени къ XI—XIII вѣкамъ, вполнѣ подтверждаютъ такимъ образомъ достовѣрность выше-приведеннаго сообщенія житія Ростовскаго царевича Петра и ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія фактъ совершенія у насъ на Руси богослуженія, по крайности въ извѣстныхъ частяхъ его, на греческомъ языкѣ за начальный періодъ нашей церковной исторіи.

Греческія слова въ Кондакаряхъ написаны или изображены славянскими буквами. Это свидѣтельствуетъ, что исполнителями пѣснопѣній по-гречески въ XII—XIII вѣкахъ были уже русскіе, а не греки, какъ это, вѣроятно, было съ самаго начала. Наши предки постепенно выучивались искусству пѣнія у пришлыхъ греческихъ мастеровъ этого дѣла, исподволь переходившаго изъ рукъ послѣднихъ къ первымъ, и славянская рѣчь мало-по-малу, надо полагать, вытѣсняла собою изъ богослуженія традиціонный языкъ греческій, пока не взяла надъ нимъ окончательнаго перевѣса. Послѣднее въ архіерейскомъ, а тѣмъ болѣе митрополичьемъ служеніи на Руси произошло не скоро и не вдругъ. Греческое богослуженіе поддерживалось у насъ не только іерархами и окружавшею ихъ свитой высшихъ духовныхъ чиновниковъ-грековъ, но и управителями пѣвчихъ хоровъ, а учителями нашими въ пѣніи несомнѣнно въ началѣ были греческіе мастера. Уже самыя названія: деместикъ, демественикъ, которыми обозначаются руководители нашихъ соборныхъ и монастырскихъ хоровъ въ древне-русскихъ памятникахъ,

---

(Памятники церковнн. древностей въ Нижегородск. губ. въ Записк. Императ. Археолог. Общ. т. X, стр. 195—196; *Преосв. Макарія* Исторія Русск. Церк., т. II, 249—250. С.-Петерб. 1868). Кондакарь Нижегородскаго Благовѣщенскаго монастыря—одинъ изъ древнѣйшихъ, сохранившихся у насъ, памятниковъ этого рода, какъ даетъ понять только что приведенное сообщеніе описателя его, и содержитъ въ себѣ данныя не только по вопросу о совершеніи нѣкогда у насъ въ каѳедрально-епископскихъ церквахъ пѣнія по-гречески, но и по вопросу о существованіи въ послѣднихъ такъ называемаго *пѣсненнаго послѣдованія* (ἀσματικῆς ἀκολουθίας), имѣвшаго ранѣе мѣсто въ Великой Константинопольской церкви и составлявшаго, по словамъ Симеона Солунскаго, отличительную особенность устава ея.

говорятъ за греческое происхожденіе ихъ [1]). При великомъ князѣ Ярославѣ, въ 1053 году, «пріидоша къ нему изъ Царяграда богоподвизаемы тріе пѣвцы гречестіи съ роды своими, отъ нихъ же начатъ быти въ Рустѣй земли ангелоподобное пѣніе, изрядное осмогласіе, наипаче же трисоставное сладкогласованіе и самое красное демественное пѣніе» [2]). Степенная книга, въ которой содержится приведенное свидѣтельство, позднѣйшій, правда, нашъ лѣтописный сводъ, но нѣтъ основаній не довѣрять ей въ вопросѣ о приходѣ къ Ярославу трехъ искусныхъ пѣвцовъ изъ Греціи. Въ Ипатіевской лѣтописи передается, что въ 1137 году былъ поставленъ епископомъ въ Смоленскъ «скопець Мануйло-*пѣвець гораздый*, иже бѣ *пришелъ изъ Грекъ самъ третій* къ боголюбивому князю Мьстиславу» [3]). Что случилось при Мстиславѣ, то еще скорѣе могло имѣть мѣсто при Ярославѣ. Весьма возможно, что пѣвцы съ семействами своими пришли въ Кіевъ, бывъ вызваны княземъ для устройства хора при его знаменитомъ Софійскомъ соборѣ, незадолго передъ тѣмъ освященномъ. Могли, разумѣется, прійти они и по своей иниціативѣ, прослышавъ объ усиленныхъ стараніяхъ русскаго великаго князя по

---

[1]) Названіе *δομέστικος* въ византійскомъ мірѣ было весьма распространенное, употреблялось въ различныхъ значеніяхъ и прилагалось къ весьма многимъ свѣтскимъ и церковнымъ должностямъ. Не касаясь примѣненія его въ сферѣ гражданско-военной (см. объ этомъ у Д. Ѳ. *Бѣляева* въ Byzantina, I—II, по указателю, стр. 267), замѣтимъ, что въ церковномъ чиноначаліи было нѣсколько доместиковъ: *δομέστικος τῶν θυρῶν* и *δομέστικος τοῦ ἄμβωνος*, надзиравшіе за дверьми и амвономъ и служителями, къ нимъ приставленными; *δομέστικοι οἱ λεγόμενοι πατριαρχικοί*, при торжественныхъ выходахъ патріарха въ храмъ въ положенное время и на извѣстномъ мѣстѣ привѣтствовавшіе его обычнымъ: *εἰς πολλὰ ἔτη δέσποτα*, какъ потомъ дѣлали иногда тоже самое на Руси лампадарій и подъяки при „провожденіяхъ“ святѣйшаго. Для насъ въ данномъ случаѣ, наибольшій интересъ представляютъ: *δομέστικος τῶν ψαλτῶν* и особенно *οἱ δύο δομέστικοι τοῦ πρώτου καὶ τοῦ δευτέρου χοροῦ*. Доместикъ пѣвцовъ, называвшійся нѣкоторыми протопсалтомъ, предначиналъ и заканчивалъ одни пѣснопѣнія, исполнялъ совершенно самостоятельно другія и приблизительно былъ въ хорѣ тѣмъ же, чѣмъ у насъ въ монастыряхъ головщикъ. Есть основанія предполагать, что въ хорахъ небольшихъ, въ случаѣ нужды, протопсалтъ несъ обязанности управителя хора; но въ хорахъ вполнѣ и настоящимъ образомъ организованныхъ послѣдній—доместикъ въ собственномъ и тѣсномъ смыслѣ слова былъ совершенно особымъ, отличнымъ отъ протопсалта лицомъ. Въ такихъ храмахъ, какъ св. Софія Константинопольская, во главѣ каждаго лика перваго и второго хора—стоялъ свой доместикъ. Оба доместика называются въ извѣстіяхъ рядомъ съ протопсалтомъ и приравниваются къ нему въ отношеніи богослужебнаго одѣянія. Доместикъ, какъ и протопсалтъ, не только самъ былъ художникъ, мастеръ въ пѣніи (*τεχνίτης εἰς τὸ ᾆσμα*), но и обладалъ умѣньемъ управлять (*χειρονομεῖν*) другими. Характеръ пѣнія, о которомъ такъ и говорили, что оно исполняется *μετὰ χειρονομίας*, во многомъ зависѣлъ именно отъ доместика, по нашему регента, руководившаго хоромъ. *Дюканжа* Glossar. graecit. s. vocc. *δομέστικος*, *χειρονομεῖν*. [2]) Степенная книга, т. I стр. 224. М. 1775 г. Сн. П. С. Р. Л. т. V, стр. 138. [3]) Тамъ же т. II, стр. 14.

благоукрашенію его новаго собора. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ извѣстіи Степенной книги относительно начала, такъ сказать, лучшаго пѣнія на Руси при вел. князѣ Ярославѣ. Прибывшіе въ значительномъ числѣ пѣвцы могли конечно завести новые роды или виды пѣнія въ нашей церкви и организовать на болѣе широкихъ началахъ соборный хоръ, выученики котораго разнесли изъ Кіева и распространили потомъ искусство болѣе художественнаго, *краснаго*, какъ выражались встарину, пѣнія по другимъ древне-русскимъ городамъ, ставъ сами въ свою очередь управителями хоровъ при соборныхъ ихъ церквахъ. Послѣдовательно, начиная со второй половины XII вѣка, мы находимъ въ лѣтописяхъ упоминанія о бытіи *деместниковъ* въ Кіевѣ, Владимирѣ, Новгородѣ при тамошнихъ соборахъ и даже въ нѣкоторыхъ наиболѣе богатыхъ монастыряхъ: Кіево-Печерскомъ и другихъ [1]). Насколько благоустроены были хоры при названныхъ соборныхъ храмахъ, сколь многочисленны они были, положительно намъ ничего неизвѣстно. Изъ того, что у доместиковъ были свои дворы, а иногда и такія большія деньги, что на нихъ можно было поставить даже «городъ Порховъ каменъ», слѣдуетъ заключать, что пѣвческій трудъ оплачивался въ древности у насъ лучше теперешняго. „Словутныхъ“ пѣвцовъ тогда зазывали и переманивали къ себѣ на службу князья и епископы, а „гораздые“ въ пѣніи изъ нихъ, какъ показываетъ вышеприведенный примѣръ Мануила скопца, удостоиваемы были при случаѣ іерархическихъ степеней [2]). При матеріальной обезпеченности и приличномъ, а порой даже и прямо почетномъ, положеніи въ обществѣ талантливые и преданные своему дѣлу древне-русскіе пѣвцы имѣли полную возможность и достаточныя побужденія отдаваться всецѣло любимому искусству и ремеслу обученія ему другихъ. Гордясь своимъ личнымъ умѣньемъ, доместики естественно должны были дорожить репутаціей руководимыхъ ими хоровъ. Что послѣдніе имѣли успѣхъ у современниковъ и славились своимъ пѣніемъ, это видно хотя бы изъ тѣхъ епитетовъ, которые прилагаетъ къ послѣднему составитель Степенной книги. Такія выраженія, какъ: „*ангелоподобное* пѣніе, трисоставное *сладкогласованіе* и *самое красное* демественное пѣніе“, въ устахъ древне-русскаго книжника были едва ли не самою высокою похвалой [3]).

---

[1]) Тамъ же I, 23, 80; II, 115; IV, 95. [2]) Тамъ же II, 14, 180. [3]) Епитетъ „красный“ въ смыслѣ *красивый, отличный, превосходный* въ древне-русской рѣчи находилъ весьма широкое примѣненіе. Имъ пользовались, когда нужно было отозваться съ похвалой о природѣ и тѣхъ или другихъ явленіяхъ ея, предметахъ и ихъ качествахъ, о лицахъ, ихъ свойствахъ и дѣйствіяхъ и т. п. Говорили: мѣсто красно, свѣтъ красный, красное поле, сельцо

Наибольшею любовію нашихъ предковъ и особенною среди нихъ популярностію пользовался послѣдній родъ пѣнія—*демественный*, о строѣ, особенностяхъ и характерѣ котораго едва ли не менѣе всего извѣстно нашимъ ученымъ изслѣдователямъ судебъ древне-русскаго пѣнія. Неизвѣстно, какъ было въ первые вѣка, но въ послѣдующіе, напримѣръ въ XVI—XVII столѣтіяхъ, ни одинъ большой праздникъ—общецерковный то или мѣстный—не обходился безъ демественнаго пѣнія въ нашихъ соборныхъ церквахъ. Судя по Чиновникамъ, предпослѣднее имѣло мѣсто на всѣхъ праздничныхъ службахъ: на вечернѣ, утренѣ, или всенощномъ, но главнымъ образомъ, разумѣется, на литургіи. Въ соборныхъ Чиновникахъ и особенно въ Новгородскомъ Софійскомъ то и дѣло встрѣчаются фразы, отъ частого употребленія сдѣлавшіяся какъ бы стереотипными въ нихъ: „обѣдню пѣвцы поютъ на оба лика демественную, а подіяки на амбонѣ поютъ все демественное же пѣніе; обѣдню поютъ на правомъ клиросѣ демественную, а на лѣвомъ строчную новгородскую“. Праздновали ли въ Новгородской Софіи кому-либо изъ Московскихъ святыхъ, напримѣръ нашему преп. Сергію, „обѣдню пѣвцы пѣли на оба лика строчную Московскую“, но *все амбонное* подьяками пѣлось демественное [1]). Вообще, пѣвшееся на клиросахъ въ Новгородскомъ соборѣ, смотря по величію праздника и празднуемаго святого, происхожденію послѣдняго и т. п., видоизмѣнялось въ напѣвѣ, какъ и по своему содержанію; но пѣніе амвонное, какъ болѣе показное, происходившее по преимуществу на виду у всѣхъ, оставалось всегда демественное. Придавая праздничному богослуженію торжественный характеръ, оно составляло наиболѣе устойчивый въ немъ элементъ, и это нужно сказать не въ отношеніи къ одному только Софійскому собору, но и про древнее наше соборное богослуженіе вообще. Въ Новгородскомъ Чиновникѣ, правда, отдѣлъ о томъ, въ какой праздникъ, на которой службѣ и какое пѣніе должно быть, разработанъ лучше и изложенъ отчетливѣе, чѣмъ въ другихъ позднѣйшихъ памятникахъ того же рода, но и въ Чиновникахъ Московскаго Успенскаго и Холмогорскаго Преображенскаго

(П. С. Р. Л. I, 102; II, 196, 217; IV, 135, 231), древеса красна, дворъ красный, церковь прекрасна—красна, красная башня, красное крыльцо (тамъ же I, 103, 193; II, 44, 178, 277; V, 35; VI, 138, 323), лицемъ или взоромъ красенъ, руцы же имѣя красны и ноги, дѣвица красна, жена красна вельми, што красно въ Софіи (тамъ же II, 8, 220, 271, 275, 353; V, 267; VI, 149). Говоря о *красномъ* звонѣ, также о пѣніи, *краснымъ* и сладкомъ, предки наши имѣли въ виду не особый какой-либо родъ того и другого, а отмѣчали или восхваляли лишь выдающіяся качества звона и пѣнія (*Чиновн. Холмог. соб.* стр. 71, 234; Путеш. Новг. архіеп. Антонія въ Царьградъ ст. 83, изд. Савваитова). [1]) Чиновн. Новгор. Софійскаго собора стр. 265, 266, по указателю подъ словами: *обѣдня, пѣніе*.

соборовъ отведено также довольно видное мѣсто той же сторонѣ [1]). Съ теченіемъ времени наши древніе пѣвческіе порядки начали ослабѣвать, выходить изъ употребленія; постепенно стали проникать въ литургическую практику нашихъ соборныхъ храмовъ новые роды пѣнія, появляться въ ней иные роспѣвы [2]); но демественное пѣніе даже во второй половинѣ XVII вѣка еще продолжало пользоваться любовію молящихся и не переставало быть принадлежностью нашего соборнаго богослуженія. Сила обаянія и причины выходившей изъ ряду вонъ долговѣчности его крылись безъ сомнѣнія въ качествахъ этого пѣнія, но вѣроятно обусловливались отчасти и организаціей древне-пѣвческихъ нашихъ хоровъ.

Заключая отъ стараго времени къ древнѣйшему, должно думать, что не велики были послѣдніе по своей численности. Въ хорѣ Новгородскаго митрополита въ концѣ XVI вѣка считалось всего десять пѣвчихъ дьяковъ, дѣлившихся на двѣ станицы, по пяти человѣкъ въ каждой, и двѣнадцать подьяковъ [3]). И этотъ очень небольшой сравнительно составъ хора въ два—два съ половиной десятка человѣкъ, можно сказать, признавался тогда нормальнымъ и былъ въ нѣкоторомъ родѣ *традиціонныимъ*. Не великъ былъ хоръ св. Софіи въ Константинополѣ; немногимъ больше его сталъ позднѣе хоръ нашихъ святѣйшихъ патріарховъ, мало чѣмъ отличавшійся отъ другихъ святительскихъ хоровъ того времени [4]). Совершенства послѣднихъ ставились, повидимому, тогда въ зависимость не столько отъ числа пѣвчихъ дьяковъ и подьяковъ, сколько отъ строго разборчиваго отношенія къ ихъ голосовымъ средствамъ, мастерской выучки и выправки ихъ и умѣлой группировки ихъ по станицамъ и спеціальностямъ. Малочисленность съ нашей теперешней точки зрѣнія древне-русскихъ архіерейскихъ хоровъ восполнялась тогда до нѣкоторой степени участіемъ въ соборной службѣ, частнѣе въ пѣніи ея, священниковъ и діаконовъ сѣннихъ, придѣльныхъ и городскихъ церквей. Въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ въ торжественныхъ случаяхъ рядомъ съ патріаршими пѣвчими пѣлъ государевъ хоръ [5]), особенно увеличившійся въ своемъ составѣ во второй половинѣ XVII столѣтія [6]) и

---

[1]) Чиновники: Холмогорск. соб , стр. 278, подъ словомъ: *пѣніе*; Моск. Успенск. соб., стр. 239, 258 и др. [2]) Тамъ же стрр. 239, 242. 245, 268 и др. [3]) *Архим. Макарія*: Описан. Новгор. архіер. дома, стр. 146; Археологич. описан. церковн. древност. въ Новгородѣ, ч. I, стр. 83—84, примѣч. 166. [4]) Хоры пѣвчихъ и подьяковъ епархіальныхъ владыкъ и государевъ организовались по образцу хора сначала митрополитовъ всероссійскихъ, а потомъ патріарховъ Московскихъ: [5]) Чиновн. Москов. Успенск. соб. по указат. подъ словами: *діаки пѣвчіе государевы*. [6]) *Прот. Д. В. Разумовскаго:* Государевы пѣвчіе дьяки, въ Сборникѣ Общ. древне-русск. искусства за 1873 г.; сн. *прот. Извѣкова* въ Трудахъ по осмотру и изученію памятн. церковн. старины г. Москвы, т. II стр. 188.

всегда передъ ними въ службѣ преимуществовавшій. Нужно имѣть въ виду еще и то обстоятельство, что пріѣзжавшіе въ Москву по грамотамъ государевымъ и патріаршимъ „во чреду священнослуженія“ и для дѣлъ церковнаго управленія иногородные архіереи привозили съ собою между прочимъ и своихъ пѣвчихъ дьяковъ и подьяковъ, которые обычно и пѣли при служеніяхъ своихъ владыкъ въ церквахъ, монастыряхъ и даже соборахъ столицы [1]).

Располагая вполнѣ достаточными пѣвческими силами и многочисленнымъ штатомъ священнослужащихъ, обладая болѣе, чѣмъ приличною, а нерѣдко и прямо богатою и даже роскошною литургическою обстановкой, древне-русскіе соборы, по-крайней мѣрѣ главнѣйшіе изъ нихъ, имѣли возможность въ большей или меньшей степени завести и поддерживать у себя службу Великой Константинопольской церкви, могли слѣдовать примѣру послѣдней въ томъ, въ чемъ подражать ей не составляло для нихъ особенныхъ, тѣмъ болѣе непреодолимыхъ трудностей. Много спустя по принятіи нами вѣры и церковно-богослужебной обрядности изъ Византіи, когда не могло быть и рѣчи о сколько-нибудь живомъ и существенномъ вліяніи послѣдней на Русь и св. Софія Царьградская перестала уже быть христіанскимъ храмомъ, въ нашей каѳедрально-епископской службѣ продолжали имѣть мѣсто такія особенности, которыя, бывъ разсчитаны на значительное число исполнителей, восходили своимъ началомъ къ богослужебной практикѣ ближе всего духовной матери нашей—Великой Константинопольской церкви. Типичнѣйшими изъ этихъ обрядовъ и до сравнительно-недавняго времени сохранявшими въ себѣ наиболѣе чертъ своего Константинопольскаго происхожденія были, по нашему мнѣнію, выходы въ храмъ по большимъ праздникамъ древне-русскихъ владыкъ, равно какъ входы и выходы, нерѣдко съ нимъ во главѣ, служащаго духовенства на вечернѣ и соединявшейся съ нею или со всенощнымъ бдѣніемъ литіи, на утрени и литургіи. Въ обрядахъ, обстановкѣ и самомъ строѣ послѣдней, совершавшейся въ нашихъ соборахъ обычно архіерейскимъ служеніемъ, даже до сихъ поръ, не говоря уже о старомъ и древнѣйшемъ времени, наблюдаются такія особенности, которыхъ аналогіи и первоисточникъ естественнѣе и скорѣе всего искать въ ритуалѣ Великой церкви и отчасти въ церемоніально-показной жизни тѣсно соединеннаго нѣкогда съ послѣднею византійскаго двора. Далеко не всегда ходили „съ провожденіемъ“ наши владыки къ вечернямъ подъ великіе праздники, тѣмъ болѣе дни воскресные; гораздо чаще они провожаемы были въ храмъ и торжественно

[1]) Дворцовые разряды, т. III, стрр. 976, 981—982, 995 и др. мн.

встрѣчаемы въ немъ передъ литургіей. Это даетъ намъ основаніе вести рѣчь прежде о входахъ духовенства на вечернѣ и утренѣ, а о церемоніальныхъ выходахъ нашихъ архіереевъ къ службѣ сказать уже въ связи съ литургіей.

Глава VI.

Входъ на вечернѣ и выходы на утренѣ по праздникамъ теперь и въ старое время на Руси. Замѣчаніе о числѣ и расположеніи въ храмѣ священнослужащихъ. Образъ совершенія ими *вечерняго входа и выхода* по великомъ Славословіи на воскресной утренѣ по Чиновникамъ. Происхожденіе того и другого—изъ Великой Церкви. Слѣды дѣйствованія Устава послѣдней на Руси. Выходы служащаго духовенства на воскресныхъ вечернѣ и утренѣ по Уставу Великой церкви, Павлу Алеппскому и Симеону Солунскому. Сходство въ исполненіи разсматриваемыхъ обрядовъ на Руси и въ Великой церкви и судьба ихъ тамъ и здѣсь. Распоряженіе патр. Никона и мѣры, предпринимавшіяся до него для поддержанія благолѣпнаго исполненія входовъ и выходовъ и причины, повед-шія къ упадку и прекращенію выхода служащихъ по Великомъ Славословіи на воскресныхъ утреняхъ. Совершеніе послѣднихъ *среди церкви* въ нѣкоторыхъ нашихъ соборахъ, какъ одно изъ доказательствъ дѣйствованія нѣкогда въ нихъ Устава св. Софіи Константинопольской.

Входъ на вечернѣ священнодѣйствующихъ въ олтарь, равно какъ и выходы изъ него всего служащаго духовенства на литію и величаніе, и въ настоящее время замѣтно выдѣляются въ послѣдованіи службы, отправляемой у насъ подъ дни воскресные и особенно праздничные. Совершаемые въ церквахъ приходскихъ и домовыхъ всего однимъ священникомъ съ діакономъ, они придаютъ службѣ, въ связи съ праздничною обстановкой, болѣе или менѣе торжественный характеръ, а исполняемые въ храмахъ соборныхъ—монастырскихъ и тѣмъ болѣе въ каѳедральныхъ епископскихъ цѣлымъ сонмомъ священнослужащихъ, съ архіереемъ или архимандритомъ и даже нѣсколькими во главѣ, эти обряды превращаютъ всенощное въ величественное священнодѣйствіе. Но при всемъ томъ, если сравнить наше теперешнее всенощное бдѣніе съ тѣмъ, какъ совершалась въ старину на Руси по соборнымъ церквамъ хотя бы, напримѣръ, воскресная вечерня съ утреней, то нельзя будетъ не видѣть, какъ много уже утратили эти церковныя службы изъ своего былого обрядового великолѣпія. Сократилось число лицъ, участвующихъ въ ихъ совершеніи; измѣнился самый характеръ ихъ исполненія; а нѣкоторыя составныя части и совсѣмъ исчезли изъ нихъ.

„Во весь год по вся воскресныя недѣли протопопу з братиею в соборѣ у Богородицы на вечернѣ облачение и выход; есть же и чер-

нымъ иногда властемъ облачение“ [1])—такъ кратко и въ общемъ совершенно вѣрно опредѣляетъ участниковъ входа на воскресной вечернѣ второй по времени чиновникъ Московскаго Успенскаго собора. Вечерню подъ дни воскресные и праздничные въ нашихъ соборныхъ храмахъ въ старину, какъ и теперь, обычно начинали „недѣльной“ священникъ или ключарь съ діакономъ, рѣже самъ протопопъ съ протодіакономъ [2]). Но кто бы ни полагалъ начало вечернѣ, *на выходъ* и на литію на ней непремѣнно облачался и выходилъ протопопъ съ братіей, съ своими соборными священниками и діаконами, число которыхъ, какъ мы видѣли, было прежде значительно больше, чѣмъ теперь. Соборное духовенство кромѣ того при *выходахъ* на воскресной и праздничной вечерняхъ пополнялось еще „черными властьми“, т.-е. архимандритами и игуменами монастырей, также „схожими и прибылыми“ священниками и діаконами, въ большомъ иногда числѣ съѣзжавшимися и сходившимися къ соборной службѣ. Причислявшіеся къ собору престольные и придѣльные священники, равно какъ городское и посадское духовенство, чаще всего впрочемъ въ лицѣ своихъ *соборныхъ старостъ* и *десятскихъ діаконовъ*, подъ нѣкоторые воскресные и праздничные дни въ году обязаны были приходить въ *большой* соборъ за вечерню и облачаться вмѣстѣ съ прочими „на выходъ и на литѣю“ [3]). Частію въ подтвержденіе сказаннаго, а главное для нагляднаго представленія того, какъ происходили эти выходы, приведу буквально небольшую относящуюся сюда выдержку изъ второго по времени Московскаго Чиновника.

„В недѣлю Всѣх святых к вечернѣ благовѣстъ в *ревут* [4]); звонят, какъ патріархъ в церковь войдет. И положивъ начало, и благословляет рукою властей, і протопоповъ, і священниковъ, и потом і всѣх людей, а недѣлной попъ со діаконом начинают вечерню, и поют вечерню по уставу, и каженіе бывает по чину. А на выходъ и на литѣю протопопъ з братьею облачаются и на литѣю протопопъ же с собором выходят. А на первомъ выходе протопопъ з братіею выдут сѣверными дверми, і идут между амбона и столпа, и станутъ противъ амбона, ждуще, дондеже протодіаконъ окадит всѣх. И потом, пришедше по-два, да покла-

---

[1]) Рукоп. С.-Петерб. Дух. Акад. № 127, л. 5; сн. Чиновн. Моск. Успенск. соб., стр. 82, примѣчаніе. [2]) Тамъ же стрр. 26, 27, 34, 35, 39, 52, 60, 62, 73, 147, 153, 196 и др. [3]) Тамъ же стрр. 1, 5, 17—18, 22, 27, 34, 35, 70, 73, 75, 77, 100 и т. д. Сн. Чиновники Новгородскаго Софійскаго и Холмогорскаго Преображенскаго соборовъ, по указателямъ см. слова: входы и выходы. [4]) Отмѣченное курсивомъ въ рукоп. С.-Петерб. Дух. Акад. № 127 л. 118 зачеркнуто и на полѣ приписано: „в новой (колоколъ) указано 136-го“ (1628 года). Сн. Чиновн. Моск. соб. стр. 141, примѣч. 2.

няются святителю на мѣсте его, или будет и без святителя, то такожде покланяются на мѣсте его образу, первому святителю Петру чюдотворцу. Сице ж бывает і во весь год, когда и болшие власти чорные облачаются. А болшіе власті когда облачаются, і тогда кругомъ столпа обходят. А послѣ литѣи одинъ покланяется первой, кто молитву говорит. А когда облачается протопопъ, тогда и вечерню отпускает протопопъ же, а когда чорныя власті облачаются, і тогда архимарит, кой ні есть, тот і отпущает. І поютъ павечерницу по вселѣтному" [1]).

Въ дополненіе къ этой ясной самой по себѣ выдержкѣ слѣдуетъ лишь сказать, что въ старое время въ нашихъ соборныхъ храмахъ кромѣ *служебнаго* архіерейскаго мѣста, въ видѣ облачальнаго амвона съ каѳедрой для епископа, до сихъ поръ остающагося приблизительно тамъ же, было еще другое внѣ-олтарное и, такъ сказать, *обычное*, на которомъ архіерей предстоялъ церковному собранію во время службъ и въ качествѣ верховнаго литурга отправлялъ наиболѣе важныя части ихъ [2]). Обычно деревянное-рѣзное, въ рѣдкихъ храмахъ кирпичное съ шатровымъ, на подобіе надпрестольной сѣни, верхомъ святительское мѣсто приходилось спереди праваго подкупольнаго столпа, имѣя иногда послѣдній своею заднею стороной, на которой, за спиною іерарха, вѣшалась икона или помѣщалось то или другое священное изображеніе; такъ въ нашемъ Успенскомъ соборѣ въ старое время образъ Московскаго первопрестольника. Позади патріарха, у того же перваго южнаго столпа и впереди задняго, въ промежуткѣ между ними, стояли митрополиты, архіепископы и другіе „большіе власти", а слѣва отъ нихъ, „среди церкви близъ амвона", *по-крылосно* становился „Богородицкой протопопъ съ своимъ соборомъ или братіею". Архимандриты и игумены, вообще „середніе и меньшіе власти", какъ и городское бѣлое духовенство, съ протопопами малыхъ соборовъ во главѣ, размѣщались въ Успенскомъ соборѣ „кто гдѣ: стаивали и у лѣваго столпа, и у патріаршихъ гробовъ, и у ризы Спасовой" [3]). Тотъ же приблизительно порядокъ въ размѣщеніи неслужащаго духовенства наблюдался и по другимъ городамъ въ соборныхъ храмахъ, когда „бывалъ въ нихъ съѣздъ и сходъ для паннихидъ и празднествъ".

---

[1]) См. тамъ же стр. 141. [2]) Объ этомъ мѣстѣ весьма часто упоминаютъ Чиновники; см. въ нихъ по указателл. подъ словами: *мѣсто архіерейское* у столпа, противъ мѣстнаго образа Спасителя, *мѣсто митрополичье*, а также нашу статью въ Богосл. Вѣстн. за 1905 г. „О старомъ архіерейскомъ мѣстѣ въ храмѣ". [3]) *Дубровскій* Н., Патріаршіе выходы въ Чтен. Общества Истор. и Древн. Россійск. 1869 г., кн. 2, стрр. 47, 60—61, отд. V. Дополн. къ Акт. Истор. V., 124, 98, 106, 108, 180—183.

Въ томъ или другомъ распорядкѣ стояло и слушало собравшееся въ соборѣ духовенство начало воскресной и праздничной вечеренъ до „воззвашныхъ стихиръ", во время которыхъ большіе власти ходили иногда „на поклонъ" къ государю, если онъ былъ въ храмѣ, и къ святѣйшему патріарху, кланяясь первому два—три раза, второму поодинажды, а духовенство, имѣвшее участвовать въ вечернемъ входѣ, предъ пѣніемъ стихиры на Слава и нынѣ, или такъ называемаго славника, постепенно приближалось къ св. вратамъ и, положивши передъ ними поклонъ, подходило попарно къ святительскому мѣсту, кланялось архіерею, если онъ былъ здѣсь (въ отсутствіе его—находившемуся на его мѣстѣ образу), и, получивъ благословеніе, направлялось въ олтарь. Здѣсь облачившись, чрезъ сѣверныя двери шло на выходъ по тому или другому вышеуказанному пути на средину храма и затѣмъ къ престолу. Въ дальнѣйшемъ своемъ движеніи, въ частности въ отношеніи совершенія литіи, входившей тогда нерѣдко въ составъ ихъ, воскресная и праздничная вечерни не представляли какихъ-либо замѣтныхъ особенностей сравнительно съ нашими теперешними [1]). Совсѣмъ иное дѣло воскресная утреня въ соборныхъ храмахъ въ древней и старой Руси. Она существенно отличалась отъ нынѣшней и наличностію въ ея составѣ лишнихъ частей съ ихъ своеобразнымъ литургическимъ строемъ, и присутствіемъ интереснѣйшихъ подробностей въ ея обрядовой обстановкѣ. Описаніе нашей старинной воскресной *соборной* утрени, собственно второй половины ея, намъ извѣстно пока лишь въ одномъ спискѣ—по упомянутому уже не разъ Чиновнику Московскаго Успенскаго собора [2]).

---

[1]) Если не считать особенностію такъ называемые *соборные* молебны, совершеніемъ которыхъ довольно часто заключались въ старое время вечерняя, утренняя и литургійная службы по днямъ воскреснымъ и преимущественно праздничнымъ въ нашихъ соборахъ и даже приходскихъ церквахъ. Такъ въ концѣ вечерни, напримѣръ, по началѣ пѣнія стиховныхъ стихиръ, предстоятель (патріархъ, митрополитъ, архіепископъ) со властьми и неслужащимъ вообще духовенствомъ шли обычно облачаться въ олтарь, а облачившись, по окончаніи вечерни, выходили снова въ храмъ и здѣсь передъ храмовою, праздничною или мѣстно-чтимою иконой, иногда съ возженными свѣчами въ рукахъ, служили молебенъ. См. Чиновники по указателямъ къ нимъ, подъ словомъ: молебенъ.

[2]) Выходъ священнослужащихъ на величаніе въ старое время не разнился отъ нынѣшняго въ нашихъ соборахъ. На аналогіи вмѣстѣ съ праздничною иконой полагали впрочемъ иногда мощи воспоминаемаго святого для ихъ цѣлованія. Къ величанію далѣе не всегда облачался самъ предстоятель, благословляя на выходъ вмѣсто себя протопопа съ протодьякономъ или какую либо власть. Въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ это имѣло мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда былъ выходъ на такъ называемое „ублажаніе". Послѣднее обычно происходило такимъ образомъ. По 6-й пѣсни канона, при началѣ чтенія пролога, первосвятитель со властьми шелъ съ своего мѣста облачаться въ олтарь. Подъяки въ это время постилали среди церкви коверъ съ орлецомъ, а ключари поставляли ана-

Вотъ въ какомъ видѣ представлены здѣсь ходъ послѣдней, отчасти обстановка и совершители ея.

лой съ праздникомъ и витой свѣчей передъ нимъ. При окончаніи пролога, вышедъ изъ олтаря, святитель становился предъ праздникомъ, раздавалъ всѣмъ, начиная съ властей, свѣчи и затѣмъ кадилъ кругомъ аналоя, олтарь и всю церковь. Пѣвчіе дьяки пѣли при этомъ, примѣрно: *Ублажаемъ тя, святителю Петре*, на три статіи, по-крылосно. Въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ выходили на ублажаніе въ дни кончины митрополитовъ Петра и Іоны (21 декабря и 30 марта), въ дни проявленія и перенесенія честныхъ мощей перваго (4 и 24 августа), 30 января—въ праздникъ трехъ вселенскихъ святителей и 15 августа. Въ день успенія Божіей Матери, во время пѣнія дьяками „ублажанія пречистой Богородицѣ", подъякъ среди церкви говориль: *Блажени непорочніи*—всю кафизму съ припѣвами (Чиновн. Московск. Успенск. соб. стрр. 28, 73—74, 76, 98, 172, 177, 180, 207—208, 211, 251, 255; сн. стр. 46, 71). Выходы на ублажаніе на утрени праздника Успенія совершались встарину не только въ городскихъ, но и въ нѣкоторыхъ монастырскихъ Успенскихъ соборахъ, напримѣръ въ Троице-Сергіевой и Кіево-Печерской лаврахъ (*архим. Леонида* Свѣдѣніе о славянск. рукопп. св. Троицк. Лавры, поступивш. въ Московск. Духовн. Академію, вып. II стр. 317; сн. Церковно-историч. мѣсяцесловъ св. Троицкой Сергіевой лавры, стр. 72, изд. 2. Москва, 1854). Въ названныхъ монастыряхъ, а также въ Геѳсиманскомъ скиту близъ Сергіевой лавры и по настоящее время на день Успенія Божіей Матери совершается надгробное пѣніе по подобію службы утрени великой субботы. Творится оно только не по 6-й пѣснѣ канона, а на мѣстѣ величанія и, какъ бы сказать, взамѣнъ его. Въ старое и древнее время, при существованіи выходовъ на величаніе и ублажаніе, получалось два величанія. Во избѣжаніе излишняго повторенія, предстоятели не считали нужнымъ участвовать сами въ обоихъ выходахъ, но однимъ жертвовали для другого, безсознательно, быть можетъ, для самихъ себя отмѣчая тѣмъ самымъ позднѣйшее наслоеніе въ утренней службѣ. *Ублажанія или ублаженія*—такъ называемые *μα* дѣйствительно принадлежатъ къ позднѣйшей серіи церковныхъ пѣснопѣній и въ сущности представляютъ послѣдованіе погребенія, примѣненное къ святымъ и отправляемое въ дни ихъ памяти. Въ основаніи погребальнаго обряда древней церкви лежало, какъ извѣстно, пѣніе псалма 117-го: *Блажени непорочніи*. Этотъ псаломъ какъ теперь, такъ и прежде читался при погребеніи. Къ нему стали со временемъ прибавлять краткія пѣснопѣнія, *похвалы* (*τὰ ἐγκώμια*), и изъ соединенія ихъ съ стихами псалма составилось цѣлое послѣдованіе, извѣстное подъ именемъ макаризмъ. Такъ образовались каноны на боготѣлесное погребеніе Спасителя, успеніе Божіей Матери и разныхъ святыхъ, между которыми Каллистъ Ксанфопулъ почтилъ витіеватымъ послѣдованіемъ макаризмъ трехъ святителей. Но это была уже въ своемъ родѣ литургическая роскошь, которая не пошла въ ходъ и составила только лишнюю страницу въ исторіи гимнографическихъ произведеній. Вытѣснившія отчасти изъ церковныхъ службъ макаризмы такъ называемыя величанія (*μεγαλυνάρια*) также принадлежатъ относительно поздней порѣ церковной гимнографіи, но они имѣли большій успѣхъ и лучшую будущность. Отличіемъ праздничной утрени первоначально служили поліелейные псалмы, къ которымъ присоединялись стихиры въ честь праздника. Въ содержаніи этихъ стихиръ преобладалъ хвалебный элементъ. Эти стихи или въ своемъ родѣ припѣвы долго не отдѣлялись отъ общаго теченія псалма и сливались съ нимъ, какъ его необходимое дополненіе. Въ такомъ же родѣ исполнялись стихи и хвалитнаго утренняго псалма. Кто и когда впервые составилъ и ввелъ въ церковное употребленіе нынѣшнія величанія,—неизвѣстно; но они уже являются собранными въ богослужебныхъ книгахъ XIII—XIV столѣтій и надписываются именемъ Филоѳея. Есть даже предположеніе, не составлены ли они

И бываетъ (при концѣ полунощницы) звон к заутрені, и поют заутреню по уставу. А пред канонами в олтарѣ чтут первое евангеліе храму Богородицы, и послѣ евангеліа діакон ісходит со свѣщею, а священникъ поднесет евангеліе святителю, і святител целует святое евангеліе и благословит священника, и отступивше подалѣ священникъ і вкупѣ со діаконом, и поклонятся святителю. А на 9-й пѣсни архидіакон подносит святителю, возжегши, свѣщу витую; такоже і всѣ власти держат свѣщи витые даже і до октеньи великіа, а подносят имъ іхъ діаконы. Да в воскресные ж дни на 9-й пѣсне всегда благовѣстят в ревут немного для Славословія, а на Славословіи діаконы приходцкія идут, а по них панамарь свѣщу болшую витую выносит, а за нимъ выходят со крестом і со святымъ евангеліемъ, а крестъ писмяной болшой носит діакон прихожой, а ставит на немъ панамарь три свѣщи витые в шанданѣх желѣзных, а соборной Богородитцкой діакон в стихарѣ і в поручах евангеліе несет, а за нимъ всѣ священникі идут, спустя ѳелони и без скуѳей... А ходят всегда ж к Славословію по перемѣнам іс Китая і ис Кремля города священники і діаконы, а иногда по нуждѣ одинъ недѣлной ходит. А выходят изъ олтаря в ризах сѣверными дверми и обходятъ кругомъ одново столпа, позади лѣваго крылоса. А за собором или за недѣлным попом посадцкіе попы из Китая или із Кремля всегда ходят, а берегут того подьяки накрѣпко, чтоб всегда ходили безлѣностно. А какъ обшед кругомъ столпа и среди церкви станут противъ амбона, по обѣденному чину, и поклонится діакон перѣю; иерей же благословит его и поцелует святое евангеліе. И пошед по два и покланяются на мѣсте святителскому образу Петра чюдотворца. А будет святитель, когда ни будет, в воскресный день, и на Славословіи протопопъ и с протодіаконом на семъ выходу бываютъ. І подносит святое евагтеліе на мѣсте патріарху протодіаконъ, и целует патріархъ святое евагтеліе и благословит протодіакона, и поклонився протодіакон, і идет в олтарь, а протопоп з братьею и всѣ священники по два покланяются патріарху. І вси вшедше в олтар, и собором поют *Святый Боже* единожды, а потомъ протодіакон іли діакон, аще без патріарха, то сказывает прокимен воскресной. И восходят на амбон и поютъ по крылосомъ прокимен, а Всяко дыханіе не поют, но токмо *Премудрость, прости* говорит діакон, и *Господи помилуй* не поют же и чтут евангеліе на амбонѣ. И аще будет патріархъ или митрополит

первоначально славянами, но это предположеніе основывается на довольно шаткомъ основаніи, поводъ къ которому былъ данъ нахожденіемъ ихъ въ древнѣйшихъ славянскихъ рукописяхъ.

или архіепископъ, и кто чел евaггеліе, и подносят евaггеліе святителю, и по тому ж чину все бывает, якож и послѣ перваго евaггеліа выше указано... А когда без патріарха, самъ протопопъ з братьею поют Славословіе, и какъ на выход пойдут со крестом і сь евaггеліем, і протопопъ з братьею снимут скуѳьи с себя и поклонятся евaггелію» [1]).

Изъ особенностей нашей древней воскресной утрени, представляемыхъ только приведеннымъ изложеніемъ ея, наиболѣе важную несомнѣнно составлялъ выходъ соборнаго и городского духовенства на великомъ Славословіи, происходившій *въ преднесеніи креста и евангелія* и соединившійся съ воскреснымъ чтеніемъ изъ послѣдняго на амвонѣ. Припомнивъ наши выносы креста въ день Воздвиженія, въ недѣлю крестопоклонную или 1-го августа—съ одной стороны, и чтеніе евангелія въ концѣ утрени великой субботы—съ другой, можно будетъ составить себѣ наглядное и приблизительно вѣрное представленіе объ этомъ старинномъ выходѣ на утрени и отчасти уяснить себѣ происхожденіе нѣкоторыхъ не совсѣмъ понятныхъ литургическихъ подробностей, напримѣръ, присутствіе возгласа: „Премудрость, прости“ въ нашемъ теперешнемъ выносѣ креста. Послѣдній обрядъ въ нашей богослужебной практикѣ представляетъ явленіе рѣдкое, исключительное; наоборотъ, выходъ священнослужащихъ съ крестомъ и евангеліемъ на великомъ Славословіи въ старое время на Руси былъ обычною, можно сказать, составною частью воскресной утрени. Въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ онъ совершался отъ недѣли Всѣхъ святыхъ до недѣли мытаря и фарисея. Въ послѣдующіе воскресные дни выходовъ съ крестомъ по великомъ Славословіи на утрени въ немъ не было и евангелій читали не два, а одно воскресное предъ канономъ въ олтарѣ. Впрочемъ, если случалось праздновать „великаго святаго с величанием в воскресные дни до Всѣх святых“, то читалось два евангелія: святому или празднику предъ канономъ въ олтарѣ и воскресное тамъ же, предъ престоломъ, по великомъ Славословіи [2]). Въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ выходы на великомъ Славословіи соборнаго и городского духовенства начинались въ первую недѣлю Петрова поста и происходили на всѣхъ воскресныхъ утреняхъ, не исключая великопостныхъ воскресеній, вплоть до недѣли Ѳоминой. Съ воскресенія Ѳомина и по недѣлю Всѣхъ святыхъ включительно, также въ воскресенье предъ Воздвиженіемъ, ихъ не было [3]). Практика Холмогорскаго Преображенскаго собора согласо-

[1]) Рукоп. С.-Петерб. Дух. Акад. № 127 лл. 118 об.—120; сн. Чин. Моск. Успенск. соб., стр. 141—142. [2]) Тамъ-же стрр. 81—83, 87, 90, 95, 98, 101, 132—136, 139, 141—142. Русск. Истор. Библ. т. III, ст. 139. [3]) Чиновникъ Новгородск. Софійск. соб., стр.

валась съ Новгородскою въ совершеніи разсматриваемыхъ выходовъ и великимъ постомъ и въ недѣли приготовительныя къ нему [1]), хотя онъ, какъ и другіе соборы, имѣлъ насчетъ времени отправленія ихъ и свои особенности. Расширеніе или сокращеніе срока совершенія выходовъ по великомъ Славословіи, полная отмѣна ихъ въ тѣ или другія недѣли зависѣли иногда отъ усмотренія и характера настоятеля [2]), еще чаще отъ совпаденія общецерковныхъ праздниковъ или мѣстныхъ торжествъ съ днями воскресными; въ значительной мѣрѣ обусловливались штатомъ служащихъ лицъ и состояніемъ служебныхъ средствъ въ соборныхъ храмахъ: не всѣмъ изъ нихъ безъ исключенія во второй половинѣ XVII в., напримѣръ, было подъ силу совершеніе занимающаго насъ торжественнаго обряда. Тѣми или другими причинами вызывались колебанія въ срокахъ и вообще времени отправленія послѣдняго,—во всякомъ разѣ существованіе въ нашихъ соборахъ въ древнее и старое время на воскресныхъ утреняхъ такъ называемыхъ выходовъ *съ крестомъ и евангеліемъ* по великомъ Славословіи не можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію и является любопытнымъ и, можно сказать, новымъ въ литургической наукѣ фактомъ [3]), происхожденіе котораго такъ или иначе предстоитъ теперь объяснить.

Не полагавшійся по Студійскому уставу, нѣкогда на Руси дѣйствовавшему, и неизвѣстный Іерусалимскому, нынѣ регулирующему наше богослуженіе, обрядъ выхода по великомъ Славословіи съ крестомъ и евангеліемъ есть, очевидно, пережитокъ или остатокъ отъ какого-то другого строя воскресной службы, нѣкогда въ практикѣ соборныхъ нашихъ храмовъ бывшаго. Уже чтеніе на воскресной утрени двухъ евангелій: одного передъ канономъ въ олтарѣ, согласно нашему теперешнему уставу, другого—воскреснаго по великомъ Славословіи на амвонѣ даетъ понять, что мы имѣемъ дѣло здѣсь съ наращеніемъ или наслоеніемъ въ обрядѣ, съ искусственнымъ объединеніемъ въ составѣ одной и той же службы различныхъ литургическихъ порядковъ. Не пожелавъ разстаться

24, 147, 149, 156, 167, 171, 175, 179, 235—236. Въ недѣлю предъ Воздвиженіемъ не было выхода на утрени и молебна послѣ нея въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ потому, что въ этотъ день совершаемъ былъ большой крестный ходъ къ Спасо-Преображенской церкви на Ильинскую улицу. [1]) Чиновники Холмогорск. Преображ. соб., стрр. 75, 89, 181. [2]) Въ Холмогорскомъ чиновникѣ, при изложеніи службы первой *недѣли* великаго поста (стр. 75), замѣчено: „Для выхода на 9-й пѣсни благовѣстъ в болшой; *указал архиерей* і впредь, егда бывает ход в собор іли к дѣйству, выход тогда на 9-й пѣсни". Распоряженіе преосвящ. Аѳанасія ясно, но мотивы его не совсѣмъ для насъ понятны. [3]) Мимоходное замѣчаніе о входѣ предъ великимъ Славословіемъ на пѣсненной утрени въ XIV в. намъ встрѣтилось лишь въ трудѣ *Одинцова*: Порядокъ общественнаго и частнаго богослуженія въ Россіи до XVI в., стр. 109, 112.

съ древнимъ, величественно-трогательнымъ обрядомъ выхода на утрени съ крестомъ и евангеліемъ, тутъ же и читавшимся, удержали его въ составѣ утрени, но дали мѣсто передъ нимъ и новому богослужебному обычаю, въ видѣ чтенія передъ канономъ евангелія храму, празднуемому святому или событію. Такимъ образомъ прокладывали путь новому уставу въ литургической практикѣ и тѣмъ думали помирить съ нимъ старый строй соборной службы, не безъ противодѣйствія и борьбы, очевидно, уступавшій свое мѣсто нововводимому и постепенно вытѣснявшему его порядку. Но что это за старый строй церковной службы, долго державшійся и столь не нравившійся нашимъ предкамъ, и откуда взялся онъ въ нашихъ древнихъ соборныхъ храмахъ?

Уже судя по однимъ величественнымъ выходамъ духовенства на воскресныхъ вечернѣ и утренѣ, можно сказать, что это былъ родъ необычайно-торжественной службы, разсчитанный и на многихъ исполнителей и на нескудную богослужебную обстановку. Онъ могъ быть выработанъ и совершаться лишь въ храмѣ, снабженномъ большимъ штатомъ служащаго духовенства, значительными хорами пѣвцовъ, богатою ризницей; могъ быть заимствованъ древнею Русью лишь у храма, въ глазахъ ея, если можно такъ выразиться, высоко-авторитетнаго. А такимъ храмомъ въ сознаніи древнѣйшей Руси, получившей вмѣстѣ съ вѣрою церковную обрядность изъ Византіи, была, какъ мы выше видѣли, Великая константинопольская церковь. Уставъ ея, пользовавшійся въ свое время широкою популярностію въ самой Византіи, довольно рано сталъ извѣстенъ и за предѣлами ея: Грузія, Аѳонъ и земли славянскія отчасти руководствовались имъ въ своей литургической практикѣ. Извѣстенъ онъ былъ и у насъ на Руси и не только извѣстенъ, но и находился несомнѣнно въ практическомъ употребленіи, былъ принятъ въ качествѣ регулятора богослуженія и образца литургическихъ порядковъ, по крайней мѣрѣ, въ нашихъ главныхъ каѳедрально-епископскихъ и отчасти въ монастырскихъ соборныхъ храмахъ.

Еще покойные описатели славянскихъ рукописей Московской Синодальной библіотеки ознакомили ученый міръ съ довольно полнымъ пергаминнымъ требникомъ конца XIV или начала XV вѣка, въ которомъ изъ молитвъ и чиновъ, употреблявшихся въ Великой константинопольской церкви, обратили особенное вниманіе на молитвы такъ называемаго *вечерняго* пѣсненнаго послѣдованія (ἀσματικὴ ἀκολουθία) [1]), нѣкогда совершавшагося въ послѣдней, какъ и въ другихъ каѳедрально-

[1]) Описан. славв. рукопп. Горскаго и Невоструева отд. III, ч. 1, № 371 лл. 87—91, 100 об., стрр. 138—140, 143.

епископскихъ храмахъ Византіи. Вскорѣ за ними описатель извѣстныхъ Хлудовскихъ рукописей [1]) полностію напечаталъ драгоцѣннѣйшій отрывокъ „Оустава великия церкви святыя София, списанаго боголюбивымъ архиепископомъ новгородьскимъ Климентомъ“ († 1299), сообщивъ довольно подробныя свѣдѣнія о малоизвѣстной личности „списателя“. Уцѣлѣвшее въ этомъ отрывкѣ изложеніе службъ на первые тринадцать сентябрьскихъ дней съ характеристическими особенностями преимущественно праздничнаго богослуженія св. Софіи царьградской, въ связи съ выше указанными молитвами пѣсненной вечерни, являлось непререкаемымъ доказательствомъ того, что чины и уставъ, нѣкогда совершавшіеся и дѣйствовавшіе въ „прекрасной *матери нашей*“, переведены были въ свое время на славянскій языкъ, переписывались у насъ даже самими архипастырями. И. разумѣется, дѣлалось то и другое не изъ простой любознательности, не для книжнаго почитанія, а по настоятельной нуждѣ, потому что литургическіе порядки св. Софіи Константинопольской имѣли силу и продолжали дѣйствовать въ богослужебной практикѣ нашихъ соборныхъ церквей. Лицами, занимавшимися изученіемъ древне-русскаго богослуженія, уже отмѣчено въ немъ нѣсколько особенностей и чиновъ, имѣвшихъ мѣсто въ ритуалѣ Великой константинопольской церкви и являющихся очевидными слѣдами дѣйствованія въ древнее время ея устава на Руси [2]). Проф. Дмитріевскій, приведши нѣсколько этого рода литургическихъ данныхъ, находитъ наглядное подтвержденіе тому и въ такъ называемомъ пещномъ дѣйствѣ [3]), совершавшемся долгое время на Руси въ недѣлю святыхъ отецъ или праотецъ, смотря потому, на какіе дни приходилось въ тотъ или другой годъ рождество Христово. Не зная греческаго оригинала этого чина и притомъ такого, въ которомъ находили бы себѣ объясненіе всѣ подробности нашего дѣйства, но увѣренный въ византійскомъ происхожденіи послѣдняго, въ оправданіе своей увѣренности онъ сопоставляетъ между прочимъ послѣдованіе вечерни, утрени и литургіи, съ которыми было связано неразрывно, по нему, пещное дѣйство, съ чинами вечерняго, утренняго и литургійнаго бого-

---

[1]) *Поповъ А.* Первое прибавленіе къ описанію рукописей и каталогу книгъ церковной печати библіотеки А. И. Хлудова, стр. 11—18. М. 1875. [2]) *Проф. Е. Е. Голубинскаго* Ист. Русск. Церкви, I, 2, стр. 317—318 М. 1881. *Проф. И. Д. Мансветова* Митроп. Кипріанъ въ его литургич. дѣятельности, стр. 137 и друг. Его же: О пѣсненномъ послѣдованіи въ Прибавл. къ творен. св. отцевъ, ч. 26 стр. 753—54. Свящ. *Никольскій*, Анаѳематствованіе, стр. 22. СПБ. 1879. *Одинцова* Поряд. общ. и частн. богосл. стр. 109 - 111. [3]) Чинъ пещнаго дѣйства, стрр. 4 и слѣд. отдѣльнаго оттиска изъ журнала Византійскій Временникъ, т. I вып. 2—3. СПБ. 1895. См. *его же*: Современное богослуженіе на правосл. востокѣ, вып. 1 стр. 43. Кіевъ. 1891.

служенія по уставу Великой константинопольской церкви вообще и находитъ между ними въ основномъ и существенномъ полное совпаденіе [1]). Если эту аргументацію и нельзя признать прямо отвѣчающею цѣли, для которой она прежде всего предназначалась нашимъ литургистомъ, то во всякомъ разѣ невозможно и оспаривать справедливости той его мысли, что всѣ важнѣйшія особенности вечерняго и утренняго богослуженія недѣли праотецъ, отецъ, какъ, добавимъ отъ себя, и вообще древней воскресной службы въ нашихъ соборахъ, вполнѣ объясняются изъ практики Великой константинопольской церкви и отсюда несомнѣнно ведутъ свое начало. Чтобъ убѣдиться въ этомъ наглядно, познакомимся съ уставомъ и практикой послѣдней относительно совершенія интересующихъ насъ выходовъ на воскресныхъ вечерняхъ и утреняхъ.

Въ уставѣ говорится, что въ субботу вечеромъ архіерей, въ преднесеніи лампады кѣмъ-либо изъ церковниковъ и въ предшествіи клира и народа, приходилъ изъ своихъ келлій въ церковь и, ставъ посреди ея, творилъ поклонъ, цѣловалъ находившуюся здѣсь икону и затѣмъ всходилъ на свое мѣсто (εἰς τὸ στασίδειον). Клирики многолѣтствовали при этомъ по обычаю, а онъ трижды благословлялъ ихъ. По начатіи вечерни священникомъ съ діакономъ, совершалось по порядку послѣдованіе ея. На *Славу* священники и діаконы облачались внутри олтаря и, вышедъ со стороны предложенія, приходили къ самымъ почти западнымъ вратамъ (πλησίον τῶν ὡραίων πυλῶν) храма. И послѣ того, какъ они рядами и въ порядкѣ здѣсь устанавливались, приходилъ иподіаконъ, ставилъ впереди ихъ два подсвѣчника и, подавъ кадило старшему изъ діаконовъ, становился самъ сзади, между нимъ и первымъ священникомъ. Когда оканчивалась стихира, старѣйшій діаконъ, выступивъ немного впередъ, возглашалъ: *Премудрость, прости*, дѣлая при этомъ крестъ кадиломъ. Младшіе діаконы брали подсвѣчники и предшествовали входу, направлявшемуся внутрь святаго олтаря. Иподіаконъ возвращался въ ту сторону, откуда выходилъ входъ и также входилъ

---

[1]) Въ качествѣ особенностей утрени, за которою совершалось у насъ пещное дѣйство, сравнительно съ изложеніемъ ея по уставу Великой церкви, проф. Дмитріевскій отмѣчаетъ отсутствіе на ней выноса большого креста, а по сравненію съ нашимъ теперешнимъ порядкомъ утренняго богослуженія—чтеніе воскреснаго евангелія послѣ великаго Славословія (стр. 20). Послѣдняя особенность составляла характеристическую черту не одной утрени недѣли праотецъ или отецъ, но и каждой, какъ выше было говорено, воскресной утрени въ древнерусскихъ соборахъ, а отсутствіе выноса креста на первой вызывалось, вѣроятнѣе всего, пещнымъ дѣйствомъ, для совершенія котораго убирался между прочимъ и амвонъ, на который всходили съ крестомъ и евангеліемъ. Одинъ обрядъ замѣнялъ или, лучше сказать, вытѣснялъ на время другой.

въ послѣдній. Во время совершенія входа діаконъ, шедшій съ кадиломъ впереди, останавливался предъ стасидіей архіерея и кадилъ его; потомъ, присоединившись къ священникамъ, первымъ входилъ на солею и въ олтарь. За входомъ слѣдовало пѣніе прокимна и вечерня оканчивалась отпустомъ священника [1]).

Сопоставивъ нашу древнюю воскресную вечерню съ только что описаннымъ порядкомъ той же службы, на основаніи устава Великой церкви XV стол., нельзя будетъ не замѣтить при нѣкоторомъ различіи въ частностяхъ и сходства между ними. Послѣднее между входами на вечернѣ—нашимъ и древне-греческимъ—станетъ ближе и очевиднѣе, если возьмемъ для сравненія литургическую практику Великой церкви, *болѣе близкую* по времени къ той, которая записана въ выше напечатанномъ извлеченіи изъ Чиновника Московскаго Успенскаго собора. Архидіаконъ Павелъ Алеппскій въ своемъ описаніи „Путешествія Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка" неоднократно касается воскресной вечерни и болѣе или менѣе подробно излагаетъ ходъ ея въ разныхъ мѣстахъ христіанскаго востока и у насъ въ Россіи. Разсказывая, напримѣръ, о совершеніи входа на вечернѣ подъ одно изъ воскресеній въ патріаршей церкви въ Константинополѣ, онъ пишетъ: „Во время *Славы* священники начали попарно совершать метаніи (поклоны) предъ константинопольскимъ патріархомъ, потомъ предъ антіохійскимъ, повторяя дважды; всѣхъ ихъ было пять паръ. Затѣмъ они вошли (въ олтарь), облачились въ ризы и шествовали кругомъ на входѣ, а потомъ стали около патріарха полукругомъ. Послѣ того, какъ дьяконъ, размахивая кадильницей, окадилъ царскія врата, потомъ обоихъ патріарховъ и священниковъ и прочихъ присутствовавшихъ, священники громогласно запѣли: *Свѣте тихій.* Тогда дьяконъ возвратился и снова кадилъ патріархамъ, а священники, подходя попарно, испрашивали у нихъ благословеніе, а затѣмъ входили въ олтарь, гдѣ разоблачались. Такой у нихъ обычай наканунѣ воскреснаго дня или большого праздника. Эти священники", дѣлаетъ любопытную въ данномъ случаѣ для насъ замѣтку Павелъ, „*изъ окружныхъ церквей вблизи патріаршихъ палатъ*, и это признакъ, что они готовятся съ вечера къ совершенію литургіи". Невольно вспоминаешь при этомъ, что и у насъ на Москвѣ въ XVII столѣтіи привлекались къ участію въ выходахъ на вечернѣ и утренѣ чаще другихъ священники и діаконы изъ Китай-города

---

[1]) *Дмитріевскаго А. А.* Описаніе литургическихъ рукопп., т. I ч. 1, *Τυπικά*, 164—165. Кіевъ 1895; сн. *его же*: Современн. богослуж. на православн. востокѣ, стр. 44—46.

и Кремля—ближайшихъ мѣстъ къ Успенскому собору. Порядокъ вечерняго выхода подъ воскресенье или праздникъ на Руси у Павла Алеппскаго всюду изображается вполнѣ сходнымъ съ сейчасъ представленнымъ, сообщаетъ ли онъ о совершеніи воскресной вечерни въ Коломенскомъ, Большомъ Успенскомъ и Новгородскомъ Софійскомъ соборахъ, или же въ монастыряхъ: Кіево-Печерскомъ, Густинскомъ-Троицкомъ и Московскомъ Новодѣвичьемъ. „За вечерней... наканунѣ каждаго воскресенья и особеннаго праздника передъ *Слава и нынѣ* (Коломенскій) протопопъ съ шестью другими священниками подходилъ взять благословеніе у нашего владыки патріарха, дѣлая ему земной поклонъ передъ и послѣ; онъ благословлялъ ихъ. Они входили въ олтарь, облачались и выходили на *входъ*, при пѣніи *Свѣте тихій*“ [1]). Въ этихъ немногихъ словахъ любознательный путешественникъ какъ бы резюмировалъ всѣ свои разновременныя и разномѣстныя наблюденія надъ совершеніемъ входа на праздничной вечернѣ. Всѣ они сводятся къ тому, что въ большихъ церквахъ Греціи и на Руси въ торжественныхъ случаяхъ онъ исполнялся въ XVII вѣкѣ въ существенномъ одинаково, и это сходство нельзя объяснить иначе, какъ происхожденіемъ той и другой литургической практики изъ одного источника.

Уставъ Великой константинопольской церкви въ отношеніи совершенія выхода на *великой вечернѣ* и до сихъ поръ продолжаетъ дѣйствовать на востокѣ. „Если намѣрены *войти* многіе священники, читаемъ въ послѣдованіи ея, то передъ славникомъ они принимаютъ благословеніе (λαμβάνουσι καιρόν) отъ архіерея и, вошедши въ олтарь и поцѣловавши свв. евангеліе и трапезу, облачаются въ епитрахиль и фелонь. Во время славника они исходятъ и рядами (κατὰ σειράν-цѣпью), полукругомъ идутъ на средину храма. Сказавъ: *Премудрость, прости*, діаконъ становится противъ архіерейскаго трона, позади послѣдняго изъ іереевъ. При пѣніи хоромъ словъ: *Пришедше на западъ солнца*, покадивъ архіерея и Владычныя иконы, діаконъ входитъ во святилище, а со словами: *Отца, Сына и св. Духа* вступаютъ и священники по-два, преклонивши напередъ главы передъ тропомъ, и, ставши по сторонамъ престола, оканчиваютъ пѣснопѣніе [2]). Этотъ выходъ на воскресной и вообще праздничной вечернѣ, оставленный у насъ на Руси, не только въ книгахъ значится, но и на самомъ дѣлѣ продолжаетъ совершаться на востокѣ, какъ свидѣтельствуютъ о томъ знатоки его [3]).

[1]) Путешеств. Антіохійск.. патр. Макарія, вып. II стр. 162, 60, 90; III, 193; IV, 49, 82. [2]) Ἱερατικόν'α, стр. 8—9. Изд. Константинопол. 1895. [3]) *Арх. Порфирія*: „Изъ записокъ Синайскаго богомольца“, въ Труд. Кіевск. Акад. за 1873 г., т. I стр. 370-371, 380-381; сн. *Муркоса* Путеш. патр. Макарія вып. III, 193 прим. 1.

Выходъ на утренѣ на великомъ Славословіи съ крестомъ и евангеліемъ не былъ такъ устойчивъ и живучъ, какъ вечерній выходъ, но зато въ немъ зависимость наша отъ практики Великой церкви даетъ себя знать еще болѣе осязательно. „На великомъ славословіи", читаемъ про этотъ торжественный обрядъ въ томъ же уставѣ Великой церкви XV вѣка, „происходитъ снова входъ, какъ сказано въ чинѣ вечерни. При пѣніи священниками: *Преблагословенна еси*, въ этотъ входъ идетъ впереди подсвѣчниковъ чтецъ въ фелони, держа въ рукахъ своихъ большой крестъ, и становится съ крестомъ среди подсвѣчниковъ; когда же возвращаются въ олтарь, онъ идетъ впереди, доходитъ до солеи и здѣсь останавливается. По входѣ священниковъ въ олтарь, чтецъ всходитъ на вторую ступень амвона и говоритъ на-роспѣвъ (μετὰ μέλους): *Слава въ вышнихъ Богу*. По исполненіи великаго славословія въ олтарѣ священниками и діаконами, снова всходитъ тотъ же чтецъ и поетъ псаломъ Давида, потомъ *Воскресни Господи* и прочіе стихи. И сходитъ этотъ чтецъ, и всходитъ доместикъ или лаосинактъ на третью ступень амвона и поетъ вмѣстѣ съ другими чтецами прокименъ... Во время пѣнія доместикомъ прокимна выходятъ два чтеца съ подсвѣчниками и два діакона, а позади ихъ идетъ священникъ съ св. евангеліемъ въ рукахъ, одѣтый во всю священническую одежду; поднимается на амвонъ съ задней стороны и садится съ діаконами, пока чтецы съ доместикомъ исполняютъ прокименъ и *Многолѣтно сотвори святое царство ихъ* и Τὸν δεσπότην καὶ ἀρχιερέα. Когда говорятъ: *Многолѣтно сотвори*, встаетъ священникъ и діаконы. Діаконы спускаются до третьей ступени амвона, чтецы съ подсвѣчниками становятся на второй, а наверху священникъ полагаетъ св. евангеліе. Второй діаконъ изъ олтаря говоритъ: *Премудрость, прости услышимъ святаго евангелія;* священникъ имя св. евангелія и по порядку (читаетъ) св. евангеліе. По прочтеніи его, одинъ изъ діаконовъ беретъ св. евангеліе и отходитъ къ архіерею, а онъ цѣлуетъ св. евангеліе и благословляетъ его. Священникъ становится на послѣдней ступени амвона и ожидаетъ, пока возвратится діаконъ и, когда прійдетъ, входятъ въ олтарь сначала чтецъ съ крестомъ, потомъ чтецы, діаконъ съ св. евангеліемъ и священникъ. Во время произнесенія вторымъ діакономъ утреннихъ прошеній, находящіеся въ олтарѣ священники и діаконы разоблачаются и выходятъ; остается одинъ только священникъ, читавшій св. евангеліе, и творитъ отпустъ [1]).

---

[1]) *Дмитріевскаго А. А. Τυπικά*, стр 165—167; сн. его-же: Современн. богослуж., стр. 47—48.

Согласно съ выше приведеннымъ излагаетъ конецъ пѣсненной утрени и Симеонъ Солунскій. Къ сожалѣнію онъ только упоминаетъ о входѣ іереевъ съ крестомъ и св. евангеліемъ на великомъ славословіи, но не говоритъ подробно о томъ, какъ происходилъ онъ. Изъ его сбивчиваго, прерываемаго то и дѣло толкованіями изложенія, для насъ не вполнѣ ясно: былъ ли этотъ входъ совершенно особымъ обрядомъ, въ точномъ смыслѣ слова *выходомъ* іереевъ изъ олтаря, совершавшимся только на воскресной утренѣ, или же онъ составлялъ конечную стадію на пути священнослужащихъ изъ притвора чрезъ средину храма въ олтарь ежедневно? Повидимому, имѣло мѣсто первое. По Симеону Солунскому и другимъ памятникамъ, пѣсненная утреня, какъ и теперешняя наша пасхальная, начиналась и въ значительной своей части происходила въ притворѣ, при затворенныхъ *главныхъ* западныхъ (βασιλικαὶ πύλαι) вратахъ храма. Послѣ обычнаго начала, великой ектеніи и трехъ антифоновъ, при пѣніи непорочныхъ, іерей боковою дверью входилъ въ храмъ, кадилъ его и олтарь и, взявъ вмѣсто кадила стоявшій позади св. престола крестъ, съ водруженными въ немъ тремя свѣчами (ἐν δὲ τῷ σταυρῷ καὶ τρεῖς κηροὶ πεπηγμένοι) молча приносилъ его въ притворъ и поставлялъ здѣсь справа „близъ великихъ вратъ“. При концѣ непорочныхъ, отверзши послѣднія и взявши крестъ, въ которомъ при этомъ возжигались свѣчи, іерей творилъ обычную молитву входа и вступалъ въ самый храмъ, сопровождаемый обоими ликами и народомъ. Продолжалъ ли священникъ свое движеніе непосредственно въ олтарь, или же вмѣстѣ съ прочими онъ пріостанавливался на срединѣ храма,—изъ Симеона Солунскаго хорошенько не видно; одно несомнѣнно, что крестъ, находившійся дотолѣ въ его рукахъ, водружался на амвонѣ, насупротивъ олтаря, и стоялъ въ теченіе утрени до того времени, какъ всходилъ сюда чтецъ и, возгласивъ слова: *Слава въ вышнихъ Богу*, бралъ его въ свои руки [1]).

Будемъ ли сравнивать нашъ древне-русскій выходъ духовенства на воскресныхъ утреняхъ съ изложеніемъ того же обряда въ уставѣ Великой церкви XV вѣка или въ передачѣ его у Симеона Солунскаго, неизбѣжно прійдемъ къ увѣренности въ происхожденіи его изъ практики св. Софіи константинопольской. Разности, легко объясняемыя историческимъ развитіемъ всей вообще обрядности, замѣчаются въ подробностяхъ изучаемаго нами священнодѣйствія, а существенное въ немъ въ

---

[1]) *Симеона Солунскаго* De sacra precatione, у Миня въ Patrolog., ser. Graec. t. 155, col. 636—649; русск. перев. въ Писаніяхъ свв. отцевъ и учителей церкви, относящихся къ истолк. правосл. богосл., т. II стр. 485—499.

Греціи и у насъ одинаково. Даже такая частность въ обстановкѣ выхода, какъ величина и устройство предносимаго въ немъ креста, тамъ и здѣсь одинакова. Замѣчаніе Чиновника нашего Успенскаго собора:... „выходят со крестом і со святымъ евангеліемъ, а *крестъ* писмяной *большой* носит діакон прихожой, а *ставит* на немъ пономарь три свѣщи витые в шанданѣх желѣзных“ вполнѣ согласно съ тѣмъ, что говорится о той же священной утвари у Симеона Солунскаго и въ уставѣ Великой церкви.

Въ настоящее время у насъ и на православномъ востокѣ не бываетъ уже на воскресныхъ утреняхъ по великомъ славословіи выходовъ духовенства съ крестомъ и евангеліемъ и они прекратили свое существованіе, нужно думать, довольно давно. Старецъ Арсеній Суховъ, въ половинѣ XVII вѣка изучавшій состояніе греческаго богослуженія и обстоятельно изложившій свои наблюденія надъ нимъ въ извѣстномъ Проскинитаріи, ни единымъ словомъ не обмолвился о занимающемъ насъ обрядѣ при изложеніи воскресной утрени въ своемъ Тактиконѣ (стр. 245). Павелъ Алепскій, не разъ имѣвшій случай касаться отправленія утрени на Востокѣ, въ Молдавіи, Валахіи и во многихъ мѣстахъ у насъ на Руси въ своемъ обширномъ описаніи, тоже не упоминаетъ о выходѣ духовенства по великомъ славословіи. Ясное дѣло, что послѣдній вышелъ къ тому времени изъ богослужебной практики или, по крайней мѣрѣ, не былъ *необходимою* составною частью воскресной утрени; иначе, какъ заключительный и притомъ же торжественный актъ ея, онъ не ускользнулъ бы отъ вниманія такого наблюдательнаго путешественника и старательнаго описателя, какимъ былъ архидіаконъ Павелъ [1]). Есть положительныя основанія утверждать, что въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ ко времени пріѣзда сюда Антіохійскаго патріарха Макарія разсматриваемый обрядъ былъ оставленъ на воскресныхъ утреняхъ, или, покрайности, былъ совершаемъ сравнительно рѣдко.

---

[1]) Нужно вообще сказать про трудъ его, что онъ заключаетъ въ себѣ богатый и разнообразный *литургико-археологическій* матеріалъ. Весь храмъ въ его цѣломъ: внѣшній видъ, особенно внутреннее устройство и убранство его, богослужебныя и внѣ-богослужебныя одежды духовенства, утвари и другія церковныя принадлежности, все рѣшительно богослуженіе съ разнаго рода литургическими порядками и обычаями были наблюдаемы и болѣе или менѣе подробно описываемы архид. Павломъ. Описаніе его во многихъ своихъ мѣстахъ можетъ служить дополненіемъ къ нашимъ *Соборнымъ Чиновникамъ* и такъ называемымъ *Патріаршимъ выходамъ* и само должно восполняться и провѣряться ими. Много цѣннаго сообщаетъ онъ о храмахъ и богослуженіи на Востокѣ и особенно въ Молдавіи съ Валахіей. Словомъ, церковный археологъ съ литургистомъ многимъ могутъ воспользоваться изъ Павла Алепскаго и скажутъ большое спасибо его переводчику на русскій языкъ.

Противъ приведенныхъ выше извлеченій изъ Чиновника только что названнаго собора, въ которыхъ описываются главнымъ образомъ выходы на вечернѣ и утренѣ въ недѣлю Всѣхъ святыхъ, въ оригиналѣ или въ рукописи С.-Петербургской Духовной Академіи на поляхъ (л. 118 об.) сохранилась небольшая, скорописью XVII вѣка сдѣланная, въ высшей степени любопытная и въ данномъ случаѣ весьма важная замѣтка: „Во 161-м (т. е. 1653 году) указалъ патріархъ благовѣстить въ ревут, а *вечерня болшая; на утрени евангеліе воскресно и выходъ по Славословіи отказал* и молебны отказал, а у литоргіи царь і царица были в соборе, и патріархъ был у стола у царя“ [1]). Рѣчь идетъ въ ней объ одномъ изъ крупныхъ, на нашъ взглядъ, распоряженій патр. Никона, направленномъ противъ издавна существовавшихъ на Руси въ *соборныхъ* церквахъ богослужебныхъ обычаевъ и церковно-обрядовыхъ порядковъ. Встарину у насъ въ дни воскресные и праздничные, кромѣ вечеренъ съ „праздничными литіями“ и молебнами наканунѣ ихъ, служились послѣ утреней, какъ нѣсколько выше уже было замѣчено нами, такъ называемые „соборные молебны“, къ участію въ которыхъ привлекалось вмѣстѣ съ соборнымъ еще приписное къ соборамъ и церковно-приходское духовенство [2]). Разумѣется, послѣднее тяготилось хожденіемъ въ большой соборъ къ молебнамъ. Зная объ этомъ по своей раннѣйшей службѣ въ Новгородѣ и Москвѣ, патр. Никонъ приказываетъ оставить соборный молебенъ передъ литургіей въ воскресенье *Всѣхъ святыхъ*. Весьма вѣроятно, что святѣйшій, отдавая послѣднее приказаніе, на этотъ разъ имѣлъ въ виду и присутствіе у обѣдни царя съ царицей, для которыхъ приходилось укорачивать службу и начинать ее позднѣе, и себя самого, которому послѣ параднаго стола у царя нужно было ещо встрѣчать и провожать послѣ вечерни въ этотъ день „со всеѣ Москвы приходившихъ в церковь соборную со кресты и с образы“ духовенство и народъ [3]). Но, отмѣняя выходъ на великомъ славословіи и воскресное евангеліе, патр. Никонъ помимо житейскихъ соображеній, подобныхъ высказаннымъ, долженъ былъ руководиться и другими, болѣе серьезными и глубокими мотивами. Не должно забывать, что это распоряженіе отдавалось, спустя три мѣсяца съ небольшимъ послѣ разсылки извѣстной патріаршей памяти о поклонахъ въ св. четыредесятницу и троеперстіи для крестнаго знаменія, вызвавшей соблазнъ въ однихъ и раздраженіе въ другихъ. Противленіе, встрѣчен-

[1]) Чиновн. Моск. Усп. собора, стр. 141, примѣчанія 3—4. [2]) Стоглава главы 30 и 41—вопросы 9 и отчасти 41, стрр. 130—131, 173, 198—199 и др. Казанск. изд.; сн. П. С. Р. Л. т. Ш, стр. 170. [3]) Чин. Моск. соб. стр. 143; Р. И. Б. III ст. 152—153; Стоглава гл. 35, стр. 46 и слѣд.

ное патр. Никономъ въ самомъ же началѣ его дѣятельности по исправленію церковной обрядности, обязывало его къ осторожности въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Если же онъ рѣшился наложить veto на очень древній обрядъ, значитъ уничтоженіемъ его не опасался вызвать новое недовольство въ своихъ пасомыхъ или какое-либо противодѣйствіе съ ихъ стороны. Видимое дѣло, что отмѣняемый обрядъ уже не заключалъ въ себѣ къ тому времени жизненной силы, сдѣлался обременительнымъ для однихъ, наскучившимъ, быть можетъ, вслѣдствіе частого своего совершенія другимъ, излишнимъ при новомъ богослужебномъ строѣ въ глазахъ третьихъ. И любопытно, что судьбы разсматриваемаго обряда у насъ и въ Греціи имѣли между собою нѣчто общее, какъ сходны были отчасти и причины, поведшія здѣсь и тамъ къ его уничтоженію.

Въ первой половинѣ XI вѣка выходъ духовенства на великомъ славословіи въ св. Софіи константинопольской былъ несомнѣнно въ полной силѣ. Не говоря уже о дняхъ воскресныхъ, на ежедневныхъ утреняхъ, отправлявшихся „по подражанію утренѣ недѣльной“ [1]), даже когда по уставу не полагалось ни литіи, ни литургіи [2]), нашъ чинъ совершался довольно церемоніально. „По утреннемъ входѣ“ (изъ притвора въ храмъ), читаемъ въ уставѣ Великой церкви названнаго времени, „пресвитеры и діаконы вступаютъ въ олтарь и въ полукружіи его творятъ окружное [3]). Потомъ, при пѣніи хвалитныхъ, выходятъ діаконы въ крещальню и, снявши фелони свои, снова совершаютъ входъ въ однихъ только стихаряхъ и становятся за дверями (царскими) на первый входный потаміонъ [4]), ожидая пресвитеровъ. И когда начнутъ: *Слава въ вышнихъ*, то выходятъ и они, и идутъ правымъ портикомъ, и становят-

---

[1]) *Симеонъ Солунскій* De sacra precat., у Миня t. 155, col. 636; русск. пер. въ Писаніяхъ, т. II стр. 485. [2]) *Дмитріевскій*, Новыя данныя для исторіи Типикона великой константинопольской церкви въ Труд. Кіевск. Акад. 1903 г., т. III стр. 547. [3]) Тамъ же стр. 546: *καὶ ποιοῦσι τὰ κατάγυρα ἐν τῷ κυκλίῳ*. Мѣсто непонятное, но, кажется, рѣчь идетъ въ немъ объ обычномъ въ свое время *обрядѣ поклоненія* предъ находившимся въ олтарной нишѣ св. Софіи запрестольнымъ крестомъ, соединенномъ для нѣкоторыхъ лицъ съ кажденіемъ ему. Опис. рукопп. Моск. Синод. библ. *Горскаго и Невструева* отд. III. ч. 1 стр. 140; Изъ записокъ Синайскаго богомольца въ Т. К. Д. А. 1873, I, 413; *Дмитріевскаго А. А. Εὐχολόγια*, стр. 13; *проф. Н. Ѳ. Красносельцева*: Къ исторіи прав. богослуженія, стр. 110—111; *проф. Д. Ѳ. Бѣляева* Byzantina, т. II, 162—163. [4]) *Потаміонами* назывались, какъ мы выше довольно подробно говорили о томъ, иноцвѣтныя, набранныя мозаикой или мраморомъ въ полу св. Софіи полосы, шедшія параллельно солеѣ, рядами, въ извѣстномъ разстояніи одна отъ другой. Онѣ обозначали между прочимъ мѣста остановокъ тѣхъ или иныхъ изъ священнослужащихъ лицъ, направлялись ли послѣдніе процессіей въ олтарь отъ западныхъ дверей, какъ въ данномъ случаѣ особенно ясно видно, или обратно—изъ олтаря чрезъ средину храма въ его притворы и дворъ.

ся съ діаконами на тотъ же потаміонъ. Пресвитеры стоятъ справа, діаконы слѣва, поя гимнъ. На второй потаміонъ становится недѣльный иподіаконъ (съ большимъ крестомъ), а на третій, ниже амвона депотатъ (съ подсвѣчникомъ). И на стихѣ: *Благословенъ еси, Господи, научи мя оправданіемъ твоимъ* падаютъ ницъ на помостъ и кланяются трижды. На третьемъ Трисвятомъ становятся діаконы попарно и на *Слава*, когда архидіаконъ скажетъ: *Благослови владыко*, а пресвитеръ произнесетъ: *Благословенъ входъ святыхъ твоихъ*, совершаютъ входъ; діаконы останавливаются на солеѣ, а пресвитеры входятъ въ олтарь. Когда съ ними войдутъ и пѣвцы на солею и долженствующій пѣть прокименъ поднимется на третью ступень амвона, архидіаконъ возглашаетъ: *Вонмемъ*. Пресвитеръ: *Миръ всѣмъ*. Когда другой діаконъ возгласитъ потомъ: *Премудрость*, пѣвецъ начинаетъ прокименъ, и другіе съ доместикомъ пѣвцы, повторяя, поютъ по чину ихъ. Потомъ ектенія и прочее послѣдованіе отпуста [1]).“ Уже изъ этой выдержки, дополняющей уже знакомую намъ по памятникамъ XV—XVII вѣка картину входа нѣкоторыми новыми подробностями, можно заключить, насколько торжественнѣе совершаемъ былъ послѣдній въ дни воскресные въ X—XI столѣтіяхъ. Однородный по содержанію и обстановкѣ, при томъ же хорошо извѣстный теперь чинъ входа константинопольскаго патріарха съ Животворящимъ крестомъ и евангеліемъ на утренѣ въ праздникъ Воздвиженія [2]) можетъ служить къ наглядному ознакомленію съ состояніемъ воскреснаго выхода за это время.

Вслѣдъ за занятіемъ латинянами Царьграда, при которомъ на ряду съ другими памятниками и Великая церковь лишилась многихъ своихъ драгоцѣнностей, облаченій и утварей, особенно замѣтно и быстро стала падать церковная обрядность въ Византіи. Патріаршіе выходы и вообще соборная служба не могли уже теперь совершаться съ прежнимъ великолѣпіемъ. Многія послѣдованія, предписывавшіяся уставомъ Великой церкви, ко времени Симеона Солунскаго перестали соблюдаться какъ въ самомъ царственномъ городѣ, такъ и по другимъ церквамъ. И названный литургистъ объясняетъ это обстоятельство, какъ и ослабленіе всего пѣсненнаго строя службъ, взятіемъ латинянами столицы и недостаточнымъ числомъ въ ней священниковъ и пѣвцовъ. Богослужебный чинъ Великой церкви, исполнявшійся въ концѣ XIV-го—началѣ XV вѣка въ ней самой лишь отчасти, по большимъ праздникамъ, продолжалъ однако же жить своимъ вліяніемъ на литургическую практику другихъ

---

[1]) Тр. К. Д. Акад. 1903, III, 545—547. [2]) Тамъ-же, 1903, I, 615 и слѣд.

великихъ церквей: Антіохіи, Солуни и т. д. Симеонъ Солунскій, много потрудившійся, по собственному его признанію, надъ поддержаніемъ и улучшеніемъ его у себя, „именемъ Христа умолялъ соблюдать его всегда и сохранять это преданіе отцовъ, какъ нѣкую божественную искру“ [1]). Долго ли тлѣла послѣдняя въ Византіи послѣ завоеванія Константинополя Турками, еще болѣе не благопріятствовавшаго процвѣтанію въ ней прежняго богослужебнаго строя, намъ неизвѣстно; но то несомнѣнно, что выходъ духовенства съ крестомъ и евангеліемъ, при пѣніи утренняго гимна, еще продолжалъ оставаться въ XV вѣкѣ на Востокѣ, по крайности, въ литургической практикѣ большихъ церквей. Едва ли далѣе можно сомнѣваться и въ томъ, что этотъ обрядъ, перешедшій на Русь вмѣстѣ съ уставомъ Великой церкви, былъ совершаемъ въ нашихъ соборныхъ храмахъ за весь почти древній періодъ нашей исторіи и, повидимому, исполнялся у насъ хотя бы въ наиболѣе извѣстныхъ соборахъ Кіева, Новгорода, Ростова, Владиміра и Москвы въ XI—XV вѣкахъ съ неменьшею, если даже не съ большею торжественностію, чѣмъ это было тогда у самихъ грековъ [2]). Но отъ половины XVI вѣка имѣются уже безспорныя данныя, что городское духовенство тяготилось изучаемыми нами вечерними и утренними выходами. Игумены, попы и діаконы, обязывавшіеся „недѣли служить по старинѣ“, править чреду при соборныхъ церквахъ, ходить въ нихъ на молебны, паннихиды, выходы и за крестныя хожденія, подъ разными предлогами уклонялись отъ исполненія своихъ обязанностей [3]).

Всероссійскій митрополитъ Макарій грамотою на имя Новгородскаго и Псковскаго архіепископа Серапіона отъ 26 мая 1551 года предписывалъ подчиненнымъ послѣднему новгородскимъ „священникамъ *на выходъ* на соборъ *ходити* и за кресты по старинѣ, а которой священ-

---

[1]) *Симеона Солунскаго* De sacra precat., у Миня t. 155, col. 553—556, 648; русск. пер. въ Писаніяхъ, т. II стрр. 403—405, 496. [2]) О характерѣ исполненія выходовъ священнослужащихъ на вечерняхъ и утреняхъ можно судить по тому несомнѣнно сильному впечатлѣнію, которое производили они на нашихъ предковъ въ древности. Пономарь Новгородскаго Софійскаго собора Ааронъ о видѣніи своемъ, котораго мы коснулись нѣсколько выше, разсказывалъ на утро владыкѣ своему Евѳимію (1429—1458) и всему священному собору, что преждеотшедшіе архіепископы изъ притвора церковнаго „*идоша во святый алтарь дверми*: . . . *и по малѣ поидоша изъ алтаря вси во своемъ сану, якоже на выходъ, единъ по единому*, и сташа предъ иконою пречистыя Богоматере предъ Корсунскою и начаша пѣти на многъ часъ“ (П. С. Р. Л. т. III, стр. 239). Не случайно, конечно, видѣніе передано здѣсь въ конкретныхъ чертахъ выходовъ, столь часто наблюдавшихся пономаремъ въ соборѣ и, несмотря на обычность ихъ, глубоко, очевидно, всякій разъ западавшихъ въ душу Аарона. [3]) Стоглава стрр. 130—131, 198—199, 423—424 прим., Казанск. изд. Чиновн. Холмогор. соб. стр. 135.

никъ или діаконъ *на выходъ* на соборъ и за кресты *не прійдетъ*, и на томъ имати заповѣди по новгородской гривнѣ; а скажетъ которой попъ, что *на выходъ не поспѣлъ* боля для (изъ-за больного), или родильници, или которые иныя для нужи, іно про него послать въ улицу обыскать въ его приходѣ добрыми людми . . . . И скажутъ прихожане, что онъ *не былъ на выходъ* для нужи, і на тѣхъ священникахъ заповѣди не имати, а которой священникъ и дияконъ солжетъ, і прихожане по немъ не молвятъ, і на томъ священникѣ заповѣдь имати да хоженое“ [1]). Думаемъ, что въ настойчивомъ предписаніи владыки рѣчь идетъ про наши выходы на праздничныхъ вечерняхъ и воскресныхъ утреняхъ. Лѣтъ восемьдесятъ спустя, Чиновникъ Московскаго Успенскаго собора, описывая выходъ духовенства на воскресной утренѣ, замѣчаетъ, какъ выше уже было приведено: „ходят всегда ж к Славословію по перемѣнам іс Китая і ис Кремля города священники і діаконы . . . *А берегут того подьяки накрѣпко, чтоб всегда ходили безлѣностно*“.... Причина нехожденія Московскихъ священниковъ и діаконовъ XVII вѣка въ Успенскій соборъ на выходы за службы была, конечно, та же, что и у Новгородскихъ—въ XVI стол. Не измѣнилась за столѣтіе по существу и главная мѣра къ исправленію нерачительнаго въ исполненіи своего служебнаго долга духовенства со стороны начальства послѣдняго. Нисколько неудивительно, что и въ результатѣ отъ денежныхъ взысканій и „крѣпкаго дьяческаго береженія“ получалось одинаково печальное въ дисциплинарномъ и еще болѣе въ церковно-богослужебномъ отношеніи явленіе. „Преже сего хаживал і протопопъ з братьею на выход“, не безъ задней мысли проговаривается о быломъ состояніи описываемаго обряда составитель Московскаго Соборнаго Чиновника, „да и евангеліе по вся воскресенія онъ же читалъ на амбонѣ, а пѣвали всегда пѣвчіе діаки“ [2]). Теперь, въ концѣ управленія русскою церковію патр. Филаретомъ, случалось, по словамъ нашего автора, что „*по нуждѣ иногда одинъ недѣльной ходилъ*“, а протопопъ съ протодіакономъ участвовали въ совершеніи выхода на воскресной утренѣ, только когда самъ святитель бывалъ на ней. Холоднымъ, можно сказать даже больше, небрежнымъ отношеніемъ соборнаго и городского духовенства къ исполненію глубоконазидательнаго самого по себѣ обряда, послѣдній незамѣтно низводился на степень рядовой, будничной богослужебной формы, постепенно утрачивалъ свою внутреннюю цѣнность и въ сознаніи совершителей и въ глазахъ участниковъ его. Разумѣется, святѣйшіе патріархи

[1]) Стоглава стр. 421—422; сн. А. А. Э. т. I, № 229. [2]) Чиновн. Моск. Успенск. соб. стр. 142.

Московскіе, а тѣмъ болѣе всесильный Никонъ могъ заставить ходить на утренній выходъ не только какихъ-либо пѣвчихъ дьяковъ, соборнаго протопопа съ протодьякономъ и все городское духовенство, но и рѣшительно всякаго рода властей: большихъ, середнихъ и меньшихъ, пестрыхъ, черныхъ и бѣлыхъ. Патріархъ Никонъ не принималъ однакоже никакихъ мѣръ къ поддержанію выхода духовенства на воскресной утренѣ, а напротивъ, воспользовавшись благопріятнымъ случаемъ, велѣлъ въ 1653 году оставить его. Очевидно продленіе существованія выходовъ на воскресныхъ утреняхъ не входило въ предположенные имъ планы по улучшенію церковно-богослужебной обрядности на Руси. Задавшись главнымъ образомъ цѣлію согласовать послѣднюю съ требованіями дѣйствовавшаго тогда у насъ Іерусалимскаго устава и съ обрядами греческой церкви, патр. Никонъ, конечно, отлично зналъ, что первый совсѣмъ не требуетъ, а вторая не совершаетъ какихъ-либо выходовъ съ крестомъ и евангеліемъ по великомъ славословіи на воскресныхъ утреняхъ, и уже, разумѣется, помнилъ, что по Типику св. Саввы положены вмѣсто послѣднихъ *всенощныя бдѣнія*, которымъ и отдавалъ самъ предпочтеніе въ своихъ литургическихъ предписаніяхъ.

Но оставивъ выходъ духовенства въ недѣлю Всѣхъ святыхъ, патр. Никонъ, сколько намъ извѣстно, не издавалъ указа, которымъ бы запрещалось совершеніе этого обряда на всѣхъ непремѣнно воскресныхъ утреняхъ и во всей русской церкви. Онъ предоставилъ ему выходить изъ употребленія постепенно, умирать своею естественною смертію. За вторую половину XVII вѣка лишь изрѣдка встрѣчаются указанія на то, что обрядъ этотъ еще продолжалъ по временамъ совершаться въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, а его богослужебная практика служила тогда образцомъ для провинціальныхъ соборовъ. Послѣдніе впрочемъ не слѣпо слѣдовали ей. Преосвященный Аѳанасій, архіепископъ Холмогорскій (1682—1702 гг.), заводившій у себя *несомнѣнно Московскіе* церковно-богослужебные порядки, въ отношеніи къ занимающему насъ выходу оставался, повидимому, больше вѣренъ старинѣ, продолжалъ совершать выходы, не обращая особенно большого вниманія на вновь устанавливавшійся постепенно въ то время въ столицѣ на счетъ ихъ обычай. На девятой пѣсни на воскресныхъ утреняхъ въ Холмогорскомъ Преображенскомъ соборѣ происходилъ обычно „благовѣстъ въ большой для выхода“, совершавшагося послѣ Трисвятаго *по чину со евангеліемъ*, которое по выходѣ и пѣніи тропаря и прокимна читалось, какъ кажется, уже въ олтарѣ, а не на амвонѣ. Изъ Чиновника названнаго собора

не видно (стр. 75, 89, 181), чтобы въ немъ на воскресныхъ утреняхъ читалось въ это время по древнему обычаю два евангелія, т.-е. кромѣ воскреснаго было еще другое передъ канономъ [1]). Не говорится въ немъ ни слова уже и о томъ, чтобы выходъ происходилъ *въ преднесеніи большого креста*. Эта послѣдняя подробность, придававшая цѣлому обряду особенную силу и важность въ глазахъ молящихся, повидимому, также перестала существовать въ немъ по провинціальнымъ соборнымъ церквамъ еще до патр. Никона. Въ Чиновникѣ Новгородскаго Софійскаго собора 30-хъ годовъ XVII стол. хотя, при изложеніи утрени въ недѣлю сыропустную, и упоминается „о выходѣ на Славословіи *со кресты* и съ евангеліемъ по чину", но не нужно упускать изъ виду, что участвовавшіе въ немъ *посадскіе священники* тотчасъ, по прочтеніи протопопомъ евангелія на амвонѣ, ходили крестнымъ ходомъ въ стоявшую на площади подлѣ св. Софіи, противъ южныхъ дверей ея, церковь Похвалы пресв. Богородицы [2]). Присутствіе *крестовъ* или иконъ вызывалось этимъ именно хожденіемъ, а не изучаемымъ нами выходомъ. Прежде, чѣмъ послѣдній вышелъ изъ практическаго употребленія въ нашихъ соборныхъ храмахъ, выносъ креста въ немъ былъ оставленъ и, какъ можно предполагать, былъ оставленъ потому, что имѣлся въ виду другой, одинаковый съ нимъ по происхожденію и содержанію обрядъ изнесенія креста на утрени и тоже по великомъ Славословіи для воздвиженія его и поклоненія ему въ три нарочитыхъ дня въ году, который въ значительной степени могъ служить его замѣною. Какъ бы то ни было, но обрядъ выхода духовенства по великомъ Славословіи на воскресныхъ утреняхъ еще существовалъ на Руси въ нѣкоторыхъ нашихъ соборахъ въ XVII столѣтіи и уставъ Великой константинопольской церкви, по силѣ котораго онъ совершаемъ былъ въ нихъ, продолжалъ еще въ извѣстной мѣрѣ дѣйствовать и не былъ окончательно вытѣсненъ къ этому времени іерусалимскимъ Типикомъ. Нельзя считать *уже вышедшимъ* его изъ

---

[1]) Въ Чиновникѣ Холмогор. Преображенскаго собора говорится (стр. 89), что на утрени „въ пятую недѣлю поста" читалось два евангелія: по степеннѣ праздничное и воскресное по великомъ славословіи, потому что на этотъ день палъ праздникъ Благовѣщенія въ 1682 году. [2]) Чиновникъ Новгор. Софійск. соб., стрр. 159, 179. Полное Собр. Русск. Лѣтопп. т. VI, стр. 295. *Архим. Макарія* Археологич. опис. церк. древн. въ Новгородѣ, ч. I стрр. 17, 28, 36, 88, 98, 117. Нашему теперешнему выраженію: „Ходятъ съ иконами" равносильно древнерусское: „Ходятъ со кресты, на похрестья", откуда и самый терминъ: *Крестный* ходъ. Въ древнѣйшее время изъ священныхъ предметовъ неотъемлемою и единственною на первыхъ порахъ принадлежностію ходовъ былъ честный крестъ, если не считать кадильницъ, свѣтильниковъ; хоругви и иконы въ нихъ появляются уже потомъ. *Голубинскаго* Е. Е. Археологич. атласъ, табл. LVI, 4—5.

употребленія въ XVII вѣкѣ, какъ утверждали до сихъ поръ наши нѣкоторые литургисты [1]), и не въ отношеніи однихъ только занимающихъ насъ выходовъ. Если внимательно присмотрѣться къ строю нашихъ праздничныхъ службъ и потщательнѣе изучить мѣстные соборные обычаи, хотя бы, напримѣръ, совершеніе въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ соборахъ пасхальной утрени *среди церкви* [2]), то окажется, что иные изъ церковно-богослужебныхъ порядковъ „прекрасной матери нашей" продолжаютъ по традиціи оставаться у насъ въ литургической практикѣ до настоящаго времени и производятъ особенно сильное впечатлѣніе на всѣхъ участниковъ въ службѣ.

Церковно-богослужебныя книги, излагая чины и послѣдованія, содержатъ въ себѣ немалочисленныя указанія на время и мѣсто совершенія тѣхъ или другихъ службъ. Большій процентъ этихъ указаній приходится, понятно, на долю Уставовъ и *преимущественно* монастырскихъ изъ нихъ. Въ нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ довольно детально, можно сказать, разработанъ этотъ казуистическій отдѣлъ. Въ нихъ, кромѣ частныхъ предписаній, встрѣчаются и общія правила касательно того, когда и гдѣ совершать монахамъ ту или иную службу: въ самомъ храмѣ, въ притворахъ и пристройкахъ его, или же въ келліяхъ. Дѣло въ томъ, что одна и та же церковная служба, судя по времени, правилась иноками въ разныхъ мѣстахъ [3]); случалось нерѣдко и такъ, что, начавъ слушать то или другое пѣснопѣніе въ одной части храма, примѣрно въ притворѣ, иноки переходили для продолженія и окончанія его въ самый храмъ (μεσ/ναος) и даже особую пристройку къ нему. И это не было какимъ-либо исключительнымъ или только мѣстнымъ явленіемъ, но было нормальнымъ богослужебнымъ порядкомъ.

Церковный притворъ, въ который исходятъ у насъ для совершенія литій на всенощныхъ бдѣніяхъ и то лишь въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, но гдѣ, по смыслу дѣйствующаго Типикона, должны бы отправляться и нѣкоторыя другія службы: малая вечерня, повечеріе, полунощ-

---

[1]) *Одинцовъ*, Порядокъ обществ. и частн. богослуж., стр. 193; *Дмитріевскій*, Чинъ пещнаго дѣйства, стрр. 10–11, 47. [2]) Чиновн. Моск. Успенск. собор. стр. 125—126; Дополн. Акт. Истор. т. V, стр. 106; Р. И. Б. III, 123—124; сн. современную практику Ростовскаго, Рязанскаго, Московскаго и другихъ соборовъ. [3]) Въ подтвержденіе и отчасти въ разъясненіе выше сказаннаго замѣтимъ прежде всего, что наиболѣе, такъ сказать, *келейными* службами, домашнимъ правиломъ монаховъ были повечеріе и часы съ междучасіями (*Дмитріевскаго Τυπικά*, стрр. 431, 439, 461, 463, 467, 469, 509, 514, 517, 520, 555, 602—604 и др.). Повечеріе и часы правились ими впрочемъ и внутри храма (ἔνδοθεν, ἐντὸς τοῦ ναοῦ; тамъ-же стрр. 316, 324–325, 351—352, 467, 507, 513, 517, 519, 526, 530, 550—551 554 594, 609, 763, 852, 895), и внѣ его, въ нарѳиксѣ (ἔξωθεν τοῦ ναοῦ ἐν τῷ νάρθηκι; тамъ-же стрр. 314, 315, 458, 467, 522, 525, 529, 535, 539, 540, 543, 544, 602—603, 609, 746—747, 761); пѣли они повечеріе и въ монастырской усыпальницѣ (тамъ же, стр. 523, 526).

ница, часы, моленія объ усопшихъ [1]), до сихъ поръ составляетъ довольно обычную и во всякомъ разѣ чаще наблюдаемую на востокѣ, чѣмъ на Руси, принадлежность церквей. Это прежде всего надобно сказать о храмахъ монастырскихъ. Въ монастыряхъ Аѳонскихъ, Ѳессалійскихъ и многихъ другихъ восточныхъ имѣлось и доселѣ имѣется въ главныхъ церквахъ нерѣдко по два притвора или нарѳикса (ἐσωνάρθηξ и ἐξωνάρθηξ), причемъ внутренній иногда даже обширнѣе средней части храма по своимъ размѣрамъ и почти всегда одинаковаго съ нею устройства и убранства, то есть уставленъ стасидіями и украшенъ по стѣнамъ и столбамъ иконами и живописью [2]). Вполнѣ приспособленный къ совершенію богослуженія, онъ является тамъ до сихъ поръ мѣстомъ отправленія вышеназванныхъ службъ, а въ старое и болѣе древнее время въ немъ совершаемы были и другіе чины и послѣдованія; такъ паннихида, отпѣваніе и поминовеніе умершихъ иноковъ, омовеніе ногъ въ великій четвергъ [3]) и т. д. Такое назначеніе церковный притворъ имѣлъ не въ монастырскихъ только храмахъ, но и въ каѳедрально-епископскихъ. Это едва ли не больше всего слѣдуетъ сказать о нарѳиксѣ св. Софіи Константинопольской. Уже Павелъ Силенціарій, упомянувъ, что притворъ (νάρθηξ) послѣдней по длинѣ равенъ широтѣ всего храма, замѣтилъ, что „ночью въ немъ нѣкій благозвучный голосъ, проникая всюду, смягчалъ слухъ Христа-жизнодавца и посвященными мужами антифонно (ἀντιπόροις ἰαχῇσιν) исполнялись здѣсь псалмы божественнаго Давида [4])“. Не вдаваясь въ изложеніе и разсмотрѣніе подробностей на счетъ совершенія того или другого богослуженія въ нарѳиксѣ Великой церкви—подробностей, представляемыхъ Типикомъ и частными записями службы ея, замѣтимъ лишь, что въ періодъ процвѣтанія пѣсненнаго послѣдованія по соборнымъ храмамъ востока и господства потомъ въ церкви уже Студійскаго устава, въ притворахъ начинаемы были отправленіемъ даже такія службы, на которыхъ имѣлъ мѣсто входъ въ олтарь. „І егда же заутреннюю пити (пѣти) хотятъ у святыя Софѣи, прежде поютъ *предъ царьскими дверьми во притворѣ*“ писалъ около 1200 года нашъ Антоній, архіеп. Новгородскій, въ своемъ Паломникѣ въ Царь-

---

[1]) Главы: 1, 4, 7, 9, 12–14, лл. 1, 12 об., 14, 16 об., 18–19, 20 об., 25 об.—27 об., Москва, 1896. [2]) *Григоровича-Барскаго* Странствованій ч. I, стр. 226, 252–253; преосв. *Порфирія* Путешествіе въ Метеорскіе и Осоолимпійскіе монастыри, стрр. 84, 131, 156, 165, 168, 199, 204, 232; *архим. Антонина*: Изъ Румеліи, стрр. 91, 96, 117, 125, 154, 337, 357, 374, 425, 472, 479, 489, 491, 508, 584, 601; *Дмитріевскаго* Современн. богослуженіе, стр. 93, 95—97. [3]) *Дмитріевскаго Τυπικά*, стрр. 753. 754, 879; 658, 762; Тр. Кіевск. Акад. 1901, III, 74. [4]) Descript. s. Sophiae, verss. 427—434, pag. 22.

градъ [1]). По Симеону Солунскому, ко времени котораго уже значительно измѣнились уставные порядки, и пѣсненный строй службъ во многихъ церквахъ сталъ уже выходить изъ практическаго употребленія, праздничныя вечерня и утреня, начало которымъ хотя и полагалось священнослужащими у престола, въ первой и довольно значительной своей части происходили именно въ притворѣ предъ затвореннымъ западными дверьми (βασιλικαὶ πύλαι) [2]).

Начавшись въ притворѣ св. Софіи, утреня продолжалась въ самомъ храмѣ, посреднѣ его, а частью даже на амвонѣ. „Совершаемъ утреню предъ амвономъ на солеѣ, утреня совершается, бываетъ на амвонѣ“—таковы выраженія, которыми обозначается мѣсто совершенія утренней службы въ праздничные дни въ св. Софіи и которыя нерѣдко встрѣчаются въ Типикѣ и въ частныхъ записяхъ службы ея [3]). И нашъ путешественникъ Антоній Новгородецъ, сказавъ о начатіи утрени въ притворѣ св. Софіи, тотчасъ же прибавляетъ: „і вышедъ поютъ *посредѣ церкви* і двери отворятъ раіскія і третьяя поютъ у олтаря“ [4]). Этотъ порядокъ въ отношеніи мѣста совершенія праздничной утрени, принятый нѣкогда въ соборныхъ церквахъ востока, отъ Великой церкви перешелъ въ свое время къ намъ и доселѣ не исчезъ еще вполнѣ изъ литургической практики нѣкоторыхъ нашихъ каѳедрально-епископскихъ церквей [5]). Наша пасхальная утреня, съ глубокой древности начинаемая въ притворѣ, предъ закрытыми западными вратами [6]), до хвалитныхъ сти-

---

[1]) Книга Паломникъ. Сказаніе мѣстъ святыхъ во Царѣградѣ Антонія, архіепископа Новгородскаго, изданіе подъ редакціей *Лопарева* въ Православномъ Палестинскомъ Сборникѣ т. XVII, в. 3 стр. 17, 50; изд. *Саввантова* ст. 28, 83. [2]) Писаній, относящ. къ истолк. богослуж. т. II, стр. 446, 472—499. [3]) *Дмитріевскаго Τυπικά*, стр. 141, 145; сн. 32, 35—36, 71, 78, 138 и др. Тр. К. Д. Акад. 1903, I, 614,629: ὁ δὲ ὄρθρος τελεῖται (γίνεται) ἐν τῷ ἄμβωνι, или: ποιοῦμεν τὸν ὄρθρον καὶ τὴν παννυχίδα ἔμπροσθεν τοῦ ἄμβωνος εἰς τὴν σωλέαν. [4]) Объ окончаніи утрени въ олтарѣ, согласно съ архіеп. Антоніемъ, говорятъ и Типикъ Великой церкви (*Дмитріевскаго Τυπικά*, стрр. 126—7, 128, 131, 135, 140) и Симеонъ Солунскій, какъ мы видѣли выше. [5]) Какъ счастливо уцѣлѣвшій остатокъ отъ того же порядка можно, намъ представляется, разсматривать и предписанія первыхъ главъ Типика (2, 7, 9 и другихъ, по изд. Московскому 1896 г. лл. 3, 5, 8—9, 14—20) становиться священнику и полагать начало великой вечернѣ, напримѣръ, читать свѣтильничныя молитвы и произносить начальную ектенію на ней не у престола въ олтарѣ, но предъ закрытыми дверьми его и, начавъ службу, возвращаться на свое мѣсто въ церкви, т. е. на обычную стасидію. Эти указанія на востокѣ донынѣ исполняются, и тамъ не рѣдкость видѣть священника, произносящаго возгласы съ послѣдней или оставляющаго на короткое время свое мѣсто для совершенія того или другого священнодѣйствія въ олтарѣ, еще чаще для чтенія молитвъ и ектеній предъ св. дверьми его. *Арсенія Суханова* Проскинитарій, стрр. 52, 204, 205, 209—214, 236. [6]) *Дмитріевскаго* А. *Τυπικά*, стрр. 556—557, 854, 884—888. *Мансветова И. Д.* О пѣсненномъ послѣдованіи въ Прибавл. къ Твореннымъ св. Отецъ, ч. XXVI стр. 1001—1005.

хиръ до сихъ поръ продолжаемая въ нѣкоторыхъ нашихъ старѣйшихъ соборахъ: Ростовскомъ, Рязанскомъ, Московскомъ и др. на срединѣ храма и оканчиваемая въ олтарѣ, является живымъ отголоскомъ видѣнныхъ нѣкогда Антоніемъ Новгородскимъ въ св. Софіи богослужебныхъ порядковъ. Къ тому же роду остатковъ или особенностей нашей каѳедрально-епископской службы относятся и такъ называемые выходы въ храмъ нашихъ владыкъ.

Глава VII.

Замѣчаніе о хожденіяхъ *просто* и болѣе или менѣе церемоніально древне-христіанскихъ епископовъ и послѣдующихъ владыкъ къ службѣ. Выходъ къ послѣдней Константинопольскаго патріарха. Какъ приходили къ службѣ древнерусскіе святители? *Сборъ* духовенства и властей въ крестовой для нихъ *провожденія*. Обстановка и порядокъ совершенія послѣдняго. Вступленіе архіерея въ храмъ, *знаменованіе* у св. иконъ и обычай прощенія его со священнослужащими у престола и жертвенника. Выходъ изъ олтаря на средину храма для облаченія. Практика *всенародно-зрительнаго* архіерейскаго облаченія на Руси и у Грековъ и опытъ объясненія происхожденія послѣдняго. – Облаченіе священнослужащихъ въ олтарѣ и связь его съ обрядомъ возложенія здѣсь одеждъ на посвящаемыхъ.—Облаченіе архіереевъ въ примыкавшихъ къ соборамъ *епископіяхъ* и пристройкахъ. Свѣдѣнія о мѣстонахожденіи и назначеніи діаконика при соборныхъ церквахъ въ древнее и позднѣйшее время и выводъ изъ нихъ по отношенію къ вопросу о мѣстѣ первоначальнаго облаченія и разоблаченія архіереевъ вообще, Константинопольскаго патріарха въ частности.

Съ самыхъ первыхъ, вѣковъ можно сказать, христіанства и повсюду архіереи или ходили къ службѣ *просто*, сопутствуемые лишь всего однимъ-двумя діаконами, поддерживавшими ихъ, а въ случаѣ нужды и освѣщавшими имъ дорогу—на подобіе того, какъ провожаютъ ихъ теперь у насъ иподіаконы изъ собора до кареты и они же свѣтятъ имъ, когда приходится возвращаться ночью изъ-за всенощной по монастырю къ себѣ въ келлію; или же шествовали *церемоніально*, когда ради праздника или по особо-торжественному поводу намѣрены были сами служить. Въ послѣднемъ разѣ незадолго передъ тѣмъ, какъ наступало время идти епископу въ храмъ, собирались къ нему въ домъ діаконы, пресвитеры и всѣ тѣ, кому предстояло провожать, а отчасти и сослужить ему. Въ первое время жизни церкви, когда богослужебное одѣяніе еще не успѣло выдѣлиться вполнѣ изъ обыкновеннаго, они приходили къ епископу уже одѣтые въ чистыя, болѣе нарядныя и не осквернённыя житейскимъ

употребленіемъ одежды [1]). Позднѣе въ Іерусалимской и Константинопольской патріархіяхъ члены ихъ немалочисленнаго клира до архонтовъ включительно, равно какъ временно случавшіеся при патріархахъ митрополиты и епископы также сходились, какъ мы видѣли, по большимъ праздникамъ передъ службой къ своимъ владыкамъ, съ которыми, *по облаченіи*, и шли потомъ въ храмъ. Чаще всего патріархъ, а тѣмъ болѣе заурядные епископы ходили къ службѣ лишь въ мантіяхъ, клобукахъ и съ посохами, облачаясь уже потомъ въ скевофилакіи или въ самомъ храмѣ. Обычно имъ предшествовало нѣсколько, немного клириковъ съ лампадой, свѣчами и кадильницей, а иногда еще съ крестомъ или праздничною иконой. Въ торжественныхъ случаяхъ путь наполнялся и другими благовоніями, кромѣ ѳиміама, устилался, какъ и самый храмъ предварительно, пріятно пахнущими растеніями, а всѣ участники окроплялись розовой водою. Выходъ совершался въ праздники съ пѣніемъ приличествующихъ стихиръ [2]). Въ Путешествіи къ св. мѣстамъ, приписывавшемся Сильвіи Аквитанкѣ, въ Тайноводствѣ Максима Исповѣдника и многихъ другихъ сочиненіяхъ епископъ представляется идущимъ *во главѣ* той или другой процессіи, *первымъ* входящимъ въ самый храмъ, а за нимъ уже слѣдуютъ клиръ и народъ [3]); но немало указаній и такихъ, изъ которыхъ видно, что предстоятели вступали съ своимъ клиромъ въ храмъ уже *въ виду всѣхъ*, въ немъ собравшихся и ожидающихъ здѣсь своихъ архипастырей [4]). Направленіе процессій, мѣста остановокъ ихъ и лица, встрѣчавшія въ храмѣ архіерея, были заранѣе точно опредѣлены. Особенно это нужно сказать про весь чинъ провожденія и встрѣчи Константинопольскаго патріарха: напередъ было извѣстно, въ какіе праздники по какой лѣстницѣ будетъ спускаться послѣдній съ катыхуменъ св. Софіи, чрезъ которыя двери притвора войдетъ онъ въ храмъ, которою стороною прослѣдуетъ по нему, гдѣ вступитъ въ олтарь [5]). Къ чести вселенскихъ патріарховъ нужно впрочемъ сказать, что даже по двунадесятымъ праздникамъ они ходили къ службамъ весь-

[1]) Canones Hippolyti, p. 94. ed. Haneberg'a. *Павлинъ Нолансκій въ* Epithalamium Iuliani et Iae, verss. 202—221, у *Миня*, Patrolog. ser. lat. t. LXI, coll. 637—638, или у *Гартеля* Corpus scriptorum ecclesiastic. latinor. volum. XXX, pp. 244—245. *Евагрія* Церк. Ист., кн. II гл. 3, русск. пер. стр. 59. СПБ. 1853 г. Житіе Григорія Акрагантійскаго, подъ 23 ноября. [2]) Уставъ храма Воскресенія въ Іерусалимѣ въ изд. *Пападопуло-Керамевса: Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτ. Σταχυολογίας τ. β'*, стр. 179, 189—190. [3]) Писаній, относящ. къ истолк. богослужен. т. I, 323—324. [4]) *Дмитріевскаго Τυπικά*, стр. 164, 165. [5]) Матеріалы въ статьяхъ *его-же* въ Тр. К. Д. А. 1901 г., Ш, 54, 74, 77—78, 80—82, 85, 87; 1902 г., Ш, 533, 539; 1903 г., I, 607—608, 615—617, 690; III, 512, 520, 522, 531, 548; *Суханова Арсенія* Проскинитарій, стрр. 65, 82; 249—255, 293. Прав. Палест. Сборника вып. 14, стр, 3; вып. 27 стр. 16; вып. 42 стр. 25.

ма скромно, предваряемые двумя-тремя очередными діаконами со свѣчами и кадильницей или же только встрѣчаемые ими при спускѣ съ катыхуменъ св. Софіи, у основанія восточной или западной лѣстницъ ея. Иногда, по выходѣ на хоры, патріархъ останавливался „посредѣ катыхуменъ выше церковныхъ дверей", т. е. западныхъ или царскихъ, благословивъ рукою или крестомъ стоявшій вверху и внизу народъ, сходилъ при пѣніи многолѣтія пѣвцами въ притворъ, изъ котораго правою стороной или портикомъ (διὰ τοῦ δεξιοῦ μέρους) направлялся къ олтарю и обычно боковою, по нашему южною, дверью входилъ въ него (μετὰ τὸν ὄρθρον κατέρχεται ὁ πατριάρχης καὶ εἰσέρχεται διὰ τῆς πλαγίας εἰς τὸ θυσιαστήριον) [1]. Лишь въ высокоторжественные дни, какъ-то: къ литургіи въ великую субботу, предъ пасхальной утреней, и въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, напримѣръ, при нахожденіи въ св. Софіи знатныхъ богомольцевъ, чужеземныхъ пословъ и т. п., Константинопольскіе патріархи церемоніально, окруженные своимъ многочисленнымъ клиромъ и штатомъ чиновниковъ, шествовали въ храмъ черезъ главныя или *царскія* двери и среднимъ кораблемъ доходили до олтаря его. Это былъ путь исхожденія изъ послѣдняго и вхожденія въ него торжественнѣйшихъ процессій: общественныхъ литій, выходовъ и входовъ на разныхъ службахъ духовенства, вступленія по большимъ праздникамъ византійскихъ царей. Встрѣчая послѣднихъ въ притворѣ св. Софіи и сопутствуя имъ по срединѣ храма до солеи, Константинопольскіе патріархи сами въ такихъ случаяхъ *впервые* вступали въ святилище, и это вступленіе ихъ совпадало, сливалось съ такъ называемымъ теперь *малымъ входомъ*. Благодаря этому совпаденію своему, выходъ къ службѣ патріарха выигрывалъ въ обстановкѣ за счетъ перваго литургійнаго входа, и послѣдній, намъ думается, повліялъ на образъ совершенія такъ называемыхъ *встрѣчъ* іерарховъ вообще передъ службой, оставивъ навсегда въ этихъ встрѣчахъ нѣкоторыя изъ своихъ особенностей и аттрибутовъ.

Какъ выходили въ храмъ къ службамъ первые кіевскіе митрополиты и вообще древне-русскіе святители, объ этомъ мы не имѣемъ прямыхъ, а тѣмъ болѣе подробныхъ свѣдѣній. На основаніи нѣкоторыхъ лѣтописныхъ данныхъ и косвенныхъ соображеній можно утверждать, что выходы къ службѣ были переняты или у восточныхъ владыкъ и ближе всего у Константинопольскихъ патріарховъ скорѣе въ болѣе парадной и торжественной ихъ формѣ, чѣмъ въ видѣ скромномъ и простомъ. Это

[1] *Попова А.* Первое прибавл. къ описан. рукописс. Хлудова, стр. 17. *Дмитріевскаго* Данныя для исторіи Типикона: Т. К. Д. А. 1903 г. т. I, стр. 607. Путешествіе Антонія, архіеп. Новгор., ст. 79—80, 83, изд. *Савваитова*.

можно заключать изъ тѣхъ торжественныхъ встрѣчъ, которыя устроялись нашими предками—духовенствомъ и народомъ митрополитамъ и епископамъ, приходившимъ на свои „столы", и изъ тѣхъ стараній, которыя прилагались послѣдними къ украшенію пути, по которому надлежало имъ идти изъ келлій въ храмъ по большимъ праздникамъ, но больше всего увѣряютъ въ томъ послѣдующія, вполнѣ опредѣленныя извѣстія. Слѣдуя имъ, должно сказать, что въ XIV—XV вѣкахъ наши митрополиты, а по примѣру ихъ и другіе архіереи совершали выходы къ службѣ въ свою соборную церковь церемоніально, въ преднесеніи горящей лампады, предваряемые дьяками, пѣвшими приличествующія случаю стихиры, и сопровождаемые всѣмъ своимъ *клиросомъ* [1]). Но наибольшаго литургическаго развитія достигли занимающіе насъ выходы и получили особливую помпозность уже въ XVI—XVII вв., когда *провожденія* святителей въ храмъ и въ собственномъ смыслѣ *встрѣчи* ихъ въ послѣднемъ были фиксированы и стали у насъ болѣе или менѣе подробно записываться и описываться въ богослужебныхъ книгахъ и другихъ литургическихъ памятникахъ. Время, характеръ и продолжительность благовѣста и звоновъ передъ службами, мѣсто собранія лицъ, имѣвшихъ сопровождать владыку въ соборный храмъ, ихъ число и одѣяніе, обстановка и порядокъ самаго шествія, молитвы, читавшіяся архіереемъ на пути, священнослужащіе, встрѣчавшіе послѣдняго въ церковномъ притворѣ и дверяхъ, священнодѣйствія, творившіяся іерархомъ въ храмѣ и т. д., все это стали болѣе или менѣе обстоятельно отмѣчать въ книгахъ къ свѣдѣнію и руководству тѣхъ, кто имѣлъ ближайшее отношеніе къ разсматриваемымъ выходамъ и на комъ больше всего лежало отвѣтственности за благообразное ихъ совершеніе. Древнѣйшіе изъ сохранившихся у насъ святительскихъ служебниковъ и уставовъ службы архіерейской содержатъ лишь самыя общія и наиболѣе существенныя указанія касательно выходовъ къ службѣ святителей, имѣютъ въ виду болѣе *литургическую* сторону [2]); подробности же ихъ отправленія примѣнительно къ случаю или дню, *казуистическую* сторону съ разнаго рода вопросами урядства и убранства разрабатываютъ наши соборные Чиновники [3]) и въ особенности записи каѳедрально-епископской службы или

[1]) Русск. Истор. Библ. т. VI, столб. 449. [2]) Рукопп. Московск. Синод. библ. № 366 л. 1—5, № 367 л. 1—5 и друг. Рукоп. Кіево-Софійск. соб. № 647, стр. 35—39. Рукоп. архіер. служебн. Николаевской церкви г. Чугуева Харьковской губ., безъ нумера, лл. 17 об.—20 *А. В. Горскаго и К. И. Невоструева* Описан. рукопп. Синод. библ. отд. III, ч. I стрр. 56—57, 70, 92—93, 104, 113, 207, 223; сн. *А. А. Дмитріевскаго* Богослуж. русск. церкви въ XVI в., стр. 60—70. [3]) См. Чиновники по указателямъ къ нимъ, подъ словами: *выходы* въ храмъ патріарха, *про-*

такъ называемые архіерейскіе или патріаршіе выходы. Изъ разсмотрѣнія и изученія ихъ можно получить наиболѣе полное и цѣльное представленіе объ этихъ выходахъ, а равно и о тѣхъ, хотя и несущественныхъ, особенностяхъ, съ какими совершаемы были послѣдніе въ нѣкоторыхъ древне-русскихъ городахъ.

Общимъ правиломъ относительно святительскихъ выходовъ къ службѣ можно считать то, что они совершались болѣе или менѣе церемоніально лишь тогда, когда іерархи *собирались служить*, то есть, по днямъ праздничнымъ и, только въ видѣ уклоненія отъ нормы, въ случаяхъ особыхъ, исключительныхъ [1]). Праздникомъ, его величиной для соборянъ, церковниковъ и вообще всѣхъ служащихъ предрѣшался уже вопросъ о провожденіи въ храмъ святителя, встрѣчѣ его, о томъ или другомъ характерѣ перваго и послѣдней; но много значило, конечно, при этомъ и личное усмотрѣніе предстоятеля. Случалось, что ради немощи или по другимъ какимъ причинамъ святитель отмѣнялъ торжественный выходъ къ службѣ, шелъ къ ней и послѣ нея „просто, безъ провоженія“ или же предваряемый однимъ лампадаремъ, самое большее—„тремя подъяками малыя станицы во облаченіи, с лампадою і с ослопными, без звона и пѣнія“ [2]). Всякій разъ ключарю или кому другому вмѣсто него приходилось, стало быть, наканунѣ праздника или въ самый день его „докладываться у святителя“, справляться о томъ, пойдетъ ли онъ къ той или другой службѣ *съ провожденіемъ* или безъ

воды святителя изъ крестовой, *встрѣчи* архіереевъ, *провожденіе* архіерея въ церковь, *прихожденіе* его.[1]) Составитель „Выходовъ“ патр. Іоакима, разсказывая о приходѣ послѣдняго къ дѣйству страшнаго суда въ Успенскій соборъ, если не ошибаемся, въ 1685 году, замѣчаетъ между прочимъ: „Святѣйшій патріархъ со всѣми властьми пришел в собор в 5-м часу в начале. Протодиакон со диаконы с кадилы не встречали, *потому что ему не служить*, і за то св—шій патріархъ кручинился впред велѣл встречать с кадилы“ (Рукоп. Моск. Синод. библ. № 426 л. 335; сл. 395 об.). Исключеніе составляла пасхальная седмица, на которой патріархи приходили „съ провожденіемъ“ къ службамъ, хотя бы сами и не совершали послѣднихъ (тамъ же л. 83 об.—84). Они ходили также съ провожденіемъ и одѣвались въ лучшее облаченіе ради знатныхъ посѣтителей, *„для пословъ“* напримѣръ (Рукоп. Моск. Синод. библ. № 425 л. 43). [2]) Рукопп. Моск. Синод. библ. № 426 л. 202 об., № 93 л. 94, 95 об. Чиновн. Холмогорск. соб. стр. 57. Послѣдній памятникъ провожденіе архіерея тремя подьяками въ облаченіи, несшими предъ нимъ лампаду и двѣ ослопныхъ свѣчи, *безъ звона и пѣнія*, называетъ *меньшимъ* въ отличіе отъ провожденія *полнаго* и *большого*, происходившаго съ тѣмъ и другимъ, при участіи многихъ лицъ (см. подробно о немъ тамъ же, стрр. 13, 58, 118). Въ Чиновникахъ и записяхъ службы Московскаго Успенскаго собора нерѣдко можно встрѣтить замѣчанія въ родѣ: „святѣйшему патріарху къ вечернѣ и отъ вечерни, ко всенощному и отъ всенощной, къ литургіи и отъ литургіи провожденіе было“, „шелъ съ провожденіемъ“. Этимъ общимъ замѣчаніямъ въ позднѣйшихъ по времени Чиновникахъ Холмогорскаго и Нижегородскаго соборовъ (см. Указатели къ нимъ, подъ

него [1])? Благовѣстъ къ вечернѣ и утренѣ, „благовѣстъ *на соборъ*“ предъ обѣднею „въ большой колоколъ и въ середней и въ меншей, перемѣняяся“,—равный теперешнему праздничному перебору или перезвону, служили тогда столько же призывомъ къ богослуженію для вѣрующихъ, сколько являлись своего рода повѣсткой для священнослужащихъ. Во время благовѣста, продолжавшагося иногда очень долго и оканчивавшагося обычно „звономъ во вся“, приходили къ святителю въ выходную палату подьяки съ облаченіемъ, лампадой и свѣчами; здѣсь же собирались крестовые попы съ діаконами, а иногда и свѣтскіе архіерейскіе или патріаршіе чиновники и сюда же съѣзжались бѣлые, черные и пестрые власти. Собраніе послѣднихъ въ крестовую келью къ святителю передъ службой для провожденія его къ ней было обычнымъ явленіемъ въ древнемъ Новгородѣ, какъ вѣроятно и по другимъ городамъ, гдѣ вмѣстимость архіерейской крестовой и выходной палатъ дѣлали, понятно, возможнымъ такой сборъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ, напримѣръ при *первыхъ* служеніяхъ новопоставленныхъ архіереевъ, передъ литургіей пріѣзжали къ нимъ на дворъ для участія въ провожденіяхъ государевы бояре и воеводы, дьяки и приказные люди [2]). Отъ недѣли пещного

словами: провожденіе, прихожденіе, встрѣчи) и другихъ документахъ XVШ—XIX столл. (Лѣтоп. Двинская, стр. 163. М. 1899. Арханг. Епарх. Вѣдом. 1894 г., части неоффиц., стр 213) соотвѣтствуютъ выраженія: *шелъ* (архіерей) *со славою, во славѣ*. Всѣ эти неясныя для насъ замѣчанія и выраженія были общепонятными литургическими терминами для своего времени. Ими хотѣли сказать, что шествіе іерарха къ службѣ происходило при участіи многихъ лицъ, колокольномъ звонѣ и при пѣніи подьяками или пѣвчими тропаря храмового или дневного святого, или такъ называемаго *славника*—стихиры *со славою*, на Слава Отцу и Сыну и св. Духу.. .. Отсюда, намъ кажется, образовалось и самое выраженіе: приходитъ архіерей въ соборъ *со славою*, преосвященнаго встрѣчали *со славою*, по аналогіи со многими другими богослужебными выраженіями, въ которыхъ фигурируетъ весьма употребительный въ литургическомъ языкѣ терминъ: Слава, *δόξα* (см. для примѣра Чиновники: Холмогорск. соб. стр. 194, 224, 236; Нижегор. соб. стр. 14; *Дмитріевскаго* Описан. литургическихъ рукописей православнаго востока ч. I, *Τυπικά*, стрр. 533, 559, 565, 604, 867, 870 и друг.).

[1]) Составитель „Книги Чиновной записной священнослуженій“ патр. Іоакима, сказавъ о шествіи на осляти, что въ 1681 году оно было совершено согласно съ практикой предшествующихъ лѣтъ, замѣчаетъ для себя: „а впред о провожденіи ко всенощному *доложить* святѣйшаго патріарха *на каноне сегодня*“ (Рукоп. Моск. Синод. библ. № 425 л. 6 об.—7). Сказавъ о времени благовѣста ко всенощному въ праздникъ 50-цы въ 1691 году, составитель отмѣчаетъ, что „святѣйшій патріархъ в собор шел без провожения да и давно отставлено“ (Рукоп. Моск. Синод. библ. № 426 л. 125). [2]) Чиновн. Холмог. соб. стр. 13. Въ Москвѣ для присутствованія на выходахъ къ службамъ патріарха, крестныхъ ходахъ и дѣйствахъ прямо таки назначались дворцовымъ вѣдомствомъ бояре, окольничіе и дьяки. Разсказавъ о совершеніи вечерни въ первый день Пасхи въ 1684 году, составитель „Выходовъ“ патр. Іоакима сочелъ нужнымъ отмѣтить... „а провожали (патріарха) боляра: князь Ал. Андр. Голицынъ, да Матѳ. Стеф. Пушкин, да околничей Тимофей Петр. Савеловъ“ (Рукоп. Моск. Синод. библ. № 426 л. 81--83)

дѣйства до отданія праздника Рождества Христова святѣйшаго патріарха и прочихъ епархіальныхъ владыкъ вмѣстѣ съ другими лицами провожали въ церковь и изъ церкви еще халдѣи съ пальмами и отроки со свѣчами, а въ самое пещное воскресеніе послѣ утрени и обѣдни и наканунѣ его послѣ вечерни „ходили предъ патріархомъ со св. водой и крестомъ“ и даже власти до кельи [1]). Послѣдніе, нужно замѣтить, въ Москвѣ по крайней мѣрѣ въ XVI—XVII вѣкахъ, сходились и съѣзжались передъ службой обычно въ соборную церковь и здѣсь ожидали святѣйшаго. Они собирались въ крестовую и участвовали въ провожденіи первосвятителя чаще всего тогда, когда на литургіи предстояло посвященіе кого-либо въ епископа или совершеніе передъ нею какого-либо дѣйства, то есть, въ случаяхъ исключительныхъ [2]).

Собравшись, духовенство облачалось—черные власти въ мантіи, діаконы и подьяки въ стихари, качество и даже цвѣтъ которыхъ согласовались съ характеромъ праздника. Понятно, что въ отношеніи одеждъ было большое разнообразіе и у каждаго собора были на этотъ счетъ свои правила и традиціи. Патріарховъ московскихъ въ Рождество, Крещеніе, Пасху и въ другіе высокоторжественные дни пѣвчіе и подьяки провожали въ золотыхъ стихаряхъ, въ Пятьдесятницу и другіе двунадесятые и мѣстные праздники въ красныхъ камчатыхъ [3]). То же соотвѣтствіе съ величіемъ воспоминаемаго лица или священнаго событія наблюдалось и въ отношеніи аттрибутовъ провожденія архіерейскаго: посоха [4]), лампады [5]), праздничной иконы и воздвизальнаго креста, изрѣдка также предносившихся при выходѣ святителей въ храмъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ XVII вѣкѣ у насъ, какъ вѣроятно и въ раннѣйшее время, принадлежности храма: иконы, кресты, евангелія, облаче-

---

[1]) Чиновн. Моск. Успенск. соб. стрр. 26—27, 28; Чиновн. Новгор. соб. стр. 58—59, 61 и др. [2]) Рукоп. Моск. Синод. библ. № 428, лл. 141 об., 149 об.—151; сн. Чиновн. Моск. соб. стр. 237. [3]) Тамъ же стр. 237, 238 и т. д. Рук. Моск. Син. библ. № 428, лл. 13, 15, 18 об., 32, 37 об., 141 об., 157, 160 об., № 425 л. 3. Само собой разумѣется, что и провождаемые архіереи и провождавшіе ихъ власти сообразовали свое одѣяніе— клобуки и мантіи —съ величиной праздника. [4]) Въ отношеніи посоховъ на Москвѣ было правиломъ, чтобы въ дни празднованія Петру митрополиту святѣйшіе служили съ его посохомъ; въ Чудовомъ монастырѣ употреблялся ими посохъ святит. Алексія, когда вспоминался этотъ послѣдній. Обыкновенно наканунѣ праздника къ малой вечернѣ „выдавались изъ ризницы“ названные посохи и въ положенное время держали ихъ, какъ и лампаду, на службахъ предъ святѣйшими у мѣста ихъ; съ ними же, понятно, совершаемы были и всѣ выходы (Рукоп. Моск. Синод, библ. № 425 л. 202, № 428 лл. 79 об., 90, 91, № 426 лл. 153 об., 524—525, 528 об., 534 об. и др.). Тѣ же порядки имѣли мѣсто и въ другихъ соборахъ, гдѣ были посохи чудотворцевы, дорогіе не качествомъ матеріала, но по связаннымъ съ ними историческимъ воспоминаніямъ. [5]) О предносной архіерейской лампадѣ см. нашу статью въ Богосл. Вѣстникѣ 1895 г.

нія и различныя утвари: потиры съ дискосами, воздухи и пелены, хоругви и фонари, предносныя лампады и орлецы и т. п. по величинѣ, качеству матеріала и отдѣлкѣ подраздѣлялись въ литургическомъ обиходѣ на три разряда или наряда: *на большія или великія, середнія и малыя или меньшія* [1]). Соборные ключари и патріаршій ризничій обязывались твердо помнить, въ какой праздникъ какого разряда или наряда выдавать одежды, утвари и церковно-богослужебныя вообще принадлежности.

Когда все и всѣ были готовы, выходилъ изъ своихъ внутреннихъ келлій въ крестовую владыка и, преподавъ благословеніе присутствующимъ, говорилъ: *Достойно есть*, творилъ отпустъ и прощеніе и неторопко шелъ въ соборную церковь, предваряемый своими дѣтьми боярскими, дьяками и подъячими, пѣвчими, лампадаремъ и свѣщеносцами, поддерживаемый иподіаконами или игуменами и архимандритами, если послѣдніе были на лицо, и сопровождаемый остальнымъ духовенствомъ и почетными гражданами [2]). Шествіе направлялось обычно *большою* лѣстницей [3]), гдѣ таковая была, по пути, болѣе или менѣе украшенному, при колокольномъ звонѣ и съ пѣніемъ. Святѣйшему на Москвѣ „звонили во вся“ не всегда, но лишь тогда, когда самъ царь не приходилъ

---

[1]) Указаніе на это можно повсюду встрѣтить въ Чиновникахъ Московск. Успенск. соб. Такъ, напримѣръ, въ „Книгѣ записной облаченіемъ і дѣйству“ патр. Никона, подъ 14 августа 1656 года, замѣчено, что на вечернѣ въ этотъ день „лампаду держали *среднюю*..., а на всенощномъ лампаду и стулъ *болшое* ставили і орлецъ“; подъ 8 мая: „стул и подушка *воскресное*, ковер на мѣсте *меншей*, ломпада *воскресная* (Чин. Моск. Успенск. соб. стрр. 256, 270, 278 и др.). Въ образецъ этихъ предносныхъ лампадъ можно указать на двѣ лампады: одну, сдѣланную по благословенію патр. Филарета въ 1622 году, другую—устроенную велѣніемъ патр. Адріана въ 1692 г. Описаніе обѣихъ и фотографическое изображеніе первой изъ нихъ въ Указателѣ Моск. патріарш. ризницы *преосв. Саввы*, стр. 35—36 и табл. XII. изд. 5. М. 1883 г. О лампадахъ Новгородскаго Софійск. собора въ Археологическомъ описан. древностей въ Новгородѣ *архим. Макарія* ч. II, 236—237. [2]) Порядокъ лицъ, предварявшихъ и замыкавшихъ шествіе святителя, не былъ неизмѣнно-постояннымъ, но зависѣлъ иногда и отъ усмотрѣнія послѣдняго. Въ 1678 году въ недѣлю цвѣтоносную, предъ хожденіемъ на ослятѣ, „святѣйшій патріархъ (Іоакимъ) указал пѣвчим итить напреді, а с посохом и с лампадою пред пѣвчими, а подіакомъ позади“ (Рукоп. Московск. Синод. № 425 л. 6 об., ср. Соборн. Чиновники). Въ *Ἑρμηνεία τῆς θείας λειτουργίας* патр. Аѳанасія Пателарія (Рукоп. Моск Синод. библ. по Описан. *архим. Владиміра* № 266, стр. 385), примѣнявшагося въ своемъ изложеніи къ нашимъ порядкамъ, читаемъ: *καὶ προπορεύονται αὐτῷ* (т. е. архіерею) *οἱ ἄρχοντες, εἶτα οἱ διάκονοι, ἔπειτα οἱ ἱερεῖς, εἶτα οἱ κληρικοί, εἶτα ὁ πριμμικύριος φέρων τὸ διβάμπουλον μὲ ἀνημμένην λαμπάδα μεγάλην ἔμπροσθεν τοῦ ἀρχιερέως, ὀλίγον πλαγίως πρὸς τὸ δεξιὸν μέρος. Ὁ ἀρχιδιάκονος δὲ πλησίον τοῦ ἀρχιερέως ὄπισθεν μικρὸν ἐκ πλαγίου, εἶτα οἱ ἀρχιερεῖς, ἀρχιμανδρῖται, ἡγούμενοι, ἱερομόναχοι καὶ οἱ τοῦ ἀγγελικοῦ σχήματος ἀνὰ δύο ἔπονται τῷ ἀρχιερεῖ* (л. 6). [3]) Изъ собора же въ крестовую святѣйшіе патріархи обычно возвращались „малою“ проходною лѣстницей (Рукоп. Моск. Синод. № 428, лл. 141 об., 147, 151; № 93 л. 213 об.). Такъ было на Москвѣ именно при патріархѣ Іоакимѣ.

въ соборъ или не пріѣзжалъ къ празднику; въ противномъ случаѣ „трезвонили, какъ государь къ празднику поѣдетъ къ вечернѣ и ко всенощному и къ обѣднѣ“ [1]). Пѣвчіе, въ большемъ или меньшемъ числѣ идя предъ святителемъ, пѣли тропарь храмового или празднуемаго святого, или такъ называемый *славникъ*—дневную стихиру на Слава Отцу и Сыну и св. Духу. Провождаемый *со славою*, шествуя *во славѣ*, самъ архіерей, по смыслу древнѣйшихъ Служебниковъ, долженъ былъ при этомъ обратиться весь въ непрерывную молитву, исполниться передъ службой глубокаго сознанія собственныхъ немощей и проникнуться чувствомъ величайшаго благоговѣнія предъ величіемъ Божіимъ и славой святаго жертвенника Его. Исходя изъ келлій, идя къ церкви, вступая въ ту или другую часть ея, все время, непрерывно онъ долженъ былъ читать одну вслѣдъ за другою молитвы и цѣлый рядъ тропарей [2]), число и содержаніе которыхъ видимо отвѣчало разстоянію и разнымъ стадіямъ пути. При выходѣ изъ дома, съ лѣстничнаго рундука или съ своего крыльца владыка преподавалъ благословеніе поджидавшему его народу [3]) и былъ затѣмъ встрѣчаемъ въ дверяхъ церковныхъ двумя діаконами въ облаченіи съ кадилами. При пѣніи подьяками такого или иного входнаго архіерей вступалъ въ храмъ, становился на приготовленномъ мѣстѣ или на постланномъ впереди его среди храма коврѣ и орлецѣ [4]), творилъ приходные поклоны, осѣнялъ народъ и былъ многолѣтствуемъ какъ бы отъ лица послѣдняго пѣвчими. Сошедъ съ мѣста „знаменовался“, какъ тогда говорили, съ извѣстными молитвами у мѣстныхъ и праздничной иконъ, чудотворцевыхъ мощей и царскихъ вратъ; со всѣмъ сонмомъ священнослужащихъ входилъ непосредственно въ самый олтарь, прикладывался къ евангелію, благословлялъ крестомъ себя, властей и священниковъ и,

---

[1]) Русск. Ист. Библ. т. III, ст. 80, 100; Чиновн. Моск. Успенск. соб. стрр. 19, 20, 22, 24, 27, 28, 30, 40, 62 и др. [2]) *Дмитріевскаго* Богослуж. въ русск. церкви въ XVI в., стр. 697—1. [3]) Возвращаясь отъ службы домой, архіерей также осѣнялъ руками народъ съ нарочито учиненнаго на то и *видимаго всѣми мѣста*. (Чиновн. Холмогор. соб. стр. 30; сл. Чиновн. архіерейск. священнослуж. л. 68. Москва 1897). Мѣста эти въ видѣ балконовъ сохранились до сихъ поръ при нѣкоторыхъ старыхъ архіерейскихъ домахъ, напримѣръ, при митрополичьихъ покояхъ въ Сергіевой лаврѣ. [4]) Въ августѣ 1677 года патр. Іоакимъ „указалъ ковер слать (на литіи), егда ему, святѣйшему патріарху, хождение бываетъ на литію“; въ декабрѣ того же года онъ же приказываетъ „ставить мѣсто, егда ему гдѣ у праздника служить“ (Рукоп. Моск. Синод. № 425 лл. 40, 92 об.). Если сами патріархи вникали въ такія маловажныя подробности *обстановки* своей службы, то еще съ большимъ вниманіемъ должны были относиться къ ней тѣ, на обязанности которыхъ лежало слѣдить вообще за внѣшнимъ порядкомъ въ соборномъ храмѣ. И ключари, дѣйствительно, зорко слѣдили за тѣмъ, когда и гдѣ готовить мѣсто для святителя, какой стулъ и кресла на немъ ставить и какую подушку на нихъ класть, какой коверъ постилать и который орлецъ на немъ полагать.

приблизившись затѣмъ къ жертвеннику и поцѣловавъ дискосъ съ потиромъ, творилъ взаимное прощеніе съ тѣми, кто долженъ былъ съ нимъ служить [1]). Изъ второго по времени Чиновника Московскаго Успенскаго собора видно, что святѣйшій при этомъ не только благословлялъ священниковъ и властей рукою, но и давалъ послѣднимъ „цѣловать въ шапочку“ себѣ [2]). Вышедъ изъ олтаря, архіерей всходилъ на свое святительское мѣсто среди церкви и здѣсь облачался. Бывало впрочемъ и такъ, что архіерей не выходилъ на средину церкви, но оставался облачаться въ олтарѣ.

Архидіаконъ Павелъ Алеппскій, неоднократно и подробно описавъ обрядъ входа патріарха съ священнослужащими на Москвѣ въ олтарь предъ обѣдней и обычай *прощенія*, послѣ одного изъ такихъ описаній говоритъ о своемъ отцѣ, Антіохійскомъ патріархѣ Макаріи, что онъ „уничтожилъ впослѣдствіи этотъ обычай, убѣдивъ патріарха (Никона) *не входить въ олтарь* и не благословлять архіереевъ и священниковъ крестомъ, но по существующему у грековъ обычаю *сидѣть на своемъ патріаршемъ мѣстѣ*, причемъ тѣ подходятъ и цѣлуютъ только его правую руку“ [3]). По личнымъ указаніямъ патр. Макарія и, вѣроятно, другихъ заѣзжихъ восточныхъ іерарховъ [4]), а главное на основаніи памятниковъ ихъ относительно-позднѣйшей богослужебной письменности [5])

[1]) Новгородскіе владыки, вѣроятно въ цѣляхъ удобства, передъ входомъ въ олтарь цѣловали иконы только правой стороны, а по выходѣ изъ него—лѣвой. [2]) Русск. Ист. Библ. т. Ш, ст. 67, 129; Чиновн. Моск. Усп. соб. стрр. 57, 74 и друг. [3]) Путешествіе Антіохійскаго патр. Макарія, русск. перев. *Муркоса*, вып. Ш стр. 49. [4]) Іерусалимскій патр. Θеофанъ, служившій на Москвѣ литургію съ нашими архіереями, приложившись къ образамъ и чудотворцевымъ мощамъ, „*хотѣлъ было опять стать на свое мѣсто в церкве*, и тутъ ему сказалъ Спаской дьяконъ Дионисей: поди де, государь, во олтарь, тамъ де приложишься ко евангелію и крестомъ себя благословишь и властей служащихъ“... Патріархъ внялъ указанію діакона, но то, что онъ не имѣлъ намѣренія, по знаменованіи у иконъ, входить въ олтарь, не прошло незамѣченнымъ со стороны Русскихъ, какъ и нѣкоторыя другія особенности служенія его, сравнительно съ принятой у насъ тогда литургической практикой. „Записка, какъ служилъ Θеофанъ, патріархъ Іерусалимскій, литоргию с рускими митрополиты“, составленная очевидцемъ и содержащая въ себѣ весьма интересныя литургико-археологическія данныя, издана *архим. Леонидомъ* въ приложеніи къ первому выпуску (стр. 165—167) его Свѣдѣнія о славянск. рукописяхъ Троицкой Сергіевой лавры. М. 1887. [5]) Имѣемъ въ виду главнымъ образомъ легшее въ основу нашего теперешняго архіерейскаго Чиновника упомянутое выше „Толкованіе божественныя литургіи“ патр. Аѳанасія Пателарія, въ которомъ ясно говорится, что по цѣлованіи иконъ, чтеніи молитвы предъ св. дверьми: *Господи низпосли руку твою съ высоты святаго жилища твоего* и осѣненіи народа ἀναβαίνει (архіерей) εἰς τὸ ἡτοιμασμένον ἐστρωμένον ἀνώγεον, ἀκολουθούντων τῶν μελλόντων συλλειτουργῆσαι, οἱ καὶ κάτω μένουσι τοῦ ἀνωγέου ἔνθα καὶ ἔνθα, ἀρχιδιάκονος δὲ καὶ ἄλλος διάκονος ἀναβαίνουσι (Рукоп. Московской Синодальной библіотеки по описанію *архимандрита Владиміра* № 266, л. 8). Обращаясь отъ Ἑρμηνεία τῆς θείας λειτουργίας патріарха

обыкновеніе входить не облачившись въ олтарь передъ литургіей дѣйствительно было оставлено во второй половинѣ XVII вѣка нашими владыками. По крайней мѣрѣ изъ Чиновниковъ и записей соборной службы названнаго времени видно, что патр. Никонъ и его преемники, по цѣлованіи иконъ и прочихъ святынь, уже не входили въ олтарь для совершенія прощенія [1]). Примѣру святѣйшихъ патріарховъ слѣдовали и епархіальные архіереи [2]). Но обрядъ благословенія воздвизальнымъ крестомъ священнослужащихъ, вопреки убѣжденіямъ патр. Макарія, былъ

Аѳанасія къ древнѣйшимъ памятникамъ греческой богослужебной письменности, напримѣръ, къ Типику Великой церкви IX—X вѣка, и сопоставляя нѣкоторыя, не вполнѣ впрочемъ опредѣленныя данныя его касательно прихода къ службѣ патріарха съ болѣе полными и ясными описаніями встрѣчи въ св. Софіи императора, не разъ повторенными на страницахъ византійскаго Обрядника, приходишь невольно къ заключенію, что наши архіереи, *входя въ олтарь* для поклоненія предъ престоломъ и жертвенникомъ съ ихъ святыней, по цѣлованіи иконъ, въ сущности продолжали вплоть до патр. Никона дѣлать то же, что дѣлали въ подобномъ случаѣ византійскіе цари и Константинопольскіе патріархи въ періодъ принятія нами вѣры изъ Греціи. По византійскому Обряднику царь, послѣ трехкратнаго съ зажженной свѣчей поклоненія предъ св. вратами и цѣлованія ихъ, вслѣдъ за патріархомъ вступалъ въ олтарь и, помолившись предъ престоломъ, прикладывался такъ же, какъ и онъ, къ покрову его и находившимся на немъ потирамъ, дискосамъ и пеленамъ Господнимъ. Возложивъ на св. престолъ свои приношенія, царь, кадя, обходилъ его вмѣстѣ съ патріархомъ, направлялся потомъ къ стоявшему въ углубленіи олтарнаго полукружія распятію и, поклонившись, цѣловалъ его (Подробнѣе объ этомъ см. у *Бѣляева* въ Byzantina II, стрр. 154—162). Въ нѣкоторые дни въ году онъ молился и возжигалъ свѣчи у находившихся по близости мощей Іоанна Златоустаго и Григорія Богослова и вмѣстѣ съ патріархомъ ходилъ изъ олтаря поклониться гробамъ св. Константина, патріарховъ Никифора и Меѳодія и греческихъ царей (De cerimoniis vol. I, lib. 1, cap. 10, pag. 76—77; cf. pag. 117—118. Ed. Bonnae). Разница между византійскими и русскими государями въ разсматриваемомъ отношеніи та, что князья и цари наши, приложившись къ святымъ иконамъ и чудотворцевымъ мощамъ, поклонившись иногда гробамъ предковъ своихъ и святителей, непосредственно становились на то или другое мѣсто въ церкви. Во св. олтарь они не входили и приношеній своихъ, въ видѣ покрововъ, пеленъ, воздуховъ и т. п., на св. престолъ самолично не возлагали. Золотые свои къ святымъ иконамъ они прикладывали тоже не сами, а черезъ кого-либо изъ священнослужащихъ и уже по выслушаніи литургіи. Различіе между восточными іерархами и нашими владыками въ данномъ случаѣ состояло въ томъ, что первые творили поклоненіе предъ престоломъ на такъ называемомъ теперь *маломъ* входѣ, который былъ тогда и первымъ вступленіемъ ихъ въ самый храмъ и олтарь; вторые дѣлали это дважды—передъ литургіей и на входѣ съ евангеліемъ на ней, то есть, допускали излишнее повтореніе въ обрядѣ. На устраненіе этого повторенія и направлено было замѣчаніе патр. Макарія, отправлявшагося уже отъ позднѣйшаго, измѣнившагося, со временемъ, на востокѣ литургійнаго строя и убѣждавшаго патр. Никона не входить предъ литургіей въ олтарь (Чиновн. Моск. Успенск. соб. по указат. подъ словомъ: выходы царя и стр. 187; *Дмитріевскаго Τυπικά* , стрр. 32, 34; сл. 167—169). [1]) Чиновн. Моск. Успенск. соб. стрр. 237, 254, 261, 274, 276, 277; Рукоп. Моск. Синод. библ. № 426 л. 125. [2]) Чиновн. Холмогорск. соб. стр. 13.

удержанъ, хотя и перенесенъ изъ олтаря въ церковный притворъ или къ западнымъ вратамъ храма. Въ теперешнемъ Чиновникѣ архіерейскаго служенія, согласно съ практикой и богослужебными книгами греческой церкви, нѣтъ совсѣмъ указанія на изнесеніе креста при встрѣчѣ архіерея предъ литургіей, но онъ, какъ извѣстно, и до сихъ поръ выносится у насъ ключаремъ или кѣмъ-либо другимъ и, можно думать, отчасти по воспоминанію о нашемъ старомъ обрядѣ, отчасти въ подражаніе другому еще болѣе древнему, какъ увидимъ ниже, обычаю, имѣвшему нѣкогда мѣсто у тѣхъ же западныхъ или царскихъ дверей въ св. Софіи Константинопольской. Не сидя, далѣе, какъ убѣждалъ патр. Никона восточный владыка и какъ предписываетъ нашъ Чиновникъ, а стоя среди церкви на уготованномъ мѣстѣ, согласно опять-таки древнему обычаю, наши архіереи преподаютъ теперь сослужащимъ свое благословеніе, когда тѣ по-два приближаются къ нимъ предъ уходомъ своимъ въ олтарь и жертвенникъ для одѣянія въ священныя одежды. Впрочемъ патр. Никонъ, ближайшіе его преемники и современные ему русскіе владыки дѣлали то-же, сидя въ креслахъ или на каѳедрѣ, поднимаясь съ нихъ уже тогда, когда діаконы и другія лица, на то назначенныя, приступали къ ихъ „*всенародно-зрительному*“, какъ тогда выражались, облаченію.

Узаконенное дѣяніемъ Московскаго собора 1675 года для всѣхъ нашихъ владыкъ и предоставлявшееся потомъ на короткое время въ видѣ преимущества только архимандритамъ Троице-Сергіева монастыря [1]), облаченіе среди церкви является у насъ одною изъ крупныхъ, замѣтно бросающихся въ глаза особенностей архіерейской службы. Не часто можно увидать теперь у насъ архіерея, облачаемаго къ литургіи не среди церкви, а въ олтарѣ или другомъ какомъ мѣстѣ; лишь при совмѣстномъ служеніи нѣсколькихъ іерарховъ да еще въ нѣкоторыхъ немногихъ случаяхъ младшіе изъ нихъ по сану одѣваются обыкновенно вмѣстѣ съ прочими священно-служащими. И эта обычная наша практика архіерейскаго облаченія къ службѣ не совпадаетъ вполнѣ не только съ порядками современныхъ церквей греческой и юго-славянскихъ, но и съ обычаями, наблюдавшимися на этотъ счетъ на Москвѣ въ XVI—XVII столѣтіи. Въ наиболѣе древнихъ Чиновникахъ Большого Успенскаго собора дни праздничные распадаются въ этомъ отношеніи на двѣ неравныхъ группы. Въ одни изъ нихъ не было крестныхъ ходовъ изъ него [2]) и

[1]) *Амвросія* Истор. Россійск. Іерархіи, ч. I стрр. 332, 334, 336, 357.
[2]) А именно: 24—25 декабря, 1 января, въ Пасху, 15 августа, въ дни памяти, „проявленія“ и пренесенія мощей Петра митрополита (т. е. 21 дек., 4 и 24 августа), 30 марта въ день преставленія Іоны митр. и другіе праздники.

облаченіе первосвятителя происходило „всенародно-зрительно"; въ другіе —непосредственно передъ литургіей полагались большіе или малые крестные ходы изъ собора въ московскія церкви и монастыри, и патріархъ или замѣнявшій его архіерей облачались вмѣстѣ съ остальными властями въ олтарѣ за престоломъ, какъ пояснено подъ 25 августа въ „Сказаніи дѣйственныхъ чиновъ" патр. Филарета [1]). Въ первомъ случаѣ, по большимъ праздникамъ, во время благовѣста, пока соборное и городское духовенство сходилось къ службѣ, подіяки, по указанію ключарей, готовили, какъ мы выше видѣли, мѣсто среди церкви святителю, ставили непремѣнно противъ западныхъ дверей, ближе или дальше отъ нихъ, смотря по числу священнослужащихъ и величію праздника, довольно высокій, трехступенный „рундукъ, а на немъ полагали коверъ да орлецъ да стулъ съ подушкою" [2]). Рундукъ этотъ уже и тогда назывался облачальнымъ мѣстомъ [3]), „архіерейскимъ или святительскимъ мѣстомъ, что у западныхъ столповъ" [4]), рѣже—облачальнымъ амвономъ [5]), въ отличіе отъ другого, обычнаго амвона. Иногда первосвятитель Московскій былъ облачаемъ и стоялъ начало литургіи на томъ возвышенномъ, *горнемъ мѣстѣ*, которое устроялось всякій разъ въ Успенскомъ соборѣ для поставленія владыкъ [6]). Не входя въ подробности самаго облаченія,

[1]) Чиновн. Московск. Успенск. соб. стр. 77. [2]) Тамъ же стрр. 28, 30, 32, 34, 47, 71, 74, 76 и т. д.; сн. Русск. Истор. Библ. ст. 15, 57, 67, 104, 111, 129—130, 150 и друг. [3]) Рукоп. Московск. Синод. библ. № 428 лл. 32, 100; сл. 2 об.; 9 (мѣсто, гдѣ облаченіе бываетъ); № 426 лл. 79, 553; № 425 л. 23 об. [4]) Послѣдними словами дается, во-первыхъ, понять, что облачальное мѣсто въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ приходилось въ XVII вѣкѣ не посединѣ собственно храма, а ближе къ западнымъ дверямъ его, а во-вторыхъ тѣмъ же выраженіемъ послѣднее отличается отъ другого святительскаго мѣста, что у праваго передняго столба. Положеніе облачальнаго мѣста точнѣе можно опредѣлить изъ нижеслѣдующаго извѣстія. Составитель выходовъ патр. Іоакима, говоря о томъ, что 26 ноября 1682 года отъ загорѣвшихся государскихъ хоромъ сгорѣла кровля на Успенскомъ соборѣ, сообщаетъ между прочимъ, что въ послѣднемъ „упало паликадило над мѣстомъ, гдѣ святѣйшій патриархъ облачается, и розшиблося" (Рукоп. Моск. Синод. библ. № 428 л. 10 об., сн. Древн. Росс. Вивл. ч. X, стр. 94—95). Находясь подъ паникадиломъ, мѣсто занимало междустолпное пространство. [5]) Рукоп. Моск. Синод. № 426 л. 235: „Святѣйшій патриархъ стоялъ на послѣдней степени амвона, гдѣ облачается". Немного ниже въ той же рукописи говорится, что гробъ Господень въ вел. пятницу „поставили среди церкви у царскихъ дверей, гдѣ бывает амвонъ, что евангелие чтут" (л. 252). Этотъ второй въ собственномъ смыслѣ амвонъ находился не у самыхъ царскихъ вратъ, а, какъ можно заключать изъ параллельнаго только что приведенному—мѣста, „между преднихъ столпов под сребряным паликаділомъ" (Рукоп. Моск. Синод. № 425 л. 23 об.) [6]) Въ рукоп. Моск. Синод. № 93 на оборотѣ листа 70 на полѣ, противъ словъ: „а на мѣсте ево государевѣ ковры посланы были болшие ж", находится приписка: „Мѣсто то, что владыкъ ставят, в тѣ поры было не снято". Къ сожалѣнію, въ печатное наше изданіе Чиновниковъ Моск. Успенскаго собора (стр 263) по недосмотру не внесена она.

остающагося въ существенномъ неизмѣннымъ по настоящее время, отмѣтимъ въ качествѣ особенности то, что діаконы, облачая патріарха, по словамъ Павла Алеппскаго, „не отнимали мантіи съ его спины, чтобы никто не видѣлъ его безъ мантіи, пока не надѣли на него (патр. Никона) жемчужнаго параманда и стихаря“ [1]). Власти: архіереи, архимандриты, какъ и священники, облачались въ олтарѣ и въ его боковыхъ отдѣленіяхъ, всѣ „по своимъ мѣстамъ“. Одни изъ нихъ по облаченіи въ св. одежды исходили на средину церкви и становились по обѣимъ сторонамъ патріарха, другіе, проговоривъ обычные въ то время такъ называемые „входъ и архіерейскія молитвы, дѣйствовали въ олтарѣ надъ просвирами“ [2]). Но случалось, что святители облачались иногда и посреди церкви вмѣстѣ съ первосвятителемъ. Московскій соборъ 1675 года потребовалъ впрочемъ отъ сослужившихъ патріарху митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ каѳедры себѣ съ возглавіемъ не поставлять, жезла въ служеніи не предносить, „ниже во церкви священно-одѣятися, но въ жертвенницѣ, да не купно-равни будутъ, ниже сопрестольни патріарху, да не сліяніе нѣкое и не раззнаніе лицъ будетъ“ [3]). Патріархъ приравнивался къ нимъ до нѣкоторой степени во второмъ случаѣ, въ праздники меньшей велпчины, когда литургію предварялъ крестный ходъ. Особаго мѣста тогда ему не поставлялось на входъ: ставилось оно, „егда будетъ изъ ходу пришедъ въ соборѣ служити патріарху“. Въ эти дни, по вступленіи своемъ въ храмъ, первосвятитель становился среди церкви просто на орлецъ и затѣмъ, войдя въ олтарь, облачался въ немъ съ прочими властьми [4]). Съ большою вѣроятностію можно предполагать, что не поставляли мѣста предъ совершеніемъ крестнаго хода съ нарочитою цѣлью—дать какъ можно больше простора участникамъ его, оставивъ совершенно свободною и ничѣмъ не занятою средину Успенскаго собора. Имѣло ли мѣсто облаченіе архіерея въ олтарѣ по другимъ древне-русскимъ каѳедральнымъ храмамъ,—намъ неизвѣстно. Судя по Чиновникамъ и старымъ архіерейскимъ Служебникамъ, Ростовскіе митрополиты, Новгородскіе, Казанскіе, Холмогорскіе и другіе наши архіепископы облачались обычно къ литургіи тамъ же, гдѣ облачаются и современные наши владыки, т. е. среди

[1]) Путеш. Антіохійск. патр. Макарія, вып. III стр. 49—50; сн. 128, 175, 181 и друг., въ перев. *Муркоса*. Сл. De cerim. I, 18 p. 109. [2]) Чиновн. Моск. Успенск. соб. стрр. 29, 30, 32, 47, 76 и друг. Р. И. Б. III, 67, 128, 132, 140; рукоп. Моск. Синод. № 425 л. 3. [3]) *Амвросія* Ист. Россійск. Іерархіи, ч. I стр. 333, 337; сн. Дѣян. Московск. Соб. 1666—1667 гг., л. 43, изд. Братства митр. Петра. [4]) Чиновн. Московск. Успенск. Соб. стр. 1, 7, 12, 15, 36, 57, 64, 67—68, 69, 77 и др. Р. И. Б., т. III, ст. 10, 22, 29, 51, 86, 90, 97—98, 120, 141.

храма,—независимо отъ того, предварялъ ли ее крестный ходъ или же его совсѣмъ не было [1]).

Являясь у насъ какъ бы въ видѣ уклоненія отъ нормы, облаченіе архіереевъ въ олтарѣ составляетъ, наоборотъ, довольно обычное явленіе въ Греціи и особенно земляхъ юго-славянскихъ. Въ Болгаріи, напримѣръ, облаченіе деспотисовъ среди церкви бываетъ очень рѣдко; нѣкоторые архіереи допускаютъ его лишь по великимъ праздникамъ, два—три раза въ годъ, а есть и такіе, которые совсѣмъ избѣгаютъ его, предпочитая облачаться не на виду у всѣхъ. На востокѣ, гдѣ литургія, не говоря уже о дняхъ будничныхъ, по праздникамъ обыкновенно соединяется съ утреней [2]), при началѣ пѣнія на послѣдней: *Всякое дыханіе*,

---

[1]) Чиновн. Новгор. Софійск. Соб. стрр. 2, 22, 68—69, 83, 90, 133, 142, 150, 209, 239, 250; Чиновн. Холмогор. Соб. стр. 14, 59 и др.; *А. В. Горскаго и К. И. Невоструева* Опис. рукопп. Синод. библ. III, 1 стр. 93, 104, 113, 223,

[2]) Покойный настоятель нашей миссіи въ Іерусалимѣ, о. архим. Антонинъ, не мало путешествовавшій и долго жившій на востокѣ, а главное обстоятельно изучившій его, въ своихъ очеркахъ: *Изъ Румеліи*, говоря о „заимствованіи Керкирою *идеи поздней обѣдни* у Европы", замѣчаетъ, что „православный востокъ, не исключая Константинополя и Аѳинъ, *вообще и повсюду отрицаетъ ее*". Литургія, по его словамъ, обычно начинается тамъ непосредственно за великимъ славословіемъ, раннимъ утромъ (стр. 553, 262; сн. *архим. Порфирія*: „Изъ записокъ Синайскаго богомольца", въ Т. К. Д. А. 1871, I 377). Другіе наши путешественники, какъ и старые паломники: Григоровичъ-Барскій, іеродіаконъ Зосима, Стефанъ и Антоній Новгородцы и многіе другіе вполнѣ подтверждаютъ этотъ фактъ, не разъ повѣствуя въ своихъ запискахъ о началіи, а иногда даже и объ окончаніи патріаршей и архіерейской службы, не говоря уже о священнической, по воскреснымъ днямъ и великимъ праздникамъ въ Царь-градѣ, Іерусалимѣ, Виѳлеемѣ и другихъ восточныхъ городахъ *порану, на зарѣ, на восходѣ солнца* и даже *предъ восхожденіемъ его*. Наоборотъ, случаевъ поздняго отправленія литургійной службы отмѣчено ими весьма мало и то больше въ монастыряхъ (*Архим. Порфирія*: Первое путешествіе въ Аѳонскіе монастыри и скиты, ч. I, отдѣл. 2 стр. 322; *его же*: Путеш. въ Метеорскіе и Осоолимпійскіе монастыри въ Ѳессаліи, стр. 229; Странствованій *Григоровича-Барскаго* ч. I, стр. 346—347, 361, 364; ч. II стр. 18. СПБ. 1885; *Сахарова*: Сказаній русск. народа т. II, кн. 8 стр. 55, 64, 75; *Савваитова*: Путеш. Антонія, архіеп. Новгородскаго ст. 28—29, 83—84. 135, прим.). Руководясь безъ сомнѣнія въ назначеніи ранняго утра для литургіи естественными условіями своихъ странъ, востокъ всегда слѣдовалъ и слѣдуетъ въ сущности обычной практикѣ древнихъ христіанъ, слушавшихъ литургію чаще всего *на разсвѣтѣ* и горько сѣтовавшихъ на своихъ пастырей, если они безъ уважительной и явной для нихъ причины медлили ея совершеніемъ (Лугъ духовный *Іоанна Мосха*, гл. 27, стр. 24—25. Москва, 1848). Опредѣленныхъ правилъ на этотъ счетъ впрочемъ не было установлено, и большія или меньшія уклоненія отъ общепринятаго порядка и въ позднѣйшей восточной, а тѣмъ болѣе въ древне-христіанской церкви существовали. „Что касается времени совершенія литургіи", писалъ Константинопольскій патріархъ Паисій I въ извѣстной своей грамотѣ патріарху Никону, разрѣшая недоумѣнные вопросы послѣдняго, „на это мы отвѣчаемъ, что вы хорошо дѣлаете, начиная литургію съ третьяго часа дня, по канонамъ, и совершаете ее до седьмаго или девятаго часа: поелику, чѣмъ дольше кто упражняется въ славословіи Господа, тѣмъ больше ему поль-

отверзаются въ такихъ случаяхъ царскія двери или открывается замѣняющая ихъ въ Болгарскихъ храмахъ при архіерейскомъ служеніи завѣса, и облачившееся во время катавасій и свѣтильна духовенство, въ преднесеніи дикиро-трикиріевъ діаконами, исходитъ изъ олтаря къ архіерейскому трону. Сошедъ съ него и приложившись съ обычными молитвами къ иконамъ, по прочтеніи молитвы: *Господи низпосли руку Твою* и осѣненіи народа, восточный владыка, многолѣтствуемый хорами, входитъ для облаченія въ олтарь, какъ сюда же и съ тою же цѣлію по нынѣ дѣйствующему у насъ уставу долженъ приходить настоятель съ іереями и діаконами предъ изнесеніемъ креста въ праздникъ Воздвиженія и недѣлю крестопоклонную или предъ выносомъ плащаницы въ великую субботу на утрени [1]). Облачившись съ помощію діаконовъ, а нерѣдко за отсутствіемъ ихъ, при содѣйствіи священниковъ и даже простыхъ мірянъ, въ священныя одежды, архіерей выходитъ со всѣми служащими на средину храма и здѣсь участвуетъ иногда въ пѣніи великаго Славословія, во время котораго діакономъ или священникомъ произносятся вполголоса заключительныя ектеніи утрени, а по окончаніи—старѣйшимъ изъ священнослужащихъ съ діакономъ испрашивается у архіерея благословеніе на начало литургіи. Въ Греціи, особенно же въ Іерусалимѣ и Константинополѣ, въ дни праздничные и высокоторжественные, когда служитъ самъ патріархъ съ членами сунода и пріѣзжими архіереями, облаченіе его происходитъ, впрочемъ, какъ и въ древности происходило, съ неменьшею, чѣмъ у насъ, нарядностію и важностію и непремѣнно посрединѣ церкви, гдѣ заблаговременно разстилается коверъ и на немъ поставляется болѣе или менѣе благоустроен-

---

зы и похвалы, какъ небеснымъ ангеламъ, которые непрестанно воспѣваютъ Господа. Но часы эти не опредѣлены однажды навсегда, такъ чтобы не имѣли позволенія литургисать и въ другой какой-либо часъ кромѣ третьяго, поелику во святый и великій день свѣтлаго Христова воскресенія и рождества и святыхъ богоявленій литургія бываетъ съ ночи (*ἀπὸ νυκτός*); въ великій четвертокъ (сн. Карѳаген. соб. правв. 50, 53; Трулльск. пр. 29; *Сократа* Hist. Eccl. lib. V, cap. 22; Созомена VII, 19) и въ великую субботу тоже мы приняли литургисать къ вечеру (*πρὸς ἑσπέραν*) ради нѣкоторыхъ таинствъ, соединенныхъ съ этими днями . . ., а въ монастырѣ Неусыпающихъ почти ежечасно литургисали. Поэтому мы и пишемъ, что застигаетъ ли третій часъ или другой болѣе ранній, вслѣдствіе какой-либо настоятельной нужды, литургія не должна быть отмѣняема, какъ мы обыкновенно и дѣлаемъ это въ нашихъ церквахъ: поелику благодать Св. Духа не ограничивается тѣмъ или другимъ моментомъ времени" (Новый переводъ грамоты вмѣстѣ съ оригиналомъ см. въ Христ. Чтен 1881 г., ч. I стр. 539—540). Наши раннія приходскія обѣдни несравненно больше, чѣмъ поздніе соборныя и монастырскія литургіи, отвѣчаютъ современной и прежней практикѣ восточныхъ церквей.

[1]) Типика лл. 73, 432 об.—433, 458 об.—459. Москва, 1896 г.

ное, нерѣдко рѣзное съ позолотою кресло, на подобіе котораго въ нашихъ иконостасахъ пишутся иногда престолы съ возсѣдящимъ на нихъ Вседержителемъ. Сюда по окончаніи Славословія или еще ранѣе—при пѣніи хвалитныхъ стихиръ, если литургія соединена бываетъ съ утреней, исходятъ царскими дверями уже одѣтые іереи и діаконы и сюда же, по облаченіи послѣдними патріарха или митрополита, приглашаются изъ олтаря сослужащіе архіереи [1]).

Это „всенародно-зрительное" архіерейское облаченіе, наблюдаемое хотя и не въ одинаковой мѣрѣ за XVI—XIX столл. въ нашей и восточныхъ церквахъ, представляется намъ продолженіемъ или, лучше сказать, видоизмѣненіемъ практики на этотъ счетъ предшествующаго времени. По словамъ Симеона Солунскаго [2]) и указанію литургическихъ памятниковъ XIV—XV вѣковъ [3]), архіерей не ходилъ при концѣ утрени прикладываться къ иконамъ и на средину церкви для облаченія, но, спустившись съ своего мѣста или трона, съ трехкратнымъ поклоненіемъ на востокъ читалъ молитву: *Господи низпосли руку твою* и затѣмъ позади его (иногда впрочемъ и внутри, если позволяла вмѣстимость мѣста или стасидіи) былъ облачаемъ двумя начальнѣйшими изъ діаконовъ, собиравшихся передъ тѣмъ in corpore у самаго трона архіерейскаго и здѣсь же одѣвавшихся. Многолѣтствуемый потомъ пѣвцами, предваряемый попарно діаконами и поддерживаемый подъ руки великими экономомъ и сакелларіемъ, іерархъ переходилъ на правую сторону западныхъ дверей и подлѣ нихъ на заранѣе приготовленной каѳедрѣ оставался до малаго входа, рукополагая нерѣдко тутъ передъ началомъ литургіи чтецовъ, пѣвцовъ и должностныхъ лицъ своего двора. Въ случаяхъ архіерейской хиротоніи, когда литургіи предшествовало исповѣданіе вѣры новоизбраннымъ, патріархъ или митрополитъ, въ сопровожденіи діаконовъ, шелъ къ западнымъ вратамъ, прямо противъ которыхъ, ближе или дальше отъ средины храма, иногда даже во внутрен-

[1]) Ἱερατικόν'α стрр. 33—35, ср. 145. Константинополь, 1895 г. Въ данномъ Служебникѣ объ архіерейскомъ облаченіи на срединѣ храма говорится такъ же, какъ и объ облаченіи внутри олтаря; но въ дѣйствительности первое на востокѣ практикуется весьма не часто. Въ болѣе древнее время и даже въ XVII вѣкѣ облаченіе среди церкви чуть ли не считалось тамъ однимъ изъ служебныхъ преимуществъ патріарховъ. Архид. Павелъ Алеппскій разсказываетъ о синодальномъ осужденіи нѣкоего Аѳанасія, митрополита Эмесскаго, въ вину которому между прочимъ было поставлено то, что, въ отсутствіе Антіохійскаго патріарха Макарія, онъ служилъ безъ его дозволенія въ патріаршей церкви въ Дамаскѣ литургію и „*надѣвалъ* его облаченія *внѣ олтаря*", на срединѣ храма, по обычаю патріарховъ. Путешествія вып. V, стр. 164—166; сн. вып. I стр. 74, перев. *Муркоса*. [2]) Писанн. отцевъ и учителей, относящ. къ истолков. богослуж. т. II, стр. 96, 101—102. [3]) *Дмитріевскаго Τυπικά*, стр. 167—168; Haberti Ἀρχιερατ. pag. 17, 29.

немъ притворѣ (ἐν τῷ νάρθηκι), устроялось обычно трехступенное возвышеніе (ἀναβάθρα—„всходница", какъ передается это слово нашими древнѣйшими списками епископскаго поставленія) съ престоломъ для предстоятеля и скамьями въ направленіи къ амвону по сторонамъ его для другихъ архіереевъ, игуменовъ и другихъ клириковъ [1]). Совершивъ чинъ присяги архіерейской, говоря языкомъ позднѣйшаго времени, и преподавъ благословеніе сослужащимъ на полное облаченіе и старѣйшему діакону на начатіе службы, первенствовавшій архіерей сходилъ съ возвышенія и становился на свое обычное мѣсто, т. е. на правой сторонѣ царскихъ или западныхъ вратъ [2]). Память о послѣднемъ и до сего времени хранитъ громадная, сложенная изъ тесаннаго камня, съ нѣсколькими ступенями каѳедра, стоящая у западной стѣны каѳедральнаго Солунскаго собора въ честь Григорія Паламы. Въ Константинопольской патріархіи на этомъ приблизительно мѣстѣ находится стасидія великаго логоѳета [3]).

Съ развитіемъ церемоніальной обстановки и въ цѣляхъ чисто практическаго удобства, упомянутое трехступенное возвышеніе изъ временнаго, на случаи архіерейской присяги поставлявшагося мѣста легко могло сдѣлаться постояннымъ, изъ переходной какъ бы ступени между архіерейскимъ тропомъ у столпа и каѳедрою у западныхъ или царскихъ дверей храма превратиться въ самостоятельную и непремѣнную принадлежность его. Изъ древне-русскихъ чиновъ архіерейской хиротоніи видно, что наши митрополиты XIV—XV вѣковъ къ совершенію епископской присяги или „малаго знаменія" облачаемы были не на своемъ святительскомъ мѣстѣ у праваго подкупольнаго столпа, а на самой именно всходницѣ, подлѣ которой одѣвались напередъ и діаконы [4]). Удобно замѣнивъ собою архіерейскій тронъ и сдѣлавъ ненужною каѳедру у западной стѣны, возвышеніе среди церкви со временемъ вытѣснило ихъ изъ нашихъ каѳедральныхъ церквей. Въ XVI—XVII стол: въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ рундукъ среди церкви ставился уже довольно часто какъ предъ обѣдней по большимъ праздникамъ, такъ и для отправленія нѣкоторыхъ торжественныхъ обрядовъ. Въ случаяхъ архіерейскаго посвященія не довольствовались впрочемъ теперь поставленіемъ обычнаго рундука, но стали устроять его тѣмъ возвышеннѣе, чѣмъ выше было посвящаемое лицо: при рукоположеніи епископа—о четырехъ ступеняхъ,

[1]) *Симеона Солунскаго* De sacr. ordinat. cap. 198, у *Миня* t. 155, col. 408; русск. пер. въ Писаніяхъ, т. II, стр. 255; Haberti *Ἀρχιερατικόν'α* pag. 1—2, 26; Р. П. Б. т. VI, ст. 448—449. [2]) Haberti *Ἀρχιερατ.* p. 29. [3]) *Архим. Порфирія* Путеш. въ Метеорск. монастыри, стр. 29; *Дмитріевскаго* Современ. богослуж., стр. 92. [4]) Р. П. Б. VI, 449—450.

архіепископа—о шести, митрополита—о восьми, патріарха—о двѣнадцати [1]). У насъ не воздвигаютъ теперь этихъ *театровъ*, скажемъ словами Чина избранія и рукоположенія архіерейскаго [2]); но лежавшія въ основѣ ихъ „всходницы“ или, такъ называемыя позднѣе, архіерейскія облачальныя мѣста сдѣлались принадлежностью всѣхъ нашихъ каѳедральныхъ храмовъ и невольно связываются въ нашемъ представленіи со „всенародно-зрительнымъ“ архіерейскимъ облаченіемъ. Объясняя происхожденіе облаченія архіереевъ среди церкви развитіемъ обрядности въ связи съ требованіями удобства, мы должны сказать еще, что съ точки зрѣнія археологической послѣднее не представляетъ собою явленія безпримѣрнаго и выходящаго изъ ряду вонъ. Даже по указаніямъ нашего теперешняго Типикона [3]), священникъ въ извѣстныхъ случаяхъ, а именно: предъ началомъ вечерни и въ концѣ третьяго антифона ея, на утрени среди шестопсалмія, долженъ бы возлагать на себя епитрахиль не въ олтарѣ, а предъ св. дверьми его. Въ Великой Константинопольской церкви еще въ IX вѣкѣ низшіе клирики, какъ-то псалты на литургіи въ Лазарево воскресенье, великую субботу и недѣлю Пятидесятницы переоблачались предъ чтеніемъ Апостола на глазахъ всего народа и шедшаго за ними изъ крещальни съ новопросвѣщенными патріарха, близъ амвона [4]), гдѣ совершалось и совершается ихъ поставленіе и гдѣ впервые возлагаемы бываютъ на нихъ священныя одежды.

Представляется вѣроятнымъ думать, что и поводомъ къ облаченію архіерея, какъ и всѣхъ священнослужащихъ, въ олтарѣ также послужило посвященіе ихъ у самаго престола съ возложеніемъ при этомъ первоначально ораря на рамо діакона, епитрахили на пресвитера и омофора на епископа. Есть даже основаніе предполагать, что и существующее до сихъ поръ въ Болгаріи и отчасти самой Греціи предуготовленіе и возложеніе съ вечера или же на утрени архіерейскихъ и священническихъ одеждъ на св. престолъ [5]) ведетъ свое начало съ давняго времени и объясняется изъ обрядовъ хиротоніи. У насъ нѣтъ древнихъ и вполнѣ ясныхъ указаній на то, гдѣ и какъ совершаемо было вначалѣ облаченіе посвящае-

---

[1]) *Амвросія* Ист. Россійск. Іер. ч. I, стр. 316, 318, 319. [2]) Московск. издан. 1825 г. л. 5—6. [3]) Главы 7 и 9, по Московск. изд. 1896 г. лл. 14, 15 об., 17, 20. [4]) *Дмитріевскаго Τυπικά*, стрр. 126, 134, 147—148. [5]) Русскіе люди XVII вѣка сильно смутились при видѣ того, какъ сослужившіе на Москвѣ Іерусалимскому патр. Ѳеофану греческіе архимандритъ и архидіаконъ, пришедъ предъ престолъ въ однѣхъ рясахъ, положили еще на него свои стихари, ризы и Служебники, и заставили Грековъ тотчасъ же снять одежды съ престола и „положить на обычномъ мѣстѣ, идѣже имъ быть достоитъ“. *Архим. Леонида.* Свѣдѣніе о славв. рукописяхъ Троице-Сергіев. лавры вып. I, стр. 165.

мыхъ, но заключая отъ позднѣйшей практики къ предшествующей и принимая во вниманіе нѣкоторые характерные случаи, возможно допустить, что съ глубокой древности отличительныя для каждой изъ іерархическихъ степеней одежды прежде, чѣмъ возлагались на поставляемыхъ, полагались на св. престолъ, подобно тому, какъ сюда же клали разные предметы: освящаемое муро, перстни жениха и невѣсты предъ обрученіемъ, иконы и крестики на раки съ мощами святыхъ для ихъ освященія и т. д. Небольшой сравнительно объемъ выше поименованныхъ одеждъ и относительно меньшая занятость священными принадлежностями св. престола въ древности дѣлали удобоисполнимымъ обрядъ возложенія одеждъ на послѣдній. О св. Митрофанѣ, Константинопольскомъ архіепископѣ IV вѣка (315—325), разсказывается, что онъ, объявивъ, по желанію императора и народа, пресвитера Александра своимъ преемникомъ, сложилъ съ себя омсфоръ на св. трапезу съ тѣмъ, чтобы послѣдній врученъ былъ новоизбранному, въ то время отсутствовавшему [1]). Наглядно выразивши своимъ дѣйствіемъ передачу власти преемнику, оставлявшій свой санъ не напоминалъ ли тѣмъ самымъ присутствовавшимъ, что подобнымъ же путемъ онъ и получилъ его, и что сложенный имъ омофоръ съ престола воспріятъ былъ имъ въ замѣнъ возлежавшаго на главѣ и выи его при посвященіи евангельскаго свитка? Четыре вѣка спустя точно также поступилъ Конст. патріархъ св. Германъ I, т. е. сложилъ омофоръ свой „на божественную трапезу“, послѣ того, какъ увидѣлъ, что книги, составленныя имъ въ защиту православной вѣры, преданы сожженію по волѣ импер. Льва Исавра [2]). Въ чинахъ хиротоній XV—XVI столл. прямо говорится, что не только омофоръ, но даже саккосъ брались посвящавшимъ архіепископомъ и возлагались на посвящаемаго со св. престола [3]).

---

[1]) Haberti *Ἀρχιερατ.* pag. 25. [2]) *Θεοφανα Византійца* Лѣтопись, стр. 299. *Дмитріевскаго Τυπικά* стр. 72. О подобномъ же поступкѣ Констант. патр. Пирра разсказываетъ патр. Никифоръ въ своей Краткой Исторіи (русск. перев. стр. 403). [3]) *Дмитріевскаго Εὐχολόγια* стр. 620, 697. Одежды постригавшихся въ монашество съ давняго времени вносились съ вечера во св. олтарь и полагались подъ престоломъ или на подножіи св. трапезы (*Гоара Εὐχολογ.* стрр. 481, 499, 518; *Дмитріевскаго Εὐχολόγια*, стрр. 219, 225, 226, 229, 258, 276, 278, 350, 416, 428, 506, 512, 560, 873, 934, 1028, 1039; *архим. Леонида* Свѣдѣн. о славв. рукопп., I, 13; *Дюканжа* Glossar. graecit. s. v. *θάλασσα* для ихъ освященія. Въ Византіи съ тою же цѣлію предъ вѣнчаніемъ царя на царство главныя изъ его одеждъ полагались предварительно на св. престолъ (*Дмитріевскаго Εὐχολογ.* стр. 59—60); предъ производствомъ въ нѣкоторыя придворныя званія, напримѣръ—кубикуляріевъ, одѣянія производимыхъ лицъ заранѣе вѣшаемы были на олтарной преградѣ или даже на св. дверяхъ въ дворцовой церкви великомуч. Ѳеодора Тирона (De Cerimoniis, vol. I, pag. 34, 623, 625; vol. II, pag. 41. Edit. Bonnae).

Насколько справедлива предлагаемая догадка на счетъ происхожденія облаченія священнослужащихъ въ олтарѣ съ предваряющимъ его по мѣстамъ приготовленіемъ одеждъ на престолѣ, предоставляемъ судить другимъ, а отъ себя можемъ лишь прибавить къ сказанному, что наиболѣе древніе Типики извѣстнѣйшихъ церквей, напримѣръ, св. Софіи Царьградской, уже упоминаютъ объ облаченіи архіерея, іереевъ и діаконовъ въ олтарѣ—на горнемъ ли то мѣстѣ или предъ престоломъ, а въ такъ называемыхъ уставахъ или діатаксисахъ литургіи говорится объ этомъ весьма нерѣдко и притомъ какъ явленіи обычномъ въ XIII—XV столл. [1]) Но принимая въ соображеніе, что еще съ III—IV вѣка стали раздаваться голоса противъ допущенія мірянъ—женщинъ и мужчинъ въ олтарь [2]) и пошли сначала наставленія, а затѣмъ и положительныя соборныя предписанія, чтобы священнослужащіе по примѣру ветхозавѣтныхъ священниковъ, имѣвшихъ одну одежду при служеніи и другую въ жизни общественной, совершали таинства Господни не только въ одеждахъ чистыхъ, но и усвоенныхъ ихъ сану, чтобы іереи, напримѣръ, не иначе приступали къ олтарю, какъ возложивши орарь на оба плеча [3]), должно согласиться, что въ раннѣйшую эпоху жизни церкви болѣе живо, чѣмъ въ послѣдующее время, сознавалось іерархіей подобіе олтаря христіанскаго храма Святому Святыхъ ветхозавѣтной скиніи и глубже чувствовалась несовмѣстимость облаченія въ олтарѣ съ мѣстомъ таинственнаго присутствія Божія и совершенія въ немъ таинъ Христовыхъ. И любопытно, что по тѣмъ же уставамъ литургіи, которые предписываютъ іерею съ діакономъ облачаться къ проскомидіи у престола, совлаченіе одеждъ положено внѣ олтаря: въ жертвенникѣ, скевофилакіи, діаконикѣ—словомъ тамъ, гдѣ вмѣстѣ съ священными утварями и книгами хранились послѣднія. Облаченію священнослужащихъ и въ частности епископовъ сообразнѣе было происходить здѣсь же, и историко-литургическіе памятники подтверждаютъ, что въ болѣе древнее время такъ было въ дѣйствительности.

Мѣстомъ облаченія къ службѣ Константинопольскаго патріарха, такъ называемымъ *мутаторіемъ* его (μητατώριον τοῦ πατριάρχου), въ IX—XIII вѣкахъ служила, какъ выше было замѣчено, одна изъ комнатъ патріархіи. Облаченіе въ мутаторіи происходило не только въ ординарныхъ случаяхъ, но и въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ. Патрі-

---

[1]) *Дмитріевскаго Τυπικά* стрр. 41, 120, 134 и др. *Красносельцева* Матер. для истор. литургіи, стр. 10, 19, 38—41, 83—84, 95. [2]) Св. Діонисія Александр. прав. 2, Лаодикійскаго соб. прав. 44, VI Вселенск. соб. пр. 69. [3]) „О священныхъ одеждахъ“ въ Христ. Чтен. 1848 г., ч. I стр. 327—328, 335.

архъ Михаилъ Керуларій, по словамъ Зонары, сошелъ изъ своихъ покоевъ (ἐκ τῶν ὑπερῴων) для усмиренія бывшаго при импер. Михаилѣ Стратіотикѣ мятежа, одѣтый въ святительскія одежды, тамъ же наверху, конечно, и хранившіяся [1]). Изъ древнѣйшаго Типика Іерусалимской церкви видно также, что и тамошній патріархъ по великимъ праздникамъ: въ великую субботу передъ литургіей и въ пасху передъ утреней облачался къ службѣ со всѣмъ собравшимся клиромъ въ секретѣ и затѣмъ уже вполнѣ одѣтый спускался въ храмъ Воскресенія [2]). Предстоятели церквей Іерусалимской и Константинопольской не только не были, надо полагать, исключеніемъ въ разсматриваемомъ отношеніи, но и служили примѣромъ для остальныхъ архіереевъ. Въ Болгаріи и нѣкоторыхъ мѣстахъ востока и доселѣ существуетъ обычай собираться духовенству въ первый день Пасхи предъ вечерней—„вторымъ воскресеньемъ“ (δευτέρα ἀνάστασις), какъ тамъ говорятъ, въ архіерейскомъ домѣ или въ находящейся по близости храма церковной школѣ и въ нихъ облачаться къ службѣ. Священныя одежды теперь тамъ нарочно приносятся для этого въ митрополью или архіепископью, а въ прежнее время, когда архіерейское помѣщеніе нерѣдко устроялось рядомъ или даже въ прямой связи съ каѳедральнымъ храмомъ, онѣ могли находиться здѣсь же или на смежныхъ съ ними церковныхъ хорахъ. Въ соборныхъ и монастырскихъ церквахъ съ богатыми ризницами послѣднее было столь же удобно, сколь благолѣпнымъ казалось облачаться архіерею или игумену у себя въ келліяхъ и торжественною процессіей слѣдовать потомъ въ храмъ. Но тамъ, гдѣ архіерейскій домъ былъ удаленъ отъ соборной церкви, а составъ ризницы и штатъ священнослужащихъ не былъ великъ, тамъ не представлялось возможности и какихъ-либо побужденій къ храненію одеждъ и облаченію въ нихъ въ покояхъ епископа. Да и при такихъ большихъ церквахъ, какъ св. Софія, послѣднее бывало сравнительно рѣдко, по днямъ высокоторжественнымъ, происходя обычно въ стѣнахъ самаго храма или нарочитыхъ пристройкахъ къ нему. Кромѣ патріаршаго, выходившаго на хоры мутаторія, несомнѣнно былъ въ Царьградскомъ соборѣ для храненія утварей, священныхъ одеждъ и облаченія въ нихъ клириковъ другой общій, такъ сказать, мутаторій или діаконикъ въ собственномъ смыслѣ [3]), составлявшій подъ тѣмъ или другимъ именемъ обычную, можно сказать, принадлежность христіанскихъ храмовъ съ самыхъ первыхъ поръ ихъ открытаго существованія.

[1]) De cerimoniis aulae Byzant. I, cap. 28, стр. 160; сн. *Бѣляева* Byzantina. I, 134—136; Haberti *Ἀρχιερατ.* p. 21 sub fin. [2]) *Παπαδοπουλο-Κεραμεβσ* *Ἀναλεκτα* т. II стр. 179, 189—190. [3]) *Бѣляева* Д. Ѳ. Byzantina, т. II, стрр. 119—120, 128 и слѣд.

Извѣстія о діаконикѣ, начинаясь предписаніемъ касательно его положенія и устройства совсѣмъ недавно обнародованнаго сирскаго апокрифа (Testamentum'a Domini Nostri Iesu Christi, изд. въ оригиналѣ, съ латинскимъ переводомъ, Антіохійскимъ патріархомъ Игнатіемъ Ефремомъ II Рамани, pag. 23, 25, 155) и двадцать первымъ правиломъ Лаодикійскаго собора, идутъ длиннымъ и непрерывнымъ рядомъ вплоть до вышеупомянутыхъ записей церковнаго устава, литургійныхъ чиновъ и разнаго рода послѣдованій [1]). Въ однихъ изъ этихъ свидѣтельствъ діаконикъ представляется совершенно особымъ отъ олтаря и даже самаго храма помѣщеніемъ, какимъ онъ остается и до сихъ поръ въ большинствѣ храмовъ Абиссиніи; въ другихъ и въ большей части ихъ является пріолтарнымъ отдѣленіемъ, какимъ мы знаемъ его теперь въ нашихъ церквахъ, и какимъ онъ сталъ съ очень давняго времени сначала въ базиликахъ, потомъ въ византійскихъ о трехъ олтарныхъ полукружіяхъ храмахъ. Какъ самостоятельная пристройка, діаконикъ занималъ разное въ отношеніи олтаря и храма положеніе, былъ иногда очень помѣстителенъ и даже состоялъ при нѣкоторыхъ церквахъ изъ нѣсколькихъ частей—каждая съ своимъ назначеніемъ и названіемъ. Именемъ διακονικόν должно замѣтить, Лаодикійскій соборъ, новооткрытый апокрифъ и другіе древніе литургическіе памятники [2]) называютъ отдѣленіе, въ которомъ принимались приношенія вѣрующихъ, изъ которыхъ приготовлялись евхаристическіе дары, и гдѣ хранились между прочимъ необходимые для нихъ священные сосуды. Не безъ основанія, разумѣется, въ литургіяхъ Іаковлевой и Марковой по нѣкоторымъ спискамъ [3]) названія: διακονικόν и σκευοφυλάκιον употребляются какъ однозначущія и безъ различія замѣняются одно другимъ. И легко понять, почему позднѣйшее предложеніе—нашъ жертвенникъ въ древнѣйшее время именовалось діаконикомъ: названіе указывало не столько на назначеніе этой части служить помѣщеніемъ для діаконовъ, сколько на то, что въ ней совершались священнодѣйствія, относившіяся тогда, если можно такъ выразиться, къ обязанности діаконовъ, и хранились предметы, бывшіе также на ихъ попеченіи. Это было „*служебнымъ*“ ихъ отдѣленіемъ, въ которомъ находились и церковныя утвари, какъ напримѣръ: крестъ, евангеліе, одежды, рипиды, свѣчи, и откуда выносилась на литургіи вся вообще alma sacri pompa ministerii, скажемъ словами Павлина Ноланскаго изъ

[1]) *Дюканжа* Glosarr. graecit. et latinit. s. vocc. διακονικόν, μετατώριον, mutatorium. [2]) *Красносельцева* Свѣдѣн. о нѣкотор. литург. рук. Ватик. библ., стр. 283; *Дмитріевскаго* Богосл. страст. седм. стр. 327. [3]) *Красносельцева* Свѣдѣн. о ватик. рукопп., стр. 279; Swainson, The Greek Liturgies. стр. 72, 328—329.

письма его къ своему другу—древне-латинскому церковному историку Сульпицію Северу [1]), что потомъ въ Византіи завѣдывалось и выдавалось къ службѣ великимъ скевофилаксомъ [2]). Къ этому отдѣленію какъ нельзя лучше шло поэтому названіе *γαζοφυλάκιον*, *κειμηλιαρχεῖον* сокровищницы, въ однихъ извѣстіяхъ прямо отождествляемой съ *σκευοφυλάκιον* въ другихъ представляемой хотя и отличнымъ отъ діаконика, но смежнымъ съ нимъ помѣщеніемъ [3]). Ясное дѣло, чего-либо опредѣленно постояннаго въ устройствѣ діаконика, какъ отдѣльнаго отъ олтаря и храма помѣщенія, не было: расположеніе его опредѣлялось нуждами и удобствами того или другого храма. Больше однообразія на этотъ счетъ наблюдается съ того времени, какъ діаконикъ или скевофилакій былъ вплотную придвинутъ къ олтарю и занялъ его лѣвое, сѣверное отдѣленіе. Но въ монастырскихъ и городскихъ соборныхъ церквахъ, имѣвшихъ большую ризницу, хранить всю ее въ предложеніи, тѣмъ болѣе облачаться здѣсь священнослужащимъ было не всегда удобно, и потому начали священныя одежды переносить въ правое или южное пріолтарное отдѣленіе. Предназначавшееся сначала для уединенныхъ молитвъ и благочестивыхъ размышленій, для отдыха среди службъ и взаимныхъ совѣщаній клириковъ, а въ византійскихъ и древне-русскихъ церквахъ нерѣдко отводившееся даже подъ придѣлъ съ особымъ престоломъ (*παρεκκλησία*, прибоженокъ), оно сдѣлалось со временемъ въ нѣкоторыхъ храмахъ въ собственномъ смыслѣ ризницею, на которую и перешли старыя названія *γαζοφυλάκιον*, *διακονικόν*, *μιτατώριον*, *μεσατώριον* [4]). Послѣднее наименованіе (видоизмѣненное mutatorium отъ mutare) указываетъ на діаконикъ, какъ на переодѣвальную комнату, хотя въ прежнее время какъ у Грековъ, такъ и у насъ онъ служилъ многимъ цѣлямъ, являясь мѣстомъ совершенія различныхъ священнодѣйствій: поставленія низшихъ клириковъ, снятія власовъ съ новопостриженнаго инока, пѣнія паннихидъ, освященія всѣхъ тѣхъ приношеній вѣрующихъ, напримѣръ: пасхи, сыра, яицъ, колива, кутіи (отсюда его названіе: *кутейникъ*) и т. д.,

---

[1]) Hartel'я Corpus scriptor. ecclesiasticor. latinor. vol. XXIX, p. I, pag. 291; сн. *Миня* Patrol. ser. lat. t. LXI, Epist. XXXII. [2]) *Симеона Солунскаго* De sacris ordinatt. cap. 242, у *Миня* t. 155. col. 461, русск. перев. въ Писанн. II, 307; сн. Commentar. *Гретзера и Гоара* къ Кодину, стр. 130. [3]) Въ Martyrium ss. patrum Sabaitarum говорится, что скевофилакій или кимиліархій находился въ діаконикѣ *ἔσωθεν τοῦ διακονικοῦ*, а въ житіи Евѳимія Вел. передается, что рядомъ съ частицами Животворящаго древа „во внутренней части сосудохранилища" находилась и монастырская казна. *Дюканжа* Glossar. graecit. col. 296; Палестинск. Патер. въ изд. Правосл. Палест. Общ., вып. II стр. 80. [4]) Paulin. Epistol. ad Sever. XXXII, 13, 16; по Hartel'ю p. 1 pag. 288, 291; *Дюканжа* Glossar. graecit coll. 296, 919; Описан. рукопп. Синод. библ. III, 1 стр. 260; сн. 272.

которыя не дозволялось вносить въ олтарь и жертвенникъ [1]). Тѣсно связанныя въ своемъ происхожденіи и даже самыхъ названіяхъ, только что разсмотрѣнныя нами пріолтарныя отдѣленія и были въ разное время обычнымъ при церквахъ хранилищемъ богослужебныхъ утварей и одеждъ, какъ они же служили, а въ нѣкоторыхъ храмахъ и по настоящее время служатъ мѣстами для переодѣванія священнослужащихъ. Объ облаченіи и еще чаще о совлаченіи ризъ іереемъ и діакономъ въ скевофилакіи или жертвенникѣ [2]), рѣже въ такъ называемомъ діаконикѣ или собственно въ ризницѣ, говорятъ и древнія литургіи и относительно-позднѣйшіе діатаксисы ихъ. Сравнительно скуднѣе на этотъ счетъ наши свѣдѣнія о предстоятеляхъ, т. е. архіереяхъ и игуменахъ, но древнѣйшіе Типики и притомъ разныхъ мѣстностей, напримѣръ: Іерусалимскій [3]), Криптоферратскій [4]), и относительно позднѣйшія византійско-русскія толкованія литургіи косвенно даютъ понять и прямо сообщаютъ, что и послѣдніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ облачались къ литургіи и нерѣдко разоблачались послѣ нея въ скевофилакіи и діаконикѣ въ позднѣйшемъ смыслѣ этого слова.

Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ на этотъ счетъ ясныхъ и прямыхъ данныхъ относительно Константинопольскихъ патріарховъ X—XI вѣка, съ которыхъ въ данномъ отношеніи, какъ и въ остальныхъ, надо полагать, брали примѣръ наши Кіевскіе митрополиты; но думаемъ, что они, въ заурядныхъ случаяхъ, чаще всего облачались и разоблачались въ находившемся въ юго-восточномъ углу храма діаконикѣ [5]), мимо котораго имъ необходимо было всякій разъ проходить, спускались ли они изъ патріархіи запросто по юго-восточной лѣстницѣ [6]), направлялись ли изъ нея въ олтарь болѣе церемоніально черезъ притворъ по южному боковому нефу св. Софіи. Считая діаконикъ обычнымъ и наиболѣе удобнымъ въ послѣдней мѣстомъ патріаршаго облаченія, мы охотно вмѣстѣ съ тѣмъ допускаемъ, что послѣднее могло происходить и въ другихъ частяхъ обширнаго храма. Такъ, идя въ большую крещальню сосудохранительницей, патріархъ могъ переодѣваться въ этой послѣдней [7]). Слушая въ положенное время службу стоя или сидя на своемъ внѣ-ол-

---

[1]) Morini De sacris ordinatt. p. II, pag. 58, 65, 68; *Гоара Εὐχολογ.*, pag. 245; *архим. Владиміра* Описанн. гречч. рукопп. Моск. Синод. библ. I, 375, 387, 388; сн. Описан. *А. В. Горскаго* III, 1 стр. 161; Стоглава 13 глав., стр. 100—101 по изд. Казанск.; Чиновникъ Новгор. Софійск. собора стр. 97, 214. [2]) Въ вторѣмъ олтари, во олтари маломъ: П. С. Р. Л. II, 219. [3]) Въ изд. *Παπαδοπύλο-Κεραμεύς* стр. 99, 105. [4]) *Дмитріевскаго Τυπικά*, стр. 172, 901. [5]) Codini De officiis, cap. XIV, p. 78, 335. [6]) De cerimoniis aulae Byzant. lib. I, cap. 28, p. 160. [7]) *А. В. Горскаго и К. И. Невоструева*, Описан. славянск. рукопп. III, 1 стр. 142—143.

тарномъ мѣстѣ, находившемся уже въ IX—X вѣкахъ гдѣ-то на правой сторонѣ храма [1]), онъ могъ свободно въ извѣстные моменты облачаться на немъ и подлѣ него, какъ то дѣлали, по свидѣтельству Симеона Солунскаго, позади трона или внутри своей стасидіи греческіе архіереи въ XIV—XV вѣкахъ и какъ то продолжали дѣлать, судя по Чиновникамъ соборнымъ, наши святители много позднѣе на своемъ мѣстѣ у столпа [2]). Во всякомъ разѣ, „всенародно-зрительное“ архіерейское облаченіе, бывшее, какъ мы сказали, продолженіемъ раннѣйшей литургической практики, не было нашимъ доморощеннымъ изобрѣтеніемъ, а восходитъ своимъ началомъ къ обычаямъ, державшимся на этотъ счетъ въ Великой Константинопольской церкви. Отдаленнымъ эхомъ и своего рода остаткомъ отъ литургическихъ порядковъ послѣдней представляется намъ и слушаніе архіереемъ съ нѣкоторыми священнослужащими часовъ и начала литургіи среди церкви съ облачальнаго амвона.

Глава VIII.

Келейное отправленіе *часовъ* передъ службой восточными деспотисами. Слушаніе часовъ какъ и начала литургіи, нашими архіереями въ старое время и теперь *на срединѣ церкви*. Историко-литургическое значеніе послѣдней подробности и происхожденіе обряда *малаго* входа. Обстановка и образъ совершенія его въ древности. Возглашеніе такъ называемой *великой похвалы*. Пожеланіе многихъ лѣтъ первослужащему теперь и въ старое время. Обычай многолѣтствованій въ древнемъ мірѣ, у христіанъ первыхъ вѣковъ и въ Византіи. Распространенность его при дворѣ и въ литургической практикѣ послѣдней. Формулы придворно-церковныхъ многолѣтій и обряды, съ которыми соединены были тамъ и здѣсь послѣднія Осѣненіе архіереемъ народа дикиро-трикиріемъ; разнообразіе въ его совершеніи. Происхожденіе и смыслъ этого священнодѣйствія и нѣкоторыхъ другихъ, за нимъ на литургіи слѣдующихъ.

Въ славянскихъ земляхъ, напримѣръ: Болгаріи и Сербіи, и на всемъ почти православномъ востокѣ, гдѣ литургія обычно соединяется, какъ мы сказали выше, съ утреней, начинаясь вслѣдъ за великимъ славословіемъ, часовъ, понятно, совсѣмъ не читаютъ при этомъ. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда между утреней и литургіей бы-

---

[1]) *Ἐξέρχεται ὁ πατριάρχης* (изъ олтаря св. Софіи) *καὶ καθέξεται ἐν τῷ δέξῳ μέρει. Дмитріевскаго*: Новыя данныя для ист. Типикона Великой церкви въ Т. К. Д. А. 1903, III, 534, 535—536. *Скабалановича* Византійское государство и церковь въ XI в., стр. 375, 379. О старомъ архіерейскомъ мѣстѣ въ храмѣ см. въ Богосл. Вѣстн. 1895 г. нашу статью. [2]) Чиновн. Холмогорск. соб. стр. 95.

ваетъ перерывъ, промежутокъ, чтеніе ихъ предъ послѣдней по праздникамъ можно наблюдать теперь сравнительно не часто и то больше въ монастыряхъ. И этотъ обычай ведетъ свое начало тамъ изстари. „Греки передъ обѣднею часовъ никогда не говорятъ въ церкви на праздники Господскія", отмѣчалъ еще Арсеній Сухановъ въ своихъ Преніяхъ съ ними [1]), и древніе византійскіе памятники архіерейской службы, имѣвшей мѣсто по днямъ праздничнымъ преимущественно въ храмахъ соборныхъ, подтверждаютъ это наблюденіе [2]). Повечеріе и часы съ канонами составляли приготовительное къ литургіи келейное правило священнослужащаго, и архіерей слушалъ утреню съ часами или у себя въ келліи, или на катыхуменахъ храма, къ которымъ она нерѣдко примыкала, или даже въ скевофилакіи, словомъ *наединѣ* (*κατὰ μόνας*) и тамъ, гдѣ находилъ это для себя удобнѣе [3]). Очередной священникъ или эфимерій съ діакономъ, получивъ отъ него благословеніе, совершалъ между тѣмъ проскомидію, а остальные священнослужащіе съ молящимися въ то же время, въ ожиданіи архіерея, слушали между утреней и литургіей часы *въ паперти* [4]). Впрочемъ практика на этотъ счетъ въ разныхъ мѣстахъ востока и въ разное время была не одна и та же, какъ неодинаково имѣло себя дѣло съ чтеніемъ часовъ за святительскою службой въ старое и древнее время въ нашихъ соборахъ.

Во второй половинѣ XVI-го и въ XVII вѣкѣ нашъ теперешній порядокъ чтенія часовъ несомнѣнно уже имѣлъ мѣсто за каѳедрально-епископскою службой на Руси. Въ Холмогорскомъ соборѣ обычно, по приходѣ къ литургіи въ соборъ архіерея, неслужащій священникъ въ епитрахили и псаломщикъ или дьякъ въ стихарѣ, поклонившись святителю, начинали часы „*на налоѣ у амвона съ лѣвую сторону*" [5]). Но

---

[1]) Проскинитарія стр. 357. Немного позднѣе нашего старца Арсенія Павелъ Алеппскій писалъ: „Что касается часовъ, то они отправляются у Грековъ весьма небрежно, исключая перваго часа на разсвѣтѣ дня, и тѣмъ заключаютъ богослуженіе, но священникъ во время литургіи прочитываетъ ихъ про себя. Впрочемъ въ странѣ казаковъ и въ Московіи ихъ читаютъ громко во всеуслышаніе, какъ у насъ". Путеш. Антіохійск. патр. Макарія, вып. I стр. 11. [2]) Haberti *Ἀρχιερατικ.* pagg. 7, 17, 52; *Дмитріевскаго Τυπικά*, стр. 167—168. [3]) Пахимеръ въ 11 главѣ первой книги исторіи царствованія Михаила Палеолога (1255—1282) пишетъ между прочимъ: „Когда наступилъ день (совершенія тайноводственнаго священнослуженія) и надлежало прочитывать такъ называемые часы, архіерей предъ литургіею, предписавъ молчаніе клиру (*σιγὴν μὲν ἐπισκήπτει τοῖς ἔξωθεν*), сталъ самъ наединѣ бесѣдовать съ Богомъ и въ глубокой тишинѣ своей души возносилъ обычныя преджертвоприносительныя молитвы". *Георгія Пахимера* Исторія о Михаилѣ и Андроникѣ Палеологахъ, т. I стр. 20, въ русск. перев. подъ ред. *проф Карпова*. [4]) У Пахимера еще недостаточно ясно говорится о мѣстѣ слушанія часовъ архіереемъ. Въ „Толкованіи божественныя литургіи" патр. Аѳанасія Пателарія, т. е. нѣсколько вѣковъ спустя послѣ Пахимера, уже прямо и отчетливо гово

такой порядокъ даже въ XVII стол., повидимому, не былъ у насъ повсюднымъ и не признавался во всякомъ разѣ древнимъ. Образовавшійся въ 30-хъ годахъ XVII вѣка въ Нижнемъ Новгородѣ изъ священниковъ и мірянъ кружокъ ревнителей церковнаго благочинія подалъ въ 1636 г. на имя патр. Іоасафа I челобитную и въ ней въ ряду литургическихъ непорядковъ своего родного города указывалъ на то, что не только по приходскимъ церквамъ, но даже въ ихъ соборныхъ храмахъ у Всемилостиваго Спаса и у Архангела „часовъ предъ обѣднею не говорятъ протопопы“ [1]). Противники чтенія часовъ передъ службой называли его новыми затѣями и утверждали, что его не повелосьу нихъ изстари. „И то, государь, безчинное и незаконное дѣло, что не часами начинаютъ обѣдни“, писали челобитчики патріарху, „стало повычно, а обѣдня безъ часовъ, аки птица безъ крылъ“ [2]). Соборные и приходскіе священники, относившіе чтеніе часовъ передъ литургіей къ числу новшествъ, основывались несомнѣнно на литургической практикѣ *мірскихъ* церквей, имѣвшихъ у себя, кромѣ литургіи, только двѣ службы: вечерню и утреню, и не хотѣли вводить у себя лишнихъ, собственно *монастырскихъ* службъ. Ревнители церковнаго благочинія, отправляясь отъ предписаній монастырскаго устава, хотѣли, наоборотъ, навязать соборнымъ и всѣмъ вообще городскимъ церквамъ послѣднія. Въ числѣ этихъ лишнихъ противъ мірскихъ церквей службъ монастырскихъ и были часы. Изъ древнѣйшихъ нашихъ архіерейскихъ Служебниковъ и указовъ службы святительской не видно, чтобы она предварялась *всегда* и непремѣнно чтеніемъ часовъ. Послѣдніе нерѣдко, надо полагать, и у насъ въ болѣе

рится, что архіерей слушалъ часы предъ литургіей у себя въ келліи, а о другихъ замѣчено: „Игуменъ же и прочіи отцы и сообрѣтаеміи входятъ *въ паперть* (*ἐν τῷ νάρθηκι*) и... *начинаютъ глаголати часы*“. Рукопп. Ново-Іерусал. Воскрес. мон. № 8, л. 1 об.—2; сн. Моск. Синод. библ. № 245 л. 1; *Арх. Владиміра* Систематическ. Описаніе рукописей, ч. I стр. 385; *Горскаго и Невоструева* Опис. слав. рукопп. Моск. Синод. библ. III, ч. 1 стр. 106. [1]) Чиновники Холмогорск. соб., стр. 14, 30 и друг. Патріаршіе выходы въ Дополн. къ Акт. Истор., т. V стр. 104, 107. [1])Много ранѣе отцы Стоглаваго собора жаловались на тотъ же безпорядокъ и въ постановленіяхъ своихъ предписывали: „А передъ обѣднею бы въ соборныхъ церквахъ и по всѣмъ церквамъ говорили часы, въ кое время священникъ проскуромисаніе творитъ“. Опираясь на практику Новгородскихъ церквей, въ которыхъ часы читались и оканчивались отпустомъ въ царскихъ дверяхъ, они распорядились также, чтобы послѣдній съ обрядомъ прощенія творился по всѣмъ церквамъ безъ изъятія. Изъ челобитной Нижегородцевъ видно, что предписаніе Стоглаваго собора на счетъ чтенія часовъ у нихъ не исполняли, но обѣдни начинали прямо отпустомъ. Стоглава главы 8 и 41, вопр. 11, стр. 86, 75, изд. Казанск. [2]) Челобитная издана г. *Рождественскимъ* въ Чтен. Общ. Истор. и Древн. Россійск. за 1902 г. и отдѣльною брошюрой подъ заглавіемъ: Къ исторіи борьбы съ церковными безпорядками.

древнее время, какъ и на востокѣ, входили въ составъ келейнаго правила святителей, слушались ими тамъ и тогда, гдѣ и когда они находили для себя удобнымъ. Но въ XVI—XVII вѣкахъ, какъ мы сказали, архіерейскую литургію на Руси уже предваряли чтеніемъ часовъ и, за отсутствіемъ въ нашихъ соборахъ вполнѣ пригодныхъ, т. е. теплыхъ и помѣстительныхъ притворовъ, отправляли ихъ *на срединѣ храма*, по близости облачальнаго амвона, съ котораго архіереи у насъ слушали всегда непосредственно слѣдовавшую за часами первую часть литургіи. Впрочемъ и въ данномъ отношеніи святители наши въ извѣстномъ смыслѣ придерживались довольно давней традиціи, слѣдовали опять таки примѣру восточныхъ іерарховъ и, какъ кажется, ближе всего примѣру Константинопольскаго патріарха.

Дѣло въ томъ, что литургія оглашенныхъ, судя по древнимъ уставамъ Іерусалимскаго храма Воскресенія и Великой церкви, допускала въ отношеніи мѣста своего совершенія не меньше свободы, чѣмъ вечерня, утреня и часы. Не говоря уже о слушаніи ея съ возвышенія среди церкви, ее нерѣдко въ Іерусалимѣ и Константинополѣ отправляли не тамъ, гдѣ совершалась слѣдовавшая за нею литургія вѣрныхъ: въ иномъ придѣлѣ, совсѣмъ въ другомъ храмѣ и даже внѣ какой бы то ни было церкви, соединяя съ литіей, предварявшей весьма часто по праздникамъ на востокѣ обѣденную службу [1]). Относясь къ евхаристіи больше внѣшнимъ образомъ и не имѣя съ нею тѣснаго, внутренняго сродства, разсчитанная притомъ же въ своемъ составѣ на присутствіе за нею неполноправныхъ членовъ христіанской общины, литургія оглашенныхъ, какъ совершенно особое цѣлое, одинаково удобно могла всюду совершаться, и въ Византіи, съ уменьшеніемъ числа лицъ, искавшихъ въ зрѣломъ возрастѣ крещенія, и съ ослабленіемъ древне-церковныхъ строгихъ къ нимъ отношеній, нерѣдко была сокращаема. На страницахъ устава Великой церкви довольно часто можно встрѣтить замѣчаніе, что по вступленіи крестнаго хода въ храмъ, антифоновъ на литургіи не бываетъ, но слѣдуетъ тотчасъ Трисвятое. Они или исполнялись ранѣе, или за недостаткомъ времени по днямъ праздничнымъ и въ виду полагавшихся иногда на литіяхъ своихъ антифоновъ, совсѣмъ опускались, какъ оставляются въ настоящее время на востокѣ и въ земляхъ южно-славянскихъ, въ случаѣ проповѣди епископа послѣ евангелія и вообще замедленія почему-либо службы, молитва и ектеніи за оглашенныхъ. Участвовалъ

[1]) *Пападопуло-Керамевса* Аналектъ т. II, стрр. 43, 48—49, 60, 65, 77, 80, 105, 188; *Дмитріевскаго Τυπικά* стрр. 31—32, 34, 44, 59, 71, 83, 149—150, 156—157 и др. Опис. Синод. рукопп. *Горскаго и Невоструева* III, 1 стр. 272—273, 275, 151—152.

ли Константинопольскій патріархъ вмѣстѣ съ прочими въ литіи, или же совсѣмъ не принималъ участія въ ней, вхожденіе его въ церковный притворъ, какъ и пришествіе царя, обычно происходило одновременно съ прибытіемъ сюда же церковной процессіи, и вступленіе во главѣ ея обоихъ владыкъ въ храмъ и олтарь составляло обрядъ малаго входа [1]). Не даромъ у Максима Исповѣдника [2]) вступленіе архіерея въ церковь для священнодѣйствія литургіи описывается въ связи со входомъ всего народа и представляется „образомъ и подобіемъ *перваго* пришествія во плоти въ этотъ міръ Сына Божія“ и у толкователей-мистиковъ вообще сложилось объясненіе, по смыслу котораго входъ съ евангеліемъ знаменуетъ первое явленіе Христа народу предъ началомъ Его общественнаго служенія. Не одинъ впрочемъ архіерей на маломъ входѣ въ древнее время *впервые* вступалъ въ олтарь, но и всякій другой предстоятель, былъ ли онъ игуменъ или даже простой священникъ. По Типику 1300 года Богородичнаго Криптоферратскаго монастыря настоятель его, по окончаніи предобѣденной литіи 8 сентября, удалялся для переобла-ченія въ скевофилакій и здѣсь становился во главѣ малаго входа, начало которому, какъ и самой литургіи, предварительно полагалъ въ олтарѣ очередной священникъ съ діакономъ. Въ великую субботу тотъ же настоятель, облачившись вмѣстѣ съ прочими во время паремій, шелъ обычно къ западнымъ вратамъ, читалъ здѣсь молитвы антифоновъ и входа и затѣмъ уже, подобно архіерею, вступалъ съ остальною процес-

---

[1]) Какъ находили возможнымъ Константинопольскій патріархъ съ царемъ появляться въ храмѣ къ концу литургіи оглашенныхъ, такъ они же, а по примѣру ихъ и другіе—простые вѣрующіе, отстоявши иногда послѣднюю съ самаго начала, считали себя въ правѣ, по прочтеніи Писаній, совсѣмъ оставлять его. Объясняя второе правило Антіохійскаго собора, подвергающее отлученію тѣхъ, которые безчинно уходили изъ церкви прежде св. причащенія, Вальсамонъ писалъ между прочимъ: „А поелику нѣкоторые говорятъ: почему же вселенскій патріархъ во св. воскресный день не ожидаетъ отпуста литургіи, но, *вставъ съ мѣста своего, уходитъ послѣ* евангелія,—то имъ мы отвѣчаемъ: потому что божественная литургія въ собственномъ смыслѣ бываетъ *послѣ чтенія св. евангелія*“... (Правила св. помѣстныхъ соборовъ въ русск. пер., вып. III стрр. 142—146. Москва, 1880 г.) Стоя какъ бы на той же точкѣ зрѣнія, византійскіе императоры довольно нерѣдко, по воскресеньямъ и въ небольшіе праздники, оставались въ храмѣ только до отпуста св. евангелія (*μέχρι τῆς ἀπολύσεως τοῦ ἁγίου εὐαγγελίου*), а по выслушаніи его, подобно оглашеннымъ извѣстнаго разряда (тамъ же стр. 80—82, прав. 5 соб. Неокесарійскаго), они или незамѣтно совсѣмъ уходили изъ храма, или переходили въ пристройки и евктиріи его (De cerimoniis aulae Byzant., lib. I capp. 19, 24, 28, 35; lib. II cap. 7, 13, vol., I pagg. 117—118, 137, 159—160, 185, 537, 563). Цари наши также имѣли обыкновеніе уходить иногда изъ Успенскаго собора, по прочтеніи евангелія, но они въ такихъ случаяхъ предварительно выслушивали обѣдню въ придѣлѣ великом. Димитрія. [2]) Писаній, относящихся къ истолков. богослуж. т. I, стр. 323—324.

сіей въ олтарь [1]). Эта недоступность до времени малаго входа святилища для первослужащаго станетъ особенно понятною, если взять еще во вниманіе, что приношенія вѣрующихъ въ древности принимались и дары тогда приготовлялись въ особомъ отъ алтаря и даже храма помѣщеніи, и что ближайшія къ проскомидіи части литургіи съ выносомъ изъ послѣдняго евангелія для чтенія справлялись среди храма въ общемъ собраніи молящихся и не требовали присутствія священносовершителя непремѣнно возлѣ престола. Доступъ для іереевъ къ послѣднему до малаго входа былъ даже воспрещенъ положительнымъ закономъ. ,,Не подобаетъ пресвитерамъ прежде входа епископа входити и сидѣти въ олтарѣ, но съ епископомъ входити, кромѣ случая, когда епископъ немощенъ или въ отсутствіи" (прав. 56 Лаод. соб.). Предписывая іереямъ не предварять, а сопровождать епископа при входѣ въ олтарь во время священнодѣйствія, какъ это и понынѣ отчасти наблюдается при архіерейскомъ служеніи литургіи и вечерни, соборное правило прикровенно даетъ понять, что до того времени они находились внѣ олтаря, оставались *на срединѣ храма* или въ своихъ стасидіяхъ. Послѣ всего сказаннаго выше о мѣстѣ облаченія и отправленія начала службъ въ древнее время думаемъ, не трудно объяснить, зачѣмъ сослужащіе архіерею архимандриты и священники, облачившись въ олтарѣ или пріолтарныхъ отдѣленіяхъ, сѣверною и южною дверью выходятъ къ нему предъ литургіей сравнительно на короткое время. Они поступаютъ такъ, слѣдуя старому богослужебному порядку [2]), когда священнослужащіе, не исключая самого предстоятеля, въ торжественныхъ случаяхъ по зову особаго распорядителя (ὁ ἐπὶ τῆς ἱερᾶς καταστάσεως) выходили изъ скевофилакія, въ которомъ переодѣвались, къ царскимъ или краснымъ вратамъ храма для слушанія здѣсь литургіи до малаго входа. Принятый въ настоящее время у насъ и на востокѣ обычай уходить архимандритамъ и іереямъ, по одному или по два, со средины церкви въ олтарь при концѣ великой и во время малыхъ ектеній для чтенія молитвъ и произнесенія возгласовъ у св. престола, а потомъ и всѣмъ сослужащимъ при началѣ пѣнія ,,Блаженъ" для участвованія во входѣ съ евангеліемъ [3]), нѣсколько расходится въ данномъ разѣ съ древне-церковнымъ обрядомъ; но воспоминаніе о послѣднемъ хранитъ доселѣ на своихъ страницахъ нашъ архіерейскій Чиновникъ. Предписывая сослужащимъ вхо-

---

[1]) *Дмитріевскаго Τυπικά, стр.* 901, 911; сн. *Мансветова* И. Д. О пѣсненномъ послѣдованіи, Прибавл. ч. XXVI, стр. 986. [2]) *Дмитріевскаго Τυπικά*, стр. 163; Haberti *Ἀρχιερ.* 19, 28—29, 52—53; Христ. Чт. 1881 г. ч. I стр. 333. [3]) *Суханова* А. Проскинитарій, стр. 255, 258.

дить въ олтарь передъ малымъ входомъ—однимъ южною, другимъ сѣверною дверью, онъ замѣчаетъ: „Никто же бо можетъ внити посредѣ въ царскія двери, присутствующу архіерею, развѣ егда вси входятъ въ маломъ и великомъ входѣ и по заамвоннѣй молитвѣ. Архимандрити же", заключаетъ онъ не вполнѣ согласно съ тѣмъ, что нѣсколькими строками о томъ же выше сказано, „не входятъ во св. олтарь, но стоятъ на мѣстахъ своихъ, дондеже внидутъ вкупѣ съ архіереемъ" [1]). Не усвояя святымъ дверямъ большого значенія или важности въ сравненіи съ самимъ олтаремъ, Лаодикійскій соборъ и древне-греческая практика воспрещали священнослужащимъ не прохожденіе только чрезъ первыя, а вхожденіе вообще въ святилище до времени входа въ него епископа, если онъ былъ на лицо за службою въ храмѣ, а не отсутствовалъ въ немъ по болѣзни или временной отлучкѣ изъ своего города и даже ввѣренной ему епархіи.

Одною изъ составныхъ частей обряда малаго входа при патріаршемъ и архіерейскомъ служеніи литургіи въ древней Византіи и у насъ на Руси даже въ XVII в. было, а въ Болгаріи и до сихъ поръ нерѣдко служитъ ношеніе въ немъ вмѣстѣ со свѣчей, кадиломъ и евангеліемъ еще воздвизальнаго креста. Выносъ послѣдняго діакономъ изъ скевофилакія, въ которомъ онъ хранился, вызывался первоначально тою же причиной, что и выносъ евангелія, т. е. насущною потребностію въ немъ при богослуженіи и только съ теченіемъ времени, когда *нашивной* матерчатый крестъ на престольной одеждѣ былъ замѣненъ выноснымъ изъ металла, дерева или кости, превратился въ обстановкѣ малаго входа въ церемоніальную принадлежность патріаршаго, архіерейскаго и даже игуменскаго служенія [2]). Къ этимъ кресту и евангелію прикладывались обычно византійскіе императоры при своихъ торжественныхъ вступленіяхъ въ притворъ св. Софіи по большимъ праздникамъ [3]). Не случайно, конечно, въ извѣстной мозаикѣ Равеннской церкви св. Виталія, на которой представленъ, какъ справедливо догадываются [4]), обрядъ торжественной встрѣчи импер. Юстиніана въ притворѣ храма архіеп. Максиміаномъ, этотъ послѣдній изображенъ съ крестомъ въ рукѣ, а сопровождающіе его діаконы одинъ съ евангеліемъ, другой съ кадильницей на коротенькихъ цѣпочкахъ. Съ крестомъ и трикиріемъ въ десницѣ и дикиріемъ въ шуйцѣ, много спустя потомъ, Московскій патріархъ творилъ малый входъ на литургіи, благословляя ими царя и

[1]) Чиновн. архіер. священнослуж. л. 16 об., 10 об. М. 1897. [2]) *Дмитріевскаго Τυπικά*, стр. 910. [3]) De cerimoniis, I, 9, pag. 64 и др. мн. [4]) *Ръдина* Мозаики Равеннскихъ церквей, стр. 159—160.

молящихся [1]). Весьма возможно, что и поднесеніе ключаремъ или очереднымъ іереемъ креста на блюдѣ при встрѣчахъ нашихъ владыкъ передъ службой у западныхъ вратъ храма составляетъ какъ бы нѣкоторый отзвукъ, повтореніе того, что происходило сотни лѣтъ назадъ почти на томъ же самомъ мѣстѣ при церемоніальныхъ входахъ царей и церковныхъ предстоятелей. Прибытіе послѣднихъ къ литургіи нерѣдко совпадало, какъ мы говорили, съ временемъ малаго входа, а слѣдовательно и архіереи, подобно царямъ, которыхъ своимъ приходомъ они нѣсколько упреждали, могли прикладываться со всѣми сослужащими къ выносившемуся изъ ризницы кресту, какъ цѣлуютъ и всегда цѣловали они св. евангеліе, предносимое въ маломъ входѣ до сихъ поръ протодіакономъ. Эта обстановка малаго входа [2]) въ нѣкоторые дни и праздники замѣтно осложнялась. Такъ въ навечерія Рождества Христова и Богоявленія и въ великую субботу входили на литургіи съ двумя евангеліями: одно полагалось на престолѣ, другое возлагалось на горній тронъ епископа—на то время, когда этотъ послѣдній уходилъ въ крещальню для торжественнаго крещенія оглашенныхъ, или, по требованію устава, садился не на самомъ сопрестоліи, а на скамьѣ—налѣво или направо отъ него, что случалось, когда кануны рождественскій и крещенскій приходились въ субботу или воскресенье [3]).—Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ архіереи совершали малый входъ въ рождественскій сочельникъ въ преднесеніи звѣзды, изображая собою какъ бы волхвовъ, путеводимыхъ нѣкогда чудесною звѣздой къ новорожденному Спасителю [4]). Въ памяти обновленія церквей, справлявшіяся встарину греками такъ же торжественно, какъ празднуются у насъ теперь храмовые праздники, когда литургію предварялъ у нихъ обычно крестный ходъ кругомъ храма или даже въ ту церковь, изъ которой были взяты мощи для его освященія, эти самыя мощи ежегодно носились въ литіяхъ и, по возвращеніи послѣднихъ въ храмъ, полагались среди его вмѣстѣ съ праздничною иконой для прикладыванія. На маломъ входѣ, непосредственно слѣдовавшемъ за цѣлованіемъ, ихъ вносилъ на дискосѣ на главѣ предстоятель или кто-либо изъ іереевъ, сослужившихъ ему, въ олтарь и полагалъ на престолѣ или

---

[1]) Матеріалы для ист. раск. ч. II стр. 304, 307; сн. Дѣянн. Московск. собб. 1666—1667 гг., лл. 46 об.—47 третьяго счета. [2]) Въ записяхъ патріаршей службы онъ называется выходомъ съ евангеліемъ, выходомъ со осѣненіемъ, первымъ выходомъ на литургіи. Рукопп. Моск Синод. библ. № 426 лл. 456 об., 512 об., № 428 л. 9, № 425 л. 82 об. [3]) *Дмитріевскаго Τυπικά*, стрр. 35—36, 41, 133 примѣч., 158; ср. Т. К. Д. А. 1902, III, 535. [4]) *Καὶ ἔρχεται ὁ ἀρχιεπίσκοπος μετὰ τῶν ἱερέων εἰς τὴν εἴσοδον μετὰ τοῦ εὐαγγελίουκαὶ προσενεχθείσης ἀστῆρος μετὰ μανουαλίου* (*Дмитріевскаго Τυπικά*, стр. 157). Что представляла изъ себя эта звѣзда,—затрудняемся сказать,

внутри его, въ обычномъ мѣстѣ ихъ храненія [1]). Впрочемъ эта литургическая подробность—присутствіе св. мощей въ обрядѣ малаго входа, имѣвшая мѣсто нѣкоторое время и у насъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ въ дни памяти Іоанна Златоустаго и ап. Андрея Первозваннаго [2]), соблюдалась очень рѣдко, да и самыя обновленія уже во времена Симеона Солунскаго были совершаемы далеко не во всѣхъ церквахъ.

Обычно архіерей, благословивъ въ болѣе древнее время совершавшаго проскомидію и полагавшаго начало литургіи и входу священника или подносившаго къ нему для цѣлованія евангеліе діакона, въ позднѣйшее—самый входъ и тѣмъ или другимъ способомъ молящихся, поддерживаемый первоначально діаконами, потомъ старѣйшими изъ сослужащихъ, при пѣніи такого или иного входнаго, сначала просто или съ жезломъ въ рукѣ, позднѣе съ дикиро-трикиріемъ направлялся съ процессіей къ олтарю. Какъ только возобновлялась послѣдняя, сослужившіе архіерею лица начинали тихо трижды говорить ему: εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα,

---

но думаемъ въ виду послѣдняго выраженія, что ею не была обычная *служебная звѣздица*. Вальсамонъ, комментируя 82 правило Трулльскаго собора, предписывавшее изображать І. Христа на иконахъ по человѣческому естеству, а не въ видѣ агнца, писалъ въ заключеніе: „...я думаю, что худо дѣлаютъ тѣ, которые допускаютъ въ церквахъ голубей въ знакъ наитія св. Духа и, вмѣсто оной сверхъестественной и новоявленной звѣзды *возжигаютъ восковыя свѣчи*, также тѣ, которые неизреченное рождество Господа и Бога и Спаса нашего І. Христа въ вертепѣ представляютъ чрезъ посредство младенца и ложа, и то, что выше слова и разума, изображаютъ человѣческими дѣлами“ (Правила св. вселенск. соборовъ въ русск. перев., ч. I стр. 638–641. М. 1877). Въ этихъ словахъ знаменитаго канониста, имѣющихъ прямое отношеніе къ старымъ византійскимъ и нашимъ *современнымъ лицедѣямъ* въ церковной службѣ, не про нашу ли звѣзду идетъ именно рѣчь и не изображалась ли послѣдняя посредствомъ возженныхъ свѣчей? [1]) *Дмитріевскаго Τυπικά*, стр. 901; сн. Писаній литургич. т. II, стр. 164–168; *Порфирія* сн. Вост. христ.—Египетъ, стр. 44. [2]) Подъ 13 ноября 1682 года въ записяхъ служеній патріарха Іоакима читаемъ: „Какъ выход был со евангелием, і тогда ключар поднесъ главу Иоанна Златоустого к мѣсту святѣйшаго патріарха, гдѣ облаченіе бывает, і отдал архиерею. І архиерей несъ главу по правую страну святѣйшаго патріарха за евангелием в олтар і поставил ее на престолѣ, і стояла до отпуста литургіи. А какъ діакон глаголет: Возлюбим другъ друга, и тогда цѣловали святое предложеніе і послѣди главу.“ 30 ноября то же творили съ рукой ап. Андрея Первозваннаго (Рукопп. Моск. Синод. библ. № 425 л. 82 об,. № 426 лл. 451 об. 452, 456 об., 512 об., № 428 л. 9. Древн. Росс. Вивліоѳ. ч. X, стрр. 81—82, 101—104; сн. 34—35, 61, 63). Подъ 24—25 сент. 1685 года записано: „мощей чюдотворца Сергия перстъ у вечерни в соборе і утрени і у литургіи в крабице лежали на налое на минеи перед патриаршим мѣстом, а приносили от патриарха і после литургиі паки взяли к патриарху, ко Двунадесяти апостолом, в ризницу к протчим мощам“ (№ 426 л. 363 об.). Но мощей преп. Сергія на маломъ входѣ, какъ кажется, не носили (сл. *Дмитріевскаго Τυπικά*, стр. 315, 338).

пока владыка не достигалъ солеи, на которой псалты тѣми же словами, но уже велегласно встрѣчали и провожали его въ олтарь, при входѣ въ который епископъ со всѣми священнослужащими въ первый разъ прикладывался къ иконамъ или крестикамъ на св. дверяхъ, преподавалъ иногда благословеніе притворявшимъ правую и лѣвую створы ихъ остіаріямъ и затѣмъ уже, при пѣніи отпустительнаго тропаря дневного святого, съ осѣняльною свѣчей, посохомъ въ рукѣ или безъ первой и второго кадилъ въ древнее время св. престолъ, позднѣе весь олтарь съ жертвенникомъ, мѣстныя иконы и всѣхъ предстоящихъ. Неоднократное повтореніе за современною архіерейскою службой священнослужащими и ликами молитвеннаго возванія: *Спаси ны, Сыне Божій* и пѣніе εἰς πολλά мальчиками, заняли мѣсто пожеланія многихъ лѣтъ предстоятелю, бывшаго въ данномъ разѣ, какъ кажется, точною копіей съ многолѣтствованія византійскихъ царей, рука объ руку съ патріархами шествовавшихъ по большимъ праздникамъ отъ западныхъ вратъ св. Софіи до порфироваго круга предъ св. дверьми ея, среди привѣтствій чиновъ своего синклита, по рангамъ располагавшагося во всю длину Великой церкви. Ихъ негромкія, вѣроятно, пожеланія многихъ лѣтъ царю, быть можетъ, тотчасъ же смѣнялись разносившимися по храму съ ступеней амвона возгласомъ доместика или архидіакона въ родѣ: *Господи, спаси царей* и добавочнымъ прошеніемъ лаосинакта *и услыши ны*—въ то время, какъ присутствовавшіе въ храмѣ молились, а цари проходили въ олтарь для совершенія уже выше описанныхъ нами дѣйствій. Теперешнее наше: *Господи, спаси благочестивыя*, отсутствующее во всѣхъ древнихъ литургіяхъ, многихъ старыхъ служебникахъ и даже новѣйшихъ греческихъ изданіяхъ ихъ, представляетъ, если не ошибаемся, замѣну прежняго: „Господи спаси царей“ (τοὺς εὐσεβεῖς т. е. βασιλέας), происшедшую, можетъ быть, одновременно съ прекращеніемъ царской власти въ Византіи. На востокѣ и въ земляхъ славянскихъ (Болгаріи и Сербіи) возгласъ этотъ трижды произносится діакономъ и столько же разъ поется священнослужащими въ олтарѣ, правымъ и лѣвымъ хоромъ. Время произнесенія его и непосредственно слѣдовавшей большею частію за нимъ *полихроніи* или, что то же, нашей *„великой похвалы“* было различно, какъ не одно и то же въ разныхъ церквахъ оно и теперь. Въ общемъ можно сказать, что въ болѣе древнее время на востокѣ и земляхъ юго-славянскихъ, особенно въ самой Византіи, гдѣ за литургіей въ Великой церкви и другихъ столичныхъ храмахъ нерѣдко присутствовалъ самъ императоръ, похвала слѣдовала непосредственно за кажденіемъ святаго престола, какъ это предписывалось и предписывается нашимъ архіерейскимъ Чиновникомъ,

а въ позднѣйшее, начиная съ конца XVI—XVII столл., въ Іерусалимѣ, Константинополѣ, Болгаріи и Сербіи возглашеніе именъ правителей и архіереевъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ обрядовъ архіерейской хиротоніи [1]), стало чаще происходить и теперь обычно происходитъ уже по окончаніи пѣнія Трисвятого, причемъ архіерей или находится у св. престола или становится на горнее мѣсто.

Не говоря уже о такъ называемой похвалѣ, довольно частое многолѣтствованіе іерарховъ, да вдобавокъ еще на непонятномъ для большинства молящихся греческомъ языкѣ теперь является у насъ довольно яркою особенностію каѳедрально-епископской службы; но въ древнее время оно не было таковымъ и находило болѣе широкое примѣненіе въ литургической практикѣ. На греческомъ востокѣ даже и въ настоящее время рядомъ съ пожеланіемъ многихъ лѣтъ епископу можно услыхать многолѣтствованіе со стороны народа и каждому священнику [2]). И въ нашихъ древнѣйшихъ служебникахъ XII—XIV столѣтій, напримѣръ: Антонія Римлянина, Варлаама Хутынскаго, Никона Радонежскаго и другихъ [3]), въ которыхъ имѣется въ виду соборная служба нѣсколькихъ священниковъ, по перенесеніи даровъ и по возгласѣ: *Святая Святымъ*, полагается взаимное привѣтствіе священнослужащихъ и многолѣтствованіе старѣйшему изъ нихъ. По возложеніи св. даровъ на престолъ и омовеніи всѣми рукъ, послѣдній именно говорилъ: „*Благословите священніи! И они, поклонившеся ему, рекутъ: Многа лѣта, отче! Духъ святый найдетъ на тя*“... Предъ раздробленіемъ Агнца „*попове и дьякъ рекутъ, приступльше къ трапезѣ: Многа лѣта, отче! Богъ святую и чистую и честную молитву даруетъ намъ. На многа лѣта, честный отче*“! Эта литургическая подробность, наблюдаемая и въ позднѣйшихъ, правда очень немногихъ нашихъ рукописныхъ Служебникахъ, и до нѣкоторой степени въ старопечатныхъ изданіяхъ послѣдняго, не была нашимъ русскимъ изобрѣтеніемъ и отмѣчена на страницахъ славяно-сербскихъ и греческихъ Служебниковъ того же самаго времени [4]). По послѣднимъ діаконъ предъ чтеніемъ апо-

---

[1]) Гоара *Εὐχολ.* p. 302, 304, 316; Габерта *Ἀρχιερατ.* p. 70. [2]) Въ Іератиконѣ (изд. въ Константинополѣ въ 1895 году), въ самомъ концѣ литургіи Златоустовой, замѣчено, что на благопожеланіе священника: *Святая Троица да сохранитъ всѣхъ васъ* благословляемый и отпускаемый имъ изъ храма народъ съ своей стороны произноситъ: *Τὸν εὐλογοῦντα καὶ ἁγιάζοντα ἡμᾶς, Κύριε, φύλαττε εἰς πολλὰ ἔτη* (стр. 87). [3]) Рукопп. Новгор. Соф. соб., нынѣ библ. СПБ. Дух. Акад. №№ 518, 520, 522—524, 526, 540; Моск. Типогр. библ. № 127; Импер. Публ. № 274; Моск. Румянц. муз. № 399. [4]) Опис. рук. Моск. Синод. библ. *А. В. Горскаго и К. И. Невоструева* III, 1 стр. VI—VII, 2—3, 6—7, 67; сн. *К. асносельцева* Свѣд. о ватиканск. рукопп. стрр. 67, 154, 156, 161; *Родосскаго* А. Описан. старопечатн. и церковно-славв. книгъ, вып. I, стр. 261.

стола и евангелія, а по первымъ и весь народъ вмѣстѣ съ нимъ послѣ *Спаси Боже люди своя* привѣтствовали первослужащаго словами: εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα [1]).

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что пожеланіе многихъ лѣтъ предстоятелю, кто бы онъ ни былъ, происходившее за соборною и простою священническою службой почти въ тѣ же самые моменты, въ которые полагается и многолѣтствованіе архіереямъ, одинаково по существу съ нимъ, какъ нельзя, повидимому, отрицать и того, что первое появилось въ литургійномъ обрядѣ не безъ вліянія второго и, быть можетъ, уступаетъ ему въ отношеніи давности. Правда, время возникновенія архіерейскаго многолѣтствованія намъ точно неизвѣстно, но по всѣмъ даннымъ оно весьма давняго происхожденія. Древнѣйшіе Типики и чины епископскихъ хиротоній упоминаютъ уже о немъ, какъ явленіи обычномъ и общеизвѣстномъ. По уставу Іерусалимскаго храма Воскресенія клиръ многолѣтствовалъ патріарху при окончаніи обряда омовенія ногъ въ вел. четвергъ, а на Пасхальной утрени дѣлали то же мvроносицы по выходѣ его изъ пещеры гроба Господня съ вѣстію о воскресеніи [2]). Описатели обрядовъ византійскаго двора и Великой Царьградской церкви, довольно часто говоря о разнаго рода привѣтствіяхъ и многолѣтіяхъ царямъ и производившимся ими высшимъ сановникамъ имперіи, не разъ упоминаютъ и о многолѣтствованіяхъ Константинопольскому патріарху, происходившихъ во дворцѣ и церкви. Комментаторамъ Константина Порфиророднаго, Кодина и другихъ византійскихъ писателей: Рейске, Гретзеру и Гоару обстоятельство это служитъ какъ бы основаніемъ къ совмѣстному разсмотрѣнію тѣхъ и другихъ многолѣтій и можетъ пролить, намъ кажется, нѣкоторый свѣтъ въ исторію *если не первоначальнаго возникновенія*, то *послѣдующей обработки* занимающей насъ литургической подробности.

---

[1]) Въ хранящемся подъ № 1085/2 въ библіотекѣ Московской Синодальной Типографіи экземплярѣ Служебника 1717 года, *правленномъ* для новаго печатнаго изданія послѣдняго, на приклеенной противъ словъ: „*Спаси, Боже, люди Твоя*“ и отвѣтнаго возглашенія на нихъ лика: „*На многа лѣта, владыко*“ бумажкѣ справщикомъ написано: „Доложить: *сіе точію до служенія архіерейскаго належитъ*. н: л: в: а: с: приказалъ оставить“. Согласно полученному приказанію возглашеніе зачеркнуто и въ первомъ вышедшемъ въ 1723 году съ благословенія Святѣйшаго Правительствующаго Синода Служебникѣ мы его уже не находимъ. Многолѣтствованіе сдѣлалось служебной прерогативой сана архіерейскаго. [2]) *Παπαδοπουλο-Κεραμεβσα* Аналекты т. II, стр 114, 191; Morini De sacris ordinatt. p. II pag. 73; сн. Гоара *Εὐχολόγ*. p. 304, 310; Путеш. Антонія Новгор. въ изд. *Савваитова* ст. 83, 92; рукоп. Новг. Софійск. соб., нынѣ библ. СПБ. Дух. Акад. № 1056 л. 14; Р. И. Б. VI. 150. 160.

Обычай привѣтствовать кого бы то ни было пожеланіемъ долголѣтія, вѣроятно, столь же древенъ, какъ древенъ и родъ человѣческій. Съ благожеланіями: *Да живетъ царь! Царь, во вѣки живи!* и т. п. мы встрѣчаемся уже у Евреевъ и Вавилонянъ [1]). *Клавдій Августъ или Антоній Пій! Боги тебя да хранятъ* (Antonie Pie, dii servent)—этими и подобными имъ словами привѣтствовали сенаторы и народъ римскій своихъ императоровъ при ихъ избраніяхъ и появленіяхъ на форумѣ, въ сенатѣ, въ театрѣ [2]) и т. д. Тѣми или другими сочувственными восклицаніями встрѣчали и провожали не однихъ, понятно, царей и вообще особъ титулованныхъ, но и другихъ оффиціальныхъ и частныхъ лицъ. Евреи многолѣтствовали въ синагогѣ, по прочтеніи отдѣла изъ Писаній, читавшему [3]). Греки и Римляне апплодировали замѣчательнымъ людямъ при избраніи ихъ въ общественныя должности, ораторамъ въ моментъ произнесенія ими рѣчей, актерамъ на зрѣлищахъ. Выражая свое одобреніе гладіаторамъ, они обыкновенно кричали: *Во вѣки отъ вѣка* (εἰς αἰῶνας ἀπ' αἰῶνος) [4]). Выдающіеся дѣятели въ мірѣ христіанскомъ не составляли въ этомъ отношеніи исключенія и были также награждаемы тѣми или другими знаками одобренія [5]). Отцы Антіохійскаго собора писали о Павлѣ Самосатскомъ, что онъ „съ несвойственною ученику Христову суетностію устроилъ себѣ возвышеніе и на немъ высокій престолъ...., колотилъ себя рукою по бедру (при произнесеніи поученій) и топалъ ногами по своему возвышенію, порицая и браня тѣхъ, *которые не хвалили его, не махали платками, какъ на зрѣлищахъ, не вскрикивали и не вскакивали* вмѣстѣ съ поставленными нарочно вокругъ него мужчинами и женщинами—самыми непристойными его слушателями, но слушали благопристойно и скромно, какъ надлежитъ въ домѣ Божіемъ“ [6]). Можно было бы эту неприглядную картину церковной проповѣди признать за печальное исключеніе и отнести всецѣло на счетъ тщеславія Антіохійскаго епископа, если бы другія свидѣтельства не подтверждали нѣкоторыхъ чертъ въ ея изображеніи. Григорій Богословъ самъ разсказываетъ о себѣ, что „бесѣда его (о Троицѣ) *исторгала клики одобренія* [7])“ у всѣхъ безъ различія слу-

[1]) 1 Царствъ X, 24; Даніила II, 4. III, 9. V, 10. VI, 21. [2]) Gretseri et Goari Commentarius in Codini De officiis cap. VI, p. 278—280, edit. Bonnae. [3]) Странникъ 1882 г., ч. III стр. 181—182. [4]) Тертулліана De spectaculis, cap. XXV, русск. пер. въ Собраніи древнихъ литургій, вып. I стр. 61. СПБ. 1874. [5]) Когда Августинъ назначилъ своимъ преемникомъ Ерадія въ присутствіи клира и народа, послѣдній воскликнулъ: Deo gratias, Christo laudes! Exaudi Christe, Augustino vita, Eradium conserva! *Гретзера и Гоара* Comment. in Codini cap. VI, p. 279. [6]) *Евсевія* Ц. И., кн. VII гл. 30; русск. пер. т. I, стр. 451. [7]) Въ Сновидѣніи о храмѣ Воскресенія. Русск. пер. въ Христ. Чтен. 1838 г., ч. IV стрр. 5—6.

шателей. Сократъ въ своей Церковной исторіи разсказываетъ о нѣкоемъ учителѣ дѣтскихъ наукъ Іераксѣ, какъ онъ, будучи пламеннымъ слушателемъ Кирилла, епископа Александрійскаго, *„всячески старался возбуждать рукоплесканія при его поученіяхъ“* [1]). Константинопольцы, по словамъ того же историка, ,,не думая о возносимыхъ на Іоанна (Златоустаго) обвиненіяхъ, *сильно рукоплескали ему* и любили его за произносимыя имъ въ церкви поученія“ [2]). При видѣ только что отмѣченныхъ знаковъ выраженія сочувствія со стороны поклонниковъ и слушателей церковнымъ ораторамъ—знаковъ, не отвѣчавшихъ ни святости мѣста, ни важности случая, было вполнѣ естественно прійти къ мысли о многолѣтствованіи послѣднихъ, какъ наиболѣе умѣстномъ и благопристойномъ выраженіи своего сочувствія и притомъ же подсказывавшемся до нѣкоторой степени обычаемъ церкви ветхозавѣтной. Въ древне-христіанскихъ литургіяхъ содержится не мало благожелательныхъ привѣтствій къ молящимся въ родѣ: *Миръ всѣмъ*, *Господь съ вами!* Въ просительныхъ молитвахъ за живыхъ членовъ церкви рядомъ съ душевнымъ спасеніемъ послѣднимъ испрашивалось и благоденствіе, а при упоминаніи о царяхъ и епископахъ уже и тогда возсылалось къ Богу моленіе *о сохраненіи ихъ на многіе годы* [3]). Разумѣется, отъ этого прошенія опять же легко было перейти къ многолѣтствованіямъ епископовъ и царей; но мы напрасно стали бы искать тамъ въ строгомъ смыслѣ слова многолѣтій тѣмъ и другимъ, какъ *личныхъ* благожеланій и привѣтствій [4]). И не въ храмѣ на службахъ, повидимому, они первоначально появились, а скорѣе на соборахъ,—помѣстныхъ и вселенскихъ. Подобно римскому сенату и народному собранію, церковные соборы въ такихъ или иныхъ выраженіяхъ обыкновенно привѣтствовали царей, какъ верховныхъ покровителей христіанской церкви [5]); далѣе—своихъ

---

[1]) *Сократа* Церк. Истор., кн. VII гл. 13; русск. пер. стр. 521. Спб. 1850. [2]) Тамъ-же кн. VI, гл. 4; русск. пер. стр. 455—456. [3]) Собраніе древнихъ литургій восточныхъ и западныхъ въ перев. на русскій языкъ, вып. II, стр. 31–32, 214—215; III, 57, 60, 10. [4]) Царей, какъ кажется, сначала не привѣтствовали какими-либо возглашеніями при ихъ вступленіи въ храмъ. Василій Великій не замѣтилъ даже, что императоръ Валентъ вошелъ въ церковь (Твореній Григорія Богослова т. IV, стр. 109). [5]) По словамъ *Византійца Θеофана*, первый вселенскій соборъ „окончился хвалебными восклицаніями“ (Лѣтоп. русск. пер. стр. 17). Отцы Константинопольскаго собора 449 г. осудившаго впервые Евтихія, въ концѣ засѣданія, по адресу импер. Θеодосія воскликнули: *πολλὰ τὰ ἔτη τοῦ βασιλέως*. На послѣдующихъ соборахъ, напримѣръ: Халкидонскомъ, пятомъ вселенскомъ, Константинопольскомъ иконоборческомъ многолѣтія царямъ, вселенскимъ патріархамъ и др. въ только что приведенной формѣ становятся уже обычнымъ явленіемъ. Дѣяній Вселенск. Соборовъ въ русск. перев. т. III, стрр. 150—151, 219–221; т. IV стрр. 48—49, 129, 169; сн. Лѣтоп. Θеофана стр. 313; Рейске

предсѣдателей и наиболѣе выдающихся сочленовъ, какъ высшихъ блюстителей и ревностныхъ защитниковъ праваго ученія [1]). Пожеланіе многихъ лѣтъ въ этихъ привѣтствіяхъ царямъ съ патріархами столь же ясно выражалось, сколь рѣшительны были анаѳематизмы на еретиковъ, его предварявшіе или непосредственно вслѣдъ за нимъ слѣдовавшіе [2]).

Произносившіяся первоначально въ исключительныхъ и сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, многолѣтія царямъ, съ развитіемъ всякаго рода показности при византійскомъ дворѣ, довольно скоро утратили свой простой, непосредственный смыслъ, сдѣлавшись однимъ изъ требованій сложнаго придворнаго этикета, необходимою принадлежностію торжественныхъ пріемовъ, церемоніальныхъ выходовъ и встрѣчъ, всѣхъ болѣе или менѣе парадныхъ появленій царя на глаза народа, войска, дворцовыхъ чиновъ и т. д. Избираемъ ли былъ царь, вѣнчался ли онъ на царство, принималъ ли у себя чужеземныхъ пословъ или своихъ подданныхъ, производилъ ли кого изъ нихъ въ тѣ или другія должности и званія, отправлялся ли на войну или возвращался съ нея, наступалъ ли ногою на выю плѣнниковъ, бесѣдовалъ ли со своимъ народомъ, сочетался ли бракомъ самъ, крестилъ ли и постригалъ своихъ дѣтей, объявлялъ ли ихъ своими наслѣдниками, давалъ ли обѣды посламъ, духовенству и своимъ сановникамъ, раздавалъ ли дары кому (апокомвій, евлогіи, рогу)—словомъ почти на всѣхъ своихъ выходахъ и входахъ былъ привѣтствуемъ и многолѣтствуемъ въ однажды навсегда опредѣленномъ порядкѣ, по знаку (διὰ νεύματος) препозита, силенціарія, актуарія, такого или иного распорядителя церемоніи (ὁ τῆς καταστάσεως), извѣстными чинами, назначенными на то лицами (крактами, псалтами и др.), димархами, партіями цирка—на тѣхъ или другихъ мѣстахъ [3]). Хра-

---

Commentar. ad Constant. Porph. De cerim. lib. I, p. 77—78; Гретзера и Гоара Commentar. in Codini cap. VI, pag. 278—281; *проф. Н. А. Заозерскаго* Церковный судъ въ первые вѣка христіанства. стр. 338, 341. [1]) Дѣян. Всел. Собор. т. II, стр. 361—364. Изд. Каз. Дух. Акад. [2]) *Евагрія* Церк. Ист. кн. II, гл. 18; русск. пер. стр. 98—99, 119; Творен. св. Никифора въ русск. пер. ч. I, стр. 72. И въ древнѣйшихъ Синодикахъ недѣли православія проклятія на еретиковъ обычно находятся въ преемственной связи съ возглашеніями многолѣтій въ честь здравствующихъ царей и іерарховъ, и вѣчной памяти святымъ и усопшимъ благочестивымъ царямъ, царицамъ, патріархамъ, епископамъ и т. д. *Дмитріевскаго Εὐχολογ.* стрр. 359, 888—890; Чиновн. Моск. Успенск. соб. стр. 91—93; Рукопись Кіево-Софійск. соб. № 647 л. 322—323. [3]) У Константина Порфиророднаго, Кодина и другихъ писателей находится не мало указаній на распространенный до nec plus ultra въ Византіи при дворѣ обычай многолѣтствованій и привѣтственныхъ благопожеланій преимущественно царямъ, отчасти сановникамъ, духовнымъ лицамъ, въ которыхъ, по правдѣ сказать, было весьма много напыщенной и преувеличенной лести, вѣроятно, подъ вліяніемъ культа цезарей, и очень мало неподдѣльнаго чувства. Выраженія, которыми обозначается на страницахъ Обрядника и вообще у византиковъ

мы не составляли въ этомъ отношеніи исключенія; напротивъ, молитвенному пожеланію многихъ лѣтъ императорамъ послѣ соборовъ всего скорѣе и ближе было появиться именно въ церквахъ [1]), въ св. Софіи Константинопольской, гдѣ они вѣнчаемы были на царство и на правахъ помазанниковъ Божіихъ, скажемъ словами Вальсамона, „украшали себя потомъ архіерейскими дарованіями“ [2]): невозбранно, когда хотѣли, входили во св. олтарь, совершали въ немъ кажденіе, дѣлали знаменіе креста съ трикиріемъ, подобно архіереямъ, предлагали народу катихизическое ученіе и т. д. Выражать благожеланіе царю съ возглашеніемъ имени его тогда, когда этотъ старый pontifex maximus и „епископъ дѣлъ внѣшнихъ“ [3]) являлся съ своими дарами къ олтарю, было столь же своевременно и пожалуй *сообразно съ общецерковнымъ обычаемъ поминовеніи*, сколь естественно стало потомъ многолѣтствоваться Константинопольскому патріарху, котораго заступалъ какъ бы временно въ службѣ самъ императоръ. Какъ бы то ни было, но произносимая доселѣ по маломъ входѣ за архіерейскою службой похвала, сохраняя память о времени прихода византійскаго царя къ литургіи и характерѣ отчасти встрѣчи, устроявшейся ему при этомъ, является, на нашъ взглядъ, первымъ по времени и едва ли не самымъ выдающимся по торжественности церковнымъ многолѣтствованіемъ царей. На него именно указываетъ Обрядникъ, когда замѣчаетъ, что всѣ чины синклита, среди которыхъ проходилъ въ олтарь по храму царь съ патріархомъ, *привѣтствовали владыкъ* (οἱ τῆς συγκλήτου πάντες ἵστανται ἐπευχόμενοι τοὺς δεσπότας), но въ какой фор-

---

актъ привѣтственныхъ благожеланій, весьма различны, но болѣе употребительны: *ἐπεύχεσθαι, ἐπεύχεσθαι πολυχρόνιον, ὑπερεύχεσθαι, πολυχρονεῖν, εὐφημεῖν, φημίζειν, εὐφημίαν λέγειν, ἀκτολογεῖν, τὰ τῆς εὐφημίας ἄκτα λέγειν*. Послѣдними двумя выраженіями обозначались славословія съ особыми пѣснопѣніями, приноровленными къ празднику (De cerim. p. 27), въ который происходилъ царскій выходъ, къ тому или другому случаю, а иногда даже и къ личнымъ заслугамъ славословимаго царя (*Бѣляева* Byzantina, II гл. III и VI). Терминъ *εὐφημεῖν* означалъ, повидимому, краткія привѣтствія, къ *которымъ* кажется, *относилось* и *πολλὰ τὰ ἔτη* (p. 20, 155, 218, 221, 225, 577). Выраженіемъ *ἐπεύχεσθαι* отмѣчались на страницахъ Обрядника двѣ общеупотребительныхъ формулы многолѣтій (о нихъ сейчасъ ниже), изъ которыхъ одна начиналась словами: *πολυχρόνιον ποιήσει* (p. 293). Означая первоначально три несомнѣнно различныхъ вида привѣтствій (см. стрр. 33, 135, 327, 331—332, 350—352), термины *πολιχρονίζειν, εὐφημεῖν* и даже *ἀκτολογεῖν* стали, со временемъ иногда употребляться одинъ вмѣсто другого. Въ богослужебныхъ книгахъ первые два термина употреблялись для обозначенія вообще многолѣтій на службѣ.

[1]) Самые соборы обычно происходили въ церквахъ или подлѣ нихъ, въ патріаршихъ секретахъ. [2]) Толков. на 69 прав. Трулльскаго соб., русск. пер. Правилъ ч. I, стр. 506. На страницахъ Обрядника обстоятельно и полно очерчена дѣятельность византійскаго императора, какъ литурга, усердно копировавшаго въ своихъ дѣйствіяхъ и обстановкѣ Константинопольскаго патріарха. De cerimoniis, passim [3]). *Проф. Кургановъ*, Отношен. между церковн. и государств. властью въ Византіи, стр. 35—39. Дѣян. Вселен. Соб. I, 88—89, 198—199.

мѣ были дѣлаемы ими эти привѣтствія, на это прямыхъ указаній Придворный Уставъ не даетъ. Хотя въ эпоху его благожеланія царямъ и отлились уже въ болѣе или менѣе точныя формулы, но дѣло въ томъ, что такихъ формулъ была не одна, а довольно значительное число. Можно сказать, что всѣ виды позднѣйшихъ многолѣтствованій государямъ, епископамъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ, не совпадая *вполнѣ* по буквѣ и съ этими формулами, въ существенныхъ словахъ и выраженіяхъ уже содержались въ нихъ и были извѣстны тогда въ Византіи. „*Господи! спаси царей* (или: *владыкъ*) Римскихъ [1]); *Утверди, Боже*, царя нашего [2]); (такимъ то) великимъ царямъ и *самодержцамъ многая лѣта* [3]); На многія и счастливыя времена да продлитъ Богъ праведное царство ваше [4]); Святый (или *воскресый*) Боже, *владыкъ нашихъ сохрани* [5]); *Многолѣтнее сотворитъ* Богъ св. царство твое на многая лѣта [6]); *Многая лѣта на многая*“! [7])—таковы наиболѣе типичныя и чаще другихъ повторявшіяся, судя по Константину Порфиродному и Кодину, формулы многолѣтствованій царей византійскихъ. Которою либо изъ нихъ, быть можетъ, послѣдними двумя и былъ привѣтствуемъ императоръ каждый разъ, какъ вступалъ въ св. Софію или другой какой храмъ и уходилъ изъ нихъ.

Константинопольскій патріархъ, привѣтствовавшійся пожеланіемъ многихъ лѣтъ на соборахъ и въ день своего избранія въ первопрестольника столицы [8])—подобно высшимъ сановникамъ имперіи (деспоту, кесарю, нобилиссиму, великому доместику [9]) и др.), къ которымъ до нѣкоторой степени былъ приравненъ [10]), такъ же, какъ и императоръ,

---

[1]) *Κύριε, σῶσον τοὺς βασιλεῖς, τοὺς δεσπότας τῶν Ῥωμαίων σὺν ταῖς αὐγούσταις καὶ τοῖς πορφυρογεννήτοις* (De cerimonn. p. 48, 279, 315, 328, 331. 354—357, 368 и др.). [2]) *Στερεώσει ὁ Θεὸς τὸν βασιλέα ἡμῶν* (pp. 183—184, 211, 691), *στερεοῦντες κατὰ τὸ εἰωθός* [3]) *Ὁ δεῖνα καὶ ὁ δεῖνα μεγάλων βασιλέων καὶ αὐτοκρατόρων πολλὰ τὰ ἔτη* (p. 193, 372.). [4]) *Εἰς πολλοὺς καὶ ἀγαθοὺς χρόνους ὁ Θεὸς ἀγάγοι* (*πληθύνει*) *τὴν δικαίαν ὑμῶν βασιλείαν* (pp. 21—22, 25, 72, 85—87, 97, 101, 110, 127, 147, 149, 157, 168 181, 192 и др. мн.). Эта обычная и весьма часто употреблявшаяся формула многолѣтствованія въ Обрядникѣ обыкновенно встрѣчается съ глаголомъ *εὔχεσθαι, ἐπεύχεσθαι, ὑπερεύχεσθαι*; нерѣдко для обозначенія ея употребляется одинъ этотъ терминъ (p. 103). [5]) *Ὁ Θεὸς ὁ ἅγιος, τοὺς δεσπότας φύλαττε* (p. 217, 47). [6]) *Πολυχρόνιον ποιήσει* (или: *ποιήσαι*) *ὁ Θεὸς τὴν ἁγίαν βασιλείαν σᾶς εἰς πολλὰ ἔτη* (p. 39 43 и др. мн.). [7]) *Πολλὰ ἔτη εἰς πολλά.* [8]) Codini De officiis cap. XX, p. 103. [9]) Сн. Index latinus къ Кодину, стр. 397, подъ слов. annos multos. De cerimonn. p. 227. [10]) Въ эпоху Кодина императоръ византійскій уже торжественно величалъ вселенскаго патріарха *всесвятѣйшимъ владыкою своимъ* (*παναγιωτάτῳ μου δεσπότῃ*), а во время Константина Порфиророднаго послѣдній епитетъ примѣнялся только къ одному царю. Императоръ даже римскаго папу называлъ не болѣе какъ *πνευματικὸν ἡμῶν πατέρα* (Codini De officiis cap. XVII p. 87; сн. *Ралли и Потли*, Синтагма, т. V стр. 275). У Кодина деспотами называются члены царской семьи,

весьма рано началъ многолѣтствоваться въ храмахъ [1]). Какими словами онъ былъ привѣтствуемъ при своемъ появленіи въ послѣднихъ съ самаго начала, мы положительно тоже не знаемъ, но думаемъ, что пожеланіе многихъ лѣтъ въ самой простѣйшей его формѣ (πολλὰ τὰ ἔτη εἰς πολλά) входило уже и тогда въ это привѣтствіе, какъ оно входитъ и до сихъ поръ въ такъ называемыя *великія похвалы* [2]) и слышится довольно часто само по себѣ за архіерейскою службой. Про возглашавшіяся на службахъ въ теченіе вѣковъ формулы многолѣтствованій архіерейскихъ, вообще нужно замѣтить, что онѣ, сходныя въ основномъ съ древне-византійскими евфиміями или полихроніями царей, разнились и разнятся между собой лишь титулами возглашаемыхъ лицъ да отчасти своимъ грамматическимъ построеніемъ, какъ это легко видѣть изъ нижеслѣдующихъ древнихъ и позднѣйшихъ образцовъ ихъ: Ὁ δεῖνα τοῦ παναγιωτάτου καὶ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου πολλὰ τὰ ἔτη; Τοῦ παναγιωτάτου ἀρχιεπισκόπου τῆς πρώτης Ἰουστινιάνης καὶ πάσης Βουλγαρίας καὶ Σερβίας καὶ τῶν λοιπῶν... Τῆς ἁγιωτάτης μητροπόλεως Οὐγγροβλαχίας ὑπερτίμου ἐξάρχου πλαγινῶν (окрестныхъ странъ)... „Имя рекъ, преосвященнѣйшему и богопронзведенному митрополиту святѣйшія митрополіи Терновскія, нашему же отцу и владыцѣ, многая лѣта. Преосвященнѣйшему господину, имя рекъ, православному

---

[1]) Импер. Константинъ Копронимъ, объявляя съ амвона св. Софіи въ 754 году монаха Константина вселенскимъ патріархомъ, возгласилъ ему, вѣроятно слѣдуя уже установившейся литургической практикѣ: *πολλὰ τὰ ἔτη*. Габерта Архіерат. стр. 464. [2]) Названія: великая похвала, *похвала*, *хваленіе*, встрѣчающіяся въ древнихъ памятникахъ славянской богослужебной письменности, есть дословный переводъ греческихъ терминовъ: *μεγάλη εὐφημία*, *εὐφημία*, *φήμη*, извѣстныхъ уже автору Обрядника (рр. 327, 350, 352, 614). Зависимость наша отъ Византіи въ отношеніи многолѣтствованій шла гораздо далѣе названій послѣднихъ. Не говоря уже о содержаніи многолѣтій, въ самомъ характерѣ исполненія ихъ можно усматривать греческое вліяніе. И у насъ, какъ въ Византіи, многолѣтія въ службахъ, на молебнахъ, но особенно на царскихъ часахъ и въ лѣйствахъ: новолѣтія, пещномъ, страшнаго суда, православія, шествія на осляти заняли весьма видное мѣсто (см. Чиновники по указателл. подъ словами: *многолѣтія*, *здравствованія*, *дѣйства*). Въ уставахъ и записяхъ соборной службы изрѣдка встрѣчаются указанія на то, кому и когда какое многолѣтіе пѣть (розводное, демественное, полное, съ *εἰς πολλὰ ἔτη* и т. п.), по какимъ тетрадямъ кликать и *высокимъ* ли *гласомъ* возглашать. Къ исполненію многолѣтій, занимавшему не мало времени въ службѣ, прилагалось много стараній и усилій. Голосистыхъ и горазднхъ кликуновъ—архидіаконовъ и протодьяконовъ высоко чтили и попремногу жаловали. См. объ архидіаконѣ патріархов Іоакима и Адріана Іонѣ Васильевичѣ Григоровѣ костромитинѣ въ Христ. Чтен. 1891 г., ч. I стрр. 518—522, а „возглашалныя тетрати", имъ собственноручно писанныя, въ рукоп. Синод. библ. № 93 лл. 611—634. Текстъ многолѣтій изданъ, къ сожалѣнію, безъ находящихся надъ нимъ нотныхъ знаковъ свящ. Н. *Романскимъ* въ Моск. Церк. Вѣд. 1902 г. № 1 и отдѣльн. оттискомъ, подъ заглавіемъ: О многолѣтіяхъ патріаршаго времени.

архіепископу Бѣлградскому и всея Сербіи митрополиту многая лѣта“ [1]). Наша теперешняя похвала: „Св. правительствующій Сунодъ на многа лѣта“, концомъ своимъ предполагающая слова: „Господи сохрани“, въ первопечатныхъ изданіяхъ Чиновника читалась согласно съ только-что приведенными славянскими [2]), но въ настоящее время обнимаетъ собою большее число возглашаемыхъ лицъ. Въ разъясненіе отчасти послѣдняго должно сказать, что съ давняго времени, по примѣру царей и епископовъ, молитвеннымъ пожеланіемъ многихъ лѣтъ начали привѣтствовать и напутствовать въ храмахъ и другихъ лицъ: правительствующій синклитъ, говоря языкомъ нашего времени, предстоятелей церквей и монастырей и т. д.. хотя, разумѣется, далеко не такъ часто, какъ это принято теперь въ отношеніи къ однимъ епископамъ. Предписываемыя греческими и нашими богослужебными книгами при концѣ вечерни, утрени, литургіи и многихъ другихъ чинопослѣдованій многолѣтія представляютъ собою какъ бы замѣну бывшаго нѣкогда на службахъ поминовенія всѣхъ членовъ церкви и суть счастливо сохранившійся остатокъ отъ этой живой въ свое время и полной глубокаго смысла старины, а въ пѣсни: *Утверди Боже благочестивѣйшаго* [3]) и въ молитвѣ: *Небесный Царю, вѣрнаго императора нашего укрѣпи*, можетъ быть, мы и доселѣ имѣемъ древнѣйшій видъ церковнаго многолѣтствованія царямъ и епископамъ со всѣми православными христіанами.

Можно, конечно, разно думать о началѣ царскаго и архіерейскаго многолѣтій и не изъ одного и того же источника объяснять ихъ происхожденіе, но нельзя, намъ представляется, отвергать взаимнаго вліянія въ ихъ содержаніи, способѣ исполненія и обрядахъ, сопровождавшихъ послѣднее. *Велегласное*, порой искусственно-*сладкопѣсненное*, часто за литургіей повторяемое и потому невольно разсѣивающее вниманіе непривычнаго богомольца многолѣтствованіе архіерейское не носитъ ли на себѣ и до сего времени слѣдовъ воздѣйствія не богослужебно-обрядовой, а придворно-свѣтской вѣжливости? Съ другой стороны, когда пѣвчіе, народъ, синклитъ или другой кто возглашали царямъ многолѣ-

---

[1]) *Красносельцева* Матеріалы для исторіи литургіи, стр. 52; *Габерта* Архіерат., въ концѣ Appendix'a; *Дюканжа* Glossar. graecit. s. v. *πολυχρόνιον*; *Димитрія Кифіота Μουσικὸν ἀπάνθισμα*, стрр. 75—90, 116—117. Константинополь, 1894; ср. *проф. А. П. Лебедева*: Исторія греко-восточн. церкви отъ паденія Константинополя, т. II стр. 751—752. [2]) А именно: „Іоасафу, всесвятѣйшему отцу нашему и патріарху Московскому и всея Россіи многа лѣта“. Чинъ архіерейск. дѣйства 1668 г. л. 10; сн. Матер. для истор. раскола т. II, стр. 307. Чиновн. Холмог. соб. стр. 17. [3]) *Дмитріевскаго Τυπικά* и *Εὐχολόγια*, passim. О многолѣтіяхъ у насъ въ XVI—XVII в. см. въ брошюрѣ *прот. К. Никольскаго*.

тіе, особые чины (доместики школъ и димократы), ставши насупротивъ послѣднихъ, трижды благословляли ихъ крестнымъ знаменіемъ, а нерѣдко и сами цари трехкратно крестили всѣхъ ихъ то рукою, обернутою извѣстнымъ образомъ сложеннымъ краемъ хламиды, то дикиріемъ или трикиріемъ [1]). Если въ первомъ случаѣ удержанъ былъ, какъ догадываются [2]), обычай римскихъ консуловъ и августовъ особымъ платомъ или концомъ порфиры давать знакъ къ началу общественныхъ игръ и выражать свое благоволеніе собиравшемуся на нихъ народу, то въ послѣднемъ, въ употребленіи византійскими императорами дикирія или трикирія для крестнаго знаменія, сказалось несомнѣнно вліяніе церковнаго обряда. Архіереи, какъ извѣстно, многолѣтствуемые клиромъ, произнося тѣ или другія молитвы и возгласы, нерѣдко, особенно за литургіей, осѣняютъ молящихся и сослужащихъ съ дикиріемъ и трикиріемъ или съ которымъ-нибудь однимъ изъ нихъ. Полагать крестное знаменіе на чемъ-либо, благословлять кого-либо съ тою или другою святыней въ рукѣ: иконой, крестомъ, евангеліемъ, потиромъ съ евхаристическими дарами, сосудомъ съ частицами св. мощей, благословеннымъ хлѣбомъ, освященнымъ елеемъ и т. п. составляло и составляетъ обычное явленіе въ религіозномъ быту и литургической практикѣ. Съ этой стороны осѣненіе двусвѣщникомъ или трехсвѣщникомъ не заключаетъ въ себѣ чего-либо особеннаго и въ ряду другихъ богослужебныхъ дѣйствій оно такъ же умѣстно, какъ начертаніе креста съ кадильницею или пастырскимъ жезломъ въ рукѣ, благословеніе обручальнымъ кольцомъ или брачнымъ вѣнцомъ жениха и невѣсты и т. д. Но когда и съ чего возникъ, какую мысль первоначально выражалъ въ христіанскомъ богослуженіи обрядъ осѣненія тѣмъ или другимъ числомъ возженныхъ свѣчей—эти вопросы, за отсутствіемъ прямыхъ данныхъ, не легко рѣшить.

Изъ древнихъ литургій и, еще лучше, изъ раннѣйшихъ литургико-экзегетическихъ сочиненій, извѣстныхъ съ именами Софронія Іерусалимскаго, Германа Константинопольскаго и Ѳедора Андидскаго видно, что вначалѣ архіереи не осѣняли свѣчами, а благословляли священниковъ и народъ просто рукою, напримѣръ: въ концѣ Трисвятаго съ горняго мѣста, по прочтеніи евангелія и въ другихъ случаяхъ [3]). Не говоря уже

---

[1]) De cerimoniis pagg. 12, 33, 82—83, 132, 222, 280, 287, 306—307, 310, 313, 317, 325, 330—331, 347, 546—547; сн. *проф. Бѣляева* Byzantina, II стрр. 80—82, 85, 88, 187, 190, 192 и др., *Дюканжа* Glossar. graecit. s.v. *χῆρος*, col. 646. [2]) *Рейске* Commentar. ad Constant. Porphyr. vol. II p. 89. [3]) Писанія, относящ. къ истолков. богосл., т. 1 стрр. 281—282, 286, 383; *Красносельцева*: Объясненіе литургіи, составл. Ѳедоромъ, еп. Андидскимъ, въ Прав. Собес. 1884, ч. I стр. 391—392; О древн. литургич. толкованіяхъ, стрр. 33—34, 37, 72—73; Свѣдѣн. о ватиканск. рукопп. 346, 354.

объ осѣняльныхъ свѣчахъ, повидимому благословеніе *обѣими* руками было сначала необычнымъ явленіемъ и по крайней мѣрѣ у насъ на Руси не въ очень давнее время разсматривалось нѣкоторыми, какъ право не всѣхъ архіереевъ и какъ служебное преимущество очень немногихъ нашихъ архимандритовъ. „Всякому-ль епископу достоитъ въ службу обѣими руками благословляти“, допрашивалъ Сухановъ въ сентябрѣ 1651 года Александрійскаго патріарха Іоанникія и получилъ отвѣтъ: „Въ своей епархіи всякому достоитъ, а и въ чужой епархіи, аще повелитъ служить архіерей тоя епархіи, обѣими благословляетъ руками“ [1]). И нѣтъ ничего удивительнаго въ виду сказаннаго, что въ XVII столѣтіи въ Константинополѣ, да и теперь на востокѣ и въ земляхъ славянскихъ нѣкоторые епископы, произнося съ своего мѣста у престола возгласы: *Благодать Господа нашего Іисуса Христа* и слѣд., преподавали и преподаютъ благословеніе народу безъ дикиротрикиріевъ—совершенно тамъ и такъ, гдѣ и какъ совершаютъ то же самое наши іерархи по маломъ входѣ на великой похвалѣ, возглашая: *Миръ всѣмъ* по молитвѣ Господней и во многихъ другихъ случаяхъ [2]).

Начавъ благословлять возженными свѣчами, архіереи на первыхъ порахъ, повидимому, не употребляли для этого особаго устройства насвѣщниковъ, подобныхъ нашимъ дикиріямъ и трикиріямъ, а пользовались первыми оказывавшимися у нихъ подъ рукой свѣчами. Чинъ омовенія ногъ въ рукописной Тріоди 1206 года Синайской библіотеки [3]) открывается замѣчаніемъ: „Позади амвона ставится столецъ съ покрываломъ, съ той и другой стороны *два подсвѣчника со свѣчами* (μανουάλια δύο μετὰ κηρῶν), и поверхъ столца полагается малое евангеліе архіерейское; кадитъ же (архіерей) окрестъ и *осѣняетъ двумя свѣчами*, стоявшими въ подсвѣчникахъ (καὶ σφραγίζει μετὰ δύο κηρῶν, τῶν ἱσταμένων εἰς τὰ μανουάλια). *По осѣненіи* (свѣчи) *снова вставляются въ нихъ*“ (Μετὰ δὲ τὴν σφραγίδα αὖθις πήγνυται ἐν αὐτοῖς). Если въ XIII вѣкѣ, когда дикирій съ трикиріемъ уже несомнѣнно существовали въ видѣ самостоятельной церковной утвари, въ употребленіи которой Вальсамонъ видѣлъ служебное архіереевъ преимущество, считалось возможнымъ вынимать для осѣненія свѣчи изъ подвижныхъ насвѣщниковъ, то въ раннѣйшую пору, должно думать, было въ данномъ отношеніи еще болѣе свободы. Пред-

[1]) Проскинит. стр. 44, 240, 359; сн. *Амвросія* Ист. Росс. Іер., ч. I стр. 356, 358. Первые расколоучители порицали „архіерейское благословеніе *обѣими* руками“, отзываясь о немъ, какъ „отъ жидовства взятомъ“. Матер. для истор. раск. ч. II, стр. 16, 28; IV, 183, 234, 290; VII, 34, 385 прим. [2]) Описан. рукоп. Синод. библ. III, стр. 107; сн. *Арсенія Суханова* Проскинит., стр. 270. [3]) *Дмитріевскій*, Богослужен. страстн. и пасхальн. седмицъ, стр. 345; сн. De cerimoniis p. 15.

шествовавшія архіереямъ лампада и свѣчи, горѣвшій на престолѣ во время службъ свѣтильникъ, крестъ со свѣчами изъ углубленія олтарной конхи, носившіеся при кажденіи и во всѣхъ, такъ называемыхъ, выходахъ или входахъ свѣщники, наконецъ свѣчи, съ которыми встарину гораздо чаще, чѣмъ теперь, молились священнослужащіе, какъ и міряне, могли съ большимъ или меньшимъ удобствомъ употребляться, и нѣкоторые изъ поименованныхъ свѣтильниковъ несомнѣнно употреблялись для осѣненія молящихся, въ чемъ удостовѣряетъ сопоставленіе съ сохранившимися памятниками до сихъ поръ дѣйствующей богослужебной практики [1]).

Со временемъ, когда съ дикиріемъ и трикиріемъ начали соединять знаменованіе двухъ естествъ во Христѣ и троичности лицъ въ Богѣ—тотъ же смыслъ, что́ съ двуперстіемъ и троеперстіемъ въ крестномъ знаменіи,—не только болѣе или менѣе установилась форма осѣняльныхъ свѣчей, но и точно опредѣлились какъ время осѣненія, такъ и лица, которымъ должно его совершать. У насъ теперь зажженными свѣчами благословляютъ архіереи, немногіе архимандриты и въ извѣстныхъ случаяхъ всѣ вообще священники, при чемъ осѣненіе въ одни моменты происходитъ посредствомъ дикирія и трикирія вмѣстѣ [2]), въ другіе которымъ-либо однимъ изъ нихъ [3]). Если отъ настоящаго времени обратимся къ литургической практикѣ Русской и еще болѣе восточныхъ церквей стараго времени, то найдемъ несомнѣнно большее число лицъ, пользовавшихся правомъ осѣненія [4]), и въ самомъ совершеніи обряда—неустойчивость и разнообразіе, которыя тѣмъ замѣтнѣе становятся, чѣмъ болѣе углубляешься и всматриваешься въ христіанскую древность. Приходится наблюдать при этомъ осѣненіе свѣщами тамъ, гдѣ его теперь уже нѣтъ, и, наоборотъ, не видѣть въ тѣхъ мѣстахъ службы, въ которыхъ оно совершается, а еще болѣе встрѣчаешь примѣровъ того, что прежде осѣненіе происходило иначе, чѣмъ у насъ теперь. Такъ по мно-

[1]) *Симеона Солунскаго* De sacra precatione; *Миня* t. 155, col. 640—641, 644—645; сн. русск. пер. въ Писаніяхъ, т. II стр. 215, 488—489, 491, 494; *Дмитріевскаго Τυπικά* стр. 132. Возженной свѣчей, *взятой у восприемника*, священникъ творилъ знаменіе надъ главой новокрещеннаго. Его же *Εὐχολ.* стр. 757. [2]) Чиновн. архіер. служ. лл. 9 об.—10, 18, 26, 40, 45, 64, 66 об. Москва, 1897 года. [3]) Тамъ же, лл. 21—22 об. [4]) *Амвросія* Ист. Росс. Іерархіи, ч. I стрр. 320, 339, 341, 356, 359, 361, 363, 364, 367, 369, 371—374, 376, 378, 394; сн. *архим. Порфирія* Путеш. въ Метеорск. монаст. стр. 318. Между вопросами Сарайскаго епископа Θеогноста находится между прочимъ и такой: „Подобаетъ ли игуменомъ служити съ рипидами, или Трисвятое пѣніе пѣти, во олтари стоя, а вонъ не выходя? *Отвѣтъ.* Сего божественіи и святіи канони не възбраниша: съ дары да носять, а осѣненіа да не творять. Въ томъ воленъ епископъ, аще кому благословить осѣненіе творити, а въ Трисвятомъ пѣніи—ручное благословеніе". Русск. Ист. Библ. т. VI, ст. 133.

гимъ славянскимъ служебникамъ XVI—XVII вѣка [1]) во время сугубой ектеніи, когда діаконъ возглашалъ прошеніе о царѣ, епископъ „*двѣма свѣщами и двѣма перстома знаменалъ люди на церковь*, трижды глаголя: „Господи, спаси царя и услыши ны, въ оньже день аще призовемъ тя", а затѣмъ, обратившись къ престолу, когда шло, повидимому, моленіе о немъ самомъ: „Господи, Господи, призри съ небесе и виждь"... Съ этими же словами, по перенесеніи св. даровъ на престолъ, святитель осѣнялъ народъ. Много разностей, и какъ бы сказать, неопредѣленности замѣчается въ совершеніи осѣненія на маломъ входѣ и во время пѣнія *Трисвятаго*. Вступая въ олтарь, архіерей благословлялъ или трикиріемъ и дикиріемъ (патріархъ—въ соединеніи съ крестомъ), какъ теперь, или однимъ трикиріемъ, или просто рукой безъ свѣчей. При вступленіи своемъ, по однимъ служебникамъ и чинамъ, онъ молился сначала съ двумя, потомъ съ тремя свѣчами; по другимъ, прочитавъ молитву *Трисвятаго*, творилъ трижды крестъ дикиріемъ или трикиріемъ предъ или надъ престоломъ и лежавшимъ на немъ св. евангеліемъ. Наконецъ при словахъ: *Призри съ небесе, Боже*, осѣненіе народа, положенное далеко не во всѣхъ литургическихъ памятникахъ, происходило и такъ, какъ теперь, и посредствомъ одного только дикирія и даже трикирія [2]).

Среди всего разнообразія, представляемаго практикою осѣненія, замѣтно выступаетъ и потому невольно обращаетъ на себя вниманіе одна, довольно послѣдовательно проходящая, особенность, а именно: въ болѣе древнее время знаменованіе и благословеніе двумя или тремя возженными свѣчами всегда сопровождали, еще лучше сказать, собою завершали такую или иную молитву, читавшуюся передъ тѣмъ епископомъ. Въ древнѣйшемъ (1400 года) изъ извѣстныхъ намъ славянскихъ служебниковъ, предназначавшихся для архіерейскаго служенія [3]), объ осѣненіи свѣщами при входѣ съ евангеліемъ въ олтарь говорится: „И святитель съ двѣма свѣщама, въздѣвъ руцѣ, молится: *Христе Боже нашъ, свѣте истинный*..., а се съ треми свѣщами, въздѣвъ руцѣ, молится: *Господи, Господи силъ, призри съ небеси и виждь и посѣти винограда своего... Тресвятая Троице, Отче и Сыне, Святый Душе, призри съ небесе святаго своего и благослови вся ны*" [4]). Изъ одновремен-

---

[1]) Горскаго А. В. Описан. Синод. рукопп., III ч. 1, №№ 366, 367, 370, 377, стр. 96. [2]) Дѣяній Московск. соб. 1666—67 гг. л. 47—49; сн. Матер. для ист. раск. ч. 2 стр. 305—309; Чиновн. Холмог. соб. стр. 16—18; *Арсенія Суханова* Проскинит. стр. 260—262; Описан. Синод. рукопп. III, 1 стр. 36, 94, 106; *Дмитріевскаго. Τυπικά* стр. 169—170; Haberti *Ἀρχιερατικ.*, p. 55—56. [3]) Московск. Синод. библ. № 348. [4]) Описаніе А. В. Горскаго III, 1 стр. 36; сн. 94.

ныхъ съ нимъ греческихъ чиновъ патріаршей и митрополичьей службы [1]) также видно, что архіерей, по входѣ въ олтарь и обычномъ кажденіи престола, бралъ дикирій отъ иподіакона или канстрисія и трижды совершалъ имъ крестное знаменіе предъ собою, всякій разъ кланяясь и говоря въ себѣ: *Господи, Господи, призри съ небесе* (Псал. LXXIX, 15—16). Съ этими же стихами и трехкратнымъ поклономъ онъ творилъ потомъ, при пѣніи пѣвцами Трисвятаго на *Слава Отцу и Сыну*, три креста предъ престоломъ и возлежавшимъ на немъ евангеліемъ. Въ виду этихъ данныхъ представляется вѣроятнымъ думать, что прежде чѣмъ архіереи стали осѣнять дикиріемъ и трикиріемъ, они творили молитву съ тѣмъ или другимъ изъ нихъ, какъ молились со свѣчами въ рукахъ византійскіе цари передъ каждою чтимою святыней, какъ молились и молятся до сихъ поръ въ торжественныхъ и особенно важныхъ случахъ всѣ безъ различія вѣрующіе [2]). Понятнымъ становится при такомъ объясненіи, почему діаконы встарину [3]) и теперь на востокѣ и въ земляхъ юго-славянскихъ, напримѣръ въ Сербіи, съ дикиріемъ или трикиріемъ въ десницѣ или шуйцѣ произносятъ нѣкоторыя возглашенія и ектеніи съ амвона (*Господи, спаси благочестивыя и услыши ны*; многолѣтія королямъ, митрополитамъ и епископамъ, или такъ называемую похвалу по маломъ входѣ; *Исполнимъ молитву нашу Господеви*—по великомъ); отчего сами епископы въ болѣе древнія времена не благословляли народа разомъ двумя и тремя зажженными свѣчами, а ограничивались чѣмъ-либо однимъ: двухсвѣщникомъ или же трехсвѣщникомъ. Съ тѣмъ и другимъ одновременно въ рукахъ стало возможнымъ осѣнять, но было неудобно молиться. И не безъ основанія конечно даже въ XVII вѣкѣ на востокѣ и у насъ на Руси предусматривался случай совершеннаго отсутствія при архіерей-

[1]) *Дмитріевскаго Τυπικά* стр. 169—170; сн. Haberti *Ἀρχιερατ.* p 55—56; Христ. Чт. 1881 г., I, 336—337. [2]) Обычай молиться со свѣчами въ греческой церкви былъ довольно широко распространенъ. Не говоря уже о священно-служащихъ, міряне молились съ ними въ храмѣ на службахъ и внѣ его, напримѣръ, при совершеніи литій. Въ особенности это нужно сказать о византійскомъ императорѣ, членахъ его семьи и придворныхъ чинахъ. Выходилъ ли царь изъ своихъ внутреннихъ покоевъ въ *золотую палату* своего дворца, ходилъ ли онъ по *евктиріямъ* послѣдняго, приходилъ ли въ городскіе храмы, напримѣръ въ св. Софію, онъ вездѣ передъ святынями: иконами, распятіемъ, св. мощами, престоломъ творилъ три поклона со свѣчами (*ἡ τρισσὴ μετὰ τῶν κηρῶν προσκύνησις*), подававшимися ему и обратно бравшимися особымъ чиновникомъ—препозитомъ (De cerimoniis. pp. 7—8, 11—16, 27, 32, 72 75, 88, 118, 120 123, 125, 126, 143, 151, 163, 181 204, 208 и др.). Эти свѣчи (*κηρία τῆς προσευχῆς*, въ отличіе отъ *κηρία λιτανίκια*) вставлялись потомъ въ подсвѣчники. Съ ними цари благословляли при случаѣ народъ и тѣхъ или другихъ лицъ, имъ многолѣтствовавшихъ. [3]) *А. Суханова* Проскинит. 262.

ской службѣ дикирія въ храмѣ: „Совершивше же молитву (Трисвятаго), пріемъ архіерей дикирій или *погаситъ едину свѣщу отъ трикирій, аще имѣетъ дикирія*, поетъ вкупѣ со служащими со сладкопѣніемъ: *Святый Боже* [1])."

Примѣненіе къ осѣненію *молебныхъ* свѣчей въ рукахъ служащаго архіерея легко могло произойти и подъ вліяніемъ извѣстнаго священнодѣйствія—благословенія зажженною свѣчей на литургіи Преждеосвященныхъ. Этотъ послѣдній обрядъ, совпадавшій на послѣдней во времена Симеона Солунскаго и много ранѣе его съ началомъ возженія обычныхъ свѣтильниковъ въ храмѣ, къ чему первослужащій горѣвшею, какъ кажется, въ рукахъ его свѣчей, по возгласу архидіакона: „*Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ*", и подавалъ знакъ [2]), имѣлъ мѣсто еще въ глубокой древности и едва ли самъ не обязанъ въ свою очередь практикѣ древне-христіанскаго оглашенія. По окончаніи первой части литургіи, оглашаемые, какъ извѣстно, въ строгомъ порядкѣ, одинъ разрядъ за другимъ, оставляли церковное собраніе, при чемъ предстоятель, послѣ ектеніи и возглашенія діакона: „*Преклонитесь* и благословитесь" [3]), надъ каждымъ въ отдѣльности произносилъ особую молитву и благословлялъ, а *просвѣщаемыхъ*—высшій классъ ихъ, чтобы „воспалить, по выраженію блаж. Августина, въ сіе время ихъ предуготовленія горячайшее въ душахъ ихъ желаніе ко святому просвѣщенію, *осѣнялъ свѣтомъ возженной свѣчи*, означая чрезъ сіе осіяніе чувственнаго свѣта приближающійся къ нимъ свѣтъ умный, свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ" [4]).

Осѣненіе свѣчей, вызванное, полагаемъ, первоначально сколько интересами христіанской символики, столько же и нуждою въ свѣтѣ, при чтеніи молитвы и благословеніи просвѣщаемыхъ, и давшее, быть можетъ, только-что названному классу и самое названіе: φωτιζόμενοι, уцѣлѣло вмѣстѣ съ сопровождавшимъ его *колѣно-преклоненіемъ* въ литургійной службѣ и даже получило болѣе широкое въ ней употребленіе. Расширился и видоизмѣнился одновременно съ этимъ и въ связи съ способомъ совершенія обряда и его таинственный смыслъ. Произнося на

---

[1]) Дѣян. Моск. соб. 1666—67 гг., л. 48 третьяго счета; сн. Христ. Чтен. 1881 г., ч. 1 стр. 336; сн. Мат. для ист. раск., ч. 2 стр. 307—308. [2]) De sacra precatione у Миня t. 155 p. 656—657; русск. перев. стр. 505—506. Т. К. Д. А. 1903 г., III, стр 538, прим. 1. [3]) Const. Apost. lib. VIII, capp. 6—9; русск. пер. стр. 257—262. [4]) *Дмитріевскаго* Историч., догматич. и таинств. изъясненіе на божеств. литургію, стр. 41, прим. 246. СПБ. 1884. *Goara Εὐχολ.* p. 211, nota 45; Binghami Origin. sive antiquit. ecclesiast. vol. IV, lib. X, cap. II, § VIII, nota 6. p. 23. Halae, 1727 *Месолора*, Руков. по литург. стр. 186—187.

Преждеосвященной возгласъ: *Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ*, священникъ или діаконъ (встарину—безразлично) [1]) до сравнительно позднаго времени осѣняли народъ и *одною* зажженною свѣчею (*лампадой, свѣтиломъ горючимъ*), и *двумя*, и *тремя* [2]), какъ то дѣлаютъ теперь лишь одни архіереи да въ видѣ исключенія или, лучше сказать, уклоненія отъ дѣйствующаго устава нѣкоторые іереи въ нашихъ западнорусскихъ церквахъ. Знаменованіе тѣмъ или другимъ числомъ возженныхъ свѣчей не было явленіемъ случайнымъ, какъ не случайнымъ намъ кажется и предписаніе богослужебныхъ книгъ древнѣйшаго и новаго времени діакону держать орарь, произнося ектеніи и возгласы, *двѣма* или *тремя перстами* десницы; равно также не представляется намъ произвольнымъ и наставленіе священнику при елеопомазаніи, напримѣръ, крещаемаго „брать отъ елея и творить креста образъ на челѣ, то *однимъ перстомъ* (τῷ δακτύλῳ), то *двѣма* (δυσὶ δακτύλοις) [3]). Количество свѣчей въ первомъ случаѣ и перстовъ во второмъ находилось, думаемъ, въ полномъ соотвѣтствіи съ преобладавшею за тотъ или другой періодъ времени *формой перстосложенія* въ крестномъ знаменіи и благословеніи и такъ же, какъ и послѣднее, служило проводникомъ той или другой догматической идеи въ сознаніе вѣрующихъ. Двумя-тремя возженными свѣчами на Преждеосвященной литургіи въ старое время выражались тѣ же основныя истины христіанства, что и въ современныхъ намъ дикиріи и трикиріи архіерея, только выраженіе ихъ тогда выходило менѣе яркимъ и рельефнымъ, чѣмъ теперь; но это уже зависѣло и зависитъ частію отъ іерархической степени лица, совершающаго обрядъ, частію отъ самаго *вида* осѣняльныхъ свѣчей. Со стороны послѣдняго въ данномъ разѣ заслуживаютъ вниманія теперешніе греческіе и южно-славянскіе дикирій и трикирій, отличающіеся отъ нашихъ тѣмъ, что вставленныя въ нихъ высокія свѣчи пересѣкаютъ другъ друга посрединѣ, образуя монограммы. Они нѣсколько ближе подходятъ къ формѣ нашихъ старинныхъ двуплетенныхъ и треплетенныхъ свѣчей, о которыхъ такъ часто говорятъ Чиновники, и, на нашъ взглядъ, стоятъ въ бо́льшемъ соотвѣтствіи съ своимъ знаменованіемъ.

---

[1]) *Мансветова* И. Д. О пѣснен. послѣд. въ Прибавл. къ Твореннн. ч. XXVI, стр. 1018—1200. [2]) *Архим. Владиміра* Описан. греч. рукопп. Моск. Син. библ. стр. 370; *Гоара Εὐχολ.* p. 191, 194, 202; Glossar. graecit. p. 873; *Горскаго и Невоструева* Описан. Синод. рукопп. III, 1 стр. 8, 23, 27; *Красносельцева* Свѣдѣнія о ватиканск. рукопп. стр. 169. [3]) *Дмитріевскаго Εὐχολόγια*, стрр. 69, 93, 102, 195, 209, 252, 374, 833 834; *Гоара Εὐχολ.*, 67, 96; *Красносельцева* Матер. для ист. лит., 102, 104; *архим. Владиміра* Описан. греч. рукопп. стр. 367, 371.

Совершающіяся вслѣдъ за похвалою пѣніе Трисвятаго съ молитвою его и восхожденіе архіерея на горнее мѣсто съ преподаяніемъ отсюда благословенія народу, будучи сами по себѣ древними и логическиясными частями литургіи, со временемъ осложнились отъ постепенно привзошедшихъ къ нимъ литургическихъ подробностей, въ видѣ *молитвъ и священнодѣйствій*, въ значительномъ числѣ полагавшихся въ нашихъ старыхъ Служебникахъ [1]). Изъ ряда ихъ въ современной службѣ остались лишь начертаніе архіереемъ креста надъ евангеліемъ дикиріемъ да благословеніе съ солеи съ нимъ же въ десницѣ и распятіемъ въ шуйцѣ народа съ словами: *Призри съ небесе Боже* [2]). Немногія изъ молитвъ имѣли такое разнообразное литургическое примѣненіе, какъ эта послѣдняя. Она произносилась, напримѣръ, при обвожденіи побратимовъ и вѣнчаемыхъ вокругъ аналогія вмѣсто *Исаія ликуй*, при посажденіи новобрачныхъ на лавицу, въ чинахъ постриженія иноковъ, поставленія игумена и клириковъ, освященія воды и храмовъ; слова ея жемчугомъ вышивались надъ опушкою старыхъ архіерейскихъ и патріаршихъ митръ, нерѣдко красками или же мозаикой исполнялись въ барабанѣ купола подъ изображавшимся здѣсь благословляющимъ Вседержителемъ и т. п. [3]). Въ примѣненіи къ убранству митръ и куполовъ разсматриваемой молитвы, вѣроятно, сказалось уже вліяніе ритуала архіерейской службы, въ которой осѣненіе народа съ „всегда размѣрнымъ“ и иногда замѣчательно выразительнымъ произношеніемъ стиховъ: *Призри съ небесе Боже* является едва ли не самою назидательною и несомнѣнно характерною для лица священнодѣйствующаго іерарха особенностію. На востокѣ и въ земляхъ славянскихъ осѣненіе совершается въ настоящее время также съ солеи („въ царскихъ дверехъ на прагу“), но безъ креста, и молитва, соединяемая съ нимъ, т. е. *Господи, Господи призри съ небесе*, тамъ произносится трижды, на всякомъ обращеніи первослужащаго къ молящимся, и каждый разъ сполна и только въ рѣдкихъ, сравнительно менѣе торжественныхъ случаяхъ въ три пріема, по стихамъ, какъ исполняется при этомъ у насъ теперь пѣвчими, а на востокѣ самими священно-служащими въ олтарѣ пѣніе Трисвятаго [4]). По болѣе

[1]) *А. В. Горскаго и К. И. Невоструева* Описан. рукопп. Моск. Синод. библ. отд. III, ч. 1 стр. 36, 94; сн. *Дмитріевскаго* Богослуж. русск. церкви XVI в., стр. 104—105, 107. [2]) О возраженіяхъ противъ сего расколоучителей см. въ Мат. для истор. раскола ч. I, стр. 376; IV, 30, 34, 183, 234, 290; VII, 385. [3]) *Дмитріевскаго Τυπικά*, стр. 633, 719; *Εὐχολόγια*, стрр. 863, 950, 1041; *А. В. Горскаго и Невоструева* Опис. рукопп. III, 1 стр. 25, 160, 211; сн. 124, 128; *архіеп. Саввы* Указат. Патр. ризницы, стр. 12—13. М. 1883; *еп. Порфирія* Первое пут. въ Аѳонск. монаст., ч. 1 стр. 206; *гр. Толстого и Кондакова* Русскія Древности, в. IV стр. 115. [4]) *А. Суханова* Проскинит. 261—262.

древнимъ памятникамъ осѣненіе, точнѣе сказать, благословеніе архіереемъ народа совершалось изъ олтаря отъ престола или съ горняго мѣста трехсвѣщникомъ, нерѣдко просто рукой, безъ какихъ-бы то ни было молитвенныхъ воззваній вслухъ всего церковнаго собранія. Словами: *Христе Боже нашъ, Свѣте истинный... Господи, Господи силъ, призри съ небеси...* архіерей встарину молился *предъ престоломъ*, какъ замѣчено выше, возводя взоры и руки свои къ небу съ двумя и тремя возженными свѣчами. Изъ того, что послѣдними іерархи съ давнихъ поръ начали творить крестъ предъ или надъ возлежавшимъ на престолѣ евангеліемъ, поставляя иногда осѣняльную свѣчу при знаменованіи на краяхъ его, или заставляя даже сослужащихъ приподымать, подносить къ себѣ евангеліе, можно полагать, что молитвы *о посѣщеніи свыше и просвѣщеніи винограда свѣтомъ истиннымъ* и, какъ нельзя лучше, согласовавшійся съ ними обрядъ осѣненія относили къ наступавшему на литургіи чтенію свящ. Писанія и слѣдовавшему за нимъ въ древности поученію народа отъ епископа или пресвитеровъ, которыхъ онъ благословлялъ на это. За перенесеніемъ проповѣди съ горняго мѣста изъ олтаря на средину храма съ амвона естественно было выйти сюда же на солею и обряду, связанному съ благовѣствованіемъ слова Божія внутреннимъ логическимъ соотношеніемъ. Къ этому побуждали и постепенное возрастаніе олтарной преграды, все болѣе и болѣе скрывавшей отъ взора и слуха присутствовавшихъ въ храмѣ совершавшееся въ олтарѣ его, и цѣли назиданія молящихся, и мало-по-малу происходившее осложненіе, развитіе церковнаго обряда совмѣстно съ раскрытіемъ его символики [1]).

---

[1]) О нѣкоторыхъ второстепенныхъ особенностяхъ архіерейской службы, сопровождавшихъ въ древнее и старое время чтеніе Апостола и Евангелія и малый входъ вообще, см. *А. В. Горскаго и Невоструева* Описаніе рукопп. Москов. Синод. библ. III, 1 стрр. 36, 94—96, 106; *Дмитріевскаго*, Богослуж. русск. церкви въ XVI в., стр. 103—105, 107—110; его же *Τυπικά*, стр. 168—170; *Габерта Ἀρχιερ.* pag. 52—56, 70—73; *Гоара Εὐχολογ.* 124—129; Писаній литург. II, 132, 135—138, 171—174 и др.; Христ. Чт. 1881 г., ч. I стр. 333—338; *Суханова* Проскинит. стр. 259—265; Дѣян. Моск. собор. 1666—67 г. л. 46—51.

Глава IX.

Краткое замѣчаніе о начальныхъ дѣйствіяхъ литургіи вѣрныхъ вообще и *умовеніи* архіереемъ рукъ въ частности. Чѣмъ вызывается и вызывалось оно? Древне-христіанскій обычай *приношеній*; соображенія и извѣстія о мѣстѣ собранія и разсмотрѣнія послѣднихъ. Возложеніе императорами воздуховъ, дискосовъ и потировъ на престолъ и аналогія этому въ литургійныхъ обрядахъ. Приготовленіе діаконами евхаристійныхъ даровъ, ихъ перенесеніе и пѣснопѣнія, коими сопровождалось оно. Появленіе херувимскихъ гимновъ, причина введенія ихъ и отношеніе къ одному изъ нихъ Константинопольскаго патр. Евтихія. Время *проскомидійнаго* приготовленія даровъ на основаніи разсказа папы Григорія Двоеслова и нѣкоторыхъ литургическихъ данныхъ. Соотвѣтствіе обстановки великаго входа внутреннему значенію его. Участіе въ перенесеніи даровъ императора и вліяніе сего на характеръ и обстановку обряда великаго входа. Ношеніе на немъ креста, сіоновъ или іерусалимовъ, воздуховъ, плащаницъ, покрововъ и другихъ свящ. принадлежностей. Замѣчаніе о лицахъ, участвовавшихъ въ великомъ входѣ, и возглашеніяхъ, которыми онъ сопровождался. Поминовеніе на немъ живыхъ и умершихъ, постановка его въ древней церкви и слѣды ея въ нынѣшней архіерейской и обыкновенной священнической службѣ. Нѣсколько замѣчаній объ особенностяхъ въ практикѣ пріобщенія священнослужащихъ на архіерейской и соборной священнической службѣ на востокѣ и у насъ въ старое время.

Начальныя дѣйствія литургіи вѣрныхъ представляли въ древней церкви довольно замѣчательный составъ обрядовъ, направленныхъ къ установленію дисциплины, такъ сказать, между присутствовавшими въ храмѣ. Первыя обращенія діакона къ послѣднимъ имѣли въ то время цѣлію сохранить недоступность этой части литургіи для непосвященныхъ и установить порядокъ между самими вѣрными. „*Да никто отъ оглашенныхъ, да никто отъ непосвященныхъ и не могущихъ молиться вмѣстѣ съ нами..., познайте другъ друга!*“—этими и подобными имъ напоминаніями начиналась тогда литургія вѣрныхъ. Нѣкоторыя изъ этихъ обращеній мы слышимъ и до сихъ поръ, но они уже утратили въ настоящее время свой прежній живой интересъ и послѣдующіе акты литургіи пріобрѣли у насъ чрезъ это какъ бы большее значеніе. Говоря это, мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ умовеніе архіереемъ рукъ предъ великимъ входомъ, столь сосредоточивающее на себѣ вниманіе присутствующихъ въ храмѣ. Въ старое время на Руси, если не совершалось хиротоніи священника, архіерей умывалъ иногда руки не на виду у всѣхъ, а въ олтарѣ вмѣстѣ съ сослужащими, какъ и до сихъ поръ поступаютъ нѣкоторые іерархи на востокѣ и какъ то дѣлаетъ у насъ подлѣ жертвенника каждый священникъ съ діакономъ передъ проскомидіей.

Очень долгое время на востокѣ и всѣ вѣрующіе изъ особаго бассейна или просто чаши съ водой омывали себѣ руки и лицо при входѣ въ храмъ. Въ объясненіе послѣдняго прежде всего слѣдуетъ сказать, что въ жаркомъ климатѣ востока омовеніе всегда составляло весьма распространенную гигіеническую потребность и лучшее освѣжающее средство послѣ долгаго пути или пребыванія на открытомъ воздухѣ. Не даромъ въ числѣ первыхъ условій гостепріимства тамъ считалось необходимымъ дать умыть гостю ноги, руки или лицо [1]), для чего между прочимъ въ домахъ зажиточныхъ гражданъ назначалась даже особая комната при входѣ съ резервуаромъ посрединѣ. Вызываемый въ житейскомъ быту естественною нуждою, обрядъ омовенія въ то же время составлялъ принадлежность общую едва-ли не всѣмъ религіознымъ культамъ древности и вполнѣ понятное требованіе отъ каждаго, кто приносилъ жертву и приступалъ какъ бы предъ лице Божіе. Бассейнъ или по-крайности болѣе или менѣе значительный сосудъ съ водой имѣлъ потому мѣсто во дворахъ или притворахъ храмовъ греко-римскихъ, Іерусалимскаго и древне-христіанскихъ и въ послѣднихъ былъ такъ же обыченъ, какъ обычны умывальники (древне-русскіе „кладязи“) и рукоумывала при олтаряхъ нашихъ церквей. Совершая омовеніе передъ входомъ въ храмъ и тѣмъ свидѣтельствуя о своей сердечной чистотѣ, христіане первыхъ вѣковъ *воздѣвали на молитву*, по слову апостола (1 Тимоѳ. II, 8), такимъ образомъ, *чистыя руки* отъ скверны плотской и духовной. Правда, что съ тѣлесною нечистотой они и не входили въ храмъ, но зато они имѣли обыкновеніе приходить къ нему съ руками, полными приношеній, необходимыхъ для отправленія службъ и совершенія вечерей любви. Совѣсть вѣрующихъ могла находить руки нечистыми отъ соприкосновенія съ мірскимъ и, конечно, нужнымъ считала ихъ омывать предъ вступленіемъ въ храмъ, особенно въ виду святости евхаристіи, которую долгое время и простые христіане удостоивались получать въ руки свои, сложенныя крестообразно, какъ мы теперь принимаемъ благословеніе отъ священниковъ и епископовъ, или, еще ближе, какъ эти послѣдніе до сихъ поръ пріобщаются. „Скажи, дерзнулъ-ли бы ты,— спрашиваетъ Іоаннъ Златоустъ въ одной изъ бесѣдъ [2]) своего слушателя,—*съ неомытыми руками приступить къ жертвѣ*? Не думаю. Напротивъ, ты скорѣе рѣшишься вовсе не приступать, чѣмъ приступать

---

[1]) Лавсаикъ *Палладія*, русск. перев., стрр. 30, 144, 174, 191, 200, 211, 292. СПБ. 1850; *Арс. Суханова* Проскинит. стр. 52, 69; сн. Сказаніе *Іоны Маленькаго* въ Палест. сборн. т. XIV, вып. 3 стр. 6–7. [2]) На послан. къ Ефес. III, 4; сн. бесс. 52 на Мѳ. и 52 на Іоанна; Migne, Patrol. ser. gr. t. LXII. col. 28, 29.

съ нечистыми руками [1])". Еще менѣе могъ дерзнуть самъ священнослужитель—епископъ то или пресвитеръ,—не омывшись войти въ храмъ, тѣмъ болѣе приступить къ совершенію таинства руками, нечистыми отъ прикосновенія къ обыкновеннымъ хлѣбамъ и вообще приносамъ.

Довольно многочисленныя и совершенно ясныя свидѣтельства, какъ отчасти и литургійные тексты, ставятъ внѣ какого-либо сомнѣнія древнехристіанскій обычай такъ называемыхъ *приношеній*. Сами вѣрующіе приносили тогда въ числѣ прочаго хлѣбы и вино. Но мѣсто, куда слагались послѣдніе и въ которомъ выбирались изъ нихъ необходимыя и лучшія части для таинства, равно также способъ и время приготовленія веществъ для евхаристіи относительно слабо освѣщены историческими данными и во всякомъ разѣ менѣе ясно и полно, чѣмъ это было бы намъ желательно. Принявъ во вниманіе утвержденіе блаж. Августина, что „оглашенные не знаютъ того, что полагается на олтарѣ и что принимается совершеннымъ собраніемъ вѣрующихъ"; что, въ интересахъ disciplinae arcani, у непосвященныхъ въ тайны вѣры отнималась всякая возможность предугадывать употребленіе хлѣба въ евхаристическомъ богослуженіи; что, въ ихъ присутствіи, дары, предназначавшіеся для освященія, даже не назывались по имени, а въ случаяхъ неизбѣжныхъ именовались лишь прикровенно, напримѣръ: *пищею изъ сѣмянъ* (τροφῇ ἐκ σπερμάτων); должно однако же признать за несомнѣнное, что христіане не входили съ своими приношеніями въ *смѣшанныя* молитвенныя собранія, что, оберегая тайну Тѣла и Крови Господней отъ любопытства и воззрѣнія постороннихъ, они должны были отлагать свои дары въ мѣстахъ болѣе или менѣе сокровенныхъ, служили ли таковыми дома предстоятелей, уже и тогда, какъ мы видѣли, устроявшіеся смежно съ богослужебными храминами, или особыя комнатки и укромные уголки въ этихъ послѣднихъ. Въ сочиненіяхъ Тертулліана и Кипріана, при которыхъ положено было весьма замѣтное начало обособленію общей части литургіи отъ сакраментальной, и участіе оглашенныхъ въ богослуженіи было строго ограничено первой, есть указанія на особливую отъ молитвеннаго помѣщенія сокровищницу [2]), въ которую вмѣстѣ съ денежными приношеніями вносились между прочимъ потребные для евхаристіи хлѣбъ и вино, и которая со временемъ, съ появленіемъ у христіанъ вполнѣ организованныхъ храмовъ и усиленіемъ дисциплины въ отношеніи къ неполноправнымъ членамъ церковнаго собранія, уступила мѣсто *скевофилакію* или *діаконику*. Уже въ самыхъ древнихъ литургико-каноническихъ постано-

[1]) Лавсаика стр. 292—293, гл. 126. [2]) Arcae genus, corbona: Apolog. cap. XXXIX; De opere et eleemosyna; cf. Justin. Apolog. I, 67.

вленіяхъ касательно устройства церквей христіанскихъ и въ первыхъ извѣстіяхъ о памятникахъ этого рода послѣдній довольно прозрачно выступаетъ съ характеромъ мѣста собиранія приношеній и предуготовленія изъ нихъ веществъ необходимыхъ для таинства и своимъ назначеніемъ соотвѣтствуетъ тому, что́ впослѣдствіи въ литургическомъ языкѣ получило названіе предложенія (πρόθεσις), а теперь зовется у насъ обыкновенно жертвенникомъ. Въ *Апостольскихъ постановленіяхъ*, въ описаніи расположенія молитвеннаго дома, говорится о нахожденіи съ той и другой стороны въ немъ *пастофорій*, которыя при всей неопредѣленности своего названія и спорности положенія, могли однако же служить мѣстомъ складыванія и разбора приношеній, какъ служили они мѣстомъ, куда вносились діаконами остатки даровъ евхаристіи по окончаніи причащенія [1]).

Въ изданномъ Рамани Testamentum Domini nostri (стр. 22—23) предписывается, чтобы діаконикъ имѣлъ дворъ (atrium) съ окружающимъ его портикомъ и находился вправо отъ праваго бокового входа въ храмъ, „дабы могли быть разсматриваемы доставлявшіяся вѣрующими приношенія“ (ut eucharistiae sive oblationes, quae offerentur, possint cerni). Какъ бы въ объясненіе того, съ какою цѣлію производилось это разсмотрѣніе, Лаодикійскій соборъ и говоритъ, „что не должно иподіаконамъ имѣть мѣсто въ діаконикѣ и *касаться священныхъ сосудовъ*“, подразумѣвается, съ ихъ содержимымъ, т. е. съ хлѣбомъ и виномъ, приготовленными для таинства [2]). Павлинъ Ноланскій, сказавъ въ письмѣ своемъ къ Сульпицію Северу, что абсида построенной имъ (399—400 гг.) въ честь муч. Феликса новой базилики „расширялась внутри пространной своей окружности *правою и лѣвою конхулями*“ (duabus dextra laevaque conchulis), замѣчаетъ про послѣднія: „одна изъ нихъ открыта для приносящаго жертвы хваленія предстоятеля (una earum immolanti hostias jubilationis antistiti patet), другая своимъ вмѣстительнымъ лономъ принимаетъ послѣ священника молящихся“, которые, желая поучаться въ законѣ, могли бы оставаться въ ней и углубляться въ священныя книги. Приводя немного ниже помѣщавшіяся надъ этими полукружіями или, какъ самъ Павлинъ о нихъ выражается, *секретаріями трихорной абсиды* стихотворныя надписи, онъ описываетъ въ нихъ правую отъ олтаря конху, какъ достопокланяемое мѣсто, куда собирается и откуда выносится благодѣтельная помпа священнослуженія (Hic locus est veneranda penus qua conditur et qua promitur alma sacri pompa

[1]) Const. Apost. II, 57; VIII, 13; русск. пер. стр. 89, 280—281. [2]) Правила помѣстн. соборр. въ русск. пер. вып. 1, стр. 232—233. М. 1880.

ministerii). Всѣми этими образными выраженіями (immolare *собств. посыпать жертвенное животное мукою; въ соединеніи съ* hostias— *приносить въ жертву, закалать его для умилостивленія боговъ*) Павлинъ Ноланскій, представляется намъ, хотѣлъ сказать, что въ данномъ олтарномъ отдѣленіи не просто складывались, разбирались и до времени хранились приношенія вѣрующихъ, но и особымъ *литургическимъ* образомъ или способомъ были приготовляемы изъ нихъ евхаристическіе дары, которые затѣмъ съ соотвѣтствующею обстановкой изъ находившихся здѣсь же церковныхъ утварей переносились въ олтарь.

Въ IV—V вѣкѣ, во время полнаго развитія disciplinae arcani и тѣсно связаннаго съ нею катыхумената, приносить дары *прямо* къ олтарю и самолично возлагать ихъ на престолъ предоставлялось только царямъ, вступленіе которыхъ въ храмъ почти совпадало съ удаленіемъ изъ него оглашенныхъ и началомъ литургіи вѣрныхъ. Изъ чего состояли тогда царскія приношенія, приготовлявшіяся иногда ихъ собственными, по словамъ современниковъ, руками, опредѣленно и точно мы не знаемъ; столѣтіемъ-двумя позднѣе византійскіе императоры, по молитвѣ предъ престоломъ и цѣлованіи индитіи, обычно постилали поверхъ ея принесенные въ даръ два бѣлыхъ воздуха или плата (ἁπλοῦσι ἐπάνω τῆς ἁγίας τραπέζης τους δύο κατα' τό εἰωθὸς λευκοῦς ἀέρας, ἐφαπλοῖ ἐν αὐτῇ εἱλητά δύο), ставя на нихъ по большимъ праздникамъ, напримѣръ въ Пасху и въ Рождество Христово, еще по одному-по два потира и дискоса съ покровами и съ всегдашнимъ денежнымъ апокомвіемъ [1]). Это постиланіе на престолѣ воздуховъ или платовъ императорами, которому по времени совершенія и смыслу вполнѣ отвѣчаетъ теперешнее раскрытіе илитона съ антиминсомъ на литургіи, начинаемое обыкновенно при возглашеніи *прошенія* въ сугубой ектеніи *о царѣ* и оканчивающееся съ „молитвою о оглашенныхъ прежде святаго возношенія“ (πρὸ τῆς ἁγίας ἀναφορᾶς; въ греч. Венеціанск изд. πρὸ τοῦ ἁπλωθῆναι τὸ εἱλητόν), было, собственно говоря, уготовленіемъ св. трапезы къ принятію имѣвшихъ быть возложенными на нее даровъ, но не самымъ ихъ *принесеніемъ*. Это послѣднее и въ первыя времена церкви и тѣмъ болѣе въ періодъ образованія и полной силы института оглашенныхъ преимущественно совершалось діаконами, которые какъ служители при трапезахъ, приготовивъ изъ приношеній вѣрующихъ на отдѣльномъ ли столикѣ, въ особой ли комнаткѣ вещество для таинства, то есть, избранный хлѣбъ положивъ на блюдо или блюда, вино смѣшавъ съ водою въ одной или двухъ чашахъ, сообразно съ чис-

[1]) De cerimonn. vol. I pp. 15, 65, 133, 145, 631.

ломъ участвовавшихъ въ евхаристіи, приносили ихъ къ предстоятелю, возлагавшему дары на жертвенникъ.

Это вначалѣ простое, легшее однако же въ основу цѣлаго проскомидійнаго обряда дѣйствіе предуготовленія діаконами и поставленія на престолѣ епископомъ или пресвитеромъ хлѣба и вина пріобрѣтаетъ со временемъ таинственный характеръ, и мы легко замѣтимъ разницу въ образѣ его совершенія путемъ сличенія хотя бы относящихся сюда мѣстъ изъ Іустина Мученика, Апостольскихъ Постановленій и Діонисія Ареопагита. Лишенное всякой символической обстановки въ передачѣ перваго, предваряемое и сопровождаемое рядомъ дѣйствій и молитвъ священнослужителей и самихъ вѣрующихъ въ періодъ Апостольскихъ Постановленій, въ описаніи Ареопагитовомъ принесеніе даровъ къ олтарю представляется уже таинственнымъ и потому, разумѣется, торжественно всею церковію совершаемымъ обрядомъ. По оставленіи въ храмѣ „только достойныхъ созерцанія божественныхъ таинъ“ и выходѣ изъ него оглашенныхъ съ бѣсноватыми и кающимися, „*избранные* изъ священнослужительскаго чина“, *первые* діаконы, какъ поясняетъ Максимъ Исповѣдникъ въ своей схоліи къ данному мѣсту Діонисія, „предлагаютъ *вмѣстѣ съ іереями* на божественный жертвенникъ *(покровенный) священный* хлѣбъ и чашу *благословенія*“, между тѣмъ какъ все церковное собраніе возглашаетъ каѳолическое пѣснословіе, „одними называемое хвалебною пѣснію, другими символомъ вѣры, иными, какъ я думаю“, прибавляетъ Діонисій въ своемъ созерцаніи, „богоприличнѣе—священноначальственнымъ благодареніемъ, такъ какъ оно объемлетъ нисходящіе къ намъ отъ Бога священные дары [1])“. Едва ли серьёзно кто станетъ оспаривать, что самый этотъ торжественный характеръ предложенія „священнаго хлѣба и чаши благословенія“ на жертвенникъ уже обусловливался ихъ раннѣйшимъ внѣ олтаря предуготовленіемъ въ „*досточестные символы, чрезъ которые изображуется и воспріемлется Христосъ*“, какъ нельзя, намъ представляется, не видѣть и того, что вся позднѣйшая церемоніально-обрядовая обстановка великаго входа или, какъ замѣчательно точно и вѣрно выражались встарину, „*преноса, великаго преноса*“, стояла въ тѣсной связи съ обработкой проскомидіи, какъ предварительной и жертвоуготовительной части литургіи, и развивалась все время на счетъ этой послѣдней, какъ дѣйствія, въ сущности тождественнаго съ нимъ. Только при допущеніи *благословенія* предуготовленныхъ въ діаконикѣ съ *такою или иною*

[1]) Писанн. литургич. т. I, стр. 71—72. 82 - 83.

молитвою даровъ для таинства въ состояніи мы будемъ объяснить, почему не просто хлѣбомъ и виномъ съ водою называются послѣдніе, почему іереями съ перводіаконами переносятся они покровенными къ олтарю и воспѣваются всѣми молящимися, „какъ благодѣтельное и благоподательное начало, которымъ открыты для насъ спасительныя таинства“ [1]).

Авторъ *Церковной іерархіи* недостаточно опредѣленно, правда, передаетъ намъ содержаніе „каѳолическаго пѣснословія“, которое, должно думать, въ разныхъ церквахъ было тогда неодинаково, какъ различны были пѣвшіяся на великомъ входѣ стихиры даже въ періодъ возникновенія первыхъ записей Устава на востокѣ [2]) и не одни и тѣ же псалмы возглашались на западѣ во время offertorium'a,—но важенъ самый фактъ сравнительно близкаго появленія къ эпохѣ вышеназваннаго сочиненія и введенія въ литургійную практику, такъ называемыхъ, *херувимскихъ* гимновъ на перенесеніе даровъ изъ скевофилакія или діаконика въ олтарь. Кто былъ творцомъ этихъ пѣснопѣній съ относящейся къ нимъ молитвой: „Никтоже достоинъ“, надписываемыхъ иногда въ нашихъ старинныхъ славянскихъ Служебникахъ именами Іоанна Златоустаго и Василія Великаго [3]),—не имѣемъ свѣдѣній изъ древнѣйшихъ временъ. Георгій Кедринъ, подкрѣпляемый отчасти св. Евтихіемъ, патр. Константинопольскимъ, въ своемъ Σύνοψις'ѣ передаетъ только, что *Иже Херувимы* (ὁ χερουβικὸς ὕμνος) и *Вечери твоея тайныя* въ великій четвертокъ установлено пѣть въ девятый годъ царствованія Іустина Младшаго (565—578), стало быть, при патріархѣ Іоаннѣ III Схоластикѣ [4]), а пѣснь: *Да молчитъ всякая плоть* находимъ уже записанною въ одномъ изъ древнѣйшихъ списковъ литургіи Іаковлевой [5]). Начало пѣнію: *Нынѣ силы небесныя* на Преждеосвященной и тропаря: *Да исполнятся уста наша хваленія* въ концѣ всѣхъ литургій, по причащеніи и при перенесеніи теперь только дискоса и потира съ св. дарами, въ древности еще рипидъ и прочихъ священныхъ утварей съ престола на жертвенникъ или въ скевофилакій, по словамъ Александрійской хроники [6]), положено было при импер. Иракліи и Константинопольскомъ патр. Сергіи, въ 615—620 годахъ.

Фактъ почти одновременнаго, на пространствѣ всего четырехъ десятилѣтій возникновенія и введенія въ употребленіе херувимскихъ пѣсней, отли-

[1]) Писанн. литургич. т. I, стр. 82, 84. [2]) Типикъ Іерусал. храма Воскр. въ изд. *Керамевса*, стр. 25, 187, 202. [3]) *Горскаго и Невоструева* Описан. Синод. рукопп. III, 1 стр. 51—52. [4]) Corpus scriptor. Hist. Byzant.. Georg Cedren. t. I pag. 684—685; cnf. Migne Patrolog. ser. graec. t. LXXXVI, pars poster. col. 2400—2401; см. Собраніе древнихъ литургій, вып. IV, стр. 65. СПБ. 1877. [5]) Swainson, The Greek Liturgies, p. 240. [6]) Chronicon Paschale, vol. I p. 705, въ Corp. scriptor. Hist. Byzant.

чающихся замѣчательнымъ единствомъ основной мысли, невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе и заставляетъ задумываться надъ причинами его. Данное гимнографическое явленіе могло быть вызвано тѣмъ или другимъ измѣненіемъ, происходившимъ въ самомъ литургійномъ обрядѣ. Что какое-то нововведеніе имѣло мѣсто въ литургіи во второй половинѣ VI—первой четверти VII стол., на это указываетъ, повидимому, одно мѣсто изъ письма къ Ѳомѣ пресвитеру Іакова Едесскаго. Сказавъ о прибавленіи въ чинѣ литургіи символа вѣры 318-ти отцовъ при Константинопольскомъ патр. Тимоѳеѣ въ 510 г., послѣдній замѣчаетъ: „Немного послѣ того, *какъ учреждены были нѣкоторые обряды и торжественныя священнодѣйствія въ церкви*, изъ трехъ молитвъ вѣрныхъ благоугодно было, чтобы первая была предъ тайнымъ прошеніемъ мира, вторая при возложеніи рукъ и третья, при которой раскрываютъ престолъ (cum qua mensam discooperiunt), симъ означая, что *тогда открываются* врата небесныя [1]). Указаніе само по себѣ мало опредѣленное, но принимая въ соображеніе, что оно слѣдуетъ у Іакова Едесскаго за рѣчью о символѣ вѣры, читавшемся первоначально на литургіи послѣ евангелія, и связано съ упоминаніемъ *о молитвахъ вѣрныхъ*, мы едва ли очень ошибемся, если вновь учрежденные обряды и торжественныя священнодѣйствія отнесемъ въ эту часть литургіи и будемъ разумѣть подъ ними прежде всего великій входъ или переносъ. Въ херувимскихъ гимнахъ о послѣднемъ говорится какъ о вполнѣ опредѣлившемся, высоко торжественномъ и глубоко таинственномъ обрядѣ. Дары, *подъятые* которые, какъ царя, подобно византійскимъ *дорифорамъ*, призываются всѣ вѣрные, представляются въ нихъ совершенно готовыми; предносимыя имъ рипиды устроены уже на подобіе ангельскихъ ликовъ, херувимовъ и серафимовъ, и изъ *прежнихъ опахалъ* превратились въ церемоніальную принадлежность, а самое перенесеніе изображено, какъ таинственное шествіе Господа на закланіе. Все это, вмѣстѣ взятое, и особенно ясно выраженная во всѣхъ херувимскихъ мысль о невидимомъ участіи въ совершаемомъ ангеловъ показываетъ, что во второй половинѣ VI вѣка и первой четверти VII-го приготовленіе даровъ въ скевофилакіи было уже не простымъ дѣйствіемъ древне-христіанскаго выдѣленія изъ принесенныхъ вѣрующими даровъ веществъ, необходимыхъ для евхаристіи, а имѣло характеръ священнодѣйствія, по силѣ котораго дары, переносившіеся съ жертвенника на престолъ, были въ глазахъ гимнографовъ не простыми хлѣбомъ и виномъ, но *святыми* дарами, въ Тѣло и Кровь Христову предустроенными.

[1]) Assemani Biblioth. orient. t. I p. 480—481; сн. Собран. древн. лит. вып. III, стр. 114.

Правда, что св. Евтихій, патр. Константинопольскій, писалъ о лицахъ, „предавшихъ народу для произнесенія нѣкое хвалебное пѣснопѣніе (ὕμνον τινὰ ψαλμικόν), соотвѣтствующее по ихъ мнѣнію совершаемому дѣйствію принесенія хлѣба предложенія и незадолго передъ тѣмъ растворенной чаши къ св. престолу (τὸν τῆς προθέσεως ἄρτον καὶ τὸ κερασθὲν ἀρτίως ποτήριον τῷ ἁγίῳ θυσιαστηρίῳ προσάγειν μελλούσης τῆς λειτουργικῆς τάξεως): *„напрасно думаютъ* (ματαιάζουσιν), *что приносятъ Царя славы* и даже называютъ такъ приносимое и еще не достигшее совершенства архіерейскимъ призываніемъ (διὰ τῆς ἀρχιερατικῆς ἐπικλήσεως) и являющимся при семъ освященіемъ“; но онъ не отрицалъ возможности „соединять съ *пѣснопѣніемъ* другой смыслъ“, болѣе сообразный съ существомъ еще несовершенной и не освященной жертвы. Предостерегая вѣрующихъ отъ неподобающаго къ ней отношенія, какъ отъ своего рода *хлѣбопоклонниче*ской ереси, въ которой винили потомъ восточныхъ „схизматиковъ“ нѣкоторые латинскіе писатели [1]), св. Евтихій не нашелъ однако же нужнымъ изъять изъ употребленія введеннаго его предшественникомъ херувимскаго гимна. Въ чемъ состояло послужившее основаніемъ къ появленію послѣдняго *благословеніе* хлѣба предложенія и растворенной чаши, на которое, подобно Діонисію Ареопагиту, намекаетъ патр. Евтихій, въ концѣ своего трактата о Пасхѣ и св. евхаристіи [2]),—неизвѣстно. Изъ словъ св. отца, можно заключать только, что уготовленіе даровъ въ скевофилакіи происходило въ его время не передъ самымъ ихъ перенесеніемъ, а когда-то ранѣе его (μελλούσης τῆς λειτουργικῆς τάξεως).

Не безынтереснымъ въ данномъ случаѣ представляется и разсказъ младшаго современника патр. Евтихія, св. Григорія Двоеслова († 604), о двухъ знатныхъ, спасавшихся неподалеку отъ Венедикта Нурсійскаго монахиняхъ, часто своими рѣчами обижавшихъ своего благочестиваго прислужника. Узнавъ отъ послѣдняго объ обидахъ, имъ претерпѣваемыхъ, настоятель знаменитой обители нерѣшительно, но въ видѣ угрозы сказалъ монахинямъ: „Обуздайте языкъ вашъ; если не исправитесь, лишу васъ общенія (excommunico excommunicabo, ἀκοινωνήτους ποιῶ)“. Нисколько не исправившись, женщины черезъ нѣсколько дней умерли и погребены были въ церкви. Когда въ послѣдней совершалась литургія и „діаконъ по обычаю возглашалъ: *лишенные общенія изыдите* (si quis non communicat, det locum), кормилица этихъ женщинъ, имѣвшая обыкновеніе *подавать приношеніе за нихъ Господу* (pro eis oblationem Domino offerre), видѣла, какъ онѣ

[1]) См. у *Гоара* въ *Εὐχολ.* p. 132—133. [2]) Migne Patrolog. ser. graec., t. 88, col. 2400; сн. Собран. древн. лит. в. IV, стр. 64.

вставали изъ своихъ гробовъ и *выходили изъ церкви* (exire de ecclesia). Чаще и чаще видя, какъ по возгласу діакона монахини выходили вонъ (exibant foras), она вспомнила про угрозу человѣка Божія, рѣшила, что онѣ лишены общенія съ церковію (se communione privare), и обо всемъ съ тяжкою скорбію разсказала рабу Божію. „Св. Венедиктъ сейчасъ далъ ей просфору изъ своихъ рукъ, сказавъ: иди, принеси за нихъ Господу эту просфору, и онѣ не будутъ болѣе въ отлученіи [1]). *Когда сдѣлано было за нихъ сіе приношеніе* [2]), и діаконъ провозгласилъ по обыкновенію, чтобы отлученные вышли изъ церкви [3]), уже *не видно было, чтобы и монахини выходили изъ церкви*“ [4]). И подача приношенія за умершихъ монахинь кормилицей и принесеніе за нихъ же просфоры [5]) св. Венедикта предшествовали возглашенію діакона, по которому *отлученные выходили изъ церкви.* Возгласъ какой именно литургійной отрасли имѣлъ въ виду въ данномъ разѣ Григорій Великій,—съ рѣшительностію, не допускающею возраженій, сказать трудно. Чинопослѣдованіе *римской* литургіи, къ которому естественнѣе всего обратиться при этомъ, по древнѣйшимъ и извѣстнѣйшимъ теперь сакраментаріямъ не заключаетъ въ себѣ интересующей насъ подробности. Принимая во вниманіе однако же ближайшій смыслъ *возгласа* и всего разсказа, болѣе сообразнымъ представляется относить первый къ разряду тѣхъ довольно разнообразныхъ по содержанію и формѣ діаконскихъ возглашеній [6]), которыми на востокѣ и въ первые вѣка на западѣ, по окончаніи общей части литургіи, удяляемы были изъ храма оглашенные, кающіеся и вообще неполноправные члены церковнаго собранія, къ которымъ принадлежали по всѣмъ признакамъ и обѣ монахини, лишенныя при жизни св. Венедиктомъ, должно думать, пріобщенія, а слѣдовательно и права принесенія даровъ для евхаристіи. Если вѣрно понятъ нами приведенный разсказъ, то значитъ, что въ VI стол., при Венедиктѣ Нурсійскомъ, *жертвенное*, какъ бы сказать, употребленіе приносившихся вѣрующими даровъ за умершихъ въ литургіи западной церкви начиналось до выхода изъ храма оглашенныхъ и кающихся.

На то же самое мѣсто для предуготовленія евхаристическихъ даровъ въ восточной литургіи указываетъ, повидимому, и наша сугубая ектенія, со-

---

[1]) Manu sua protinus oblationem dedit, dicens: Ite et hanc oblationem pro eis offeri Domino facite, et ulterius excommunicatae non erunt. [2]) Quae dum oblatio pro eis fuisset immolata. [3]) Ut non communicantes ab ecclesia exirent. [4]) S. Gregorii Magni Opera omnia, t. II, col. 252—253. Dia logorum lib. II cap. XXIII. Parisiis. 1705; сн. русск. пер. Собесѣдованій о жизни Италійскихъ отцевъ, кн. 2 гл. 23, стр. 125—127. Казань. 1858. [5]) Immolatio oblationis. [6]) См. для примѣра у *Бунзена* въ Hippolytus und seine Zeit. B. II s. 411.

стоящая изъ раздѣльнаго *поминовенія* всѣхъ живыхъ и усопшихъ членовъ церкви и оканчивающаяся молитвою за оглашенныхъ *предъ святымъ возношеніемъ*. Съ ослабленіемъ дисциплины въ отношеніи послѣднихъ и уменьшеніемъ ихъ числа приготовленіе даровъ съ только-что указаннаго мѣста въ первой части литургіи придвинулось нѣсколько къ ея срединѣ, а съ исчезновеніемъ катыхумената перешло на самое ея начало, подобно тому, какъ и священносовершитель, входившій въ олтарь въ болѣе древнюю эпоху церкви не прежде, какъ по удаленіи изъ храма оглашенныхъ, бѣсноватыхъ и кающихся, повидимому, около времени первой молитвы вѣрныхъ, сталъ приступать потомъ къ св. престолу все раньше и раньше. Что на маломъ входѣ происходила нѣкогда проскомидія,—за это говорятъ и ясныя историческія свидѣтельства и нѣкоторыя отрывочныя литургическія данныя. Даже въ XI стол., когда проскомидія въ видѣ самостоятельнаго цѣлаго несомнѣнно занимала то же мѣсто, что и въ теперешнемъ Служебникѣ, не считалось невозможнымъ въ Византіи по монастырямъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ въ памяти обновленія или освященія церквей, „попови *проскумисаніе творити*“ по началѣ литургіи оглашенныхъ въ придѣлѣ, торжественной литіи вокругъ храма и *по маломъ входѣ* священнослужащихъ въ главный олтарь [1]). Не на время ли совершенія проскомидіи указываютъ далѣе полагавшіяся въ нашихъ старыхъ Служебникахъ *благословеніе* священникомъ *предложенныхъ* въ жертвенникѣ *честныхъ даровъ* предъ выходомъ изъ него съ евангеліемъ и удаленіе архіерея въ предложеніе тотчасъ по вступленіи въ олтарь для исполненія проскомидійныхъ дѣйствій, отправляемыхъ имъ нынѣ предъ перенесеніемъ даровъ? [2]) А наблюдаемыя теперь при пѣніи стихиръ на *Господи воззвахъ* уготовленіе въ жертвенникѣ преждеосвященныхъ даровъ и совершеніе проскомидіи на литургіи, соединяемой съ вечерней [3]), не являются ли живыми показателями мѣста, занимавшагося нѣкогда въ общей части литургіи приготовленіемъ даровъ? Совершалось-ли послѣднее передъ самымъ выходомъ или на маломъ входѣ, какъ позднѣе—въ началѣ литургіи или при концѣ непосредственно соединявшейся и даже сливавшейся съ нею утрени (т. е. по великомъ славословіи и чтеніи евангелія, или же по окончаніи литіи; въ томъ и другомъ случаѣ во время молитвы: *Спаси Боже люди твоя*,

---

[1]) Опис. Синод. рукопп. *Горскаго и Невоструева* отд. I, ч. 1 стр. 271—273, 275. [2]) Тамъ-же стрр. 50, 51, 79, 207, 223; сн. *Дмитріевскаго* Богослуж. Русск. церкви въ XVI в., стр. 103—104, 105. [3]) Прот. *Никольскаго* Пособіе къ изуч. Устава, стр. 470—471; Типикона замѣчан. о праздн. Благовѣщ. въ вел. пятокъ сн. съ Чиновникомъ Новгор. Соф. соб. стр. 79, 106, 84.

входившей нѣкоторое время потомъ въ составъ проскомидійнаго послѣдованія), только великій входъ въ періодъ появленія херувимскихъ гимновъ, какъ показываетъ главнымъ образомъ анализъ ихъ содержанія, былъ въ сущности *перенесеніемъ* изъ скевофилакія на престолъ уже *проскомидійныхъ*, т. е. благословеніемъ и, вѣроятно, такою или иною молитвою пріуготовленныхъ въ Тѣло и Кровь Христовы даровъ.

Съ существомъ переносимыхъ даровъ и внутреннимъ значеніемъ обряда великаго входа сообразовалась болѣе или менѣе и самая обстановка его. Состоявшая въ первые вѣка церкви только изъ предметовъ существенно-необходимыхъ: одной или нѣсколькихъ чашъ и столькихъ же дискосовъ для принесенія къ олтарю евхаристическихъ веществъ, опахалъ и затѣмъ покровцевъ для предохраненія послѣднихъ отъ насѣкомыхъ,—со временемъ она незамѣтно *осложняется* на востокѣ и мало-по-малу пріобрѣтаетъ торжественный характеръ, а главное, получаетъ въ глазахъ участниковъ богослуженія и въ трудахъ истолкователей его глубокое символическое значеніе. Употребленіе кажденія и свѣтильниковъ сначала въ общежитейскомъ, потомъ въ духовномъ смыслѣ и нерѣдко въ очень большомъ числѣ и замѣна древне-христіанскихъ кожаныхъ, полотняныхъ или же изъ перьевъ рипидъ металлическими изъ золота и серебра съ драгоцѣнными камнями, всего чаще на подобіе херувимскихъ ликовъ (отсюда χερουβικόν иногда то же значитъ, что и ῥιπίδιον), были первоначальными, какъ кажется, актами въ развитіи обстановки обряда великаго входа.

Многимъ въ своемъ ритуалѣ послѣдній обязанъ былъ далѣе Византіи, присутствію собственно царя ея за службою въ Великой константинопольской церкви. Участіе императора въ перенесеніи даровъ сопровождалось особеннымъ блескомъ и оставило на характерѣ великаго входа едва ли не самый яркій и глубокій слѣдъ сравнительно со всѣми другими богослужебными обрядами, въ которыхъ активно приходилось участвовать царю. По обряднику Константина Порфиророднаго, когда наступало время совершенія великаго входа, препозитъ—одинъ изъ высшихъ сановниковъ двора—докладывалъ о томъ государю, который, облачившись въ хламиду, предваряемый скиптрами и прочими инсигніями (τῶν λοιπῶν σκευῶν), съ чинами синклита и ближайшею свитой южной стороной св. Софіи, церемоніально шелъ изъ мутаторія—своего обычнаго мѣста за амвонъ, куда немногимъ ранѣе слѣва изъ скевофилакія приходили священнослужащіе съ церковными утварями и св. дарами. Въ качествѣ примикирія-свѣщеносца царь бралъ черезъ препозита несомую предъ послѣдними лампаду и, предшествуемый опять-таки скиптрами, знаменами и синклитомъ,

во главѣ процессіи всходилъ на солею. Поставивши свѣчу справа св. дверей царь обмѣнивался, быть можетъ, поклономъ съ патріархомъ, срѣтавшимъ въ нихъ св. дары. По кажденіи архидіакономъ царя и святителя и внесеніи даровъ въ олтарь, государь привѣтствовалъ патріарха, по всей вѣроятности, пожеланіемъ многихъ лѣтъ (ἀποχαιρετίζει) и удалялся снова къ себѣ въ мутаторій [1]). По позднѣйшему коронаціонному чину [2]) и разсказу діакона Игнатія—нашего паломника въ Царьградъ [3]), царь, приглашенный въ началѣ херувимской пѣсни двумя старѣйшими діаконами, шелъ въ предложеніе—олтарь малый, предъ входомъ въ который поверхъ саккоса облачаемъ былъ еще въ золотую мантію („во священный фелонецъ"). Съ короною на главѣ, крестомъ или возженною свѣчею въ правой рукѣ и скипетромъ (ναρθηκα) въ лѣвой онъ медленно, впереди діаконовъ, іереевъ и вообще всѣхъ церковно-служащихъ съ священными сосудами, покровами и св. дарами, оберегаемый со сторонъ тѣлохранителями и знатными юношами, числомъ до ста, въ парадномъ одѣяніи и, конечно, съ принадлежностями ихъ званія, направлялъ свое шествіе сѣвернымъ нефомъ чрезъ средину храма къ солеѣ его. Между тѣмъ какъ всѣ останавливались подлѣ нея, царь продолжалъ свой путь къ св. вратамъ и, обмѣнявшись поклономъ съ ожидавшимъ здѣсь св. дары патріархомъ, давалъ мѣсто слѣдовавшимъ за нимъ священнослужащимъ, изъ которыхъ каждый, начиная съ архидіакона съ кадиломъ въ десницѣ и омофоромъ въ шуйцѣ, проходя мимо государя и патріарха, болѣе или менѣе громко благожелалъ имъ словами: *Да помянетъ Господь Богъ державу царства твоего или архіерейство твое во царствіи своемъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, Аминь.* Эти молитвенныя воззванія до сихъ поръ напоминаютъ о себѣ въ обрядѣ великаго входа, а такія археологическія подробности, какъ ношеніе *скиптровъ, мечей* и т. п. символовъ верховной свѣтской власти, долгое время имѣли мѣсто на востокѣ при перенесеніи даровъ и послужили основаніемъ ко введенію въ херувимскіе гимны нѣкоторыхъ образныхъ выраженій ихъ составителями и были предметомъ толкованія многихъ восточныхъ литургистовъ-экзегетовъ. Нужно-ли говорить, что участіе царя въ скромномъ званіи церковнослужителя, но въ богатѣйшей обстановкѣ восточнаго владыки сообщало великому входу художественно-церемоніальный характеръ и приводило очевидцевъ въ такой восторгъ, что они отказывались порой передать на словахъ свое впечатлѣніе.

---

[1]) De cerimonn. vol. I, pagg. 16—17, 65, 133; сн. *Бѣляева* Byzantina II, 164—166. [2]) Codini De officiis cap. XVII, pp. 93—95; сн. Haberti Ἀρχιερ. p. 608—609. [3]) *Сахарова* Сказаній русск. народа т. 2, кн. VIII, стр. 103—104.

„И толико бысть благочинно и чествованно и преукрашенно, яко умъ человѣческій превосходя“ [1]),—отзывается о совершеніи „переноса“ упомянутый діаконъ Игнатій въ своемъ разсказѣ „о поставленіи и вѣнчаніи царя Мануила (1391—1425) на царство“.

Рядомъ съ этою показною стороной, дѣйствовавшей преимущественно на зрѣніе и любопытство присутствовавшихъ за службой была въ обстановкѣ великаго входа другая, несравненно болѣе для нихъ важная, преслѣдовавшая иныя цѣли, возбуждавшая и питавшая въ молящихся религіозныя мысли и чувства. Говоря это, разумѣемъ давнее ношеніе на входѣ съ дарами священныхъ предметовъ и реликвій, не необходимыхъ для совершенія обряда, но служившихъ интересамъ церковной символики. Уже уставъ Іерусалимской церкви, говоря о литургіяхъ первыхъ дней Пасхи, предписываетъ „носить съ св. дарами (изъ скевофилакія въ олтарь) двѣнадцать кадильницъ и *крестъ* [2])“. Много спустя на Руси архіерей, не исходившій иногда къ жертвеннику для совершенія поминовенія, „знаменалъ священниковъ и творилъ обычный отпускъ на переносъ“ *крестомъ*, съ которымъ, вѣроятно, одинъ изъ іереевъ и шелъ потомъ въ великомъ входѣ и который святитель, по возложеніи даровъ на олтарь и осѣненіи народа свѣчей, снова у него „принималъ и хотящихъ знаменалъ, таже крестообразно благословлялъ всѣхъ [3])“. Послѣдній обрядъ можно и до сихъ поръ наблюдать у единовѣрцевъ съ раскольниками, а за нашею архіерейскою и соборною службой носятся одно—два распятія и къ нимъ прикладываются только несущіе ихъ во входѣ священники. Сопоставляя замѣчанія только-что названнаго Типика о перенесеніи даровъ на пасхальныхъ литургіяхъ съ подробно изложеннымъ въ немъ выносомъ стамны съ мvромъ священнослужащими въ великій четвертокъ, нельзя не замѣтить, съ одной стороны, поразительнаго сходства въ цѣломъ строѣ чина мvроосвященія съ литургійной службой, съ другой—легко видѣть, что въ *обстановкѣ* „переноса“ даровъ на послѣдней многаго не достаетъ изъ той торжественности, которою окружено было шествіе съ мvромъ въ олтарь изъ предложенія въ первомъ. Весьма вѣроятно, что составитель Типика не сполна представилъ обстановку входа съ дарами на Пасхѣ, опустивъ въ ней такія детали, какъ ношеніе свѣчей, скиптровъ и рипидъ, которыя внѣ сомнѣнія тогда существовали [4]).

---

[1]) По рукопп. Импер. Публ. библ. изъ собр. гр. *Толстова* № 50, (у *Строева* № 341 л. 213 об): *Кому есть мочно исповѣдати красоты тоя!* [2]) Въ изд. *Керамевса* стр. 212; у *Дмитріевскаго* стр. 200—201. [3]) Опис. рукопп. Моск. Синод. библ. III, 1 стр. 96—97; сн. *Павла Алеппскаго* Путешеств. антіох. патр. Макарія въ перев. *Муркоса*, вып. III стр. 45. [4]) Въ изд. *Керамевса* стр. 102; *Дмитріевскаго* стр. 98—99.

Не видно изъ Типика и употребленія на великомъ входѣ такъ называемыхъ *сіоновъ* или *іерусалимовъ*, при имени которыхъ мысль невольно переносится къ Сіонской горницѣ и богослужебнымъ порядкамъ храма Воскресенія, хотя эти церквеобразные ковчеги несомнѣнно уже извѣстны были въ то время на востокѣ, напримѣръ, въ практикѣ Великой церкви. „И какъ понесутъ свѣтозарный іеросалимъ и рипиды", замѣчаетъ Антоній Новгородецъ въ своемъ описаніи видѣннаго имъ въ св. Софіи переноса, „и тогда воздыханіе и плачь бываетъ людемъ о грѣсѣхъ. Кій умъ и какова душа, иже не помянетъ тогда о царствіи небеснѣмъ и о жизни безконечной [1])". Между прочими принадлежностями богослуженія перешли къ намъ изъ Византіи и эти сіоны. Лѣтописи [2]) и другіе памятники констатируютъ фактъ существованія уже въ XI—XII столл. на Руси „церковныхъ іерусалимовъ", по мѣстамъ „вельми великихъ, отъ злата чиста и каменья многоцѣнна" устроявшихся нашими князьями и епископами, а позднѣйшіе уставы соборной службы много разъ упоминаютъ о ношеніи ихъ на великомъ входѣ за литургіей по днямъ праздничнымъ [3]), но, къ великому сожалѣнію, не говорятъ ничего опредѣленнаго объ ихъ назначеніи при этомъ. Одни изъ ученыхъ отождествляли іерусалимы съ дарохранительницами [4]), но не объясняли: для чего въ такомъ случаѣ они выносились и показывались при перенесеніи даровъ? По другимъ [5]), не отрицавшимъ подобнаго назначенія, Сіоны выносились діаконами на великомъ входѣ при архіерейскихъ служеніяхъ *вмѣсто митры*. Но, не говоря уже о не совсѣмъ понятномъ для насъ смыслѣ такой замѣны, должны замѣтить, что „архіепископы давали діаконамъ шапочки съ себя на переносъ" и тогда, когда въ послѣднемъ были и сіоны. Въ XVII вѣкѣ въ Новгородѣ, Москвѣ и, вѣроятно, другихъ городахъ сіоны выносились на великомъ входѣ „лѣпоты ради" по одному или по два, смотря по величинѣ праздника, и каждый разъ выдавались къ службѣ изъ казны или ризницы и снова возвращались въ нее, по окончаніи литургіи, вмѣстѣ съ другими утварями и облаченіями. Въ это время они уже составляли, какъ и многое другое, простую церемоніальную принадлежность болѣе торжественнаго, праздничнаго богослуженія; но едва ли такъ было въ древности, съ самаго начала ихъ возникновенія. Съ по-

---

[1]) Въ изд. *Саввантова* ст. 23, 77. [2]) Полн. Собр. Лѣт. т. II стр. 112, 120. [3]) Русск. Ист. Библ. т. III. 129, 339, 443, 541, 715; Вивліоѳ. ч. X, стр. 138, 176, 368—369, изд. 2; Путешеств. патр. Макарія вып. III, 202; см. въ Чиновникахъ нашихъ указатт. подъ словв. Іерусалимъ, Сіоны. [4]) *Голубинскаго. Е. Е.* И. Р. Ц. I, 2. 148—149. [5]) Архим. *Макарія* Археол. опис. церковн. древн. въ Новгородѣ, ч. II стр. 205—206; сн. гр. *Уварова*: Сіоны или Іерусалимы въ Древност. Моск. археол. общества, т. I стр. 72—74. Матер. для археол. словаря и друг.

явленіемъ „свѣтозарнаго іерусалима“, *осѣняемаго рипидами*, происходило среди молящихся въ св. Софіи, по словамъ архіеп. Антонія, воздыханіе о грѣхахъ своихъ и *поминовеніе* царства небеснаго съ жизнію безконечной, было, вѣроятно, произнесеніе каждымъ про себя сдѣлавшагося обычнымъ потомъ восклицанія: *Помяни мя, Господи... во царствіи Своемъ*. Рѣчь о выносѣ іерусалима, производившаго на людей столь сильное впечатлѣніе, непосредственно слѣдуетъ у нашего паломника за общимъ, какъ бы вступительнымъ замѣчаніемъ его о „златыхъ и сребряныхъ, каменьемъ и жемчугомъ украшенныхъ *дароносивыхъ* сосудахъ“. Не заступалъ-ли свѣтозарный іерусалимъ, невольно спрашиваешь себя, мѣсто дискоса при переносѣ? или, лучше сказать, не переносился ли послѣдній въ первомъ, въ сіонѣ? Вѣдь еще въ VI стол., по сообщенію Германа, епископа Парижскаго, въ описаніи древней и поразительно сходной съ восточною галликанской литургіи, приношеніе (заступавшее самого Господа) шествовало изъ сакрарія или скевофилакія (procedit oblatio) къ престолу въ башнеподобныхъ ковчегахъ (turribus), „потому что гробъ Господень былъ изсѣченъ въ скалѣ на подобіе ковчега, и тамъ положенное покоилось тѣло Господне [1])“. При такомъ объясненіи назначенія нашихъ іерусалимовъ легко будетъ понять подъемъ молитвенно-религіознаго настроенія, всякій разъ вызывавшійся ихъ появленіемъ на великомъ входѣ, и не такъ трудно станетъ подойти къ объясненію ихъ топографическаго наименованія, наружнаго вида и убранства. Поддоны сохранившихся отъ XV вѣка въ Новгородскомъ Софійскомъ и Московскомъ Успенскомъ соборахъ сіоновъ устроены на манеръ древнихъ дискосныхъ блюдъ, къ краямъ которыхъ прикрѣплены колонки ихъ церквеобразныхъ или часовнеподобныхъ верховъ, и украшены гравированными изображеніями креста и при немъ иногда погруднаго Спасителя—сюжетомъ, который изрѣдка наблюдается на проскомидійныхъ блюдцахъ и дискосахъ.

Въ связи съ сіонами въ нашихъ старинныхъ уставахъ и записяхъ соборней службы говорится обыкновенно о ношеніи на великомъ входѣ воздуховъ, плащаницъ и покрововъ съ мощей или ракъ святыхъ съ ихъ изображеніями. Уже то обстоятельство, что между памятниками этого рода, какъ показываютъ соборныя и монастырскія описи, нѣкоторые были „греческаго шитья“ и „съ греческими словами [2])“, заставляетъ отчасти искать начала употребленія ихъ на востокѣ. Литературныя свидѣтельства, какъ и иконографическія данныя, подтверждаютъ вполнѣ ихъ византійское происхожденіе. Симеонъ Солунскій, описывая великій входъ [3]),

[1]) Полн. собр. древн. лит., вып. V стр. 40; сн. в. IV, стр. 101—102. [2]) Р. И. Б. III. 345, 716, 722, 745 и др. [3]) De divino templo, у *Миня* t. 155, col. 728.

говоритъ, что за священниками, несшими св. дары, въ немъ слѣдовали всѣ прочіе и въ числѣ ихъ державшіе на главѣ плащаницу съ изображеніемъ на ней обнаженнаго и умершаго Іисуса (τὸν ἱερὸν κατέχοντες ἔπιπλον, ὃ γυμνὸν ἔχει καὶ νεκρὸν εἰκονισμένον τὸν Ἰησοῦν). Упоминаніе объ ἔπιπλα на великомъ входѣ встрѣчается и у другихъ, древнѣйшихъ названнаго литургиста писателей [1]), а самый терминъ въ примѣненіи къ церковнымъ принадлежностямъ употреблялся византиками и много раньше того [2]). У насъ нѣтъ свѣдѣній о ношеніи въ Византіи на входѣ съ дарами плащаницъ и покрововъ съ ракъ съ изображеніями святыхъ, но древне-русскіе паломники въ Царьградъ передаютъ, что тамъ носились нѣкогда на литургіи самыя мощи, напримѣръ, преподобномученицъ Ѳеодосіи и Параскевы-Пятницы въ монастыряхъ ихъ имени, и даже на больныхъ „поставлялись“ при прохожденіи по церкви [3]). Было-ли что-нибудь подобное въ обрядѣ великаго входа на Руси, остается мнѣ неизвѣстнымъ, но у насъ въ XVI—XVII вѣкахъ какъ бы взамѣнъ этого былъ широко распространенъ обычай носить съ дарами за архіерейскою и вообще соборнею службой разнаго рода воздухи, судари, плащаницы, покровы съ шитыми шерстью и шолкомъ или нарисованными на нихъ красками такими или иными изображеніями. Но употребляя эти названія, я долженъ замѣтить, что встарину они не имѣли значенія терминовъ съ опредѣленнымъ и неизмѣнно устойчивымъ значеніемъ. Какъ теперь именемъ *воздуха* (ἀήρ), которымъ покрываются дискосъ и потиръ вмѣстѣ, зачастую называются покровцы (καλύμματα), возлагаемые на каждый изъ нихъ въ отдѣльности; такъ и въ XVI — XVII вѣкахъ, судя по церковнымъ описямъ, Соборнымъ Чиновникамъ и монастырскимъ обиходникамъ, одно и то же названіе прилагалось къ предметамъ разнаго назначенія, но сходнымъ нѣсколько по своему покрою, украшеніямъ и вообще устройству. Воздухомъ назывались тогда не только возлагавшіеся на св. дары покровцы, но и полагавшаяся на гробъ Господень въ великую пятницу и субботу плащаница [4]). Основаніемъ служило, вѣроятно, общее у перваго съ послѣдней изображеніе положенія Спасителя во гробъ. Именемъ плащаницъ весьма часто означались покровы съ мощей или ракъ святыхъ съ ихъ изображеніями [5]). Названіе „сударя“ нерѣдко употреблялось у насъ для „служебныхъ“ покровцевъ [6]). Впро-

[1]) См. Haberti Ἀρχιερατ. p. 608. [2]) G. Cedreni Historr. compend. t. I p. 680. [3]) Антонія Новгор. Путешествіе въ изд. *Саввантова*, стт. 135, 170. [4]) Р. И. Б. III, 447. Опис. рукопп. Моск. Синод. библ. III. 1 стр. 325. 385. [5]) Тамъ же стрр. 101, 105, 129. 138 и др. [6]) Чиновн. Новгор. Софійск. 18, 49, 92, 205—206. См. вообще Чиновники по указателл. къ нимъ, подъ словами: воздухи, плащаницы, покровы судари. Пространныя рѣчи о плащаницахъ см. у *Кондакова* Памятники христіанск.

чемъ дѣло въ данномъ разѣ не въ названіяхъ, а въ томъ, что предметы, ими обозначаемые, составляли обстановку великаго входа, причемъ количество, величина и богатство ихъ такъ же, какъ и сіоновъ, опредѣлялись важностію праздника и наличностію исполнителей. „На выходѣ большомъ", замѣчено въ одной изъ записей Устава Московскаго Успенскаго собора, „несутъ воздухи всѣ три и оба іерусалима, а буде служащихъ много, возмутъ два покрова съ Петровы и Іонины раки [1])". Своими изображеніями плащаницы и покровы соотвѣтствовали иногда воспоминаемому церковію лицу или даже празднуемому событію и вмѣстѣ съ воздухами и сударями дѣлились на три категоріи: „большіе, середніе и меньшіе". По перенесеніи въ олтарь названныхъ принадлежностей тѣмъ или другимъ числомъ священниковъ и, повидимому, всегда на главахъ, воздухами или сударями покрывались потиръ съ дискосомъ, плащаницы возлагались на престолъ, а покровы иногда, по цѣлованіи ихъ предстоятелемъ съ сослужащими, тотчасъ же относились на свое мѣсто [2]). По теперешнему выносу плащаницы изъ олтаря на средину храма и возложенію ея на св. престолъ передъ пасхальною утреней можно судить объ интересующей насъ сторонѣ древняго обряда великаго входа, а старинныя изображенія послѣдняго въ стѣнописяхъ греческихъ и нашихъ русскихъ храмовъ и на иконахъ въ состояніи дать наглядное о ней представленіе [3]). Изъ этихъ иллюстрацій подтверждаемыхъ вполнѣ литературными свидѣтельствами [4]), легко видѣть, что передъ или за плащаницею носили также на великомъ входѣ иконы, евангелія, Служебники, лжицу, копіе, губу, кратиры съ новоосвященною водою въ день Богоявленія и другія имъ подобныя священныя утвари. Шествіе съ дарами нерѣдко замыкалъ иподіаконъ съ рукоумываломъ, а открывали, какъ и теперь, обычно примикирій съ возженною свѣчей и носители прочихъ предстоятельскихъ инсигній: омофора, шапки, предноснаго креста (носившагося и возившагося предъ патріархами), жезла и прочихъ утварей, количество которыхъ отчасти возрастало съ увеличеніемъ числа служившихъ іерарховъ.

Обстановкѣ входа и даже каждому предмету ея въ отдѣльности давали и даютъ духовное значеніе. Признавая глубокую важность за послѣднимъ, если оно оправдывается смысломъ „переноса" и генетиче-

---

искусства на Аѳонѣ, стр. 258 и слѣд., *проф. Е. Е. Голубинскаго* И. Р. Ц. I, 2 стрр. 417, 917—919. М. 1904. [1]) Р. И. Б. III, 129; см. особенно Чиновн. Моск. Успенск. Соб., стр. 128 и др. [2]) Чиновн. Соф. соб. 92, 261; Р. И. Б. Ш, 105. См. Чиновн. Моск. Соб. по указат. [3]) *Н. В. Покровскаго* Очерки Памятн. христ. иконогр., рис. 182. СПБ. 1900; *Дмитріев.* Соврем. богослуж. 119—120; *Кондакова* Пам. христ. искусства на Аѳонѣ, стр. 226 прим. [4]) Проскинит. Сухан. стр. 50, 267; сн. Гоара *Εὐχολογ.* p. 130—131.

ски связаннаго съ нимъ проскомидійнаго обряда, нельзя никогда, мнѣ кажется, упускать изъ виду, что въ великомъ входѣ, какъ и во всякомъ другомъ священнодѣйствіи, одно было вызвано сначала необходимостію и только уже со временемъ получило таинственное знаменованіе, другое опредѣлилось подъ вліяніемъ церковной символики и „ино нѣчто отъ священныхъ сосудовъ“ [1]) носилось просто въ цѣляхъ благообразія, отвѣчало потребностямъ паствы и состоянію самаго обряда. Торжественно совершается у насъ теперь и особенно на востокѣ при патріаршихъ служеніяхъ со всѣми членами Синода перенесеніе св. даровъ; еще великолѣпнѣе было обставлено оно въ XVII вѣкѣ на Руси и въ Великой Константинопольской церкви въ періодъ процвѣтанія Византіи, когда были на лицо богатыя служебныя средства и самъ императоръ въ роскошной обстановкѣ восточнаго повелителя являлся во главѣ многочисленнаго сонма участниковъ процессіи. Послѣдніе далеко не всѣ были одинаково-активными исполнителями обряда, хотя нѣкоторые изъ нихъ стояли внутренно *къ переносимымъ дарамъ* едва ли не ближе, чѣмъ сами священносовершители. Говоря это, разумѣю посвящаемыхъ въ іерархическія степени, новокрещенныхъ, брачившихся, вѣнчавшихся на царство царей, которые имѣли особенныя и вполнѣ понятныя побужденія дѣлать приношенія за себя въ знаменательные для нихъ дни, чтобы пріобрѣсть право на особую молитву церкви во время евхаристіи, а участіемъ въ пріобщеніи получить утвержденіе или запечатлѣніе только что совершеннаго надъ ними таинства или священнодѣйствія. Съ давняго времени лишенные возможности самолично приносить дары свои къ олтарю, эти и имъ подобныя лица, по воспоминанію о первохристіанскихъ порядкахъ, продолжали ходить съ возженными свѣчами очень долгое время предъ переносимыми дарами, а лица хиротонисуемыя и до сихъ поръ принимаютъ дѣятельное участіе въ великомъ входѣ [2]). Недужныхъ полагали въ былое время на полу, дабы медленно проходившіе по храму священнослужащіе съ дарами и святынями такъ или иначе прикоснулись къ нимъ. Иноки и міряне на востокѣ и до сихъ поръ выходятъ къ срединѣ церкви изъ своихъ стасидій и, склонивъ головы или преклонивъ колѣна, благоговѣйно, съ словами благоразумнаго разбойника встрѣчаютъ какъ бы самого Господа, таинственно грядущаго на страданія, и тѣмъ предваряютъ сдѣлавшійся обычнымъ съ XIV—XV вѣка возгласъ священнослужащихъ: *Всѣхъ васъ да помянетъ Господь Богъ*

[1]) Чиновн. архіер. священнослуж. лл. 36 об.; 116 об., сн. Мат. для истор. раск., ч. 2 стр. 315. [2]) *Горск. и Невостр.* Опис. Синод. рукопп. Ш, 1 стр. 33; сн. Вивліоѳ. XI, 37. М. 1789, изд. 2; преосв. *Порфирія*: Востокъ христ. Египетъ, ч. 2 стр. 3; *Аскоченскаго*: Кіевъ съ его древнѣйш. училищ. ч. I стр. 273.

во царствіи своемъ. Произносившійся по нѣкоторымъ памятникамъ трижды: при исхожденіи изъ предложенія въ *сѣверное* крыло храма, противъ западныхъ вратъ и по направленію къ южной сторонѣ, возгласъ сказывался, наконецъ, на солеѣ, примѣнительно къ лицу царя или князя, если они были при этомъ, и ожидавшаго въ св. дверяхъ дары архіерея, архимандрита и вообще предстоятеля. Принимая ихъ, послѣдній ничего не говорилъ или же повторялъ возглашеніе: Да помянетъ Господь Богъ всѣхъ васъ во царствіи своемъ, уже въ XVI—XVII вѣкѣ значительно осложнившееся, перешедшее въ *поименное* воспоминаніе живыхъ, какимъ мы знаемъ его теперь. На востокѣ, вмѣсто именъ царя, царицы, членовъ ихъ семьи и синклита, произносящихся у насъ всякій разъ за архіерейскою службой, безотносительно къ тому, присутствуютъ они за ней или нѣтъ, нерѣдко можно услышать, какъ архіерей, взявъ дискосъ и чашу на великомъ входѣ, гласно поминаетъ имена заурядныхъ членовъ церкви, живыхъ и усопшихъ, и даже читаетъ иногда разрѣшительныя молитвы тѣмъ и другимъ [1]). Это поминовеніе всѣхъ безъ различія, при принятіи у престола даровъ самимъ іерархомъ, возвращаетъ насъ къ первымъ вѣкамъ христіанства, въ которые съ принесеніемъ даровъ къ олтарю, какъ жертвы личной, непремѣнно соединялась молитва о принесшихъ, а равно и о тѣхъ, за которыхъ дары были принесены, а имена ихъ въ той или другой формѣ раздѣльно произносились на литургіи.

Вслѣдъ за возложеніемъ даровъ на жертвенникъ и всеобщимъ цѣлованіемъ въ знакъ мира присутствовавшихъ въ храмѣ „совершалось, по словамъ Діонисія Ареопагита, таинственное *провозглашеніе* священныхъ (*священнописьменныхъ*) *помянниковъ*“ [2]). Впрочемъ положеніе молитвъ за умершихъ и живыхъ членовъ церкви, соединявшихся съ воспоминаніемъ святыхъ и чтеніемъ диптиховъ, было не одинаково въ общемъ со-

[1]) См. *Εὐχολογ*, 1737 г., стр. 260; *Ἀρχιερ.* 1820 г., Констант. изд., стр. 33—35; 260; архим. *Порфирія* Путешеств. въ Метеорск. м-ри, стр. 70; Христ. Чт. 1871. II, 355; *Дмитріевскаго* А. А. Новоизбр. патр. Александр. Фотій Пероглу, оттискъ статьи изъ майской книжки Т. К. Д. за 1900 г., стр. 20. То, что дѣлается теперь на востокѣ на великомъ входѣ, у насъ въ старое время дѣлалось предъ литургіей. Въ Соборныхъ Чиновникахъ нерѣдко говорится, что архіерей и сослужившіе ему власти, облачившись, „глагогалютъ *архіерейскія* молитвы“..., а въ старыхъ Служебникахъ можно читать и самыя эти молитвы. Изъ нихъ чаще другихъ можно встрѣтить одну съ такого рода надписью: „Молитва *прощалная*, глаголемая отъ архіерѣа или отъ духовнаго отца хотящему причаститися божественныхъ животворящихъ таинъ“. Въ сочиненіяхъ первыхъ расколоучителей по адресу патр. Никона есть упреки и по тому поводу, что имъ опущены въ книгахъ архіерейскія молитвы и оставлено общее церковное прощеніе. Матеріалы для Истр. раскола, ч. III стр. 263, 300; IV, 193; V, 89. [2]) Писаній литург. т. I стр. 72, 83—84.

ставѣ литургіи. Резюмируя разности богослужебной на этотъ счетъ практики различныхъ церковныхъ областей, извѣстный Іаковъ, епископъ Едесскій, писалъ къ Ѳомѣ пресвитеру: „Живущіе въ царствующемъ городѣ (т. е. Константинополѣ) или въ греческихъ областяхъ совершаютъ поминовеніе такъ же, какъ и мы совершаемъ, т. е. сначала приносятъ (жертву), потомъ тотчасъ совершаютъ поминовенія... Александрійскіе же отцы иначе приносятъ, ибо они сначала исполняютъ чинопослѣдованіе поминовеній, а потомъ совершаютъ чинопослѣдованіе св. приношенія“ [1]). Другими словами: въ литургіяхъ египетско-александрійской отрасли молитвы за умершихъ и живыхъ читались съ диптихами въ началѣ евхаристійнаго канона, предъ воспоминаніемъ объ установленіи таинства, а въ литургіяхъ сирійско-антіохійскихъ онѣ помѣщались въ самомъ концѣ канона, т. е. тамъ же, гдѣ находятся и теперь въ литургіяхъ Василія Великаго и Златоуста. Не касаясь смысла этихъ молитвъ по воззрѣнію древней церкви, поминавшей за евхаристіей всѣхъ членовъ своихъ, не исключая даже Богоматери, а по словамъ Оригена—и безплотныхъ силъ (не потому ли эти молитвы и назывались въ нашихъ старыхъ Служебникахъ *всемірными?)* [2]), замѣтимъ лишь, что довольно долгое время онѣ произносились возгласно. Во всеуслышаніе, по окончаніи ихъ, читались тогда діакономъ съ амвона также диптихи (δίπτυχος, вдвое сложенный)—въ своемъ родѣ наши помянники, въ которыхъ на сторонѣ умершихъ значились имена мучениковъ, исповѣдниковъ, наиболѣе чтимыхъ епископовъ и всѣхъ вообще отшедшихъ изъ жизни сей въ мирѣ съ церковію, а на сторону живыхъ, въ параллель съ таблицами усопшихъ, заносились имена царей, лицъ извѣстныхъ своею жизнію или усердіемъ къ церкви и всѣхъ прочихъ членовъ церковной общины, дѣлавшихъ приношенія.

Обращаясь отъ сказаннаго къ современной практикѣ, легко видѣть что древнее поминовеніе въ существенномъ удержано, но поставлено теперь нѣсколько иначе: гласное чтеніе молитвъ за усопшихъ и живыхъ почти сплошь замѣнено тайнымъ, чтеніе диптиховъ давно перенесено въ проскомидію или начальную часть литургіи, а на прежнемъ мѣстѣ его сохранился лишь остатокъ въ видѣ краткихъ замѣтокъ: „здѣ архіерей (или священникъ) поминаетъ, яже хощетъ, живыя и умершія, или: *діаконъ поминаетъ помянникъ усопшихъ и живыхъ*“ [3]). Больше слѣ-

---

[1]) Собр. древн. литургій въ русск. пер. вып. Ш стр. 116. [2]) Опис. рукопп. Моск. Синод. библ. Ш, 1 стр. 66. [3]) Сн. старые греческіе и славянскіе Служебники со вписанными въ нихъ на этомъ мѣстѣ именами умершихъ и живыхъ хотя бы по описаніямъ рукописей Московск. Синод. библ. архим. *Владиміра*, ч.

довъ отъ древняго порядка поминовенія уцѣлѣло въ архіерейской службѣ, въ которой, какъ извѣстно, протодіаконъ, обратясь къ народу, говоритъ съ амвона или солеи: „*И всѣхъ и вся*“, какъ заключеніе словъ молитвы объ умершихъ, и затѣмъ велегласно поминаетъ изъ живыхъ: Святѣйшій Синодъ, служащаго преосвященнаго, царствующій домъ, палату и воинство, послѣ чего ликъ поетъ: *И о всѣхъ и за вся*, какъ возглашалъ тѣ же самыя слова, по прочтеніи диптиховъ, въ древности народъ. Правда, что протодіаконъ, произнося эти имена или такъ называемую великую похвалу, подобно архіерею, поминающему на великомъ входѣ царя, съ семьей, Св. Синодъ, синклитъ и всѣхъ православныхъ христіанъ, допускаетъ повтореніе, нарушающее нѣсколько цѣлостность рѣчи, но въ самомъ порядкѣ нельзя не видѣть довольно близкаго сходства съ древнѣйшею литургійной практикой. Послѣднее представится еще яснѣе, если принять во вниманіе постановку этой части литургіи на востокѣ въ сравнительно недалекое отъ насъ время, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и до сихъ поръ. Тамъ по окончаніи молитвы объ усопшихъ предстоятелемъ, діаконъ, ставъ близъ св. дверей, возглашалъ въ заключеніе ея: *И ихже кійждо въ помыслѣ имѣетъ и всѣхъ и вся*, а затѣмъ, послѣ повторенія ликами или народомъ конечныхъ словъ: *И всѣхъ и вся* и возгласа первослужащаго: *Помяни Господи всякое епископство православныхъ*—въ то время, какъ сослужившіе послѣднему поминали его, кликалъ великую похвалу, въ которой молился о всѣхъ патріархахъ, пресвитерствѣ, діаконствѣ, христолюбивыхъ царяхъ и т. д.

Отвѣтомъ на произнесеніе похвалы архидіакономъ снова было пѣніе народомъ: *И о всѣхъ и за вся*. Такъ совершалось, по словамъ старца Арсенія Суханова, поминовеніе или, что то же, чтеніе диптиховъ на востокѣ по *Достойно есть* не за архіерейскою только службой, но и за обычною священнической [1]) и такъ изображаютъ его давно многія древнегреческія (XII—XVII вв.) письменныя изложенія литургіи, первопечатныя Венеціанскія изданія ея, южнорусскіе, а вслѣдъ за ними и нѣкоторые наши Московскіе служебники XVII ст. Любопытно, что за моленіемъ о патріархахъ, мѣстномъ митрополитѣ или архіепископѣ въ нихъ слѣдуетъ прошеніе о *приносящемъ св. дары сія* Господеви Богу нашему, имя рекъ, *благоговѣйнѣйшемъ іереѣ или іеромонахѣ* [2]), а въ из-

I стрр. 376—378, 380, 384—385, и *К. И. Невоструева*, отд. III ч. 1, стрр. 37, 53—54, 66, 80, 98, 114—116 205, 207—208, 223—224. [1]) Проскинитарія стрр. 272 и 298 [2]) *Дмитріевскаго* Евхологіи, стр. 134; сн. 84—85, 134, 141, 143-144, 160-161, 501, 609, 824, 959-960; *его же* Богослуж. страстн. и пасхальн. седмицъ, стр. 265—266, прим. сн. стр. 307; *Красносельцева*: Матер. для ист. лит. I стрр. 27, 66—69, 111; *Мансветова*:

данныхъ при патр. Никонѣ Сборникѣ ектеній (1656 г.), произносимыхъ *діакономъ*, и обыкновенныхъ *священническихъ* Служебникахъ 1655 и 1658 гг., великую похвалу по *Достойно есть* находимъ изложенною приблизительно въ томъ видѣ, въ какомъ она начала появляться и печататься потомъ въ нашихъ Соборныхъ и Архіерейскихъ Чиновникахъ[1]).

Въ заключеніе рѣчей нашихъ объ особенностяхъ службы въ нашихъ древнихъ каѳедрально-епископскихъ церквахъ, столь старательно, какъ мы видѣли, воспроизводившихъ у себя порядки Великой Константинопольской церкви и такъ внимательно слѣдившихъ за движеніемъ богослужебнаго обряда на востокѣ вообще, нѣсколько замѣчаній о пріобщеніи священнослужащихъ на литургіи, совершаемой архіерейскимъ или соборнымъ служеніемъ. Въ настоящее время у грековъ, болгаръ, сербовъ и вообще на православномъ востокѣ епископы, митрополиты и даже патріархи, при малочисленности, а иногда и прямо ничтожномъ числѣ состоящаго при нихъ клира, сами причащаютъ нерѣдко всѣхъ служащихъ съ ними, не исключая и діаконовъ; преподаютъ послѣднимъ не только Тѣло Христово, какъ это дѣлается и у насъ, но и честную Кровь. И этотъ обычай ведется тамъ довольно давно. На вопросъ: „Изъ потира самъ-ли архіерей великій подаетъ, или кому иному даетъ?“ предложенный въ сентябрѣ 1651 года Александрійскому патріарху Іоанникію, нашъ Арсеній Сухановъ получилъ въ отвѣтъ, что

Митр. Кипріанъ, стр. V приложж.; сн. *его же*: Церковн. уставъ, стр. 405; *Гоара Εὐχολογ* р. 79, 143, 172; прот. *Никольскаго*: Возглашенія на литургіи о царѣ и царствующемъ домѣ, брош. стр. 19—20. [1]) Чиновн. архіер. дѣйства божеств. литургій 1668 г., л. 26 об.—27; Чиновн. Холмогорск. соб. стр. 25—26; Чиновн. архіер. священнослуж. л.л. 52 об.—53, 95. Москва 1897 г. При патр. Никонѣ и, конечно, съ его вѣдома справщики, при напечатаніи Служебника 1655 г., руководясь главнымъ образомъ Стрятинскимъ (1604 г.) изданіемъ его, а также слѣдуя отчасти тоговременной литургической практикѣ востока, печатнымъ греческимъ Евхологіямъ и Кіевскимъ Литургіаріямъ, внесли въ него между прочимъ возгласъ: *Господи, спаси благочестивыя*, возглашеніе патріаршаго и царскаго именъ на великомъ входѣ, *великую похвалу* и краткое многолѣтствованіе (а именно: *ис полла ети деспота* или: *на многа лѣта владыка*) со стороны лика, въ концѣ литургіи, священнику на благословеніе и слова его: *Спаси, Боже, люди твоя*. Это многолѣтствованіе вызвало упреки патр. Никону со стороны расколоучителей (Матер. для истор. раск. ч. III, стр. 268; IV, 108, 220; VI, 23-24, 159, 288; VII, 31) и въ Служебникѣ 1723 г., какъ мы видѣли, было оставлено. Великая похвала, напечатанная въ Служебникѣ 1665 г. такъ: „...діаконъ при дверехъ стоя (послѣ пѣнія ликомъ: *И о всѣхъ и за вся* и возгласа священника: *Въ первыхъ помяни, Господи*), глаголетъ: святѣйшаго патріарха и митрополита, и о приносящемъ святыя дары сія благоговѣйнѣйшемъ священницѣ, имя рекъ, и о спасеніи благочестиваго государя нашего...“, въ служебникахъ 1699, 1705, 1707, 1709 и 1717 г.г. помѣщалась уже съ характернымъ и вполнѣ понятнымъ ограниченіемъ: *аще архіерей служитъ*, а въ служебникѣ 1723 г. была и совсѣмъ опущена.

по раздаяніи священнослужащимъ Тѣла Христова, ,,изъ потира подавати подобаетъ самому архіерею великому", и только въ случаяхъ старости, немощи или присутствія за обѣднею царя ,,начальный архіерей" можетъ передать ,,ради поспѣшенія" потиръ иному для пріобщенія прочихъ. Въ Іерусалимѣ, Виѳлеемѣ и др. мѣстахъ старцу Арсенію не разъ доводилось потомъ быть свидѣтелемъ того, какъ патріархъ подавалъ Тѣло Христово въ олтарѣ всѣмъ служащимъ и даже не служившимъ съ нимъ попамъ и пріобщалъ изъ потира самъ діаконовъ[1]). Приведенный вопросъ былъ вызванъ очевидно найденною Сухановымъ разницею въ пріобщеніи священнослужащихъ на востокѣ по сравненію съ русскою церковью, въ которой вошло по мѣстамъ къ тому времени въ обычай, чтобы чашу съ Кровію діаконамъ и даже священникамъ подавалъ не предстоятельствовавшій въ службѣ архіерей, а первый по немъ священнослужащій: епископъ, архимандритъ, игуменъ или даже простой іерей. И замѣчательно, что практика эта, подмѣченная въ свою очередь на Москвѣ восточными патріархами и вызвавшая на соборѣ 1667 года противъ себя нарочитое постановленіе[2]), имѣла мѣсто у насъ не при архіерейскомъ только, но и при всякомъ другомъ, *соборномъ* служеніи литургіи. Въ памятникахъ, относящихся къ послѣднему, и въ особой, любопытной во многихъ отношеніяхъ статьѣ: ,,*О божественной литургіи какъ соборомъ служити*" помѣщавшейся чаще всего въ монастырскихъ уставахъ или обиходникахъ, пріобщеніе священнослужащихъ, при значительныхъ разностяхъ въ частностяхъ, въ общемъ описывается согласно, а именно: „*священникъ болшой возметъ часть тѣла Христова правою рукою, тремя персты, и подаетъ игумену, глаголя: честное и пречистое тѣло Христово подается рабу Божію... И игуменъ у него пріиметъ, и возметъ игуменъ з дискоса вторую часть тѣла Христова и подаетъ болшому священнику*". Держа въ рукахъ Тѣло Христово, они цѣлуются въ уста, или же священникъ цѣловалъ илитонъ и въ руку игумена и затѣмъ уже оба одновременно пріобщались. Подобнымъ образомъ и чашу съ Кровію священникъ подавалъ сначала игумену, а этотъ, пріобщившись самъ сначала, передавалъ ему. Остальные священники и діаконы принимали Тѣло Христово изъ руки игумена, а Крови пріобщались отъ старшаго священника, становившагося съ потиромъ на правой сторонѣ престола или къ горнему мѣсту, позади его.[3])

[1]) Проскинитарія стр. 46-47, 50-51, 88-89, 273-275; сн. Опис. рукопп. Моск. Синод. библ. III, 1 стр. 108. [2]) Дѣяній Моск. соб. изд. Братствомъ св. Петра митр., л. 10 счета 2-го. [3]) Описаніе рукопп. Моск. Синод. библ. III, 1 стр. 3—4, 67, 80, 404—405; Рукоп. Петерб. Дух. Акад. № 520, л. 32-34; *Дмитріевскаго*: Богослуж. въ русск. церк. XVI в., стр. 125, 127.

Этотъ способъ причащенія, за исключеніемъ начала, сходный съ практикуемымъ нынѣ при архіерейскомъ служеніи, предписывался нашими служебниками и уставами XII—XVII столл., дѣйствовавшими главнымъ образомъ въ монастыряхъ, но не безъизвѣстенъ онъ былъ и въ греческой церкви. По Симеону Солунскому и Димитрію Гемистѣ, протонотарію Великой церкви,[1]) патріархъ (вмѣсто него митрополитъ, архіепископъ) и новорукоположенный епископъ или за отсутствіемъ такового, первый изъ сослужившихъ архіереевъ, принявъ другъ отъ друга Тайны Христовы выше указаннымъ образомъ, причащали потомъ остальныхъ—патріархъ слѣва отъ престола преподавалъ Тѣло Христово, новопосвященный или старшій изъ іерарховъ справа честную Кровь. У обоихъ литургистовъ предметъ излагается въ связи съ хиротоніями, рѣчь идетъ у нихъ собственно о причащеніи посвящаемыхъ въ іерархическія степени, и это невольно наводитъ на мысль: не возникъ ли теперешній способъ причащенія священнослужащихъ впервые при обрядѣ поставленія? Дѣло въ томъ, что новорукоположенные въ отношеніи принятія св. Даровъ съ глубокой древности пользовались нѣкоторыми преимуществами сравнительно съ участвовавшими въ ихъ поставленіи священнослужащими: они не только пріобщались раньше лицъ, состоявшихъ съ ними въ одной степени, но и принимали очень долгое время большее или меньшее участіе въ преподаяніи имъ Таинъ Христовыхъ. По чинопослѣдованіямъ, раннѣйшимъ Симеона Солунскаго и большинству позднѣйшихъ его, новопоставленный епископъ, напримѣръ, первымъ пріобщившись Тѣла и Крови, преподавалъ оба вида таинства или одно Тѣло Христово остальнымъ, не исключая даже рукоположителя своего; посвященный во пресвитера, принявъ самъ св. Дары изъ рукъ хиротонисавшаго его *прежде* прочихъ іереевъ, преподавалъ потомъ св. чашу имъ, равно какъ и діаконамъ, получавшимъ Тѣло Христово при своей хиротоніи отъ епископа прежде также собратій своихъ и *причащавшимся* св. Крови обычно отъ того, кому предоставлялъ послѣдній [2]).

Въ этомъ способѣ причащенія, нельзя сказать, чтобы *опредѣленно-постоянномъ* въ древне-греческой церкви, видоизмѣнившемся на Руси въ XVII вѣкѣ въ смыслѣ усиленія и въ данномъ отношеніи служеб-

---

[1]) *Габерта* Архіератиконъ, стрр. 218-220; Писанія, относящ. къ истолков. богослуж., т. II стр. 239, 275 (сн. *Миня* Патрологію, греч. сер. т. 155, столб. 389, 428).
[2]) Morini Commentarv. de sacris ordinatt. II pagg. 55, 56, 61, 62, 64, 70, 72, 73, 75-76 77, 78, 80, 82, 83, 89, 91; *Гоара* Евхологіи, стрр. 251, 253, 254, 294, 295-296, 304; *Габерта* Архіератиконъ, стр. 311, 316, 319.

ныхъ преимуществъ рукоположителя за счетъ сокращенія правъ рукополагаемыхъ, пріобщавшихся теперь уже *не первыми*, а „по степени своему“ и переставшихъ (за исключеніемъ епископа) преподавать св. Тайны другимъ, находитъ близкую аналогію и, можетъ быть, историческое объясненіе своему происхожденію принятая на востокѣ и у насъ теперь практика причащенія священнослужащихъ при *соборномъ* совершеніи литургіи. Въ основѣ той и другой практики, намъ представляется, лежитъ 18-е правило перваго вселенскаго собора, по силѣ котораго діаконы, какъ „служители епископа и низшіе пресвитеровъ“, должны принимать евхаристію „по порядку, послѣ пресвитеровъ, *преподаваемую имъ епископомъ или пресвитеромъ*“. До Никейскаго собора діаконы, какъ видно изъ полнаго текста правила, злоупотребляя своими широкими вѣроятно первохристіанскими полномочіями по части принятія приношеній отъ вѣрующихъ, приготовленія изъ нихъ веществъ для таинства и причащенія св. Дарами мірянъ, причащались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не только прежде пресвитеровъ и даже самого епископа, но и преподавали первымъ св. Тайны. Пресѣкая злоупотребленія со стороны діаконовъ и сокращая ихъ старыя полномочія, отцы Никейскаго собора и предуказывали, намъ кажется, тотъ самый порядокъ пріобщенія священнослужащихъ, который выработался со временемъ и установился окончательно на востокѣ и у насъ при соборномъ совершеніи литургіи.

Приложенія [1]).

I.

О происхожденіи орлеца.

Присутствуя за соборною архіерейскою службой, какъ-то невольно и чуть ли не прежде всего въ сонмѣ священнослужащихъ замѣчаешь самаго маленькаго по положенію и въ большинствѣ случаевъ такого же ростомъ человѣка съ жезломъ въ одной рукѣ и небольшимъ круглымъ коврикомъ въ другой. Насколько общепонятно значеніе и ясно происхожденіе пастырскаго посоха, настолько же мало извѣстенъ смыслъ и уже совсѣмъ темна исторія такъ называемаго у насъ теперь орлеца, на которомъ тѣмъ или инымъ способомъ изображается городъ или, лучше сказать, кремль съ его башнями и забралами, а надъ нимъ парящій орелъ съ сіяніемъ вокругъ головы. Въ самомъ дѣлѣ, что означаютъ названныя подробности въ этой богослужебной принадлежности, и откуда вся она можетъ вести свое начало? Съ Симеона Солунскаго, сколько знаемъ, въ изображеніи на орлецѣ города толкователи видѣли и видятъ указаніе на епископію іерарха, въ подобіи орла—знакъ возвышенности богословія и вообще ученія его, а въ лучистомъ сіяніи усматриваютъ намекъ на благодатный для пасомыхъ свѣтъ отъ ученія епископскаго [2]).

---

[1]) Уже по напечатаніи сочиненія мы пришли къ мысли, въ качествѣ приложеній, присоединить къ нему три небольшихъ нашихъ статьи, на которыя мы неоднократно ссылаемся въ изслѣдованіи и въ которыхъ ведутся нарочитыя рѣчи о предметахъ, по тому или другому поводу нами выше затрогиваемыхъ. Съ помѣщеніемъ ихъ получатся, правда, повторенія въ нѣсколькихъ фразахъ, но зато нѣкоторыя изъ особенностей службы нашихъ старыхъ каѳедрально-епископскихъ церквей, а главное внѣшняя обстановка ея обрисуются для читателя яснѣе и нагляднѣе. Увеличится вмѣстѣ съ тѣмъ, надѣемся, и количество доводовъ въ пользу основныхъ положеній, раскрываемыхъ нами въ книгѣ.

[2]) „Избранный во епископа, прошедши три рѣки, начертанныя на полу мѣломъ и означающія даръ учительства, къ которому онъ призванъ, останавливается надъ городомъ, также нарисованнымъ и означающимъ его епископію; а на верху города подобнымъ же образомъ начертывается орелъ, означающій чистоту, православіе и высоту богословія, что изображаютъ и при сынѣ громовомъ Іоаннѣ Богословѣ, ученикѣ, дѣвственникѣ и наперсникѣ (Христовомъ). Посему орелъ имѣетъ и сіяніе, какъ означающій богословіе и благодать. Итакъ, ставши надъ городомъ, онъ произноситъ исповѣданіе свое... По совершеніи сего,

Словъ нѣтъ, что въ этомъ символическомъ объясненіи, отправляющемся отъ представленія орла при евангелистѣ Іоаннѣ Богословѣ, не мало поучительнаго и прежде всего для тѣхъ, которые становятся на орлецъ, но имъ могутъ неудовлетвориться лица, интересующіяся прошлымъ церковнаго обряда и каждой мелочью въ его обстановкѣ... Наблюдая за употребленіемъ орлеца, постиланіемъ его у насъ чаще всего среди самой церкви, солеи и предъ святымъ престоломъ, не разъ мы смутно спрашивали себя: не стоитъ ли этотъ церковный предметъ, помимо своего прямого назначенія, какъ и всякій коверъ, въ какомъ либо другомъ отношеніи къ устройству и украшенію названныхъ частей храмового помоста [1])?

Постилаемые епископу у насъ теперь очень часто за службой, по крайности чаще, чѣмъ того требуетъ Чиновникъ [2]), орлецы вовсе *неупотребительны* при обычномъ архіерейскомъ служеніи на востокѣ [3]), какъ отчасти и въ земляхъ славянскихъ; но нельзя сказать, чтобы въ качествѣ украшенія или символическаго знака орлы меньше, чѣмъ у

онъ восходитъ на орла, т. е. (символъ) богословія и высоты ученія". *Симеона Солунскаго* De sacris ordinationibus; *у Миня* Patrolog. ser. gr. t. 155, col. 408—409; русск. перев. въ Писаніяхъ св. отцевъ и учителей церкви, относящ. къ истолков. правосл. богослуженія, т. II стр. 256—257; сн. преосв. *Веніамина* Новую Скрижаль, ч. III гл. 6, § 4, стр. 296, изд. 15. СПБ. 1891 г.

[1]) См. выше стрр. 72—79.

[2]) Печатный Чиновникъ архіерейскаго священнослуженія, въ основу котораго легла *Ἑρμηνεία τῆς θείας λειτουργίας, писаніемъ преданная* Русскимъ Констант. патр. Аѳанасіемъ Пателаріемъ въ 1653 году, въ бытность его на Москвѣ, только дважды на всемъ своемъ протяженіи упоминаетъ объ орлецѣ: *„Приходя же* (архіерей), *станетъ пред святыми дверьми олтаря у амвона на орлецъ"* (См. начало литургій Злат. и Преждоосв. по Чиновн. архіер. лл. 4, 103, М. 1897). Наши соборные Чиновники, особенно позднѣйшіе по времени, и святительскіе старые Служебники XVI—XVII вв., говорятъ о болѣе частомъ *покладаніи* орла или орлеца подъ ноги архіерею, но и ихъ опередила современная на этотъ счетъ практика. Служебникъ XVI в., по которому „слави Бога преосв. митрополитъ Ростовскій и Ярославскій Іона", предписываетъ становиться на орлѣ, полагавшемся „на святительскомъ мѣстѣ", среди храма, предъ литургіей во время облаченія; въ царскихъ дверяхъ во время осѣненія свѣщею на церковь и благословенія народа со словами: *Спаси, Боже, люди твоя* и, наконецъ, на архіерейскомъ „степени" по литургіи, предъ конечнымъ „поученіемъ" и исхожденіемъ изъ храма (Рукоп. Моск. Синод. Библ. № 680, лл. 11, 51 об., 76, 80).

[3]) *„Орлецовъ подъ ногами"*, замѣтилъ еще въ половинѣ XVII в. старецъ *Арсеній Сухановъ*, ѣздившій на востокъ для изученія тамошней церковной обрядности, *„нѣту жъ ни у кого"*; токмо на поставленіи бываетъ на листу написанъ орелъ, на немъ же новопоставленный епископъ чтетъ исповѣданіе" (Проскинитарій, стр. 250. СПБ. 1889 г. Сн. Павла Алепскаго Путеш. Антіох патр. Макарія, въ переводѣ Муркоса, вып. II стр. 180). Тоже говорятъ и сами Греки, наприм. *Месолора* въ составленномъ имъ учебникѣ по Литургикѣ. *Ἐγχειρίδιον*, стр. 6, 41. Аѳины, 1895.

насъ, были извѣстны и желательны восточнымъ владыкамъ. Изображеніями ихъ, по словамъ путешественниковъ, украшены порталы нѣкоторыхъ каѳедральныхъ греческихъ и славянскихъ храмовъ и очень многія изъ ихъ утварей, задки и боковыя стѣнки архіерейскихъ олтарныхъ каѳедръ и внѣ-олтарныхъ троновъ, митры и гробницы константинопольскихъ патріарховъ и, что въ данномъ случаѣ для насъ особенно важно, орлы красуются тамъ иногда по срединѣ мозаическаго и даже мраморнаго церковнаго пола въ извѣстныхъ уже намъ омфаліяхъ [1]). Еще Григоровичъ-Барскій, описывая Христорождественскую соборную церковь въ монастырѣ Симопетра, замѣтилъ въ каменномъ помостѣ ея „пять марморовъ изряднѣйшихъ, посредѣ храма крестообразно расположенныхъ. Отъ ныхъ той, иже лежитъ посредѣ, иматъ изритаго орла двоеглавнаго и верху главъ ихъ вѣнецъ; два же, си естъ предный, иже къ царскимъ вратамъ, иматъ изрита василиска, а задный иматъ изрита на себѣ сосудъ съ цвѣтами, побочніи же два имутъ на себѣ изсѣченны львы, держащіи въ предныхъ ногахъ рипиды, имущіи верху главъ вѣнцы“ [2]). Рѣзное или мозаическое изображеніе орла можно и теперь наблюдать въ омфаліяхъ многихъ греческихъ церквей [3]), напримѣръ, въ патріаршемъ храмѣ св. Георгія въ Константинополѣ, въ Троицкомъ на о. Халки въ богословскомъ училищѣ, въ Аркадскомъ монастырѣ на о. Критѣ, а по мѣстамъ оно представляетъ, какъ передавали намъ лично сами греки—студенты, настолько неисключительное явленіе, что имя омфаліевъ имъ совсѣмъ неизвѣстно, а называютъ нынѣ ихъ словомъ ἀετός, орелъ. Объяснять нахожденіе орла въ омфаліяхъ *всѣхъ* греческихъ церквей построеніемъ или посѣщеніемъ послѣднихъ византійскими императорами значило бы наперекоръ исторіи связывать съ царями храмы, которыхъ ктиторами и посѣтителями они не были и быть по времени не могли [4]). Намъ представляется, что исполненный мозаикой или рѣзцомъ по камню орелъ въ

[1]) Преосв. Порфирія Первое путешествіе въ Аѳонскіе монастыри, ч. 1 стр. 63, 191, 211; ч. II стр. 77, 139, 146; его-же: Путешеств. въ Метеорск. монаст., стр. 42; архим. *Антонина*: Изъ Румеліи, стр. 170, 574; *Дмитріевскаго А.* Соврем. богослуж., стр. 92, 137.

[2]) Странствованія по св. мѣстамъ Востока съ 1723 по 1747 г., части III стр. 352, сн. II стр. 28, изд. Прав. Палест. Общ.

[3]) *Μεσολωρα*, *Ἐγχειρίδιον*, стр. 23.

[4]) Месолора, констатируя фактъ нахожденія во многихъ греческихъ храмахъ, въ срединѣ помоста ихъ, *мраморной плиты съ изображеніемъ двухглаваго орла, знака византійскихъ самодержцевъ*, объясняетъ его тѣмъ, что здѣсь будто бы помѣщался нѣкогда тронъ послѣднихъ. Объясненіе ошибочное. Только во время коронованія своего императоръ находился среди церкви, при чемъ помазаніе его мѵромъ, чтобы быть видимымъ народу, совершалось на амвонѣ. Codini De officiis cap. XVII.

цвѣтномъ кругѣ—омфаліи позднѣйшихъ греческихъ храмовъ по своему происхожденію то же, что нашъ круглый архіерейскій коврикъ съ орломъ, какъ нельзя лучше отвѣчавшій большею частію деревяннымъ поламъ не часто блиставшихъ мраморами и мозаикой нашихъ старинныхъ храмовъ [1]).

Но какимъ образомъ орелъ—символъ верховной свѣтской власти и вмѣстѣ государственная эмблема Византіи—могъ появиться въ числѣ архіерейскихъ инсигній на подножномъ коврѣ или въ омфаліи церковнаго пола? Орлы, украшавшіе императорскій тронъ, нашивавшіеся или набивавшіеся на тканяхъ для царскаго гардероба, на разныхъ частяхъ ихъ домашняго и выходного наряда, на царскомъ сидѣніи и подушкахъ, *коврикахъ и обуви* [2]), въ XIII—XIV вѣкахъ принадлежали къ числу несомнѣнныхъ отличій церемоніальныхъ одеждъ высшихъ сановниковъ имперіи. У деспотовъ и севастократоровъ—этихъ первыхъ лицъ послѣ царя маленькіе орлы составляли, по Кодину, довольно видное украшеніе въ костюмѣ и между прочимъ жемчугомъ или пурпуромъ вышивались на ихъ обуви [3]). Еще Михаилъ Палеологъ, ставши императоромъ, одному изъ севастократоровъ въ награду за заслуги и въ видѣ почетнаго отличія отъ другого „предоставилъ право носить золотые орлы на лазоревыхъ сапогахъ“ [4]). Патріархи и митрополиты, епископы и архимандриты, какъ и прочіе высшіе члены клира, разсматривались въ Византіи не только какъ церковно-іерархическія лица, но и обще-государственные чины. Восточные патріархи и прежде всего вселенскій Константинопольскій, къ которому даже при своемъ вѣнчаніи на царство императоръ обращался не иначе, какъ къ всесвятѣйшему владыкѣ своему (τῷ παναγιωτάτῳ μου δεσπότῃ) [5]), и при пріемахъ во дворцѣ и, такъ сказать, по рангу, и отчасти въ одеждахъ своихъ при-

---

[1]) *Проф. Голубинскаго* И. Р. Ц. I, 2 стрр. 239, 907, изд. 2.

[2]) Сухановъ, описывая большую церковь въ монастырѣ св. Саввы Освященнаго, построенную Іоанномъ Кантакузеномъ, говоритъ (Проскинит. стр. 196), что „образъ ктитора написанъ въ церкви на западной стѣнѣ и съ женою въ царскомъ платьѣ и въ вѣнцахъ; *на подножіяхъ написаны орлы двоеглавные*“. О царской обуви особаго рода съ вышитыми на ней камнями и жемчугомъ орлами говоритъ Кодинъ (De officiis cap. V, § 10, p. 31. Bonnae 1839). Обычай украшать предметы царскаго обихода орлами изъ Византіи перешелъ на Русь и получилъ еще болѣе широкое примѣненіе у насъ. *Забѣлинъ И. Е.*, О металлич. производствѣ въ Россіи въ Записк. Имп. Археол. Общ. т. V, стрр. 52, 64, 73—75, 80, 83, 86, 95, 104, 106.

[3]) Codini De officiis. cap. III. p., 13—16, cap. II, p. 6—7.

[4]) *Никифора Григоры* Римск. Истор. кн. IV гл. I; русскій перев., т. I стр. 75. СПБ. 1862.

[5]) Codini De officiis c. XVII, p. 87; сн. с. III, p. 16—17; c. V, p. 34.

равнивались къ деспотамъ [1]). Къ нимъ, какъ *духовнымъ деспотамъ*, въ числѣ другихъ принадлежностей царскаго костюма, вмѣстѣ со всѣми этими саккосами, табліонами на мантіяхъ, диканикіями и скіадіями могли легко перейти путемъ царскаго пожалованія и орлы въ качествѣ почетнаго украшенія на обуви ли то или подножномъ коврикѣ. Любопытное, хотя и позднѣйшее, на этотъ счетъ указаніе находимъ въ извѣстномъ Проскинитаріи нашего Арсенія Суханова. Онъ передаетъ, что Антіохійскій патріархъ, облачаясь предъ обѣдней, перемѣнялъ обувь и надѣвалъ кундуры —„башмаки, *на нихъ же по червчатому отласу вышиты золотомъ орлы двоеглавые*“, поясняетъ Арсеній. „А александрійскій нынѣшній (патріархъ) учинилъ, смотря на антіохійскаго, а въ прежнихъ того не было чина, а антіохійской, сказываютъ, издавна тотъ чинъ имать“ [2]). И нѣтъ основаній не довѣрять этимъ словамъ наблюдательнаго старца Арсенія, особенно въ виду извѣстія въ хроникахъ Скилицы и Глики о томъ, какъ еще въ XI столѣтіи недовольные Константинопольскимъ патріархомъ Михаиломъ Керулларіемъ винили его за то, что онъ надѣвалъ *красныя туфли* [3]), обувь императорскую, говоря, что это—принадлежность древняго архіерейства, которою Константинопольскому патріарху прилично пользоваться, такъ какъ достоинство архіерея нисколько не ниже достоинства царя, а въ предметахъ высшихъ даже преимуществуетъ. Можетъ быть, это обвиненіе было и несправедливо [4]), но нельзя отрицать совсѣмъ у Керулларія и ему по-

---

[1]) Ibidem cap. XIX: О производствѣ патріарховъ и архіепископовъ особенно на стр. 102—103.

[2]) Проскинит. стр. 254; сн. рукоп. Моск. Синод. библ. № 698 л. 69, по Опис. Невостр. и Горск. № 369. Полагая на ноги кундуры (*κόθορνοι*?), Александрійскій патріархъ говорилъ: *„Яко красны ноги благовѣствующихъ миръ, благовѣствующихъ блага*, а Антіохійскій: Се дахъ вамъ власть наступать на змію и скорпію и на всю силу вражію, и ничесоже васъ вредитъ . . . А у Ерусалимскаго кундуры во облаченіи не премѣняютъ, но въ которыхъ придетъ, въ тѣхъ и служитъ: сказываютъ, издавна такъ“.

[3]) *Ἐπελάβετο κοκκοβαφῆ περιβαλεῖν πέδιλα* (Ioh. Curopal. Scyl., p. 634; сн. Glyc. 601. Editt. Bonnae). Обувь царская въ Обрядникѣ обозначается епитетами *ῥοῦσα ἤτοι κόκκινα* (De cerimonn. lib. I cap. 96, p. 434. Edit. Bonnae; сн. *Никиты Хоніата* Истор., русск. перев. т. I, стрр. 63, 142, 180, 268, 275, 411, 412; сн. стр. 296; т. II стрр. 28, 109 и 307, 358; *Никифоры Григоры* Истор., русск. перев. стр. 67). *Красный* или *багряный* цвѣтъ не только отличалъ императорскую обувь, но и вообще предпочитался византійскими самодержцами при отдѣлкѣ дворца, начиная съ *пурпуровой* комнаты, въ которой рождались и отъ которой назывались *порфирородные*, при устройствѣ и убранствѣ троновъ, украшеніи костюма и утварей; даже подписывались они, какъ видно изъ указанныхъ мѣстъ, киноварными чернилами (*Анны Комниной* Сокращ. сказан. о дѣлахъ царя Алексѣя Комнина, русск. пер. ч. 1, стр. 318, 419).

[4]) Скабалановичъ, Византійское государство и церковь въ XI в., стр. 386—387.

добныхъ лицъ, любившихъ окружать себя при служеніи пышностью и роскошью, понятнаго стремленія возвысить и отличить патріаршій санъ знаками царскаго достоинства [1]). Право украсить орлецомъ одну изъ принадлежностей служебнаго облаченія, дарованное императоромъ сначала вѣроятно въ видѣ награды или личнаго преимущества кому-либо изъ патріарховъ, могло перейти со временемъ, особенно съ паденіемъ Константинополя, когда обязанности и прерогативы царя православнаго естественно переносились сознаніемъ Грековъ на высшихъ вообще представителей церковной власти, и къ нѣкоторымъ другимъ іерархамъ, какъ перешли ко всѣмъ епископамъ отъ патріарховъ и избранныхъ митрополитовъ полиставріи и саккосы, предносныя лампады и тому подобное. Московскій ссборъ 1675 г., подробно разсуждавшій объ облачебныхъ преимуществахъ русскихъ архіереевъ, по воспоминанію о „предѣлахъ, яже положиша отцы", продолжалъ видѣть въ коврѣ не столько принадлежность обще-архіерейскаго служенія, сколько почетное отличіе, которымъ пользоваться въ присутствіи служащаго патріарха позволялъ онъ только митрополитамъ Новгородскому и Казанскому [2]).

Переходъ орловъ съ обуви, а тѣмъ болѣе съ подножныхъ ковриковъ на омфалій въ средину церковнаго пола уже не представлялъ изъ себя чего-либо невозможнаго или безпримѣрнаго. Дѣло въ томъ, что съ очень ранняго времени, частію по подражанію классической древности, частію, быть можетъ, изъ противодѣйствія ея ученію о священныхъ омфалосахъ [3]), ея манерѣ набирать въ помостѣ сюжеты не всегда при-

[1]) По поводу стремленія нѣкоторыхъ восточныхъ іерарховъ отличить себя отъ мірянъ и въ отношеніи обуви невольно вспоминается исторія съ папскими туфлями, украшавшимися изстари знакомъ креста. Kraus'a Real-Encyklop. s. v. Schuhe. Вальсамона толков. на 28 прав. Халкид. соб., по изд. Общ. люб. духовн. просв. ч. I стр. 249.

[2]) *Амвросія* Истор. Россійск. Іерархіи, ч. I стр. 332, 336; Чиновн. Новгор. Соф. соб. стр. 185.

[3]) *Ὀμφαλός*, umbilicus, собственно значитъ *пупъ*, вообще средина, центръ. Этимъ именемъ обозначалась выпуклость на срединѣ щита. Представляя землю на подобіе послѣдняго, дискообразною, древніе убѣждены были, что и у нея есть своего рода пупъ. Въ одной изъ затерянныхъ пѣсней Пиндара разсказывалось, что Зевсъ, желая опредѣлить мѣстонахожденіе его, выпускалъ двухъ орловъ—одного къ западу, другого къ востоку, и они встрѣтились въ Дельфахъ, которыя и признаны были срединою земли. Въ Дельфійскомъ храмѣ пупъ земной былъ обозначенъ, по словамъ Павзанія, бѣло-мраморнымъ камнемъ, подлѣ котораго до Фокидской войны стояли золотыя изображенія орловъ. Честь быть средоточіемъ земнымъ оспаривали у Дельфъ Сицилія, Пелопоннесъ, гора Ликаонъ, острова Критъ и Кипръ, Мизійскій городъ Паріонъ, Кизикъ. Въ каждомъ изъ названныхъ мѣстъ указывались пункты, по большей части святилища, съ *омфалосами*, вибивались монеты съ ихъ изображеніями; но лучшими людьми: Платономъ, Страбономъ, Плутархомъ и др. за средину земли признавались

стойнаго содержанія, вошло въ обычай и между христіанами не довольствоваться при устроеніи мозаическихъ половъ въ церквахъ простымъ геометрическимъ узоромъ, въ видѣ квадрата, ромба, круга, но заполнять и оживлять, по крайней мѣрѣ, главныя мѣста или поля въ нихъ разнаго рода изображеніями изъ миѳологіи, царствъ растительнаго и животнаго, изъ области географіи и астрономіи, наконецъ церковно-библейскими символами. По срединѣ мозаическаго пола названной уже нами катакомбы св. Елены среди кружковъ и четырехъ равноконечныхъ крестовъ изъ плетеній изображенъ голубь съ оливковою вѣткой—символомъ мира, мира загробнаго. Въ помостѣ соборной крещальни въ Діѣ, въ Испаніи, въ соотвѣтствіе съ назначеніемъ зданія и вѣроятно по аналогіи съ райскими рѣками изображены четыре источника съ плавающими въ нихъ рыбами и птицами на водяныхъ растеніяхъ — вѣроятно образомъ вѣрующихъ, возрожденныхъ св. крещеніемъ и вкушающихъ его спасительныхъ плодовъ [1]). Замѣчательная мозаика пола въ небольшой церкви великомуч. Христофора въ Сурѣ (Kabr-Hiram)—древнемъ Тирѣ въ Финикіи, среди сплетающихся вѣтвей и богатой листвы, въ 95 медальонахъ изображаетъ звѣрей (льва, медвѣдя, пантеру, лисицу съ пѣтухомъ, слона, лошадь, оленя и т. д.), птицъ, рыбъ, сцены охоты и дѣтскихъ игръ, емблемы мѣсяцевъ, четырехъ временъ года и столькихъ же вѣтровъ, а въ центрѣ средняго корабля крестъ съ надписью вокругъ его о томъ, что такимъ чуднымъ ковромъ украсилъ храмъ „архіерей и хорепископъ Георгій“ [2]).

Дельфы (подробнѣе см. Ersch und Gruber, Allgemeine Encyklopädie, III sect., 3 th. ss. 391–393, s. v. omphalos). Сказаніе объ извѣстномъ Іерусалимскомъ пупѣ земли, передаваемое весьма многими средневѣковыми латинскими, греческими и нашими древне-русскими, начиная съ игумена Даніила, паломниками, возникло не безъ вліянія вышеизложенныхъ вѣрованій древнихъ, а можетъ быть и въ противовѣсъ имъ. По *Разсказу и путешествію по св. мѣстамъ* Даніила, митропол. Ефесскаго XV в., средина земли въ серединѣ знаменитаго Іерусалимскаго храма показана *посредствомъ нѣкоего пупа, изсѣченнаго изъ мрамора (οὗτος ἐν τῷ μέσῳ αὐτοῦ τὸ μέσον δείκνυσι τῆς γῆς δι' ὀμφαλοῦ τινος γλυπτοῦ ἐκ μαρμάρου*: Прав. Пал. Сборн. вып. VIII, стр. 11 и 40). Отличаясь по самому своему устройству отъ обычнаго среди-церковнаго круга другихъ греческихъ храмовъ, Іерусалимскій земной пупъ своимъ видомъ *выпуклымъ* напоминалъ древне-греческій омфалосъ. Въ оправданіе мнѣнія, по которому въ Іерусалимѣ—центръ земли, ссылались обычно на слова Псалмопѣвца (LXXII, 12): *Богъ же царь нашъ прежде вѣка содѣла спасеніе посредѣ земли*; и слѣдующее мѣсто изъ прор. Іезекіиля (V, 5): *Сія глаголетъ Адонаи Господь: сей Іерусалимъ посредѣ языковъ положихъ его и страны, яже окрестъ его.*

[1]) Kraus, Real—Encyklopädie s. v. Mosaik, B. II. s. 424. Въ базиликѣ св. Репарата въ Орлеансвиллѣ, въ Алжирѣ, мозаическій полъ найденъ съ исполненною въ немъ надписью: Sancta ecclesia и Marinus sacerdos.

[2]) Schultze, Archäologie d. Altchristl. Kunst, s. 200—201.

Если не ошибаемся, весьма близка къ описанной по содержанію и общей композиціи прекрасная также мозаика пола въ открытомъ въ недавнее совсѣмъ время при раскопкахъ въ Херсонесѣ древнемъ *крестообразномъ* храмѣ. Въ завиткахъ поднимающихся изъ вазы и стелющихся по помосту вѣтвей она представляетъ птицъ: орла, голубя, утку и проч., рыбъ, цвѣты, плоды и четырехконечные крестики. Въ помостѣ одной изъ древнѣйшихъ тоже Херсонесскихъ базиликъ среди кружковъ съ небольшими сѣроватыми птицами, предполагаютъ цесарками, былъ найденъ довольно большой овалъ съ изображеніемъ павлина съ распущеннымъ надъ головой хвостомъ [1]). Въ Византіи повидимому былъ особенно распространенъ обычай красками писать или на половомъ мраморѣ вырѣзывать крестъ, если Трулльскій соборъ отлученіемъ, а гражданская власть тягчайшимъ наказаніемъ вынуждены были угрожать тѣмъ, которые впредь будутъ на полахъ церквей и вообще на землѣ начертывать крестъ, „дабы знаменіе нашей побѣды не было оскорбляемо попираніемъ ходящихъ“ [2]). Ничто не мѣшало, стало быть, а наоборотъ все способствовало вслѣдъ за этими излюбленными сюжетами древне-христіанскаго искусства появиться *на подножномъ служебномъ коврѣ или среди храма на помостѣ* и орлу, въ качествѣ своего рода центральной фигуры, съ тѣмъ или другимъ внутреннимъ значеніемъ. И онъ дѣйствительно явился въ указанныхъ мѣстахъ и едва ли не впервые при архіерейскомъ поставленіи въ довольно сложномъ, оригинальномъ и содержательномъ сочетаніи.

Избранный во епископа предъ своимъ посвященіемъ, какъ извѣстно, произноситъ теперь исповѣданіе вѣры, стоя въ церкви или назначенномъ для того домѣ на большомъ коврѣ съ изображеніемъ города и надъ нимъ орла. Въ XIV—XVII вѣкахъ въ Греціи и у насъ [3]) послѣдняго рисовали красками или мѣломъ на хартіи или прямо на полу въ церковномъ притворѣ, при западныхъ (=царскихъ) вратахъ храма или чаще посрединѣ его, между амвономъ и нарочито устроявшимся трехступеннымъ возвышеніемъ съ каѳедрой для рукополагавшаго. „Насреди, ко амвону, на помостѣ церковнѣмъ, написуеть, кто умѣтель, орла единоглавна, крила имѣя простерты, права стояща на ногахъ; подъ

[1]) Извѣстія XII археол. съѣзда въ г. Харьковѣ, стр. 55. *Кондакова* Русскія древности, вып. IV стр. 22—23 и особенно рис. 1.

[2]) Правило 73, въ русск. перев. въ изд. Общ. любит. дух. просвѣщ., стр. 515—516; сн. *архим. Іоанна* Курсъ церк. законовѣд., вып. 2 стр. 468, прим. 432.

[3]) *Дюканжъ*, Glossar. graecit. s. v. *ἀετός*, coll. 30, 31 и Index auctorum: Demetr. Gemista, col. 25; сн. Haberti *Ἀρχιερατικόν*, p. 1—2; Дмитріевскаго А. А. *Εὐχολόγια*. *с.* 298—299.

ногами же его градъ написати и съ заборолы и столпы, орлу же крѣпко ногами наступившу на столпѣхъ оныхъ, и тако стрегуть не ступити никому же нань“ [1]). На востокѣ встарину ниже города чертили еще какъ бы три рѣки, означавшія, по Симеону Солунскому, даръ учительства, къ которому призывался поставляемый. Легко видѣть, что на всемъ этомъ изображеніи уже лежитъ глубокій слѣдъ символизирующей дѣятельности христіанскаго сознанія на почвѣ библейскихъ представленій [2]), какъ нельзя, мнѣ кажется, совсѣмъ отвергать и той мысли, что подъ символической оболочкой могло быть скрыто въ свое время историческое содержаніе. Нельзя категорически отрицать возможности замѣны подъ вліяніемъ церковной символики двухглаваго византійскаго орла въ картинѣ одноглавымъ, царскаго вѣнца надъ головами сіяніемъ вокругъ одной изъ нихъ; даже источники—ποταμοί, бывшіе въ помостѣ великой церкви, чрезъ которые нужно было проходить посвящаемымъ, могли повториться въ ней. Объясняя городъ на орлецѣ въ смыслѣ паствы поставляемаго и орла съ сіяніемъ въ значеніи свѣта для нея

---

[1]) Русск. Ист. Библ. т. VI, ст. 449; Акт. Археогр. Эксп. т. I, № 375, стр. 469.

[2]) Въ библіи и въ писаніяхъ отцовъ церкви орелъ—эта сильная, высоко парящая и гнѣздящаяся птица, могущая смотрѣть прямо на солнце, ежегодно оперяющаяся и какъ-бы обновляющаяся—нерѣдко употребляется въ качествѣ символа для обозначенія разнообразныхъ лицъ и понятій (Iезек. I, 10, XVII, 3 и слѣд.; Iерем. IV, 13; Iова IX, 26; Авд. I, 4; Псал. CII, 5 и др.). И на памятникахъ древне-христіанскаго искусства она встрѣчается въ разныхъ значеніяхъ: то въ качествѣ символа еванг. Іоанна, то для выраженія вѣры въ будущее воскресеніе и надежды на возрожденіе водами крещенія (Kraus, Real-Encyklop. s. v. Adler; Martigny, Dictionn. s. v. Aigle; Cloquet, Elements d'Iconographie. p. 303—306). Считаясь царемъ птицъ, орелъ выдѣляется изъ ряда ихъ еще особенно-нѣжною любовію къ птенцамъ своимъ: не только ограждаетъ ихъ отъ враговъ въ гнѣздѣ своими распростертыми крыльями, но беретъ на послѣднія своихъ дѣтенышей и улетаетъ вмѣстѣ съ ними въ минуту опасности. Сказаніе объ этомъ, распространенное въ древности, было извѣстно ветхозавѣтнымъ писателямъ, и прор. Моисей изъ него заимствовалъ образъ для выраженія любви Іеговы къ избранному Израилю, когда говорилъ къ послѣднему именемъ Божіимъ при Синаѣ: „Вы видѣли, что Я сдѣлалъ Египтянамъ, и какъ *Я носилъ васъ какъ-бы на орлиныхъ крыльяхъ* и принесъ васъ къ себѣ“ (Исх. XIX, 4), и еще, послѣ сорокалѣтняго странствованія по пустынѣ: „Какъ орелъ вызываетъ гнѣздо свое, носится надъ птенцами своими, *распростираетъ крылья свои, беретъ ихъ* и носитъ ихъ на перьяхъ своихъ: такъ Господь одинъ водилъ его, и не было съ Нимъ чужаго бога“ (Второзак. XXXII, 11—12). У прор. Iезекіиля *орелъ великокрилый* упоминается въ связи съ *градомъ огражденнымъ* (XVII, 3—10). Лицо, создававшее или, лучше сказать, *по-церковному* осмысливавшее картину, прежде рисовавшуюся на полу, а теперь изображаемую на коврѣ, могло воспользоваться отмѣченными выше мѣстами свящ. Писанія и всей вообще библейской символикой орла, какъ позднѣе Симеонъ Солунскій, изъясняя тотъ же сюжетъ примѣнительно къ случаю, пользовался только частію ея—изображеніемъ орла при Іоаннѣ Богословѣ.

отъ возвышенной проповѣди послѣдняго, толкователи схоластики склонны придавать символическое значеніе самымъ перехожденіямъ рукополагаемаго епископа, при исповѣданіи вѣры, съ хвоста орла на его средину, со средины на главу. Древнѣйшіе чины епископской хиротоніи, предписывавшіе изведенному изъ олтаря посвящаемому творить поклонъ посвящавшему на одной изъ рѣкъ (κατὰ ποταμὸν προσκυνεῖν); надъ городомъ, предъ лицомъ паствы свидѣтельствовать свое исповѣданіе и съ возгласомъ архидіакона: *Повелите* (κελεύσατε), позднѣе: *Вонмемъ*, направляться по орлу къ предстоятелю и, получивъ отъ него благословеніе на новое званіе, съ поклономъ цѣловать у него колѣно, десницу и правую ланиту, при многолѣтствованіи со стороны псалтовъ [1]), невольно переносятъ мысль нашу въ византійскій дворецъ, въ которомъ лица, производившіяся императоромъ въ придворные чины и должности, напримѣръ: куропалата, магистра, или же только представлявшіеся ему или одному изъ сановниковъ его, должны были проходить съ извѣстными поклонами черезъ три порфировыхъ ступени трона или таковыя же омфаліи въ полу [2]). Проливая фактическій свѣтъ на одну изъ подробностей въ обстановкѣ архіерейской присяги, византійскій Обрядникъ въ нѣкоторой степени подкрѣпляетъ высказанныя нами догадки и соображенія объ отношеніи архіерейскаго орлеца, на которомъ совершалась и совершается послѣдняя, къ древне-византійскому омфалію и нашей древне-русской мѣрѣ среди церкви.

Какъ хорошо и легко было-бы строителямъ нашихъ современныхъ храмовъ, начавшихъ все чаще и чаще украшаться на подобіе древнихъ дорогими лиѳостротонами и мозаикой, воскресить въ нихъ древне-византійскій омфалій, нашу старинную „мѣру среди веркви“. Съ возстановленіемъ ея уменьшилось бы, думается намъ, смятеніе, каждый разъ вызываемое за богослуженіемъ постиланіемъ разнаго рода ковровъ и обычныхъ ковриковъ. Народъ не будетъ становиться въ уставные моменты службы на эту священную мѣру, какъ не становится онъ на амвонъ и облачальное архіерейское мѣсто.

---

[1]) Дмитріевскій, *Εὐχολόγια*, *σ.* 299; Haberti *Ἀρχιερατικ.* p. 26—28; Morini De sacris ordinatt. p. II pag. 97, 98, 100, 189—190; сн. Дюканжа Gloss. graecit. s. v. *ἀετός* pag. 30—31; Gor. *Εὐχολογ.* p. 305, 306, 308, 310—311; Р. И. Б. VI, 451, 455—456.

[2]) Constant. Porphyrog. De cerimonn. lib. I capp. 45—46, pag. 229—230, 232—233, 235; Бѣляева Byzantina, I стр. 57; II стр. 31—32.

II.

О старомъ архіерейскомъ мѣстѣ въ храмѣ [1]).

Въ соборныхъ, многихъ приходскихъ и даже монастырскихъ церквахъ Греціи, Болгаріи и Сербіи подлѣ праваго хора, насупротивъ южныхъ дверей олтаря, есть мѣсто для святителя, такъ называемый архіерейскій тронъ (ἀρχιερατικὸς θρόνος, στασίδιον). Въ каѳедральныхъ храмахъ православнаго востока онъ представляетъ столь же заурядное явленіе, сколько обычна игуменская каѳедра въ тамошнихъ монастыряхъ. Въ главнѣйшихъ изъ нихъ, напримѣръ въ константинопольской патріархіи, имѣется два трона: одинъ для стоянія патріарха *со славою*, въ мантіи и въ преддержаніи архидіакономъ посоха, по праздникамъ, другой (παραθρόνιον) назначенъ для дней рядовыхъ [2]). Будучи иногда одинаковаго почти устройства съ игуменскими мѣстами, архіерейскій тронъ въ однѣхъ восточныхъ церквахъ мало чѣмъ отличается отъ стасидій или мѣстъ для чтецовъ, пѣвцовъ и мірямъ, рядами расположенныхъ возлѣ храмовыхъ стѣнъ, столбовъ и колоннъ; въ другихъ замѣтно выдѣляется изъ нихъ по своему положенію, виду и украшенію. На подобіе каѳедры съ задкомъ въ ростъ человѣка и погрудными стѣнками, съ дверцею или занавѣсью вмѣсто нея, съ кресломъ посрединѣ и иногда съ шатровымъ или пирамидальнымъ верхомъ, въ родѣ балдахина, оно возвышается двумя и болѣе ступеньками надъ остальнымъ помостомъ храма. Сдѣланное зачастую цѣликомъ изъ чернаго, грушеваго или кипарисоваго дерева добрымъ столярнымъ мастерствомъ, сплошь покрытое

---

[1]) Къ стрр. 126, 162, 165–166, 174–175.

[2]) Не достался ли одинъ изъ троновъ въ наслѣдство константинопольскому патріарху послѣ царей византійскихъ, и не отсюда ли пошло не совсѣмъ понятное для насъ самое это *двупрестоліе*?—Въ Типикѣ Великой церкви есть особая рубрика, гдѣ перечислены праздники, въ которые святѣйшій становится на своемъ *вселенскомъ* тронѣ, а именно: на субботнихъ вечерняхъ и воскресныхъ утреняхъ всего года, 8 и 14 сент., 26 окт., 8 и 21 ноября, 6, 24—26 дек., 1, 5—7 и 30 янв., 2 февр., 25 марта, 23 апр., 24 и 29 іюня, 11 іюля, 6, 15 и 29 авг., въ субботу акаѳиста, въ великіе четвергъ, пятницу и субботу, въ первые три дня Пасхи, въ пятницу на Ѳоминой, въ день Вознесенія и на память своего ангела. Въ остальные дни онъ слушаетъ службу съ паратронія, съ такъ называемаго *Гедеки. Τυπικον*, изд. Константиномъ протопсалтомъ въ Константинополѣ въ 1838 году, стр. 212—213. Подобный порядокъ въ стояніяхъ игумена наблюдается и въ нѣкоторыхъ, напримѣръ, Аѳонскихъ монастыряхъ. *Дмитріевскаго* Современное богослуженіе на правосл. востокѣ, вып. 1 стр. 95.

иногда самою искусною и затѣйливою въ рисункѣ рѣзьбой или же превосходной инкрустаціей изъ слоновой кости, перламутра или черепахи, въ рѣдкихъ случаяхъ устроенное изъ камня и облицованное мраморами, архіерейское мѣсто служило и служитъ однимъ изъ лучшихъ украшеній восточныхъ церквей. Въ глубинѣ его, на внутренней сторонѣ самой спинки или же на прикрѣпленной къ ней доскѣ, помѣщается обыкновенно изображеніе Великаго Архіерея, или возсѣдающаго на каѳедрѣ и благословляющаго Вседержителя, или котораго-либо изъ апостоловъ, святителей или просто храмового святого [1]). Въ нѣкоторыхъ церквахъ это постоянное, такъ сказать, изображеніе замѣняется временно поставляемою на архіерейскомъ сѣдалищѣ тою или другою иконой, подобно тому, какъ полагалось въ древности на горнее мѣсто въ олтарѣ евангеліе на литургіи въ извѣстные дни, когда епископъ сходилъ съ него для совершенія тѣхъ или другихъ священнодѣйствій [2]). Въ Никольскомъ храмѣ стáрой патріархіи въ Каирѣ, въ день памяти евангелиста Марка, писалъ въ свое время преосв. Порфирій Чигиринскій [3]), „во всю Божію службу (на литургіи, совершавшейся самимъ патріархомъ 25 апр. 1850 года) на святительской каѳедрѣ стояла икона сего евангелиста и предъ нею горѣла большая свѣча, какую обыкновенно держатъ передъ патріархомъ, какъ будто еванг. Маркъ стоялъ тутъ живой. Въ этомъ выражалось", поясняетъ нашъ авторъ, „и преданіе о святомъ евангелистѣ, основавшемъ церковь Христову въ Египтѣ, и догматы о другъ другопріимательной благодати священства"...

Немного сохранилось архіерейскихъ внѣолтарныхъ троновъ отъ старыхъ временъ въ греческихъ и юго-славянскихъ церквахъ, да и тѣ не всѣ приведены въ извѣстность и описаны. Въ примѣръ ихъ можно указать на приписываемую *преданіемъ* св. Іоанну Златоусту каѳедру изъ чернаго дерева въ константинопольской патріаршей церкви и на архіерейскій тронъ въ каѳедральномъ Охридскомъ соборѣ св. Климента, устроенный въ маѣ 1528 года болгарскимъ архіепископомъ Прохоромъ, съ иконою Спасителя, украшенною еще въ XIII в. не безъизвѣстнымъ въ канонической области архипастыремъ Димитріемъ Хоматиномъ. Были

---

[1]) *Григоровича—Барскаго* Странствованій II, 28, 98—99; III, 208; *Архим. Антонина* Изъ Румеліи, стр. 40—41; Преосв. *Порфирія* Первое путеш. на Аѳонъ, 149—50, 67, 192, 197; Путеш. въ Метеорск. м-ри, стр. 29, 47, 69, 231, 331; *Голубинскаго Е. Е.* И. Р. Ц. 1, 2, 210 прим., *Дмитріевскаго* Соврем. богослуж. I 86, 92, 95, 109.

[2]) *Дмитріевскаго Τυπικά*, 35, 41, 188; сн. Типикъ подъ 14 сент., по изд. Московск. 1896 г. л. 71 об.

[3]) Востокъ христіанскій, Египетъ вып. II стр. 5. Кіевъ, 1868.

въ старое время внѣолтарныя архіерейскія *„мѣста“* и у насъ на Руси по соборнымъ, монастырскимъ и привилегированнымъ приходскимъ церквамъ. Въ лѣтописяхъ и особенно въ Чиновникахъ и вообще въ уставахъ нашей соборной службы они очень часто упоминаются и въ отличіе отъ бывшаго среди церкви „служебнаго“ мѣста или „облачальнаго амвона“ изрѣдка называются „святительскимъ мѣстомъ, что у столпа“ [1]). Патріаршее кирпичное мѣсто у перваго отъ иконостаса южнаго столпа въ Большомъ Успенскомъ московскомъ соборѣ, деревянное святительское мѣсто на той же сторонѣ, въ св. Софіи въ Новгородѣ, рѣзное изъ дерева мѣсто патріарха Никона въ ярославской церкви Николы Мокраго и другія немногія до сихъ поръ сохранились и даютъ наглядное представленіе о томъ, какъ устроялись и украшались внѣ-олтарныя каѳедры русскихъ святителей въ XVI—XVII стол. [2]). Въ нѣкоторыхъ нашихъ монастыряхъ, напримѣръ въ Троице-Сергіевой лаврѣ, до недавняго совсѣмъ времени существовалъ, къ сожалѣнію, оставленный теперь обычай ставить у праваго клироса особое мѣсто на случай пріѣзда ихъ священно-архимандритовъ. Митрополичье мѣсто въ нашей лаврѣ не древнее, вѣроятно, современное учрежденію въ ней намѣстничества; но оно являлось любопытнымъ остаткомъ отъ нашего стариннаго церковнаго убранства [3]).

Литературныхъ свѣдѣній объ архіерейскихъ внѣолтарныхъ мѣстахъ сохранилось несравненно больше, чѣмъ древнихъ образцовъ ихъ. Въ теперешнемъ священническомъ Служебникѣ лишь глухо говорится, что діаконъ, получивъ благословеніе отъ священника, съ обычнаго мѣста остановки входа (то есть, со средины храма) „отходитъ ко святителю или игумену, и цѣлуетъ евангеліе, *аще предстоитъ*; аще же ни, цѣлуетъ сіе священникъ“ [4]). Но если отъ этого краткаго и неяснаго упоминанія обратиться къ болѣе подробнымъ на этотъ счетъ предписаніямъ

---

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣтопп. т. III, стр. 163, 169, 200; VI, 39, 285. Дополн. Акт. Ист. V, стрр. 98, 106, 108, 120, сл. 120-121. Рукопп. Моск. Синод. библ. № 93, лл. 29 об., 100., сн. № 425 л. 23 об.. № 426 л. 79.

[2]) *Снегиревъ*, Памятн. Московск. древн. тетр. 3, стр. 26—27; *его-же*: Успенск. соборъ въ Москвѣ, рисунки; *прот. Соловьевъ*, Описан. Новгор. Софійск. соб., стр. 126—127; сн. Указат. Императ. Россійск. Истор. Муз., 561—562. М 1898; *Суворовъ* Описан. Вологодск. Софійск. соб., 21, 57; *Гр. Толстой*, Древн. святыни Ростова-Велик., Прилож. стр. 37; *Сусловъ* Памятн. др.-русск. зодчества I, л. 26.

[3]) Въ старое время на Руси патріархи и архіереи, приходя или пріѣзжая на богомолье въ монастыри, становились во время службъ на архимандричьи и игуменскія мѣста.

[4]) Въ современномъ греческомъ Служебникѣ объ архіерейскомъ тронѣ говорится болѣе ясно, чѣмъ въ нашемъ теперешнемъ. *Ἱερατικόν*. 2, 16—17, 45. *Ἐν Κωνσταντινουπόλει*, 1895.

нашего Типикона и другимъ древнимъ памятникамъ литургической, паломнической и т. п. литературы, то не только обрисуется вполнѣ разсматриваемая принадлежность старинныхъ греко-русскихъ церквей, но и опредѣлится подробно ея назначеніе. Изъ греческихъ и славянскихъ литургійныхъ чиновъ, древне-русскихъ уставовъ соборной службы [1]) и нашихъ старыхъ путешественниковъ по востоку, особенно изъ приложеннаго старцемъ Арсеніемъ Сухановымъ къ Проскинитарію „Тактикона, еже есть Чиновника“ [2]), ясно видно, что встарину у насъ (на востокѣ и до сихъ поръ) іерархи, служили ли сами или только присутствовали за службой, большую часть ея, стоя или сидя, съ посохомъ въ рукахъ или же безъ него, оставались на своихъ внѣолтарныхъ мѣстахъ. Сюда они всходили по вступленіи въ храмъ, напримѣръ предъ совершеніемъ литургіи, здѣсь облачались иногда къ службѣ и разоблачались послѣ нея; отсюда они преподавали благословеніе священнику съ діакономъ, какъ и всѣмъ прочимъ клирикамъ: канонархамъ, пономарямъ, свѣщеносцамъ и т. д. на начало службы и совершеніе того или другого священнодѣйствія въ ней: вечерняго и литургійнаго входа, кажденія, чтенія апостола и евангелія, канонарханія стихиръ... Здѣсь они принимали поклоны, цѣлованія и другіе, тому подобные, знаки обрядовой вѣжливости со стороны священнослужащихъ, по исполненіи послѣдними возгласовъ, ектеній или молитвъ. Съ троновъ своихъ они осѣняли народъ, говорили вмѣстѣ съ нимъ: *Господи помилуй*, произносили: *Миръ всѣмъ*, *Сѵмволъ вѣры*, *Отче нашъ*, *Спаси Боже люди твоя*, *Благословеніе Господне на васъ*—на литургіи, *Пріидите поклонимся*, *Благослови душе моя Господа*, *Свѣте тихій*, *Сподоби Господи*, *Нынѣ отпущаеши*, *Воскресеніе Христово видѣвше*, *Утверди Боже*, *Достойно есть*, *Боже ущедри ны*, *шестопсалміе*, *Христе свѣте* и т. д.—на вечерни, повечеріи, полунощницѣ, утренѣ и часахъ. На своихъ тронахъ они читали тайно входныя, главопреклонныя и другія молитвы, творили отпусты службамъ, отправляли нѣкоторыя чинопослѣдованія [3]). Есть основаніе даже полагать, что внѣолтарный архіерейскій тронъ, по крайней мѣрѣ

---

[1]) Haberti *Ἀρχιερατικόν*, pag. 17, 19, 29; *Гоара Εὐχολογ.* 67, 90; *Дмитріевскаго Τυπικά*, 164—5; *Εὐχολόγια* 193—20 и др.; *Красносельцева* Матер. для истор. литург. I 52—53, 104.

[2]) *Арсенія Суханова* Проскинитарій, стр. 55, 83, 205, 216, 220, 236, 250, 251, 293—294; *Іоны Маленькаго* Повѣсть, стр. 12, 26; *Трифона Коробейникова* Хожденіе стр. 16, 78—79: *Григоровича-Барскаго* Странствованія по св. мѣстамъ востока ч. II, стр. 28, 98—99. Всѣ въ изд. Правосл. Палест. Общ., Вып. 21, 27, 42.

[3]) Типикона главы: 2, 7, 9, по изд. Моск. 1896, особенно лл. 4, 15 об.—16; Чиновники Новгородск. Софійск., Холмогорск. и Нижегородск. Преображ. собб., по указателямъ къ нимъ, подъ словв. „участіе архіерея въслужбѣ, мѣсто митро-

нѣкоторыми частями своего убранства служилъ иногда мѣстомъ совершенія и обстановкою обряда такъ называемой архіерейской интронизаціи, нашего древне-русскаго настолованія.

До сравнительно недавняго времени каждый новопосвященный епископъ за литургіей, на которой происходила его хиротонія, или послѣ нея былъ посаждаемъ на архіерейскій престолъ, и это вопрестоленіе (ἐνθρονισμός) служило наглядным выраженіемъ вступленія его въ обладаніе прежде всего литургическими правами, а потомъ и всякаго рода другими архіерейскими полномочіями по устроенію церкви и управленію своею епархіей. Въ первое время церкви лица, рукополагавшія епископовъ на глазахъ всего церковнаго собранія, побуждали ихъ занять въ послѣднемъ предстоятельское мѣсто, а по временамъ и самъ народъ, собиравшійся на избраніе и посвященіе своего владыки, движимый любовію или же указаніями свыше, неожиданно и единодушно провозгласивъ достойнымъ епископскаго званія угоднаго ему почему-либо кандидата, силою и, повидимому, не дожидаясь иногда церковнаго посвященія, заставлялъ его возсѣсть на епископскую каѳедру [1]). Въ VI вѣкѣ вошло въ обычай и даже сдѣлалось какъ бы закономъ, чтобы архіереи, участвовавшіе въ хиротоніи того или другого епископа, собственноручно возводили его на приличествующее мѣсто, сами посаждали его на архіерейское кресло или тронъ [2]). Многочисленныя свидѣтельства, ставящія внѣ всякаго сомнѣнія данный обрядъ епископской хиротоніи, совершавшійся въ древности иногда необычайно торжественно, въ присутствіи епископовъ цѣлой области, съ желаемою ясностію прямо не говорятъ: въ какой части храма онъ происходилъ, на какой каѳедрѣ посаждался новопосвященный? Но принимая во вниманіе смыслъ обряда, внутреннее устройство катакомбныхъ церквей и первыхъ открытыхъ христіанскихъ храмовъ и отчасти позднѣйшій способъ его исполненія, представляется болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ, утверждать, что вопрестоленіе епископа было совершаемо въ олтарѣ на горнемъ мѣстѣ, на томъ изсѣченномъ изъ туфа, камня или мрамора со спинкою и локотниками сѣдалищѣ (θρόνος), которое было, а въ нѣкоторыхъ грече-

---

поличье, архіерейское"; сн. Проскинитарій *Арсенія Суханова*, стр. 83, 203, 205, 208—209, 210, 213, 215, 218, 219, 221, 234—237, 239, 247, 293—299, 359; Ἱερατικόν, стр. 1, 8, 12—13, 19, 20, 44, 55, 59, 63, 72, 73, 79, 94, 105, 121, 122, 130, 140, 142. 1895 ετ.

[1]) Probst. Sakramente und sakramentalien. s. 399; Epistol. Clement. ad Iacob. n. 19, у *Миня* t. I col. 471; *Евсевій*, Н. Е. lib. VI cap. 29, русск. пер. I, 365—366; сн. *Сократа* Н. Е, lib. VII, cap. 46; русск. пер. 572, 579; сн. lib. V c. 5; р. п. 392.

[2]) Апост. Постан. кн. VIII, гл. 5; русск. пер. стр. 256; *Дюканжа* Glossar. graecit. sub voc. θρόνος, ἐνθρονίειν, coll. 497, 499—500.

скихъ и русскихъ соборахъ и до сихъ поръ остается по срединѣ сопрестолія (σύνθρονον) въ полукружіи абсиды. Кромѣ этой въ собственномъ смыслѣ слова интронизаціи, не имѣвшей къ нашему внѣолтарному архіерейскому трону никакого отношенія, былъ еще другой какъ бы видъ ея, вызывавшійся особыми обстоятельствами епископскаго посвященія и служившій ея замѣною. Интронизацію, долгое время совершавшуюся торжественно въ олтарѣ надъ всѣми архіереями безъ различія [1]), начали со временемъ производить надъ большинствомъ изъ нихъ внѣ его, въ средней части храма и даже совершенно въ иной церкви. По каноническимъ соображеніямъ въ Византіи находили возможнымъ посаждать *торжественно* на сопрестоліи непосредственно за посвященіемъ, т. е. по маломъ входѣ на литургіи, только тѣхъ изъ новопосвященныхъ іерарховъ, хиротонія которыхъ совершаема была въ ихъ каѳедральныхъ храмахъ. Во времена Симеона Солунскаго хиротонисовавшіе іерархи возводили по древне-христіански на горнее мѣсто едва ли не однихъ только патріарховъ, поставлявшихся обычно въ своемъ престольномъ городѣ [2]). Большая часть епископовъ принуждена была уже ѣздить для своего посвященія въ митрополію или патріархію и лишена была къ тому времени чести быть посаженною попрежнему на сопрестоліи тотчасъ по своей хиротоніи лицами посвящавшими.

Не имѣемъ опредѣленныхъ данныхъ для рѣшенія вопроса: когда именно начался этотъ видъ несобственной интронизаціи, но, принимая во вниманіе случаи возведенія на епископскія каѳедры излюбленныхъ лицъ самимъ народомъ, думаемъ, что отдѣльные примѣры внѣолтарнаго вопрестоленія могли имѣть мѣсто въ самую глубокую первохристіанскую эпоху. Въ римскихъ катакомбахъ встрѣчаются изрѣдка крипты съ отлично сохранившимися въ нихъ внѣолтарными каѳедрами [3]), которыя помимо своего прямого назначенія—служить сѣдалищами для наиболѣе почетныхъ членовъ богослужебныхъ собраній и прежде всего ихъ предстоятелей, могли удовлетворять и другимъ литургическимъ потребностямъ, напримѣръ, быть мѣстомъ совершенія епископской интронизаціи, какъ предполагаютъ это нѣкоторые ученые [4]). Той же самой цѣли въ

[1]) *Симеона Солунскаго* De sacris ordinationibus cap. 215, у Миня Patrolog. graec. t. 155. col 428; cfr. cap. 232, col. 445—449; русск. перев. въ Писаніяхъ литург. т. II, стрр. 275—276, 291—293; *Дмитріевскаго* стр. 641, 694—5 и др. мног.

[2]) Симеонъ Солунскій говоритъ объ интронизаціи патріарха, ранѣе уже рукоположеннаго въ архіерея (Писаній литургичч. т. II стр. 261—293); см. Твореній св. отца нашего Никифора, архіеп. Константиноп., ч. I, въ перев. И. Д. *Андреева*, стр. 21—22, 67.

[3]) Kraus, Real-Encyklopädie Alterthümer. s. v. Kathedra, B. II. s. 153 и слѣдд.

[4]) *Мартиньи* Dictionn. des antiquitès chrètiennes, s. v. chaire, p. 137.

храмахъ базиликообразныхъ съ полнымъ удобствомъ могли служить тѣ переносныя епископскія каѳедры, въ своемъ родѣ sella gestatoria, которыя съ именами апостола Петра, Григорія Вел., Амвросія Медіоланскаго, епископа Максмиліана и друг. въ достаточномъ числѣ до сихъ поръ сохраняются въ Римѣ, Миланѣ, Равеннѣ . . . . и, что въ данномъ случаѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія, нѣкоторыя изъ нихъ помѣщаются не въ углубленіи олтарной абсиды, а въ средней части храма, in cornu evangelii—тамъ, гдѣ въ древне-христіанскихъ церквахъ находился амвонъ для чтенія евангелія [1]). Мы не знаемъ византійскихъ храмовъ съ несомнѣнно древними, безспорными и къ тому же датированными внѣолтарными архіерейскими тронами [2]); у насъ не имѣется и вполнѣ ясныхъ свидѣтельствъ отъ первоначальной эпохи о нахожденіи послѣднихъ даже въ такихъ исключительно-образцовыхъ храмахъ, какъ св. Софія императ. Юстиніана. Но что въ послѣдней, за позднѣйшее время, въ IX—X вв., кромѣ горняго патріаршаго сѣдалища въ олтарѣ (ἡ ἄνω καθέδρα), было еще дольнее сѣдалище (ἡ κάτω καθέδρα) внѣ его, въ средней части храма, съ котораго константинопольскій патріархъ по временамъ слушалъ службу, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія [3]), какъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что здѣсь же, на солеѣ, находились и мѣста для чтецовъ, пѣвцовъ и прочихъ Софійскихъ клириковъ. При существованіи внѣолтарнаго трона св. Софіи, служившей идеаломъ храмового устройства для югославянскихъ и нашихъ древне-русскихъ соборовъ, становится вполнѣ естественнымъ и легко объяснимымъ появленіе въ нихъ „святительскихъ мѣстъ у столпа“. Послѣднія съ находившимися на нихъ креслами и подобными имъ подвижными сидѣніями, бывшими въ широкомъ употребленіи въ древне-греческой богослужебной практикѣ [4]), и могли служить и дѣйствительно служили мѣстомъ совершенія архіерейской интронизаціи.

---

[1]) *Мартиньи* Dictionn., p. 58; *Красносельцевъ* Н. Ѳ., Расположеніе и убранство др.-христ. храм., въ Прав. Собес. 1874 г., ч. II стр. 18—29.

[2]) Уцѣлѣвшіе доселѣ въ Солуни, въ церквахъ: св. Софіи, великомучч. Георгія и Пантелеимона, три безспорно древнія епископскія каѳедры признаются за *олтарные* архіерейскіе троны. Но основываясь на ихъ устройствѣ и расположеніи находящихся на нихъ рельефныхъ изображеній, можно думать, что онѣ предназначались для внѣолтарнаго помѣщенія. Краткія рѣчи о нихъ у проф. Е. Е. *Голубинскаго* (И. Р. Ц. 1, 2, стр. 153 прим. М. 1881), а болѣе обстоятельныя, съ изображеніями двухъ изъ нихъ, у *архим. Порфирія Успенскаго*: Путешествіе въ Метеорскіе и Осоолимпійскіе монастыри, стр. 10—11, 22—23.

[3]) Ἐξέρχεται ὁ πατριάρχης (изъ олтаря св. Софіи) καὶ καθέζεται ἐν τῷ δεξιῷ μέρει . . . *Дмитріевскаго*: „Новыя данныя для исторіи Типикона Великой церкви“ въ Труд. Кіевск. Духовн. Акад. 1903, Ш; 534, 535—536; *Скабалановича* Византійское государство и церковь въ XI в., стр. 375, 379.

[4]) Труд. Кіевск. Дух. Акад. 1903 г., т. I, 621, 631; Ш, 351—52; Дмитріевскаго *Εὐχολόγια*, 328, 734, 846, 925, 970.

Симеонъ Солунскій, довольно подробно разсказывая о томъ, какъ производима была послѣдняя въ его время, говоритъ, что предъ совершеніемъ ея въ сѣверномъ нефѣ св. Софіи, именно въ той части его, которая прилегала къ предложенію (ἐν ἐνὶ μέρει τοῦ ναοῦ περὶ πρόθεσιν), приготовлялся архіерейскій престолъ съ обычнымъ покровомъ (προτιθέντος θρόνου ἐν ᾧ κάθηται ὁ ἀρχιεπίσκοπος καὶ πέπλου συνήθους), и на немъ, „по прочтеніи молитвы и трисвятаго священникомъ, въ присутствіи всѣхъ епископскихъ слугъ со свѣщами и окрестъ стоявшаго народа, новорукоположенный трижды посаждался первымъ и вторымъ изъ священниковъ“, съ троекратнымъ произнесеніемъ ἄξιος и многолѣтствованіемъ царямъ, рукополагавшему и новорукоположенному. По нашему русскому чину 1423 года, послѣ литургіи, когда митрополитъ съ другими посвящавшими епископами разоблачались, „ризничіи митрополичи поставляютъ *стола митрополича* отъ жертвенника (θυσιαστηρίου), предъ дверми жертвенника, и покрываютъ стола *завѣсою, еже у мѣста, идѣже митрополитъ стоитъ*“, а протопопъ съ попами—клирошанами, приведши новопоставленнаго, трижды посаждали его, каждый разъ со словами: εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα. И затѣмъ, по снятіи съ него священныхъ одеждъ и возложеніи мантіи съ источниками и панагіи, „приводили его, идѣже есть митрополитъ съ епископы“, къ обычному святительскому мѣсту, что у праваго подкупольнаго столба [1]).

Послѣднее, по окончаніи службы, занималось своимъ владыкой, украшалось посохомъ мѣстнаго архипастыря; между тѣмъ интронизація епископа совершалась εἰς τύπον τοῦ ἐνθρονισμοῦ τῆς ἐκκλησίας, въ образъ посажденія на престолъ той церкви, въ которую новопосвященный поставлялся. Будучи для каѳедральнаго храма, въ которомъ патріархомъ, митрополитомъ или архіепископомъ области совершалась его хиротонія, совсѣмъ чужимъ и пришлымъ, новорукоположенный епископъ по этому самому и возводимъ былъ на тронъ не на горнемъ мѣстѣ въ олтарѣ и не среди соборной церкви на обычномъ архіерейскомъ мѣстѣ, ему не принадлежавшемъ, а въ сѣверномъ боковомъ кораблѣ ея, предъ дверьми жертвенника, такъ называемаго *малаго олтаря*, у лѣваго клироса, на временно выносившейся сюда изъ олтаря каѳедрѣ (θρόνον μικρόν), которая обычно поставлялась у престола при посвященіи пресвитера и діакона, а теперь лишь украшалась завѣсою или покровомъ отъ главнаго святительскаго мѣста. Сохранилось извѣстіе, что Ярославъ Мудрый,

[1]) *Симеона Солунскаго* De sacris ordinatt. cap. 216, у Миня Patrolog. graec., t. 155 col. 428—429 ; русск. перев. въ Писанн. Литургич. т. II стр. 275–276; Русск. Ист. Б-ки т. VI ст. 362—463.

построивъ въ Кіевѣ предъ вратами св. Софіи цековь св. Георгія, „сотвори въ ней настолованіе новоставимымъ епископомъ [1])". Извѣстіе въ виду всего вышесказаннаго вполнѣ понятное, и практика интронизаціи, имъ отмѣчаемая, не была нашимъ русскимъ изобрѣтеніемъ. Въ одномъ изъ юго-славянскихъ чиновъ епископскаго поставленія прямо говорится, что по окончаніи божественной литургіи „вводятъ его (новопосвященного епископа, митрополита) *въ другую церковь* въ ризахъ, глаголюще трисвятое, по Отче нашъ тропарь, и *посадятъ его на столѣ*" [2]) . . .

Дѣло принимало иной оборотъ, когда посвященіе архіерея происходило въ томъ самомъ храмѣ, который съ этого времени становился его каѳедральною церковію, или когда настолованіе, обычно слѣдовавшее непосредственно за посвященіемъ, отлагалось до того времени, какъ новопосвященный архіерей пріѣзжалъ въ свой епархіальный городъ и здѣсь въ своемъ престольномъ храмѣ, по грамотѣ хиротонисовавшаго его, посаждался на каѳедру епископами или пресвитерами. Въ томъ и другомъ случаѣ настолованіе совершалось, разумѣется, не въ „другой церкви" и не въ боковомъ, а въ главномъ кораблѣ собора, на обычномъ святительскомъ мѣстѣ у столпа, или же на сѣдалищѣ или креслѣ съ него посреди храма, „*на столѣ честнѣ*", какъ выражаются наши древнія записи [3]). „И егда свершися божественная служба и приспѣ время еже *возвести на мѣсто митрополита*", читаемъ въ лѣтописи о поставленіи въ сентябрѣ 1495 года на московскую митрополію Троице-Сергіева монастыря игумена Симона, „глагола князь великій: Всемогущая и животворящая св. Троица, дарующая намъ всеа Руси государьство, подаетъ тебѣ *сій святый великій престолъ архіерейства*, митрополію всеа Руси, руковозложеніемъ и освященіемъ святыхъ отецъ архіепископовъ и епископовъ Русскаго царства; и жезлъ пастырьства, отче, воспріими и *на сѣдалище* старѣйшиньства въ имя Господа Іисуса Христа и пречистыа его Матери взыди"... Въ XVI—XVII столл. новгородскихъ владыкъ, какъ вѣроятно и многихъ другихъ русскихъ іерарховъ, по посвященіи ихъ въ Москвѣ и по пріѣздѣ въ свой престольный городъ, на святительское мѣсто въ соборномъ храмѣ послѣдняго возводили вмѣстѣ съ лицами духовными еще особые уполномоченные

---

[1]) *Преосв. Макарія* Истор. Русск. Церк. т. I стр. 45, 224—225, прим. СПБ. 1857 г.

[2]) *Сырку*, Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи, вып. II, прилож. стр. 120,

[3]) Писан. литургич. т. II стр. 276; Полн. собр. Русск. Лѣтопп. т. I стр. 119, т. II, стр. 3. *Горскаго и Невоструева* Опис. Синод. рукопп. отд. III, ч. 1 стр. 313.

русскаго первосвятителя. 18 іюня 1542 года игуменъ Спасо-Хутынскаго монастыря Ѳеодосій былъ поставленъ на Москвѣ въ архіепископы Новгородскіе. „Того же лѣта въ 1 день августа, въ 3 часъ дня, онъ пріѣхалъ въ Новгородъ Великій, а въ 4 часъ (вѣроятно предъ обѣдней) *возвели его на мѣсто митрополичь бояринъ* московской Григорей Мануйловъ". [1]) Рѣчь идетъ о возведеніи архіеп. Ѳеодосія на *внѣолтарное святительское мѣсто* въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. Послѣднее, нужно думать, чаще всего и имѣютъ въ виду наши лѣтописи и другіе документы, когда говорятъ, что тогда-то такой-то епископъ или митрополитъ *сѣде* иль *посаженъ на столѣ своемъ*, тогда-то Новгородцы, Володимерцы и т. д. „введоша архіепископа *на свой ему столъ* къ святѣй Софѣи, къ св. Богородици" [2]).

Украшенному иконой, освященному совершеніемъ тѣхъ или другихъ священнодѣйствій и молитвословій архіерейскому трону, какъ и игуменскому мѣсту въ монастыряхъ, всегда оказывалась и до сего времени оказывается на востокѣ почесть кажденіемъ, метаніями или поклонами священнослужащихъ, держаніемъ по временамъ подлѣ него архіерейскаго посоха и предносной лампады, поставленіемъ противъ него аналогіевъ съ праздничной, храмовой или дневного святого иконой—безотносительно къ тому, находится ли на немъ предстоятель, или же отсутствуетъ [3]). По упраздненіи патріаршества въ Россіи и учрежденіи св. Сѵнода, указомъ послѣдняго отъ 14 августа 1721 г., повторен-

---

[1]) П. С. Р. Л. VI, 39; III, 200.

[2]) Тамъ же: I, 114, 195; III, 63, 85; IV, 46, 296, 305. Нужно имѣть въ виду, что термины: *столъ*, *престолъ*, *степень*, которыми обозначается внѣолтарное святительское мѣсто въ лѣтописяхъ (VI, 161—2, 285, 294), употребляются весьма часто и въ болѣе широкомъ смыслѣ, въ значеніи вообще архіерейской каѳедры: епископіи, архіепископіи, митрополіи (I, 11, 150; II, 152, 168, 191; V, 43 и др. мн.).— Съ вопрестоленіемъ или настолованіемъ архіерейскимъ сходно *отчасти* совершались аналогичные съ нимъ обряды посажденія на стулецъ среди церкви новопоставленнаго игумена монастыря (*Гоара Εὐολογ.* 490—491; *Порфирія* Второе путешествіе на Аѳонъ, стр. 430), архонтовъ · ставрофоровъ (*Дмитріевскаго Εὐχολόγια*, стр. 319—320) и особенно *настолованія* нашихъ древне-русскихъ князей. Въ нашихъ лѣтописяхъ передается о послѣднемъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, что и о посажденіи на мѣсто древне-русскихъ святителей; такой-то князь посадилъ сына своего или самъ *сѣде на столѣ дѣда своего и отца своего*, такого то князя *посадиша на столѣ въ св. Софіи, св. Богородици, со славою и честью великою*" (П. С. Р. Л. 1, 75, 85, 87, 98, 134, 147, 161, I, 177—178; II, 49, 57, 117, 210, 139, 144, 151, 175, 225; III, 63. 64, 83; IV, 6—9, 299; V, 8, 33, 158, 171, 197, 225 264; VI, 43, 48, 241—243, 279) и т. п. Путемъ сопоставленія лѣтописныхъ извѣстій о святительскомъ и княжескомъ настолованіяхъ можно полнѣе и живѣе нарисовать картину того и другого изъ нихъ.

[3]) Арсенія *Суханова* Проскинитарій, стр. 205. *Ἱερατικόν*, стр. 2, 45, 145; сн. *Дмитріевскаго Εὐχολόγια*, 257, 833, 878.

нымъ чрезъ два года, велѣно было патріаршему ризничему „посохъ Петра митрополита съ патріарша мѣста (въ Большомъ Успенскомъ соборѣ) взять и *мѣсту патріаршу чести не отдавать*“ [1]).

Отъ древняго святительскаго мѣста у столпа, на которомъ встаринну архіерей молился вмѣстѣ съ пасомыми, отправлялъ для нихъ, даже когда самъ и не служилъ, наиболѣе видныя молитвословія, являлся въ точномъ смыслѣ слова *предстоятелемъ* окрестъ его стоявшаго народа, невольно переносишься мыслію въ самую глубокую, первохристіанскую эпоху съ ея простѣйшею богослужебною практикой, когда епископъ являлся полномочнымъ и de facto почти единственнымъ въ своей епископіи литургомъ, когда онъ не только предстоялъ своему церковному собранію, но и былъ душою, выразителемъ его молитвеннаго настроенія. Возвысились со временемъ іерархи надъ своею паствою, замѣтно отдѣлились они у насъ и даже совсѣмъ какъ бы удалились отъ нея въ олтарь; исчезли почти повсюду на Руси по соборнымъ храмамъ и святительскія мѣста у столпа—знаки нѣкогда постояннаго молитвеннаго сопребыванія архипастырей съ своею паствой на церковныхъ службахъ... Святительскія мѣста, выносившіяся и уничтожавшіяся на Руси постепенно [2])—по мѣрѣ того, какъ теряло мало-по-малу свою силу старое правило стоять за богослуженіемъ всѣмъ священнослужащимъ на солеѣ среди церкви, были отчасти замѣнены облачальными архіейскими мѣстами или амвонами съ каѳедрою среди ихъ. Были въ нѣкоторомъ родѣ и попытки перенести на послѣднюю почести, воздававшіяся нѣкогда у насъ архіерейскому трону. Преосв. Аѳанасій, архіепископъ Холмогорскій и Важескій, отправляясь 11 дек. 1692 года въ Москву, по грамотѣ патріарха, „въ чреду священнослуженія, указалъ протопопу съ соборяны на праздники великія служить литургію соборнѣ, а въ служеніи стоять другъ по другѣ, рядомъ, а не въ присутьствіи къ протопопу, ради равночестія священства, такожде и на молебнахъ соборныхъ и на панихидахъ; на мѣстѣ архіерейскомъ облачалномъ коверъ постилать, и каѳедра архіерейская открывать, и стоять протопопу и священникамъ по чину по странамъ, а діякономъ по странамъ мѣста

---

[1]) Древн. Россійск. Вивліоѳ. ч. X, стр. 68, 369, изд. 2; сн. *Снегирева* Памятн. Московск. древности, тетр. 3, стр. 26–27.

[2]) Въ соборномъ храмѣ архіепископовъ Холмогорскихъ и Важескихъ архіерейское мѣсто строилось въ 1720 году (Арханг. Епарх. Вѣд. 1898 г., части неоффиц. стр. 534). Изъ Чиновника Нижегородскаго Преображенскаго собора видно, что нижегородскіе владыки становились на своемъ *внѣолтарномъ* мѣстѣ въ третьей четверти XVШ стол., что послѣднее продолжаетъ еще существовать въ указанное время.

архіерейскаго [1])". Не равночестіе священства, нужно думать, было настоящимъ мотивомъ даннаго распоряженія ревниваго къ своей архіейской особѣ и власти епископа, а стремленіе внушить всѣмъ уваженіе къ стоявшему среди собора архіерейскому сѣдалищу.

На востокѣ и въ земляхъ юго-славянскихъ іерархи, какъ замѣчено уже выше, до сихъ поръ продолжаютъ становиться за службами на своихъ архіерейскихъ тронахъ (χοροστατεῖν) и сами исполнять съ нихъ наиболѣе видныя части послѣднихъ, являясь глубоко назидательнымъ образцомъ въ молитвѣ для однихъ и авторитетнымъ примѣромъ въ истовомъ отправленіи богослуженія для другихъ. Во многихъ отношеніяхъ, думается намъ, было бы благотворно возстановить и на св. Руси этотъ старый, предписываемый богослужебными книгами и бывшій нѣкогда въ полной силѣ въ нашей литургической практикѣ обычай. Нѣкоторые изъ святителей нашихъ, ревнуя, конечно, о пользѣ пасомыхъ и объ исполненіи уставныхъ предписаній, становятся, когда не служатъ, на солею и на ней читаютъ шестопсалміе, каноны и т. п. Почему бы этимъ *единичнымъ*, сколько знаемъ, примѣрамъ не стать общимъ правиломъ для всѣхъ тѣхъ, коимъ физическія немощи не препятствуютъ все время службъ *предстоять* церковному собранію? Сохранившіяся кое-гдѣ у насъ прежнія архіерейскія мѣста у столпа могли-бы и теперь послужить этой цѣли, какъ служили они встарину на Руси, а тамъ, гдѣ они не уцѣлѣли, послѣдней легко можно было бы достигнуть простымъ поставленіемъ на небольшомъ рундучкѣ у подкупольнаго столпа обычной каѳедры съ облачальнаго архіерейскаго амвона.

---

[1]) Чиновники Холмогорск. Преображ. соб., стр. 245—246.

III.

О предносной архіерейской лампадѣ.

Въ старое время на Руси провожали ли торжественно архіерея къ богослуженію изъ крестовой въ храмъ, какъ мы имѣли уже случай говорить о томъ [1]), встрѣчали ли только во вратахъ послѣдняго, совершали ли съ нимъ и при немъ разные входы и выходы на службахъ, стоялъ ли онъ на своемъ святительскомъ мѣстѣ, участвовалъ ли въ крестномъ ходѣ или другой какой церковной процессіи, почти всегда въ этихъ случаяхъ предъ нимъ держали или, лучше сказать, носили возженную лампаду—свѣчу на болѣе или менѣе значительныхъ размѣровъ подсвѣчникѣ. Употребленіе ея въ богослужебномъ обиходѣ московскихъ патріарховъ было чаще, чѣмъ въ литургической практикѣ остальныхъ древнерусскихъ святителей. Въ преднесеніи лампады *святѣйшіе* нерѣдко, напримѣръ въ дни праздничные, хаживали *на верхъ* къ государю, а въ Большомъ Успенскомъ соборѣ она возжигалась у мѣста патріаршаго иногда даже въ отсутствіе за службой самого первосвятителя. Въ такъ называемыя „хожденія, встрѣчи и стоянія" нашихъ іерарховъ *со славою* предношеніе и держаніе лампады входило въ качествѣ существеннѣйшей составной части. „Преосвященнаго встрѣчали со славою, всенощную *стоялъ со славою* на мѣстѣ",—говорится въ Чиновникѣ Нижегородскаго Преображенскаго собора. Въ объясненіе послѣдняго нужно замѣтить, что встарину у насъ въ извѣстные моменты предъ іерархомъ, слушавшимъ службу въ мантіи съ своего архіерейскаго внѣ-олтарнаго мѣста, имѣли обычай держать посохъ и возженную лампаду, какъ это въ торжественныхъ случаяхъ до сихъ поръ дѣлается на востокѣ. На интересовавшій патр. Никона вопросъ: „Когда свѣщеносцу слѣдуетъ возжигать лампаду предъ іерархомъ, намѣревающимся идти въ церковь",—Константинопольскій патр. Паисій I отвѣчалъ, что дѣлать это примикирій долженъ „готчасъ же въ самомъ началѣ всякаго чинопослѣдованія для того, чтобы архіерей всегда приходилъ первый, какъ столпъ огненный, руководящій новаго Израиля въ землю обѣтованія, въ горній Іерусалимъ. На вечерни зажженная свѣча, писалъ Паисій въ своей грамотѣ къ патр. Никону, стоитъ до тѣхъ поръ, когда хоръ

[1]) См. стрр. 157, 196 и др.

начнетъ пѣть: *Господи воззвахъ*, и когда дойдетъ до словъ: *вонми гласу моленія моего*, лампадарій, сдѣлавши поклонъ вмѣстѣ съ канонархомъ, который стоитъ близъ него, чтобы выступить во время, удаляется вмѣстѣ со свѣчею, поелику ветхій свѣтъ уступаетъ свое мѣсто новому. Равнымъ образомъ и на утрени тотчасъ же удаляется, какъ скоро архіерей станетъ на каѳедрѣ, и затѣмъ снова зажигаетъ свѣчу *на хвалитѣхъ*, и стоитъ она до самаго конца утрени въ ознаменованіе того, что *явися благодать Божія спасительная всѣмъ человѣкомъ* (Тит. II, 11). На литургіи же, когда архіерей не священнодѣйствуетъ, зажженная свѣча стоитъ до тѣхъ поръ, когда скажутъ: *Благословенно царство*, и потомъ снова зажигается во время причастна и стоитъ зажженною до конца; по окончаніи же литургіи сопровождаетъ архіерея до келіи его. Если-же архіерей самъ литургисаетъ, то зажженная свѣча стоитъ дотолѣ, пока архіерей войдетъ въ св. олтарь, ибо говоритъ Писаніе: *Вы есте свѣтъ міру* (Матѳ. V, 14) [1].

Со временемъ сократилось число случаевъ держанія и ношенія лампады предъ архіереями, но и теперь, наряду съ посохомъ, послѣдняя составляетъ одну изъ видныхъ принадлежностей въ торжественной обстановкѣ архіерейской службы. Можно сказать, что, начавъ появляться относительно рѣже, предносная лампада получила какъ бы большее значеніе въ отношеніи церемоніальности. Нашъ Архіерейскій Чиновникъ ношеніе ея передъ святителемъ, при провожденіи его изъ келліи въ храмъ, прямо связываетъ съ временемъ праздничнымъ: „Въ прочыя же дни, кромѣ великихъ праздниковъ, примикирій съ лампадою не приходитъ въ домъ архіереевъ..., но во вратѣхъ храма срѣтаетъ архіереа со діаконы“ [2].

---

[1]) Христ. Чтен. 1881 г. ч. I, стр. 540—541; сн. Арсенія Суханова Проскинитарій, стрр. 232, 238, 243, 248, 249 и др.

[2]) Лицо, носящее лампаду, называется теперь лампадчикомъ; въ старое время ее носилъ подъякъ. Въ записяхъ службъ патр. Никона помѣчено, что въ 1657 году 21 декабря послѣ обѣдни и 24-го послѣ вечерни его провожалъ въ домъ „токмо единъ лампадар до лѣсницы и, проговоря: Тон деспотин“, возвратился въ соборную церковь. „а великій архіерей, обращся, осѣнилъ на всѣ страны“ (Рукоп. Моск. Синод. библ. № 93, л. 94, 95 об.). Въ Греціи лампаду предъ архіереемъ носили разныя лица: лампадарій, депотатъ, остіарій, примикирій, но преимущественно лампадоношеніе лежало на обязанности послѣдняго. Примикиріями въ Византіи назывались вообще первыя, начальныя лица въ гражданскихъ и церковныхъ чинахъ; были и секундикиріи—вторыя должностныя лица. Изъ церковныхъ примикиріевъ назовемъ: начальника нотаріевъ и перваго изъ чтецовъ (*ὁ πριμμικήριος τῶν ἀναγνωστῶν*). Названіе: *πριμμικήριος* производятъ отъ primus и cera—свѣча (=primicerius). Но нельзя ли производить отъ primus и *κύριος*. Пишется это слово и такъ: *πριμμικύριος*. *Дюканжа* Glossarium graec. sub voss. *δεποτάτος*, *λαμπαδάριος*, *πριμμικήριος*.

Давно сдѣлавшись церемоніальною принадлежностію, предносная лампада совсѣмъ утратила теперь свое первоначальное назначеніе. О ближайшей причинѣ, ее вызвавшей, совсѣмъ забыли, и люди книжные въ рѣчахъ о ней не идутъ далѣе выясненія символики ея. Носимая предъ архіереемъ возженная лампада, по словамъ нашихъ отечественныхъ и древнихъ восточныхъ литургистовъ—экзегетовъ, означаетъ и сіяніе благодати, въ немъ пребывающей и чрезъ него подаваемой другимъ, и даръ его учительства, распространяющаго свѣтъ богопознанія между пасомыми, и свѣтлую, чистую жизнь самого святителя [1]). Объясняя подобнымъ образомъ духовное знаменованіе предшествующаго архіерею свѣтильника, они совсѣмъ не касаются вопроса о происхожденіи послѣдняго. Ношеніе возженной лампады предъ епископомъ по началу своему намъ представляется совершенно аналогичнымъ съ хожденіемъ екклисіарха или діакона съ горящею свѣчею предъ священнослужащимъ во время кажденія, напримѣръ, на вечернѣ всенощнаго бдѣнія и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Тамъ и здѣсь горящій свѣтильникъ вызывался сначала одною и тою же причиной—нуждою освѣщенія пути. Въ первые вѣка церкви христіане, преслѣдуемые нерѣдко язычниками, помимо опредѣленныхъ, отъ евреевъ унаслѣдованныхъ сроковъ молитвы, весьма часто сходились для нея глубокою ночью или же раннимъ утромъ (ante lucem) и въ этихъ предразсвѣтныхъ собраніяхъ совершали евхаристію и другія свои священнодѣйствія [2]). Освѣтить при этомъ путь предстоятелю, шедшему служить, было почти столь же необходимо, сколько и самыя молитвенныя храмины и катакомбныя крипты съ ихъ извилистыми и мрачными ходами, какъ позднѣе необходимо стало съ помощію особаго церковнаго служителя или гражданскаго блюстителя порядка очищать для архіерея дорогу, устраняя съ нея народъ. Въ нѣкоторыхъ даже позднѣйшихъ уставахъ воскресной службы предписывалось и весьма вѣроятно по воспоминанію о старомъ времени возжигать лампаду предъ митрополитомъ, когда онъ шелъ къ вечернѣ и утренѣ, но не къ обѣднѣ, когда не было нужды въ освѣщеніи [3]). На такое происхожденіе и первоначальное назначеніе лампады хотѣли, повидимому,

---

[1]) *Преосв. Веніамина* Новая скрижаль, стр. 146, изд. 15. СПБ. 1891. *Симеона Солунскаго* De sacra liturgia, cap. 80,—Миня Patr. graec. t. 155, col. 257; русск. перев. въ Писаніяхъ относящ. къ истолк. богослуж., т. II, стр. 98—99.

[2]) Дѣян. XX. 7—8; Извлеченіе изъ письма Плиніева см. у *Смирнова* Ѳ., Богослуж. христ. со врем. Апост. стр. 40 прим. 2; сн. Евсевія H. E. lib. III cap. 33, русск. пер. I, 169—170; Тертулліана De corona milit. c. 3; Твореннн. Кипріана въ русск. пер. I, 348—349, II, 216–219 и др.

[3]) *Дмитріевскаго, Τυπικά*, стр. 164, 165, 167.

указать и образомъ сравненія, заключеннымъ въ словахъ: *Тако да просвѣтится* (λαμψάτω, возсіяетъ) *свѣтъ Твой предъ человѣки....,“* произносимыхъ протодіакономъ, по окончаніи облаченія архіерея на литургіи. Въ этомъ образѣ высказывалось желаніе, чтобы архіерей служилъ для пасомыхъ на пути къ Источнику свѣта тѣмъ же, чѣмъ была нѣкогда для него самого среди ночного или подземнаго мрака горѣвшая лампада. Одна была послѣдняя или ихъ было нѣсколько,—не имѣемъ вполнѣ опредѣленныхъ свѣдѣній отъ древнѣйшей эпохи; вѣроятно то или другое число предварявшихъ шествіе архіерея свѣтильниковъ, какъ и матеріалъ ихъ, опредѣлялись обстоятельствами времени и положеніемъ церковной общины. Блаж. Θеодоритъ въ своей Церковной исторіи (V, 34, 26) разсказываетъ, что „Златоустаго еще жива суща, изъ изгнанія первое возвращающася, весь людъ срѣте, изъ воска свѣщи предвжегше“ [1]). И случай подобной встрѣчи епископа со множествомъ свѣтильниковъ не былъ единичный въ древней церкви [2]). Въ штатѣ Іерусалимскаго патріарха VIII—IX в., по указанію одного латинскаго памятника [3]), значится двѣнадцать монаховъ, ходившихъ предъ нимъ со столькими же свѣчами (monachi XII, qui cum cereis antecedunt patriarcham XII). Это, съ одной стороны, наводитъ какъ будто на мысль, что свѣтильники носились иногда предъ архіереемъ въ довольно большомъ числѣ; съ другой—невольно напоминаетъ намъ древне-русскихъ пламенниковъ или огненниковъ, которые, въ числѣ 12, 8, 6 и 4-хъ, для большей торжественности сопровождали къ царю, въ патріаршую крестовую и соборный храмъ новоизбранныхъ патріарховъ, митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ [4]) и являлись какъ бы отдаленнымъ эхомъ древне-церковныхъ порядковъ. Но все это были особые, исключительные, можно сказать, случаи употребленія значительнаго числа свѣтильниковъ при встрѣчахъ и шествіяхъ архіереевъ; обычно предшествовала имъ одна лампада и только по большимъ праздникамъ къ ней присоединялись еще двѣ свѣчи. Тотъ-же Іерусалимскій патріархъ въ X—XI столл. ходилъ

[1]) *Амвросія* Ист. Іер. Росс., ч. I стр. 330.

[2]) *Goara Εὐχολογ.* p. 315. Обычай употреблять зажженные свѣтильники въ разнаго рода процессіяхъ въ старой Византіи былъ довольно распространенъ. Въ знакъ почета и для выраженія радости свѣчи возжигались при встрѣчахъ императоровъ, прославившихся военачальниковъ и другихъ знаменитыхъ мужей. См. для примѣра Лѣтопись Византійца *Θеофана* въ перев. *Оболенскаго и Терновскаго*, стр. 150, 242.

[3]) Commemoratorium de casis Dei vel monasteriis у *Тоблера* въ его Itiner. et descriptiоn., vol I pars. II, p. 301; сн. Чинъ службы св. мура по древнѣйшему уставу Іерусалимск. церкви въ изд. *Пападопуло-Керамевса* стр. 102; у *Дмитріевскаго* стр. 98.

[4]) *Амвросія* Истор. Россійск. Іерархіи, ч. I. стр. 316, 318–319, 830; сн. А. А. Э. I, 158, 298; IV, 6; Дополн. Акт. Истор. V, 146, 150.

къ пасхальной утренѣ изъ своихъ покоевъ въ храмъ Воскресенія въ преднесеніи креста, двухъ свѣчей и лампады [1])

Съ минованіемъ естественной нужды, лампада не исчезла изъ богослужебной практики, но, заключая съ самаго начала въ себѣ глубокій символическій смыслъ, предуказанный въ словахъ Христовыхъ (Матѳ. V, 14—16), стала, какъ и многое другое, больше церемоніальною принадлежностію архіерейской службы, но сначала далеко не всѣхъ восточныхъ владыкъ. Вальсамонъ разсматривалъ предношеніе лампады, какъ служебное преимущество, которымъ пользовались въ его время и только въ предѣлахъ своей епархіи патріархи, автокефальные архіепископы: Болгарскій и Кипрскій и нѣкоторые немногіе митрополиты [2]), получавшіе это право отъ самихъ царей путемъ пожалованія. Какъ и почему возженная лампада, вызванная первоначально одинаковою для всѣхъ епископовъ нуждой, сдѣлавшаяся съ давнихъ временъ символомъ ихъ духовнаго путеводительства, стала предноситься на востокѣ и въ земляхъ юго-славянскихъ только предъ нѣкоторыми владыками, хотя всѣ они одинаково, по заповѣди Христовой, должны свѣтить людямъ своею жизнію и ученіемъ,—въ отвѣтъ на это можемъ высказать лишь одну болѣе или менѣе вѣроятную догадку.

Во время нѣкоторыхъ церемоній во дворцѣ и торжественныхъ выходовъ изъ него византійскаго императора особый чиновникъ λαμπαδάριος держалъ или несъ передъ нимъ своего рода драгоцѣнный подсвѣчникъ, такъ называемый *дивамвулъ* съ возженною лампадой, края которой были окрашены киноварью, а средина позолочена черезъ петалій, съ тремя красными крестиками на ней [3]). Трудно объяснимое съ своей лексической стороны названіе *дивамвула* употреблялось иногда и для обозначенія предшествовавшей патріарху лампады, хотя послѣдняя чаще называлась: μονοβάμβουλον, μονάμπουλον [4]). Дюканжъ думаетъ, что обо-

---

[1]) *Παπαδοπούλου-Κεραμέως Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας, τομ. β' σελ.* 189; сн. *Дмитріевскаго* Богослуж. страстн. и пасх. седмицъ, стр. 182 – 184.

[2]) *Ῥάλλη καὶ Πότλη, Σύνταγμα* VI, 544—545.

[3]) *Τὸ διβάμπουλον μεθ' ἡμμένης λαμπάδος... ἧς δὴ λαμπάδος τὰ μὲν ἄκρα εἰσὶ διὰ κινναβάρεως βεβαμμένα, τὸ δὲ μέσον διὰ πεταλίου κεχρυσώμενον, ἔχοντες σταυροὺς ἐντὸς κύκλῳ κοκκίνους.* Codini Curopal. De officiis cap. VI, p. 45. Edit. Bonn.

[4]) Изъ нѣсколькихъ мнѣній, предложенныхъ въ объясненіе значенія слова *διβάμπουλον, διβάμβουλον* и приведенныхъ въ комментаріяхъ Гретзера и Гоара къ Кодину (Тамъ же, стрр. 148—149, 275—277), наибольшею опредѣленностію отличается то, по которому дивампулъ (=duplex ampulla) былъ двусвѣтильникъ, а моновампулъ (=simplex ampulla)—односвѣщникъ. Но такое объясненіе не мирится съ вышеприведенными словами Кодина, въ которыхъ ясно идетъ рѣчь объ одной лампадѣ или свѣчѣ, отличаемой при томъ же отъ дивампула, служившаго для нея поставомъ, и не согласуется съ нижеслѣдующимъ описані-

значаемая послѣднимъ терминомъ лампада служила въ менѣе торжественныхъ случаяхъ, а дивамвулъ появлялся въ болѣе торжественныхъ [1]). Вальсамонъ, отождествляя лампады царицъ съ патріаршими, сопоставляетъ тѣ и другія съ царскими и полагаетъ различіе между ними лишь въ томъ, что царскій дивамвулъ опоясанъ былъ по своему стержню двойными золотыми, какъ бы сказать, вѣнцами, а лампады царицъ и патріаршія окружались одною коронкою [2]). Знаменитый канонистъ видитъ въ дивамвулѣ символъ совмѣщенія въ лицѣ императора двухъ властей—свѣтской и духовной, пользуясь которыми онъ не только долженъ былъ научать своихъ подданныхъ, подобно патріарху, но и располагалъ еще внѣшними средствами для распространенія своего ученія, могъ воздѣйствовать не только на ихъ души, но и тѣла [3]). Для насъ важны въ данномъ случаѣ и самый фактъ ношенія дивамвула передъ императоромъ и еще болѣе сопоставленіе его со стороны устройства и символическаго значенія съ партріаршею лампадою [4]). Представлялъ ли изъ себя дивамвулъ остатокъ отъ ношенія факеловъ предъ римскими августами въ разнаго рода процессіяхъ, какъ не безъ основанія объясняютъ нѣкоторые ученые его происхожденіе, или же здѣсь имѣло мѣсто и нѣкоторое вліяніе обстановки службы патріаршей на придворный византійскій церемоніалъ,—это вопросъ спорный и въ настоящемъ разѣ довольно безразличный; важно было ношеніе дивамвула предъ императоромъ, особа котораго простую обрядовую деталь превращала въ особый служебный прерогативъ, которымъ и не преминули воспользоваться, какъ однимъ изъ видовъ царскаго пожалованія только высшихъ и почетнѣйшихъ лицъ церковной іерархіи. Съ постепеннымъ ослабленіемъ царской власти въ Византіи число іерарховъ, пользовавшихся правомъ предношенія лампады, все возрастало, а ко времени совершеннаго прекраще-

---

емъ той же утвари у Вальсамона: *Αἱ λαμπάδες μὲν τῶν βασιλέων διττοῖς διαχρύσοις περιζωννύονται στεφανώμασι, τῶν δὲ πατριαρχῶν καὶ τῆς αὐτοκρατορίσσης ἑνὶ κατακυκλοῦνται θριγκώματι. Ῥάλλη καὶ Πότλη, Σύνταγμα*, IV, 544 сн. 545.

[1]) Дюканжа Glossraium graecit. s. voce *διβάμβουλον*.

[2]) Не были ли эти окруженія или ободы вокругъ оправленнаго въ дорогой металлъ древка дивамвула въ видѣ обращенныхъ краями вверхъ неглубокихъ блюдъ или чашъ, устроявшихся первоначально съ тою же цѣлію, что и розетки вокругъ свѣчей на современныхъ люстрахъ и подсвѣчникахъ, и превратившихся потомъ въ вѣнцеподобный орнаментъ?

[3]) *Ῥάλλη καὶ Πότλη, Σύνταγμα*, IV, 545.

[4]) *Кодинъ*, кратко объясняя смыслъ ношенія царемъ креста, акакіи (мѣшечка съ прахомъ) и нѣкоторыхъ одеждъ, прямо говоритъ (De officiis cap. VI, p. 51), что лампаду носятъ передъ нимъ по слову, утверждающему: „тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже на небѣсѣхъ“ (Матѳ. V. 16).

нія ея это служебное преимущество стало, повидимому, достояніемъ всѣхъ восточныхъ архіереевъ. Нѣкоторые греческіе уставы XV вѣка, излагая послѣдованіе воскресной вечерни и утрени, говорятъ безъ ограниченія, что предъ исхожденіемъ митрополита изъ своей келліи къ той и другой службѣ остіаріемъ или кѣмъ-нибудь другимъ изъ церковныхъ и архіерейскихъ слугъ зажигалась лампада въ моновамвулѣ [1]. Симеонъ Солунскій выясняетъ смыслъ ношенія послѣдней въ отношеніи къ лицу всякаго архіерея безъ различія.

О хожденіи „свѣщеносца съ лампадою горящею святителевою“ и двухъ подъяковъ со свѣщами предъ митрополитомъ уномінаютъ изрѣдка и русскіе литургико-каноническіе памятники XV—XVI вѣковъ [2], хотя наши древнѣйшіе общеархіерейскіе служебники не содержатъ въ себѣ указанія на предношеніе лампады и говорятъ лишь объ участіи подъяковъ съ двумя свѣтильниками или свѣщами въ провожденіи святителя изъ келліи въ храмъ или же только во встрѣчѣ его при дверяхъ послѣдняго [3]. Въ соборныхъ и Архіерейскихъ чиновникахъ XVII—XVIII столл. предносная лампада трактуется уже, какъ необходимая принадлежность въ обстановкѣ службы всѣхъ безъ различія архіереевъ [4]. На Московскомъ соборѣ 1675 года, нарочито разсуждавшемъ о служебныхъ преимуществахъ высшихъ чиновъ нашей іерархіи, всѣмъ архіереямъ позволено было употреблять въ своей области лампаду при священнослуженіи и ходить въ преднесеніи ея съ пѣніемъ и звономъ въ храмъ [5]. Весьма немногимъ изъ нашихъ іерарховъ предходитъ те-

---

[1]) *Дмитріевскаго Τυπικά*, 164—165.

[2]) Русск. Ист. Библ. VI, 449; Чиновникъ Новгородск. Софійск. соб., стр. 247—249.

[3]) Описан. рукопп. Моск. Синод. библ. А. В. *Горскаго* и К. И. *Невоструева* Ш, 1 стр. 92; сн. №№ 367, 370 и 377.

[4]) Чиновники: Новгор. Соф. соб. стрр. 1, 17, 28 и др., Холмогорск. Преображ. и Нижегородск. Преобр., по указателямъ, подъ словами: лампада, лампадчикъ.

[5]) *Амвросія* Ист. Россійск. Іерархіи, ч. 1 стрр. 319, 330, 337. Неизвѣстно, когда именно и кѣмъ дана была одно время привилегія архимандритамъ Кіево-Печерскаго монастыря употреблять въ священнослуженіи вмѣстѣ съ прочими архіерейскими отличіями и „лампаду или примикирій“ (Тамъ же, стр. 355 - 6). Но нѣчто подобное имѣло мѣсто и на востокѣ, гдѣ настоятели нѣкоторыхъ монастырей ходили въ храмъ и трапезу и исходили изъ нихъ въ торжественныхъ случаяхъ въ преднесеніи двухъ лампадъ и въ сопровожденіи братіи. Воспроизведеніе одной изъ подобныхъ процессій, сдѣланныхъ Григоровичемъ—Барскимъ въ лаврѣ св. Аѳанасія на Аѳонѣ, дано у Beylié въ L'habitation Byzantine, d. 66. Весьма вѣроятно, что игумены и архимандриты подражали въ этомъ случаѣ архіереямъ, къ которымъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ они могли приравнивать себя. Имъ, какъ пастырямъ избраннаго стада, приходилось тоже свѣтомъ своей добродѣтельной жизни путеводить послѣднее ко Христу (Дмитріевскаго *Τυπικά*, стрр. 755, 765—766, 792—793 и др.) и чаще, чѣмъ кому-либо другому изъ

перь примикирій съ „великой лампадой возженой“, при отправленіи ихъ изъ келліи, такъ какъ очень многіе изъ нихъ продолжаютъ жить подлѣ своего каѳедральнаго храма, но обычно всѣхъ нашихъ владыкъ встрѣчаютъ къ службѣ съ лампадой и дикиротрикиріями, замѣнившими, вѣроятно, тѣ двѣ большихъ свѣчи, съ которыми ходили къ службѣ древнерусскіе святители по большимъ праздникамъ и Іерусалимскій патріархъ съ давняго времени къ пасхальной утренѣ. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ въ настоящее время восточные и славянскіе деспотисы ходятъ къ вечернѣ и литургіи, предшествуемые лампадой и дикиротрикиріями; даже патріархи обычно обходятся безъ нихъ, но во время совершенія самыхъ службъ: вечерни, полунощницы, утрени и литургіи „святителева“ свѣча какъ прежде нерѣдко ставилась, такъ и теперь въ извѣстные моменты возжигается передъ патріархомъ, находится ли онъ среди церкви или на своемъ внѣолтарномъ тронѣ. А это неоднократное возженіе лампады на службахъ, преимущественно въ началѣ и въ концѣ ихъ не о томъ же ли говоритъ, что она была вызвана къ жизни впервые потребностью въ свѣтѣ, освѣщеніи, соображеніями практическими, но не символическими? Со временемъ послѣднія взяли перевѣсъ надъ первыми: лампада превратилась въ символъ, стала наглядным выраженіемъ мысли, что лица, передъ которыми она носится и держится, суть „свѣточи благодати, свѣтильники вѣры и пламенники благочестія“ [1]) или по крайней мѣрѣ должны быть таковыми по своей идеѣ. Угасали эти свѣтильники, но свѣтъ отъ ихъ ученія и добродѣтельной жизни продолжалъ, предполагается, свѣтить остававшейся послѣ нихъ паствѣ. Образнымъ выраженіемъ этого служилъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ востока и доселѣ служитъ обрядъ поставленія возженной лампады у ногъ умершаго святителя въ мѣстѣ его послѣдняго упокоенія.

иноковъ, могло приходить на память воспріятіе горящей свѣчи при постриженіи—одинъ изъ знаменательнѣйшихъ обрядовъ послѣдняго, сопровождаемый словами: „Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ“... Гоара *Εὐχολογ.* pag. 480, 514; Дмитріевскаго *Εὐχολόγια*, стрр. 646, 665, 799 и другія.

[1]) Сократа Церк. Ист., русск. пер. стр. 337, 364.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава I. Неодинаковость названій Чиновниковъ въ нашей ученой литературѣ и у древне-русскихъ книжниковъ. Случаи употребленія послѣдними наименованій: *Чиновникъ* и *Книга чиновная*; примѣненіе того и другого къ записямъ нашей соборной службы. Предпочтеніе перваго названія второму и отношеніе его къ греческимъ терминамъ: *Τακτικόν* и *Συναξάριον* . . . . . 1—11.

Глава II. Общее понятіе о Чиновникахъ соборныхъ въ связи съ главною особенностью нашей старинной каѳедрально-епископской службы. Что служило образцомъ для послѣдней? Св. Софія Константинопольская, какъ духовная матерь наша и источникъ церковно-іерархическаго освященія. Заинтересованность въ судьбѣ ея нашихъ предковъ.—Взглядъ Грековъ на свою Великую церковь; значеніе ея въ церковно-гражданской жизни ихъ.—Впечатлѣнія Русскихъ отъ св. Софіи и стремленія нашихъ князей подражать ей въ построеніи своихъ Софійскихъ церквей. Связь съ послѣдними нашихъ Успенскихъ соборовъ. Идея посвященія храма св. Софіи Константинопольской; почитаніе Богоматери въ Византіи. Неясное представленіе Софіи Греками и древне-русскими людьми . . . . . 12—32.

Глава III. Соборные храмы нашего времени по сравненію съ древне-русскими. Чѣмъ были для Кіева и тогдашней Руси Владимировъ Десятинный храмъ и св. Софія Ярославова? Соборы въ удѣльный періодъ нашей исторіи. Мѣстонахожденіе ихъ въ дѣтинцѣ или кремлѣ и послѣдствія его. Патрональное значеніе соборнаго храма и святыни его для города и княжества. Погребеніе въ соборахъ святителей, князей и *лѣпшихъ* людей и собраніе подлѣ нихъ народнаго вѣча. Смежность съ соборными храмами святительскихъ келлій и княжескаго дворца и важное значеніе ея. Соборы на службѣ городу своею казной . . . . . 32—63.

Глава IV. Важному религіозно-общественному значенію древне-русскихъ соборныхъ храмовъ соотвѣтствовалъ ли ихъ внѣшній и внутренній видъ? Побужденія для нашихъ князей съ епископами къ украшенію соборовъ. Лѣтописныя извѣстія о благолѣпіи послѣднихъ.—Старанія нашихъ предковъ приблизиться къ св. Софіи Константинопольской въ устройствѣ и убранствѣ хотя бы второстепенныхъ храмовыхъ частей. *Мѣра среди церкви*, ея отношеніе къ *омфаліямъ* древне-христіанскихъ и особенно греческихъ храмовъ и литургическое назначеніе.—Заботы князей, епископовъ и частныхъ лицъ о возможно-богатомъ снабженіи утварями, одеждами и другими богослужебными принадлежностями соборныхъ ризницъ. Замѣчаніе о *о портахъ, шитыхъ золотомъ и жемчугомъ* во Владимирѣ въ XII вѣкѣ. Происхожденіе нашего обычая украшать коврами и вообще дорогими тканями улицы и соборные храмы по праздникамъ изъ Константинополя . . . . . 64—92.

Глава V. Впечатлѣнія Русскихъ отъ *богослуженія* Великой Константинопольской церкви и отличительная особенность послѣдняго.—Какъ велико было число священнослужащихъ въ древнее и старое время при нашихъ соборахъ? Причисленіе къ нимъ *сѣнныхъ* и *придѣльныхъ* поповъ съ дьяконами. Возникновеніе на Руси *соборовъ* или *сороковъ* и смыслъ его. Отношенія городского духовенства къ *малымъ* и *большимъ соборамъ* и соборянъ, съ архіереемъ во главѣ, къ церквамъ приходскимъ. Отпускъ въ послѣднія утварей изъ соборной казны и посылка властей къ празднику. Чѣмъ объясняется болѣе тѣсная въ древнѣйшее время связь приходскаго духовенства съ соборнымъ? Благія послѣдствія ея по отношенію къ состоянію *соборнаго* богослуженія на Руси.—Значеніе для послѣдняго пѣвческихъ силъ. Кто были первые *пѣснопѣвцы* при нашихъ старѣйшихъ соборахъ и на какомъ языкѣ совершалась въ первое время святительская служба въ нихъ? Значеніе въ рѣшеніи этихъ вопросовъ нашихъ древнѣйшихъ богослужебно-пѣвческихъ книгъ. Замѣчанія о нашихъ демественникахъ, демественномъ пѣніи и пѣвчихъ дьякахъ. Выводъ изъ всего сказаннаго по отношенію къ вопросу о прототипѣ нашей древней каѳедрально-епископской службы и Уставѣ ея . . . 93—124.

Глава VI. Входъ на вечернѣ и выходы на утренѣ по праздникамъ теперь и въ старое время на Руси. Замѣчаніе о числѣ и расположеніи въ храмѣ священнослужащихъ. Образъ совершенія ими *вечерняго входа и выхода* по великомъ Славословіи на воскресной утренѣ по Чиновникамъ. Происхожденіе того и другого—изъ Великой церкви. Слѣды дѣйствованія Устава послѣдней на Руси. Выходы служащаго духовенства на воскресныхъ вечернѣ и утренѣ по Уставу Великой церкви, Павлу Алеппскому и Симеону Солунскому. Сходство въ исполненіи разсматриваемыхъ обрядовъ на Руси и въ Великой церкви и судьба ихъ тамъ и здѣсь. Распоряженіе патр. Никона и мѣры, предпринимавшіяся до него для поддержанія благолѣпнаго исполненія входовъ и выходовъ и причины, поведшія къ упадку и прекращенію выхода служащихъ по великомъ славословіи на воскресныхъ утреняхъ. Совершеніе послѣднихъ *среди церкви* въ нѣкоторыхъ нашихъ соборахъ, какъ одно изъ доказательствъ дѣйствованія нѣкогда въ нихъ Устава св. Софіи Константинопольской . . . . . 124—150.

Глава VII. Замѣчаніе о хожденіяхъ *просто* и болѣе или менѣе церемоніально древне-христіанскихъ епископовъ и послѣдующихъ владыкъ къ службѣ. Выходъ къ послѣдней Константинопольскаго патріарха. Какъ приходили къ службѣ древне-русскіе святители? *Соборъ* духовенства и властей въ крестовой для ихъ *провожденія*. Обстановка и порядокъ совершенія послѣдняго. Вступленіе архіерея въ храмъ, *знаменованіе* у св. иконъ и обычай прощенія его со священнослужащими у престола и жертвенника. Выходъ изъ олтаря на средину храма для облаченія. Практика *всенародно-зрительнаго* архіерейскаго облаченія на Руси и у Грековъ и опытъ объясненія происхожденія послѣдняго.—Облаченіе священнослужащихъ въ олтарѣ и связь его съ обрядомъ возложенія здѣсь одеждъ на посвящаемыхъ.—Облаченіе архіереевъ въ примыкавшихъ къ соборамъ *епископіяхъ* и пристройкахъ. Свѣдѣнія о мѣстонахожденіи и назначеніи діаконика при соборныхъ церквахъ въ древнее и позднѣйшее время и выводъ изъ нихъ по отношенію къ вопросу о мѣстѣ первоначальнаго облаченія и разоблаченія архіереевъ вообще, Константинопольскаго патріарха въ частности. . . . . 150—175.

Глава VIII. *Келейное* отправленіе *часовъ* передъ службой восточными деспотисами. Слушаніе часовъ, какъ и начала литургіи, нашими архіереями въ старое время и теперь *на срединѣ церкви*. Историко-литургическое значеніе послѣдней подробности и происхожденіе обряда *малаго* входа. Обстановка и образъ совершенія его въ древности. Возглашеніе такъ называемой *великой похвалы*. Пожеланіе многихъ лѣтъ первослужащему теперь и въ старое время. Обычай многолѣтствованій въ древнемъ мірѣ, у христіанъ первыхъ вѣковъ и въ Византіи. Распространенность его при дворѣ и въ литургической практикѣ послѣдней. Формулы придворноцерковныхъ многолѣтій и обряды, съ которыми соединены были тамъ и здѣсь послѣднія. Осѣненіе архіереемъ народа дикиро-трикиріемъ; разнообразіе въ его совершеніи. Происхожденіе и смыслъ этого священнодѣйствія и нѣкоторыхъ другихъ, за нимъ на литургіи слѣдующихъ. . . . . 175—202.

Глава IX. Краткое замѣчаніе о начальныхъ дѣйствіяхъ литургіи вѣрныхъ вообще и *умовеніи* архіереемъ рукъ въ частности. Чѣмъ вызывается и вызывалось оно? Древне-христіанскій обычай *приношеній*; соображенія и извѣстія о мѣстѣ собранія и разсмотрѣнія послѣднихъ. Возложеніе императорами воздуховъ, дискосовъ и потировъ на престолъ и аналогія этому въ литургійныхъ обрядахъ. Приготовленіе діаконами евхаристійныхъ даровъ, ихъ перенесеніе и пѣснопѣнія, коими сопровождалось оно. Появленіе херувимскихъ гимновъ, причина введенія ихъ и отношеніе къ одному изъ нихъ Константинопольскаго патр. Евтихія. Время *проскомидійнаго* приготовленія даровъ на основаніи разсказа папы Григорія Двоеслова и нѣкоторыхъ литургическихъ данныхъ. Соотвѣтствіе обстановки великаго входа внутреннему значенію его. Участіе въ перенесеніи даровъ императора и вліяніе сего на характеръ и обстановку обряда великаго входа. Ношеніе на немъ креста, сіоновъ или іерусалимовъ, воздуховъ, плащаницъ, покрововъ и другихъ свящ. принадлежностей. Замѣчаніе о лицахъ, участвовавшихъ въ великомъ входѣ, и возглашеніяхъ, которыми онъ сопровождался. Поминовеніе на немъ живыхъ и умершихъ, постановка его въ древней церкви и слѣды ея въ нынѣшней архіерейской и обыкновенной священнической службѣ. Нѣсколько замѣчаній объ особенностяхъ въ практикѣ пріобщенія священнослужащихъ на архіерейской и соборной священнической службѣ на востокѣ и у насъ въ старое время. . . . . 203—228.

Приложенія:

I. О происхожденіи орлеца . . . . . 229—238.

II. О старомъ архіерейскомъ мѣстѣ въ храмѣ . . . . . 239—250.

III. О предносной архіерейской лампадѣ. . . . . 251—258.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
21	1 снизу	устроя	устрояя
29	4 —	Sigillographire L'emipe	Sigillographie de l'empire
33	20 —	Владимирой	Владимировой
38	13 —	люту	лютую
41	17 —	Взадимирской	Владимирской
50	5 —	св. Тофіи	св. Софіи
54	17 —	обстановкѣ. И,	обстановкѣ и,
—	14 —	святитель;скихъ	святитель-скихъ
69	6 —	мыслі	мыслію
79	9 сверху	предначитательною	предначинательною
93	7 снизу	церкосныѣ	церковныѣ
96	9 —	о Христѣ съ апостоломъ (Нн‡вадд,ецатью „о в ичерявшем авыя данныя для; исторіи	о Христѣ, съ двѣнадцатью апостолами вечерявшемъ (Новыя данныя для исторіи
169	7 снизу	*θάλασσα*	*θάλασσα*)
175	5 —	*δεξῷ*	*δεξιῷ*
176	7 —	*μιὲν ἐησκήπτει*	*μὲν ἐπισκήπτει*
—	5 —	І еоргія	Георгія
198	10 —	золѳтую	золотую
207	11 —	*ἀ γίας*	*ἁγίας*
215	1 сверху	поставивши'	поставивъ
222	9 снизу	глагогалютъ	глаголютъ